

ПУТЕШЕСТВИЯ
ПО СТРАНАМ
ВОСТОКА

АФРИКА

ГЛАЗАМИ
НАШИХ
СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ

Академия наук СССР

Институт Африки

АФРИКА
ГЛАЗАМИ НАШИХ
СОТЕЧЕСТВЕННИКОВ

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1974

Редакционная коллегия

К. В. Малаховский (председатель), А. Б. Давидсон,
Г. Г. Котовский, Н. Б. Зубков, Н. А. Симония

Составители

Ю. М. Кобищанов, Л. Е. Куббель

Ответственный редактор
и автор предисловия

А. Б. Давидсон

Африка глазами наших соотечественников
А94 М., Главная редакция восточной литературы из-
дательства «Наука», 1974.

319 с. («Путешествия по странам Востока»).

Сборник включает отрывки из путевых записок таджикских, рус-
ских, украинских и грузинских путешественников, побывавших в стра-
нах Африки с XI по 40-е годы XIX в.

А $\frac{10603-123}{013(02)-74}$ 129-74

91 (И6)

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1974.

ОТ РЕДАКТОРА

Эта книга составлена из свидетельств, которые принадлежат людям, побывавшим в Африке в самые различные эпохи — и восемь веков назад, и в середине прошлого столетия. Паломники, купцы, путешественники, ученые, литераторы. Не только из Москвы и Центральной России (а с XVIII столетия — и из Петербурга), но и с Украины, из Средней Азии, с Кавказа.

Цель книги — уяснить, хотя бы отчасти, какими же путями у наших предков накапливались представления о далеком для них материке; как постепенно складывался у них его образ.

Вряд ли читатели — даже те, кто не очень увлекается историей, — сочтут это неинтересным.

Но это не просто интересно.

Ведь в наши дни, когда контакты и связи между странами и континентами возросли как никогда раньше; когда благодаря социальному прогрессу, развитию техники и средств коммуникации народы все больше зависят друг от друга, — в наши дни крайне важно, чтобы они понимали, верно представляли друг друга. А для этого надо убрать все помехи на пути к сближению между народами — избавиться от предубеждений, небылиц, которые нередко бытовали столетиями, передаваясь из поколения в поколение. Надо очистить образы народов и стран от искажений, от случайного, паносного, и, главное, выделить, подчеркнуть все подлинное, прошедшее испытание временем. Иными словами, понять сложнейший механизм возникновения представлений у одного народа о другом, у одной страны — о другой.

Сейчас наступило время, когда такие представления вызывают всеобщий интерес. Не случайно в последние годы все чаще появляются кинофильмы, телепередачи, книги с такими названиями, как, например, «Америка глазами французов». Или — «Япония открывает Европу». Но понять, выявить пути образования представлений можно только анализируя процесс их исторического развития. Материалом для такого анализа и служит эта книга —

в том, что касается взаимоотношений между нашей страной и народами Африки. Отечественных ученых эта тема заинтересовала не вчера. Еще в первые десятилетия нашего века она привлекала внимание таких крупных востоковедов, как Б. А. Тураев и И. Ю. Крачковский. Немалый вклад в ее изучение внесли Д. А. Ольдерогге, Б. М. Данциг, И. С. Кацнельсон, Г. А. Нерсесов, М. В. Райт и составившие эту книгу Ю. М. Кобищанов и Л. Е. Куббель. В мае 1965 г. в Московском Доме дружбы с народами зарубежных стран проходила трехдневная конференция «Исторические связи России с народами Африки». В ней приняли участие и многочисленные представители африканских стран — студенты и аспиранты, молодые ученые, дипломаты почти всех государств Африки. Труды конференции были опубликованы на английском и французском языках*.

Настоящая книга — новый шаг в изучении важной и интересной темы. В книгу включены наиболее ранние и малоизвестные из свидетельств наших соотечественников об Африке. С большинством материалов, собранных здесь (кроме, пожалуй, одних лишь записок мореплавателя В. М. Головнина), современный читатель познакомится впервые. Увидев свет несколько столетий назад, они больше не переиздавались, были забыты и теперь открываются нам заново.

В тогдашних наблюдениях отражаются взгляды тех далеких времен. Эти наблюдения важны не только как ранние вести о жизни африканских народов. Перед нами предстают и сами очевидцы — наши соотечественники. Каждый из них был человеком своей эпохи, своего народа, своей общественной среды, и это неизбежно отразилось в самом характере наблюдений и оценок.

Мне кажется, эта книга должна привлечь внимание в нашей стране и в Африке и как дань уважения к давним традициям взаимных связей.

Автором вводных глав и комментариев к частям I и III, а также составителем текстов, вошедших в части I и III, является Ю. М. Кобищанов; автором вводных глав и комментариев к части II и составителем вошедших в нее текстов — Л. Е. Куббель; глава о путешествии О. И. Сенковского написана Ю. М. Кобищановым в соавторстве с С. Л. Милявской.

Комментарии (примечания) составителей или издателей текстов, отрывки из которых воспроизводятся в книге, следуют непосредственно за каждой публикацией. Авторские примечания оставлены среди самих текстов, так как рассматривались нами как составная часть этих текстов, а не как комментарии к ним. — *Ред.*

---

* *Russie et Afrique*, М., 1966.

Часть I

ПАЛОМНИКИ, КУПЦЫ, ДИПЛОМАТЫ

Носир Хисроу в Египте (XI в.)

Впервые выходцы из Средней Азии появились в Египте в конце VI—V в. до и. э. вместе с персидскими войсками Ахеменидов. В это время в Мемфисе трудились мастера из Хорезма и Ферганы, переселенные сюда по приказу персидских царей. Парфянские, кушанские, сасанидские монеты, найденные в Египте, Эфиопии и на Занзибаре, свидетельствуют о торговле древних государств, существовавших на территории Средней Азии (а также Ирана, Индии и соседних районов), с рядом африканских стран. Однако большие группы среднеазиатов осели в Северной Африке лишь в период Арабского халифата.

В 750 г., когда в Дамаске была свергнута династия халифов Омейядов, два омейядских принца бежали через Египет в Нубию и страну беджа (в Нубийской пустыне). По сообщению арабского географа и историка аль-Масуди, среди спутников принцев были уроженцы Хорасана — области, которая теперь входит в состав Туркмении, Узбекистана, Таджикистана, Ирана и Афганистана. Беглецов преследовали другие хорасанцы — сторонники новой династии халифов Аббасидов.

Вскоре после описанных событий аббасидский халиф аль-Мансур (754—775 гг.) сослал на остров Большой Дахлак у берегов Эфиопии сыновей своего хорасанского наместника Абд аль-Джаббара, которых, вероятно, сопровождали в ссылку их слуги-среднеазиаты.

В IX в. арабский географ аль-Якуби сообщал, что в сахарском городе-оазисе Завила (на юге Ливии) живут хорасанцы вперемежку с «черными и арабами». Вероятно, отсюда хорасанцы ходили с торговыми караванами в Центральную Африку.

Хотя Средняя Азия — континентальная страна, некоторые из ее уроженцев совершали и далекие морские путешествия. Одним из таких путешественников был некий Абу Али аль-Хафиз аль-

Марвази, судя по нисбе *, хорасанец из Мерва (близ нынешнего Мары в Туркмении). Почетный титул «аль-Хафиз» 'хранитель' давался тем мусульманам, которые хранили в памяти все стихи Корана (к их числу принадлежал и великий персидский поэт Хафис). Об аль-Хафизе аль-Марвази известно только потому, что его попутчиком во время плавания на корабле по Индийскому океану оказался арабский географ Шамс ад-дин аль-Мукаддаси (X в.).

Когда судно приближалось к Адену, Абу Али счел своим долгом наставить неопытного и любознательного араба в торговых делах и предостеречь его от неосторожных спекуляций. При этом хорасанский путешественник-купец ссылался на свой опыт торговли с зинджами Восточной Африки. Аль-Мукаддаси с величайшим уважением цитирует высказывания этого многоопытного человека.

Позднее (середина XI — середина XIII в.), когда в портовых городах Восточной Африки, от Дахлака на севере до суахилийских городов-государств на юге, образовались колонии иранских и мусульманско-индийских купцов, среди этих купцов было немало хорасанцев. Имена одного хорасанца и одного ширазца названы в арабских надписях из Мogaдишо 1217 г. и 1269 г. Хорасанца звали Абу Абдаллах ибн Райн ибн Мухаммед ибн Ахмед ан-Найсабури ал-Хусрани. Он был, судя по первой нисбе, родом из города Нишапура. Надпись говорит лишь, что он скончался в месяце раби-ал-авваль 614 г. х., т. е. в июне — июле 1217 г.

Известны случаи, когда выходцы из Средней Азии достигали в африканских странах высокого общественного положения.

В 861 г. в Египет прибыл прославившийся во всем мусульманском мире хорезмийский ученый — математик, астроном, географ и историк Мухаммед ибн Муса аль-Хорезми, посланный сюда багдадским халифом для устройства нилометра — специального сооружения для регулярного измерения уровня Нила. Успешно выполнив эту работу, он вернулся в Багдад. В своем сочинении «Картины Земли», написанном на арабском языке, ученый приводит географические координаты почти всех известных тогда мусульманским ученым стран и городов Африки — от Ганы до верховьев Нила.

В 868 г. фактически независимым правителем Египта стал среднеазиатский тюрк Ахмед ибн Тулун, основавший здесь династию Тулунидов (868—905 гг.). Опору его власти составили 24 тысячи тюркских и 40 тысяч суданских воинов-рабов.

В позднее средневековье и в начале нового времени в Египте множество туркмен и кыпчаков встречались среди феодального воинства и правителей страны, тогда как в мусульманском уни-

---

* Часть имени, обозначающая место происхождения человека.

университете аль-Азхар преподавали ученые-таджики. Некоторые из них прославились и в соседних странах Северо-Восточной Африки. Во второй половине XVII в. в Судане трудились на ниве геологической науки два мусульманских ученых: шейх Мухаммед ас-Самарканди, прозванный Великим, и Абу Махмуд Абдаллах ибн Саид ас-Самарканди, происходившие, как видно из их нисбы, из Самарканда.

В это же время в соседней Эфиопии одним из приближенных императора Фасильдаса (1632—1667 гг.) был выходец из Бухары Мухаммед ибн Муса аль-Бухари. Сведения о нем сохранил арабский ученый и литератор Хасан ибн Ахмед аль-Хаими аль-Кавкабани, посетивший Эфиопию в 1647—1649 гг. в качестве посла йеменского имама. Мухаммед ибн Муса исполнял обязанности переводчика с арабского на амхарский. По словам ученого-йеменца, арабским языком он владел «в предельной степени совершенства». Крестившись, Мухаммед ибн Муса аль-Бухари принял новое, эфиопское христианское имя, которого аль-Кавкабани не сообщает.

К сожалению, средневековые среднеазиатские путешественники по Африке не оставили описания виденных ими стран. Единственное исключение — знаменитый хорасанский поэт и прозаик Носир Хисроу (Насир-и Хусрау).

Будучи родом из Юго-Восточного Хорасана (нынешний Афганистан), Носир Хисроу большую часть жизни провел в Мерве (теперь Мары в Туркмении). В возрасте сорока с лишним лет он отправился в путешествие, во время которого посетил Иран, арабские страны и небольшой уголок Тропической Африки, населенный беджа. В Египте хорасанский путешественник прожил почти пять лет (1046—1050 гг.). Отсюда он совершил четыре паломничества в Мекку: трижды — через египетский порт Кульзум на Красном море и в четвертый раз — через Асуан, пустыню беджа и Айзаб. Во время этого путешествия он познакомился с темнокожими кочевниками-беджа.

Последние годы жизни Носир Хисроу прожил в горах Памира, занимаясь литературой и педагогической деятельностью. Его «Книга путешествия» («Сафар-намэ») содержит не имеющее себе равных по яркости и глубине описание Египта XI в. В «Сафар-намэ» приводятся также интересные сведения о торговле в районе Асуана и Айзаба, о движении верблюжьих караванов между этими городами, о беджа и других жителях африканских стран. Но, будучи страстным сторонником шиизма, Носир Хисроу идеализирует порядки, которые установила в Северной Африке шиитская династия Фатимидов, во всяком случае, он старается не показывать теневых сторон фатимидского правления.

«Сафар-намэ» написана на персидском языке. Ниже приводятся отрывки из этой книги по изданию: Насир-и Хусрау, Сафар-намэ. Книга путешествия. Перевод и вступительная статья Е. Э. Бертельса, М.—Л., 1933. Замеченные в этом издании опечатки при воспроизведении текстовых отрывков в настоящей книге устранены.

Переезд в Египет. Тиннис. Миср. Нил и его разливы. Каир.

Из Бейт-ал-Мукаддас я вознамерился сесть на корабль, поехать в Египет, а оттуда вновь направиться в Мекку. Но дул противный ветер, и по морю пуститься в путь было невозможно. Тогда я отправился сухим путем, проехал через Рамлэ и прибыл в город, который называется Аскалон.

Там я видел базар, красивую мечеть и арку, про которую говорили, что она в древности служила церковью. Это огромная каменная арка, и, если бы кто-нибудь пожелал снести ее, это обошлось бы весьма дорого.

Выехав оттуда, я видел по дороге много деревень и городов, описание которых удлинило бы книгу и о которых я посему умалчиваю. Наконец я приехал в место, называемое Тынэ. Это местечко служило гаванью для судов, направлявшихся в Тиннис. Я сел на один из кораблей и отправился туда.

Тиннис этот — красивый город, он лежит на острове, так далеко от суши, что даже с крыш города не видно берегов. В городе много жителей, есть красивые базары и две мечети. Я полагаю, что там около десяти тысяч лавок. Сто лавок имеют москательщики.

Летом на базарах продают кешкаб¹, потому что город лежит в теплом климате и там много болезней.

Там ткут цветные материи, называемые касаб, для тюрбанов, женских платьев и панталон. Такого цветного касаб не ткут нигде. Белый касаб ткут в Дамиэтте, а тех материй, которые ткутся в султанских мастерских, никому не продают и никому не дарят.

Я слышал, что правитель Фарса послал в Тиннис двадцать тысяч динаров, чтобы ему купили одежду из султанских материй. Его посланцы провели там несколько лет и так и не смогли купить ничего.

Есть там известные ткачи, и одному из них, соткавшему тюрбан для египетского султана, султан приказал дать пятьдесят магрибинских динаров. Я видел этот тюрбан, и мне говорили, что он стоит четыре тысячи магрибинских динаров.

В городе Тиннисе ткут «бу-каламун»², равного которому нет во всем мире. Это золотая ткань, которая во всякое время дня отлиывает другим цветом. Эту ткань из Тинниса вывозят и на запад и на восток.

Я слышал, что румийский султан послал кого-то к египетскому султану и просил его взять сто городов из румийских владений и отдать ему Тиннис, но египетский султан не согласился. Румийский султан сделал это предложение, потому что хотел завладеть городом, где ткут касаб и бу-каламун.

Когда вода в Ниле начинает прибывать, она оттесняет соленую морскую воду от Тинниса, так что почти на десять фарсахов вокруг города морская вода становится пресной. Для этого времени на острове и в городе устроены огромные очень прочные подземные водоемы, куда стекает вода. Жители называют их «месани». Когда вода в Ниле прибывает и вытесняет соленую и горькую воду, водоемы эти наполняют. Это делают так: открывают сток, и морская вода прямо течет в водоемы и месани. Вся вода в городе — из этих водоемов, наполняемых во время пребывания; ею пользуются вплоть до следующего года, а у кого есть избыток, тот продает воду другим. Много месани являются церковным имуществом и предоставляют воду для пользования чужестранцам.

В городе Тиннисе около пятидесяти тысяч жителей и более тысячи кораблей постоянно привязано у берегов. Большая часть их принадлежит купцам, но много также и султанских, потому что все, что может понадобиться в деле, туда надо привозить, а в самом городе ничего нет. Так как это остров, то сношения с ним возможны только при помощи кораблей.

Там постоянно стоит сильный вооруженный гарнизон, из предосторожности на случай, если бы франкам или румийцам вздумалось напасть на остров.

Я слышал от верных людей, что оттуда ежедневно поступает тысяча магрибинских динаров в казну египетского султана и сумма эта сдается сразу в один назначенный день. Собирает подать один человек, ко-

торому жители города передают их в один установленный день, а он уже доставляет эти деньги в казначейство. При этом никто не отказывается платить и ни у кого ничего не отбирают силой.

За касаб и бу-каламун, которые ткуются для султана, казна платит полную стоимость, так что люди охотно работают на султана; это не так, как в других странах, где диван³ и султан принуждают ремесленников к тяжелой работе.

Из бу-каламуна делают также ткани для носилок, укрепленных на верблюдах, и подседельники, предназначенные для султанских приближенных.

Фрукты и все продовольствие в город привозят из деревень Египта.

Там выделывают также железные инструменты, как, например, ножницы, ножи и тому подобное. Я видал ножницы, привезенные оттуда в Египет, за которые спрашивали пять магрибинских динаров. Они были устроены так, что, когда вынимали гвоздь, их можно было разнять, а когда его снова вкладывали, они резали.

Их женщины в известное время страдают особой болезнью: они вроде припадочных издают два-три вопля, а потом снова приходят в себя. В Хорасане я слышал, что есть остров, где женщины мяукают, как кошки⁴. Это, очевидно, и имеет отношение к тому, что рассказал.

Из Тинниса в Коиcтантинию⁵ судно идет двадцать дней, мы же направились в сторону Египта. Когда мы подошли к берегу возле места впадения Нила, судно наше начало подниматься вверх по реке.

Когда Нил подходит к морю, он разделяется на отдельные русла.

То русло, по которому ехали мы, называлось Румийским. Судно продолжало подниматься, пока не прибыли в город, называемый Салихийэ. Это — селение, полное товаров и запасов продовольствия. Там строят много кораблей, каждый вместимостью в двести харваров⁶. Товары везут в Миср⁷ и доставляют к самым дверям бакалейных лавок по воде, ибо на спинах вьючных животных и нельзя было бы доставлять в этот город провизию, такая там давка на улицах.

Мы сошли в этой Салихийэ с корабля на берег и в ту же ночь пришли к городу. Мы вошли в Каир в

воскресенье седьмого Сафара⁸ четыреста тридцать девятого года, по старому календарю в день Ормузда месяца Шахривера.

Описание города Мисра и его области

Когда вода в Ниле прибывает, ее становится вдвое больше, чем в Джейхуне около Термеза. Река эта идет из Нубии и проходит в Египет; Нубия — местность гористая, а там, где начинается равнина, там уже Египет.

Из орошаемых Нилом городов на границе первым лежит Ассуан; оттуда до Мисра шестьсот фарсахов. Все города и заселенные области лежат на берегах реки, область Ассуана называют Саид-аль-Ала. Когда корабль доходит до города Ассуана, он выше подняться не может, потому что вода вырывается из тесного русла и течет слишком стремительно.

Выше к югу лежит Нубия, там правит другой царь, люди там чернокожие, и религия у них христианская. Купцы ездят туда и возят стекло, гребни и коралл, а оттуда привозят рабов. Все рабы в Мисре либо нубийцы, либо румийцы. Видел я также привезенную из Нубии пшеницу и просо, и то и другое было черного цвета.

Говорят, что истоков Нила с точностью установить не могли. Я слышал, что египетский султан посылал кого-то туда, посланец целый год странствовал вдоль Нила и производил расследование, но так ничего и не узнал, кроме того, что, по словам, Нил вытекает на юге из горы, называемой Джебель-ал-Камар⁹.

Когда солнце входит в знак Рака, вода в Ниле начинает прибывать и достигает уровня на двадцать араш выше своего обычного зимнего уровня. Она прибывает постепенно, изо дня в день, и в городе Мисре для определения прилива установлены особые нилометры и значки.

Существует особый чиновник, получающий тысячу динаров жалованья, он следит за тем, на сколько прибывает вода. Когда вода начинает прибывать, он посылает в город глашатаев, и те возвещают: — Сегодня господь, велик и славен да будет он, прибавил воды в Ниле на столько-то. — Каждый день она поднимается на несколько пальцев, когда же, наконец, она дости-

гает высоты целого геза, в городе ликуют и веселятся, пока она не достигает восемнадцати арашей. Восемнадцать арашей — это высота нормальная, то есть, если воды меньше этого, прилив считают недостаточным, раздают милостыню, дают обеты, печалятся и горюют; если же воды больше этого, веселятся и радуются. Если вода не поднимается на восемнадцать арашей, подданных не облагают податью.

От Нила прорыто множество каналов и проведено во все стороны; от них, то есть от этих каналов, в свою очередь, проведены маленькие ручьи, орошающие деревни и селения. На них установлено множество гидравлических колес, количества которых даже и не вычислить.

Все деревни области Миср выстроены на возвышениях и холмах. Когда вода прибывает, она затопляет всю область, и деревни потому и выстроены на возвышениях, чтобы их не затопляло водой. В это время из деревни в деревню ездят на лодках.

От одного края области Мисра до другого устроен земляной мол вдоль Нила, по которому люди и ездят во время разлива.

Каждый год из султанского казначейства доверенному чиновнику посылают десять тысяч магрибинских динаров на поддержание этого сооружения.

Население этой области запасается всем необходимым на те четыре месяца, во время которых их земля стоит под водой. В деревнях и селениях каждый печет столько хлеба, чтобы хватило на четыре месяца, а чтобы хлеб не портился, его сушат.

Повышение уровня воды происходит так, что с первого дня в течение сорока дней вода прибывает, пока не достигнет восемнадцати арашей, потом в течение вторых сорока дней она остается на одном уровне, не поднимаясь и не спадая, затем вновь постепенно начинает убывать и в течение третьих сорока дней достигает опять того уровня, на котором стояла зимой.

Когда вода начинает спадать, люди идут следом за ней и, где только просохнет, сеют все что пожелают. И зимний и летний посев совершаются одинаково, и поливки более уже не нужно.

Город Миср лежит между Нилом и морем. Нил приходит с юга, идет на север и впадает в море.

От Мисра до Александрии считают тридцать фар-

сахов; Александрия лежит и на берегу моря и на берегу Нила. Оттуда в Миср привозят на судах много плодов. В Александрии я видел маяк в полной исправности. На нем было установлено зажигательное зеркало, и если судно румийцев, шедшее из Стамбула, попало в круг действия этого зеркала, на него тотчас же падал огонь, и судно сгорало.

Для питья в Александрии употребляется только дождевая вода. По всей пустыне около Александрии валяются такие каменные колонны, какие мною были описаны раньше.

Если же из Египта поехать к югу и проехать через Нубию, приедешь в страну Масмуди. Это очень плодородная обильная скотом земля, у обитателей ее черная кожа, крепкая кость и сильное телосложение. В Египте много солдат этого племени; они некрасивы и высокого роста; называют их Масмуди. Они сражаются пешими; мечом и копьем и другим оружием пользоваться не умеют.

Описание города Каира

Когда приезжают в Египет из Сирии, первым делом попадают в город Каир, ибо Миср лежит к югу от Каира. Называют Каир-ал-Кахирэ ал-Муыззийэ, Фустатом же называют военный лагерь. Рассказывают, что один из потомков повелителя правоверных Хусейна ибн Али, да помилует всех их вместе господь, которого звали ал-Муызз ли-Дин-Алла¹⁰, завладел Магрибским царством, вплоть до Андалусии, и начал посылать из Магриба в Египет войска. Притом приходилось переправляться через реку Нил, а через Нил переправиться невозможно, во-первых, потому, что это очень большая река, а во-вторых, потому, что там много крокодилов, которые утаскивают любое животное, упавшее в воду. Говорят, что в окрестностях города Мисра на дороге установлен талисман, который мешает крокодилам причинять вред людям и вьючному скоту, но на расстоянии полета стрелы от города ни в одном другом месте человек не решается войти в воду.

Говорят, что ал-Муызз ли-Дин-Алла послал туда свое войско. Оно пришло к тому месту, где сейчас стоит город Каир, и тогда эмир приказал: — Когда вы приедете к реке, перед вами в воду войдет черная собака

и поплывет, идите следом за этой собакой и переправляйтесь без страха.

Говорят, что войска там было тридцать тысяч всадников, прибывших туда, все они были рабами эмира. Черная собака действительно вошла перед ними в воду, они бросились следом за ней, все переправились, и ни одна тварь не пострадала. Между тем никто никогда не сообщал, чтобы кто-нибудь до того мог переправиться через Нил на коне.

Случилось это в триста шестьдесят третьем году¹¹. Султан сам поехал морем на корабле. Когда корабли, на которых ехал султан, подошли к Каиру, их выгрузили, вытащили из воды и бросили на суше, как ненужную вещь.

Автор этой книги видел те суда: их было семь штук, длиною в пятьдесят арашей, шириной в семьдесят. С тех пор как их положили там, прошло восемьдесят лет, ибо автор этого рассказа прибыл в Египет в четыреста сорок первом году¹².

Когда ал-Муызз ли-Дин-Алла прибыл в Египет, там был военачальник багдадского халифа. Он покорно явился к Муыззу, а тот с войском своим остановился в том месте, где сейчас лежит Каир. Лагерь этот был назван Кахирэ¹³, потому что войско это взяло то место силой. Муызз дал приказ, чтобы никто из солдат не смел входить в город Миср и останавливаться в домах. Он приказал выстроить на равнине около Мисра город и каждому из приближенных повелел выстроить дворец и жилище. Так получился город, равных которому мало.

Я подсчитал, что в этом городе Каире должно быть не меньше двадцати тысяч лавок, которые все принадлежат султану. Много лавок сдаются, каждая за десять магрибинских динаров в месяц, и нет ни одной дешевле двух динаров.

Караван-сараев, бань и прочих общественных зданий столько, что их пересчитать нет возможности, и все они — собственность султана, ибо ни один человек там не может обладать зданиями и недвижимостью, кроме того, что он выстроит сам.

Я слышал, что в Каире и Мисре у султана восемь тысяч домов: все они сдаются взаем, и каждый месяц за них получают плату. Их отдают в пользование и берут назад по желанию нанIMATEЛЯ без какого бы то ни было принуждения.

Замок султана стоит посреди Каира. Он открыт со всех сторон, так как ни одно здание не прилегает к нему.

Архитекторы вымерили его и нашли, что площадь его равна площади кремля в Мейяфарикине. Он открыт со всех сторон, и каждую ночь его сторожит тысяча человек, из них — пятьсот конных и пятьсот пеших. Начиная с вечернего намаза, они играют на трубах, бьют в барабаны и тарелки и до рассвета ходят вокруг замка.

Если смотреть на султанский замок из загородных мест, он кажется похожим на гору — так много там построек, и так они велики. Однако из самого города ничего не видно, потому что у замка высокие стены.

Говорят, что в этом замке двенадцать тысяч наемных слуг. Женщин же и рабынь, не знаю даже, кто мог бы сказать, сколько их там... Говорят только, что всего в этом замке живет тридцать тысяч человек.

Он состоит из двенадцати павильонов, а в гарем ведут десять ворот. Те ворота, которые над землею (помимо подземных), называют так: Баб-аз-Захаб¹⁴, Баб-аль-Бахр¹⁵, Баб-ас-Сербех¹⁶, Баб-аз-Захв¹⁷, Баб-ас-Селам¹⁸, Баб-аз-Зеберджед¹⁹, Баб-ал-ыд²⁰, Баб-ал-Футух²¹, Баб-аз-Заллакэ²², Баб-ас-Сурэ²³.

Под землею устроен выход, по которому султан на коне может выехать из замка. За городом выстроен замок, и этот подземный выход в него и ведет. Проход этот покрыт прочными сводами от гарема и до самого павильона. Стены этого павильона сложены из обтесанных камней так хорошо, что они кажутся вытесанными из одного куска.

В замке этом возведены вышки и высокие портики, а внутри открытых галерей устроены ряды скамей, где сидят столпы державы, свита, воины и приезжие румийцы.

Везир — человек, выдающийся своим суровым образом жизни, смирением, верностью, честностью, знаниями и разумом. Там никогда не было принято пить вино, то есть во времена правления Хакима. При нем ни одна женщина не выходила из дому и никто не сушил винограда и не делал изюма, чтобы из него не приготовили водки. Никто тогда не решался пить вино, и пиво тоже не пили: про него говорилось, что оно оняняет, и поэтому оно тоже было запрещено.

В городе пять ворот: Баб-ан-Наср²⁴, Баб-ал-Футух²⁵, Баб-ал-Кантарэ²⁶, Баб-аз-Зуэйлэ, Баб-ал-Халидж²⁷.

Стены вокруг города нет, но здания так высоки, что они выше и прочнее стены. Каждый дворец и каждый павильон представляет собой крепость. Большая часть зданий в пять и в шесть этажей.

Для питья служит нильская вода, которую привозят на вьючных животных водовозы. В колодцах вода тем лучше, чем ближе они к Нилу; чем дальше они, тем вода солонее.

Говорят, что в Мисре и Каире пятьдесят тысяч вьючных животных, на которых водовозы в бурдюках возят воду. Водоносы, которые носят воду на своей спине в бронзовых кувшинах и маленьких мехах, ходят по узким переулкам, куда вьючное животное не может войти.

В городе между дворцами есть сады и деревья, поливают их колодезной водой. В султанском гареме есть особый гаремный сад, прекраснее которого не найти ничего. Там установлены гидравлические колеса, и при помощи их эти сады поливаются.

На крышах тоже насажены деревья и устроены беседки. В то время, когда я там был, дом площадью в двадцать гезов на двенадцать сдавался за пятнадцать магрибинских динаров в месяц. В том доме, где я жил, было четыре этажа, три из них отдавались за эту цену, а за верхний хозяину дома предлагали пять магрибинских динаров в месяц, но он не соглашался и говорил: — Быть может, мне понадобится временами наезжать туда.— Однако за тот год, что я там прожил, он не приехал и двух раз.

Дома эти так чисты и изящны, что можно было бы принять их за домики, сложенные из драгоценных камней, не из извести, черепицы и камня. Все дома в Каире стоят отдельно, так что ни у кого деревья и здания не прилегают к чужой стене. Поэтому всякий, когда пожелает, может сносить и вновь отстраивать свой дом, и никому от этого не будет вреда.

Если выйдешь из города Каира, направляясь к западу, встретишь большой проток, называемый Халидж²⁸. Этот канал устроил отец султана, и у него на берегах канала было шестьсот деревень, находившихся в его личной собственности. Канал берет свое начало

в Мисре, идет в Каир, там заворачивает и подходит к султанскому замку.

У начала его — два павильона, из которых один называется Лу'лу²⁹, а другой — Джаухерэ³⁰.

В Каире — четыре мечети, и во всех по пятницам совершается молитва. Называются они: джами'н Азхар³¹, джами'и Нур³², джами'и Хаким³³ и джами'и Муызз³⁴. Эта последняя находится за городом, на берегу Нила. Если от Мисра хотят повернуться к Кыбле, то надо стать лицом к восходу Овна.

От Мисра до Каира — меньше мили. Миср лежит к югу, а Каир — к северу. Нил идет из Мисра и приходит к Каиру. Между двумя этими городами сплошь лежат здания и сады, которые между собой соприкасаются. Летом вся равнина и пустыня представляют собой море. Кроме султанского сада, который лежит на возвышении и под водой не скрывается, все остальные сады исчезают под водой.

Празднество открытия Нильского канала. Миср. Благосостояние Египта. Султанские пиры

Описание открытия канала

Когда вода в Ниле достигает предельной высоты, то есть с десятого Шахривера по двадцатое Абана старого календаря, и доходит до уровня на восемнадцать гезов более высокого, чем в зимнее время, тогда плотины на всех ручьях и реках по всему протяжению страны еще закрыты. Тогда султан садится на коня и едет смотреть на открытие плотины канала Халидж, начало которого около Мисра и который доходит до Каира. Канал этот — личная собственность султана.

В то же время по всей стране открывают и остальные плотины на каналах, реках и ручьях. Эти дни считаются величайшими праздниками и называют их «Выездом на открытие Халиджа».

Когда приближается это время, около канала раскидывают для султана огромную прекрасную палатку из румийского шелка, шитого золотом и украшенного драгоценными камнями, снабженную всеми необходимыми принадлежностями. Она столь велика, что в тени

се могут стоять сто всадников. Перед ней устраивается загородка из бу-каламун и другая большая палатка.

За три дня до выезда в султанских конюшнях начинают бить в барабаны и тарелки и играть на трубах, чтобы лошади привыкли к этим звукам.

Когда султан садится на коня, его сопровождают десять тысяч коней с золотыми цепями и луками у седел, изукрашенными драгоценными камнями. Все подседельники — из румийского шелка и бу-каламун, который выткан специально для этой цели и потому не резан и не шит. По краям подседельников вышито имя египетского султана.

На каждой лошади надета кольчуга или панцирь. На луке седла укреплен шлем и много другого оружия.

Ведут также много верблюдов с украшенными паланкинами и мулов с красивыми посылками, покрытыми золотыми дощечками и драгоценными камнями; все ткани расшиты жемчугом. Вообще, если бы описать всю ту роскошь, которую можно видеть в дни открытия канала, мой рассказ слишком удлинился бы.

В этот день все войско султана выстраивается по отрядам и полкам. Каждый отряд носит особое имя и прозвище.

Одних называют Кетамийцами. Они пришли на службу к ал-Муъиззу ли-Дин-Алла из Кайрувана; говорят, что их — двадцать тысяч всадников. Другой полк называется Батыли; это — магрибинцы, которые пришли в Египет еще до прибытия султана. Их, как говорят, — пятнадцать тысяч всадников. Третий — Масмуди, негры из страны Масмуди, их — тоже двадцать тысяч человек. Четвертый — Машарикэ³⁵, это турки или персы, которых называют так, потому что они по происхождению не арабы; и, хотя большинство из них родились там же в Египте, все же прозвание их произвели от страны их происхождения. Утверждают, что их — десять тысяч, вид они имеют очень внушительный. Другой отряд называют Абид-аш-Шера, это — рабы, купленные за деньги; их, как говорят, тридцать тысяч человек. Еще один отряд называют бедуинами, их — пятьдесят тысяч всадников. Другой отряд называют Устадами, это — рабы, белые и черные, купленные для разного рода услуг, их — тридцать тысяч всадников.

Еще один отряд называется Серайи³⁶; это пехотинцы, собранные из разных стран. У них есть особый вое-

начальник, который и заботится о них. Каждая пародность, из составляющих этот отряд, сражается присутствующим ей оружием; их — десять тысяч человек. Другой полк называется Зиндж³⁷, сражается исключительно мечами; их, как утверждали, тридцать тысяч человек.

Все эти вонны состоят на жалованье у султана, и каждый из них получает по числу порции и месячное вознаграждение. Казна никогда не выписывает требований для солдат, хотя бы даже на один динар, ни на чиновников, ни на подданных; все доходы с областей наместники из года в год передают в казну, а из казны в установленное время выплачивают содержание этим вошам, так что ни чиновникам, ни подданным не приходится страдать от требований солдат.

Кроме того, был еще отряд, состоявший из царских сыновей и сыновей пашей различных стран, собравшихся в Египте; их не считают принадлежащими к составу войск. Там были князья из Магриба, Йемена, Рума, Славянских земель, Нубии, Абиссинии, сыновья Хосрова Дехлевийского, прибывшие туда вместе с матерью, сыновья грузинских царей, дейлемские царевичи и сыновья Туркестанского хакана.

Было там еще и много людей других профессий, как, например: ораторы, литераторы, поэты, юристы, и все они состояли на жалованье у султана.

При этом никто из вельмож не получал меньше пятисот динаров жалованья, а были и такие, которые получали две тысячи магрибинских динаров. Дела у них не было никакого, только, когда везир открывал собрание, они должны были пойти поклониться ему, а затем снова могли идти по домам.

Теперь перейдем снова к рассказу об открытии канала.

Рано утром в тот день, когда султан намеревается выехать на открытие канала, нанимают десять тысяч человек вести тех лошадей, о которых мы упоминали раньше. Они ведут их по сотням, впереди музыканты играют на трубах, бьют в барабаны и литавры, сзади идет полк солдат.

Так идут от дверей султанского гарема до самой плотины на канале и так же возвращаются назад. Каждому паемному человеку, ведущему лошадь, дают по три дирхема. За лошадьми ведут верблюдов с люльками и паланкинами, за ними — мулов с посылками.

В это время поодаль от всего войска и лошадей выехал сам султан. Это был молодой человек, стройный и красивый³⁸. Он принадлежит к числу потомков повелителя правоверных Хусейна ибн Али ибн Абу Талиба, да помилует господь их обоих! Волосы на голове у него были обриты. Он сидел на муле, седло и удила которого были без всяких украшений, без золота и серебра. На нем была белая рубашка, а сверху длинный и широкий плащ, какие обыкновенно носят в арабских странах. Такие плащи в Персии называют «дурраа», а рубашку, как мне сообщали, называют «дибаки». На голове у него был тюрбан того же цвета³⁹, в руках — ценная плеть.

Перед ним шли шестьсот человек пеших Дейлемитов в румийских одеждах, тканых золотом; они были подпоясаны, а рукава у них по египетскому обычаю были широкие. Все они несли дротики и топоры и были обуты в ременные сандалии.

Носитель зонтика едет вместе с султаном. Он сидит на коне, на голове у него парчовый, разукрашенный драгоценными камнями тюрбан, на нем одет кафтан, который стоит десять тысяч магрибинских динаров. В руках у него зонтик необычайно роскошной работы, расшитый драгоценными камнями и жемчугом. Других всадников рядом с султаном не было, и перед ними шли Дейлемиты, о которых я уже упоминал.

По правую и по левую руку от него шли несколько евнухов с курильницами и жгли амбру и алоэ. По обычаю народ, если султан приближался к нему, тотчас же падал на колени и молился за него. Сзади него шли везир, старший кадий и многочисленная толпа ученых и вельмож.

Таким образом султан ехал до того места, где для него была устроена палатка, до самой плотины на канале, то есть до устья его. Не слезая с коня, он оставался там. Через час султану вручали кирку для того, чтобы он бросил ее в плотину. Народ тотчас же устремлялся к ней, кирками, заступами и лопатами разрывал плотину. Тогда вздувшаяся вода своей собственной силой прорывает плотину и устремляется в канал.

В этот день все жители Мисра и Каира идут смотреть на открытие канала и предаются самым удивительным забавам и развлечениям. Первое судно, кото-

рое входит в канал, наполнено глухонемыми, по-персидски называемыми «гунг у лал»,— это считают за доброе предзнаменование, и в этот день султан раздает им милостыню.

У султана было двадцать одно судно, для которых возле замка устроен водоем площадью в два-три мейдана⁴⁰. Длина каждого из этих судов около пятидесяти гезов, ширина — двадцать гезов. Они чрезвычайно пышно разукрашены золотом, серебром, драгоценными камнями и шелками; если бы я захотел описать их, мне пришлось бы исписать много листов бумаги.

Большей частью эти суда стоят на привязи в этом водоеме, словно мулы на конюшне. В двух фарсах от города у султана был сад, называвшийся Айн-Эш-Шемс⁴¹; там имеется родник прекрасной воды, и по роднику сад и получил свое название. Говорят, что этот сад когда-то принадлежал фараону. Около этого сада я видел старинное сооружение: четыре огромных камня, стоявших, как минареты, высотой в тридцать гезов⁴²; из верхушек их выступали капли воды, и никто не знал, что это такое.

В саду этом было бальзамное дерево; говорят, что предки султана привезли семена его с Запада и посадили там. Ни в одной другой стране такого дерева нет, да и на Западе его уже более нет и следа. Семена его хотя и есть, но когда их посадят, дерево не вырастает, а если вырастет, не дает бальзама. Дерево это похоже на мирту; когда оно достигает должной величины, ветви его надрезают и под каждым надрезом привешивают склянку. Из надрезов выступает клейкое вещество, и когда оно выйдет все целиком, дерево засыхает. Самый ствол садовники привозят в город и продают. У него толстая кора; если содрать ее и попробовать на вкус, она похожа на миндаль. Из корней этого дерева на следующий год снова вырастают ветви, и с ними проделывают то же самое.

В городе Каире десять кварталов, которые там называют «харэ». Вот их перечисление: харат Берджуван, харат Зувайле, харат-ал-Джудерийэ, харат-ал-Умаза, харат-ад-Дайалимэ, харат-ар-Рум, харат-ал-Батылшйэ, Каср-аш Шаук, Абид-аш-Шера, харат-ал-Месамидэ.

Описание города Мисра

Он расположен на возвышении, с восточной стороны его есть гора, но не высокая, это скорее скалы и скалистые холмы. На краю города на возвышенности стоит мечеть Тулуна. У нее две очень прочные стены; кроме стен Амида и Мейяфарикина, я нигде не видал стены лучше. Ее выстроил один Аббасидский эмир, правивший Египтом.

В дни правления Хакима бн-амри-Лла, деда нынешнего султана, сыновья эмира Тулуна⁴³ явились к султану и продали ему эту мечеть за тридцать тысяч магрибинских динаров, но через некоторое время начали срывать минарет при этой мечети, который не продали. Хаким послал сказать им: — Вы же продали ее мне, как вы смеете срывать ее? — Мы минарета не продавали, — ответили они.

Тогда он дал им еще пять тысяч динаров и купил минарет. В этой мечети султан совершал намаз в месяц Рамазан и по пятницам.

Город Миср из страха перед наводнениями выстроили на возвышенности. Раньше там были высокие скалы, но их все раскололи и сровняли, теперь эти места, где были скалы, называют Акабэ⁴⁴.

Если поглядеть издали на город Миср, то кажется, что это гора. Там есть дома в четырнадцать этажей друг над другом, есть здания и в семь этажей. Я слышал от верного человека, что кто-то из жителей устроил на крыше семиэтажного дома сад, доставил туда теленка и вскармливал его, пока он не вырос. Тогда он устроил там гидравлическое колесо, которое этот бык приводил в движение, и таким образом поднимал воду. На этой крыше он посадил сладкие и кислые апельсины, бананы и другие деревья, которые все приносили плоды. Он посадил там также цветы и разные растения.

От одного почтенного купца я слышал, что в Мисре много домов, где есть наемные комнаты, то есть комнаты, отдающиеся внаем. Площадь таких домов — тридцать арашей в квадрате, и в них помещается шестьсот пятьдесят человек.

Там есть базары и переулки, где постоянно горят светильники, потому что свет туда никогда не попадает: они служат только для прохода.

Помимо каирских мечетей в Мисре семь мечетей, так что в обоих городах вместе пятнадцать мечетей, где по пятницам читают хутбу и собираются на молитву.

Посреди базара есть мечеть, называемая Баб-аль-Джевами, ее построил Амр ибн Ас, в то время, когда он был посажен Муавией наместником Египта. В этой мечети четыреста мраморных колонн, а та стена, где находится михраб, целиком покрыта белыми мраморными плитами, на которых красивым почерком вырезан текст всего Корана. За оградой мечети — базары, и двери мечети выходят на них. В мечети постоянно сидят учителя и ученики, и она является местом собрания для этого большого города. Никогда не бывает, чтобы там находилось меньше пяти тысяч человек учащихся, приезжих, писцов, которые пишут свидетельства и договоры, и других людей.

Эту мечеть Хаким купил у сыновей Амра ибн Аса, которые пришли к нему и сказали: — Мы живем в нужде и нищете, а мечеть эту построил наш отец. Если султан даст дозволение, мы сроем ее и продадим кирпич и камни. — Тогда Хаким дал им сто тысяч динаров и купил у них эту мечеть, а все население Мисра заставил быть свидетелями этой сделки.

После этого он велел сделать в этой мечети много удивительных сооружений. Среди них есть, например, шестнадцатигранный серебряный подсвечник, каждая грань которого — полтора араша, так что вся окружность его — двадцать четыре араша. В святые ночи в нем зажигают более семисот свечей. Говорят, что вес его — двадцать пять кантаров серебра; каждый кантар равняется ста ратлям, а каждый ратль — ста сорока четырем драхам серебра. Говорят, что, когда подсвечник был готов, его не могли внести ни в одну дверь мечети, так он был велик. Тогда разломали одну из дверей, внесли его и снова заделали дверь.

В этой мечети постоянно лежит десять красивых пестрых циновок, одна на другой. Каждую ночь там горит более ста лампад. В этой мечети разбирает судебные дела кадий кадиев.

С северной стороны мечети лежит базар, называемый Сук ал-Канадиль⁴⁵. Подобных базаров нет ни в одной стране: там можно найти все диковины, какие только бывают в мире. Я видел там изделия из черепахи, как, например: ларчики, гребенки, ручки для

ножей и тому подобное, видел также чрезвычайно красивый хрусталь, который обрабатывают искусные мастера; его привозят из Магриба, но говорят, что поблизости, в море Кулзум, нашли хрусталь, лучше и прекраснее магрибского. Видел я также слоновую кость, привезенную с Занзибара; там было много кусков, весивших больше двухсот мен. Была там также бычья шкура, привезенная из Абиссинии, напоминавшая шкуру леопарда; из нее делают обувь⁴⁶. Из Абиссинии же была привезена домашняя птица, довольно большого роста, с белыми крапинками и хохолком на голове, как у павлина⁴⁷.

<...>

В Мисре производят много меда, а также и сахара. Третьего числа месяца Дея старого календаря, четверста шестнадцатого года⁴⁸ по персидскому счислению, я в один и тот же день видел вместе следующие плоды и растения: красные розы, неньюфары, нарциссы, сладкие и кислые апельсины, лимоны, яблоки, жасмин, дыню, айву, гранаты, груши, арбузы, дыни «дестенбуй»⁴⁹, бананы, маслины, свежую мироболану, свежие финики, виноград, сахарный тростник, баклажаны, свежие тыквы, редьку, репу, свеклу, свежие бобы, огурцы, свежий лук, свежий гранат, морковь и каротель. Всякий, кто подумает, как можно собрать вместе эти плоды и овощи, из которых одни — осенние, другие — весенние, третьи — летние, четвертые — зимние, мне, вероятно, не поверит, однако я не имею никаких поводов обманывать и пишу только то, что видел. Если же я пишу про что-нибудь, что я слышал, то за это я отвечать не могу, ибо Египет — страна очень обширная, климаты там самые разнообразные, и холодные и жаркие, а со всех концов страны товар везут в город и часть его продают на базарах.

В Мисре вырабатывают самые различные сорта фаянса, столь изящного и прочного, что, когда снаружи к нему прикоснуться рукой, ее видно насквозь. Делают из него бокалы, чаши, блюда и тому подобные вещи; затем их раскрашивают цветами бу-каламауна, так что, с какой стороны ни посмотреть, каждый раз цвет будет другой.

Там выделывают также стекло, чистое и ясное, похожее на хризолит; продают его на вес.

Я слышал от одного почтенного торговца галанте-

реей, что за одну драхму веревки в Мисре дают три магрибинских динара, что равняется трем с половиной динарам нишапурским. Когда же я спросил в Нишапуре, сколько стоит самая лучшая веревка, мне сказали, что веревка, подобной которой не найти, продается по пять дирхемов за драхму веса.

Город Миср лежит вдоль берега Нила, и много павильонов и вышек поставлено так, что обитатели их, если захотят, могут поднимать к себе воду из Нила на веревке. Однако всю воду в город привозят из Нила водовозы, одни — на верблюдах, другие — на спине. Я видел кувшин из дамасской бронзы, вмещавший три мена воды; он так блестел, что его можно было принять за золотой.

Один человек мне рассказывал, что там есть женщина, у которой пять тысяч таких кувшинов. Она отдает их напрокат и за каждый кувшин берет дирхем в месяц; когда кувшин возвращают назад, нужно, чтобы он был в целости и сохранности.

Перед Мисром, посреди Нила, есть остров, где когда-то был выстроен город. Остров этот лежит к западу от Мисра. Там есть соборная мечеть и сады. Это — скала посреди Нила, а оба русла реки по бокам ее, по моему определению, такой же ширины, как Джейхун, только течет она очень вяло и медленно. От города на остров ведет мост, состоящий из тридцати шести судов.

Часть города лежит на другой стороне Нила, и называют ее Джизэ. Там тоже есть мечеть, но моста туда нет, переправляются на ладьях или на пароме.

В Мисре столько лодок и судов, сколько не найдется в Багдаде и Басре, взятых вместе.

Торговцы на базарах в Мисре, когда продают что-нибудь, говорят правду, а если кто-нибудь солжет покупателю, его сажают на верблюда, дают ему в руку колокольчик и водят по городу, при этом он должен звонить в колокольчик и кричать: — Я сказал неправду и теперь несу наказание, ибо всякий, кто солжет, достоин наказания!

На базаре в Мисре все бакалейщики, москательщики и торговцы мелким товаром, когда продают что-нибудь, сами дают упаковку — стекло, или фаянсовый горшок, или бумагу, так что покупателю не нужно брать с собой ничего для упаковки.

Масло для горения там выжимают из семян репы и свеклы и называют его «зейт харр»⁵⁰. Сезама там мало, и масло из него дорого, а оливковое масло дешево. Фисташки там дороже миндаля, а десять мен очищенного миндаля никогда не бывают дороже одного динара.

Базарные торговцы и лавочники садятся на оседланных ослов, когда едут на базар или возвращаются назад. На всех углах улиц держат много красиво оседланных ослов; если кто-нибудь желает, может сесть на них, плату за это берут совсем небольшую. Говорят, что там пятьдесят тысяч верховых животных, которых каждый день оседлывают и отдают внаем. На лошадях, кроме воинов и солдат, никто не ездит, то есть не ездят базарные торговцы, крестьяне, ремесленники и чиновники. Я видел много ослов пегих, как лошади, но только гораздо красивее.

Население города было чрезвычайно богато в то время, когда я был там.

В четыреста тридцать девятом году⁵¹ у султана родился сын; султан приказал всему населению веселиться, и город и базары разукрасили так, что, если б я описал все это, мне бы, вероятно, не поверили и не сочли бы возможным, что в галантерейных лавках, у меня и тому подобных торговцев все было так переполнено золотом, драгоценными камнями, деньгами, товарами, золототканой парчой и касабом, что негде было сесть.

Никто из них не опасается султана, не страшится шпионов и доносчиков и вполне уверен, что султан никого не станет притеснять и никогда не позарится на чужое добро.

У жителей я видел там такое богатство, что, если я расскажу про это или попытаюсь описать, жители Персии мне не поверят. Богатства их я не мог ни сосчитать, ни исчислить, и такой спокойной жизни, как люди ведут там, нигде не видал.

Я видел там одного христианина, одного из самых богатых людей в Египте. Говорили, что количества его кораблей, его движимости и недвижимости невозможно сосчитать. Как-то раз вода в Ниле не поднялась до настоящего уровня, и зерно вздорожало. Тогда везир султана призвал этого христианина и сказал: — Нынче недобрый год, сердце султана гнетут заботы о народе.

Дай столько зерна, сколько можешь, хочешь за деньги, хочешь в долг.— По счастью султана и везиря его,— ответил христианин,— у меня заготовлено столько зерна, что шесть лет я могу снабжать Миср хлебом.— А в это время в Мисре, несомненно, жителей было в пять раз больше, чем в Нишапуре. Тот, кто знаком с арифметикой, сможет вычислить, каковы должны быть богатства человека, обладающего таким количеством зерна. Какова же была безопасность населения и справедливость султана, если в его правление бывали такие случаи, создавались такие богатства и султан никого не притеснял и не обижал, а народ ничего не прятал и не скрывал.

Я видел там караван-сарай, называвшийся Дар-ал-Везир, где жили торговцы касабом, в нижнем этаже жили портные, а в верхнем — штопальщики. Я спросил заведующего, какой доход приносит этот караван-сарай. Он ответил: — Каждый год — двадцать тысяч магрибинских динаров; однако в данный момент один угол здания обрушился, и его вновь отстраивают; тем не менее и сейчас мы имеем дохода тысячу динаров в месяц, то есть двенадцать тысяч в год.— Мне говорили, что в городе больше этого караван-сарая нет, но таких же ханов около двухсот.

Описание пиров султана

В Египте обычай, что султан два раза в году в дни двух праздников устраивает пиры и дает аудиенцию знати и простому люду. Знать пирует в его присутствии, простой люд — в других дворцах и местах. Я хотя и много слышал об этом, но все же мне хотелось посмотреть на такой пир самому.

Поэтому я сказал одному из султанских секретарей, с которым мне случилось познакомиться и подружиться: — Я видел приемы таких царей и султанов Персии, как султан Махмуд Газневид и его сын Мас'уд: это были великие цари, и у них было много богатств и роскоши. Теперь мне хотелось бы посмотреть и на пиршество повелителя правоверных...— Он сейчас же сказал это привратнику, которого там называют «сахиб-ас-ситр».

В последний день месяца Рамазана четыреста соро-

кового года⁵² приготовили залу, куда на другой день, в праздник, должен был прибыть султан после намаза и сесть за стол. Привратник свел меня туда. Когда я вошел в дверь дворца, я увидел здания, террасы и портики; если бы я захотел описать все это, рассказ мой чрезмерно удлинился бы.

Там было двенадцать четырехугольных замков, соединенных вместе; переходя из одного в другой, я каждый раз находил, что следующий еще красивее, чем предыдущий. Площадь каждого из них была сто арашей в квадрате, за исключением одного, шестидесяти арашей в квадрате. В нем стоял трон, занимавший всю ширину здания, четырех гезов высоты. С трех сторон этот трон был сделан из золота, и на нем были изображены охота, ристалище и разные другие вещи; на нем была надпись красивым почерком.

Ковры и обивка этой залы состояли из румийского шелка и бу-каламауна, вытканного по мерке для каждого места, где они находились. Трон окружала золотая решетка, описать которую невозможно. Позади трона у стены были устроены серебряные ступеньки. Сам же трон этот был так роскошен, что, если бы вся эта книга с начала и до конца была посвящена описанию его, все же нельзя было бы найти подходящих выражений.

Говорят, что на тот день, когда султан дает пир, отпускается пятьдесят тысяч мен сахару для украшения столов. Я видел дерево вроде апельсина, все ветви, листья и плоды которого были сделаны из сахара; на нем были сделаны тысячи фигурок и изображений из сахара.

Кухня султана лежит вне замка, и там постоянно работают тысяча рабов. Из павильона в кухню ведет подземный ход. Там было заведено каждый день привозить на четырнадцати верблюдах снегу для султанских погребов. Оттуда и большая часть эмиров и сановников тоже получала свою часть, а если кто-нибудь из горожан просил об этом для больных, давали и им. Точно так же за всяким лекарством и микстурой, которая могла понадобиться горожанам, они обращались в гарем и получали ее оттуда. Точно так же дело обстояло и с мазями, например с бальзамом и тому подобным, если кто-нибудь просит о чем-нибудь из таких вещей, никогда нет ни отказов, ни отговорок. <...>

Прибытие в Мекку. Второй хадж. Вверх по Нилу. Джуддэ

<...> Я снова направился в Египет и через семьдесят пять дней прибыл в Миср. В этот год туда собралось из Хиджаза тридцать пять тысяч человек, и султан всех одел и приказал содержать в течение года, ибо все они были голодными и нагими. Когда же в Хиджазе снова пошли дожди и продовольствие появилось в обилии, султан опять дал каждому из этих людей подобающую ему одежду, одарил их и отправил обратно в Хиджаз. <...>

Совершив хадж, я снова возвратился в Миср, потому что там были мои книги, а возвращаться еще раз в Мекку я не имел в виду.

В этот год прибыл в Миср эмир Медины, получавший от султана ежегодное жалованье в качестве потомка Хусейна ибн Али, да помилует его господь. Я вместе с ним ехал на корабле до Кулзума и переход оттуда до Мисра тоже совершил с ним вместе.

В четыреста сорок первом году⁵³, когда я был в Мисре, пришло известие, что царь Алеппо восстал против султана, он был вассалом султана и его отец тоже был царем в Алеппо. У султана был евнух по имени Умдет-ад-Доулэ; этот евнух был начальником над муталибами и обладал огромными богатствами.

А муталибами называют людей, которые в горах Египта ищут кладов и сокровищ. Из Магриба, со всех концов Египта и из Сирии собираются люди и каждый из них трудится в горах и скалистых местностях и тратит на это деньги. Было много людей, которым удалось найти клады и сокровища, но были и такие, которые растрачивали все свое имущество и ничего не находили. Говорят, что в этой местности зарыты сокровища фараона. Если кто-нибудь там что-нибудь находит, пятую часть он должен отдать султану, остальное же может оставить себе.

Замечательно в Мисре еще следующее: если кто-нибудь захочет насадить сад, он может сделать это в любое время года, ибо всякое дерево, какое бы он ни пожелал, можно всегда добыть и посадить, будь то плодое или декоративное. Есть люди, которые торгуют этим и, что бы ты ни пожелал, достают в любое время. Они делают так: сажают в кадки деревья и

ставят их на крышу дома, так что многие крыши начинают походить на сады. Большею частью у них плодовые деревья: кислые и сладкие апельсины, гранаты, айва, но есть и розы, базилик и разные декоративные травы. Если кто-нибудь желает, приходят посильщики, привязывают эти кадки вместе с деревьями к палкам и несут, куда им укажут. Если хочешь, они ставят эти кадки на землю, а если угодно — удаляют кадку и сажают дерево, которое при этом даже не замечает ни малейшей перемены. Этого обычая я не видал ни в одной другой стране и даже не слышал о нем, и надо сознаться, что это прекрасный обычай.

Описание обратного пути в Персию через Мекку

Теперь я расскажу о своем возвращении из Мисра через Мекку, да сохранит ее господь всевышний от несчастий, домой. Я совершил в Каире праздничный намаз, во вторник четырнадцатого Зу-л-Хидджэ четырёхста сорок первого года⁵⁴ сел в Мисре на корабль и пустился в путь через Саид-ал-Ала.

Эта страна расположена к югу от Мисра, оттуда река Нил приходит в Миср. Своим богатством Миср обязан главным образом этой области. Там на обоих берегах Нила много городов и поселков, но если описать их все, это слишком удлинит рассказ.

Наконец мы прибыли в город, называемый Асиут. Из этого города ведет свое происхождение опиум. Его добывают из одного сорта мака с черными семенами; когда растение достигнет надлежащей величины и начинает образовываться головка, его надламывают, и из него выступает молочный сок. Сок этот собирают и сохраняют, и он-то и есть опиум. Семена этого вида мака очень мелки и похожи на тмин.

В Асиуте этом из овечьей шерсти прядут тюрбаны, подобных которым нет в целом мире. Вся тонкая шерсть, привозимая в Персию под названием «Египетской», идет из Саид-ал-Ала, ибо в самом Египте шерсти не прядут. Я видел в этом Асиуте футэ⁵⁵ из овчины, какого не видал ни в Лахаворе, ни в Мультане; можно было бы предположить по внешнему виду, что это шелк.

Оттуда мы проехали в город, называемый Кус; там я видел огромные постройки, сложенные из камней; они столь велики, что всякий, кто их видит, поражается. В городе этом старый кремль и стены, сложенные из камней. Большая часть зданий там сложена из огромных камней, из которых каждый весит от двадцати до тридцати тысяч мен. Самое удивительное — это то, что на десять-пятнадцать фарсахов вокруг нет ни гор, ни скал, как же и откуда могли быть привезены эти камни?

Оттуда мы проехали в город, называемый Ахмим; это заселенный и цветущий город, там много жителей и прочные укрепления. Много там пальмовых плантаций и садов. Там нам пришлось провести двадцать дней; перед нами было два пути: один — по безводной пустыне, другой — по реке, и мы не могли решиться, каким путем отправиться. В конце концов мы поехали водой и прибыли в город, называемый Ассуан.

К югу от этого города была гора, из ущелий которой вытекает река Нил. Говорят, что выше этого города суда не поднимаются, потому что вода вырывается из теснин и падает с огромных скал. В четырех фарсахов пути от этого города лежит страна Нубия. Все жители ее — христиане, и постоянно от царя этой страны к египетскому султану идут подарки, и между ними заключаются договоры и соглашения, чтобы солдаты не врывались туда и не производили там разрушений.

Город этот снабжен чрезвычайно сильными укреплениями; чтобы на него не могли напасть из Нубии, там постоянно стоит гарнизон для охраны города и всей области. Против города посреди реки лежит остров, похожий на сад, на нем много финиковых пальм, маслин и других деревьев, есть там также и пашни, которые поливаются при помощи гидравлических колес. Вообще на этом острове деревьев много. Мы пробыли там двадцать один день, ибо перед нами лежала огромная пустыня и двести фарсахов отделяли нас от берега моря. Это было как раз время возвращения паломников, приезжавших туда на верблюдах, и мы дожидались этого, чтобы нанять верблюдов, когда они пойдут в обратный путь, и поехать таким образом.

Находясь в Ассуане, я познакомился с одним человеком, которого звали Абу Абдаллах Мухаммед ибн Филидж. Это был добродетельный и праведный чело-

век, кое-что понимавший в логике. Он помог мне нанять верблюдов, подыскать себе попутчиков и приготовить все нужное для пути.

Я нанял верблюда за полтора динара и выехал из этого города пятого Раби-ал-Авваль четыреста сорок второго года⁵⁶. Путь лежал к юго-востоку. Проехав восемь фарсахов, я добрался до стоянки, называемой Дейкэ. Это была лощина посреди пустыни, по обеим сторонам наподобие двух стен возвышались горы. Ширина этой лощины была около ста арашей. Посреди нее был вырыт колодец, который давал много воды, но только не хорошей. Когда покидают эту стоянку, приходится пять дней ехать по пустыне, где воды нет совершенно. Поэтому каждый из нас наполнил водою мех, и мы пустились в путь.

Затем мы приехали на стоянку, называемую Хауд. Это каменистая гора; в ней два отверстия, из которых вытекает вода и стекает в канаву. Вода эта сладкая, но для того, чтобы достать верблюдам воды, нужно войти в это отверстие. Наши верблюды уже семь дней не пили воды и не ели, потому что ничего нельзя было достать. Отдыхали они в сутки один раз, с того мгновения, когда солнце становилось чрезмерно жарким, до третьей молитвы⁵⁷.

Стоянки все известны, потому что не всюду можно останавливаться: может случиться, что в ином месте нечем будет развести огонь, на этих же остановках находят верблюжий помет, разжигают его и варят себе что-нибудь.

Можно было подумать, что верблюды знают, что при всяком замедлении хода погибнут от жажды; они шли так, что их не нужно было и подгонять, они сами находили нужное направление в этой пустыне и, хотя дороги не было ни следа, ни признака, все время направлялись к востоку. Иногда приходилось пройти пятнадцать фарсахов, чтобы найти воды, но в малом количестве и соленой, а иногда ее не было совершенно.

Двадцатого⁵⁸ Раби-ал-Авваль четыреста сорок второго года мы прибыли в город Айдаб. От Ассуана до Айдаба мы ехали пятнадцать дней, и расстояние это составляет приблизительно двести фарсахов.

Город Айдаб лежит на берегу моря; там есть мечеть, жителей там около пятисот человек. Он подчинен египетскому султану. Там находится таможня, так как

туда прибывают суда из Абиссинии, Занзибара и Йемена, оттуда товары везут на верблюдах по той пустыне, по которой ехали мы, до Ассуана, а из Ассуана на судах по реке Нилу доставляют в Миср.

По правую руку от этого города, если обратиться в сторону Кыблы, есть гора, а за горой этой — огромная равнина с обильными пастбищами. Там живет большое племя, называемое беджа; это — люди, у которых нет ни веры, ни религии; они не следуют никакому пророку или водителю, так как живут слишком далеко от заселенных мест. Равнина их в длину больше тысячи фарсахов, а в ширину более трехсот, и на всей этой равнине есть только два маленьких городка: один называется Бахр-ан-На'ам⁵⁹, а другой — Айдаб.

Равнина эта тянется от Мисра до Абиссинии, то есть с севера на юг, а в ширину простирается от Нубии до моря Кулзум, с запада на восток. Беджа эти живут на той равнине; они не злые люди, не воруют и не совершают набегов и заняты только своим скотом. Мусульмане и другие люди крадут у них детей, возят в города ислама и продают.

Море Кулзум⁶⁰ — это канал, который отделяется от океана у области Адена и идет к северу до самого города Кулзум. Где только на берегу этого моря есть город, там это море называют по имени того города, как, например, в одном месте называют по имени Кулзум, в другом — по Айдабу, в третьем — по Бахр-ан-На'ам. На этом море более трехсот островов. С островов приходят суда и привозят масло и кешк⁶¹.

Говорят, что там много коров и овец; жители островов, как слышно, мусульмане. Часть островов подчиняется Египту, а часть — Йемену.

В городке Айдабе нет ни колодезной, ни ключевой воды; пользуются там только дождевой водою, а когда случается, что долгое время нет дождей, воду привозят беджа и продают. За те три месяца, что мы там были, мы платили за мех воды дирхем и даже два, а были мы там так долго, потому что корабль наш не мог пуститься в плавание: все время был северный ветер, а нам был нужен ветер южный. Когда тамошние жители увидели меня, они предложили мне: — Выполни у нас обязанности хатиба, — и я не отказал им в этом и все время был хатибом, пока не подошло под-

ходящее время года и суда не пустились к северу. Оттуда мы направились в Джидду.

Мне говорили, что нигде нет породистых верблюдов лучше, чем на той равнине; их вывозят оттуда и в Египет и в Хиджаз.

В городе Айдабе один человек, словам которого я доверяю, рассказывал мне: — Как-то раз из этого города пошло судно в Хиджаз, которое везло верблюдов к эмиру Мекки. Я ехал на этом судне. Один из моих верблюдов издох, и его выбросили в море. Тотчас же его проглотила рыба, и только нога верблюда осталась торчать у нее из пасти. Тогда подошла другая рыба и проглотила рыбу, пожравшую верблюда, да так, что от нее не осталось и следа.

— Эту рыбу, — говорил он, — называют караш⁶².

В этом самом городе я видал рыбу кожу того сорта, который в Хорасане называют сагри. В Хорасане я думал, что эта кожа какого-то вида ящерицы, но тут я убедился, что это действительно рыба, ибо на ней еще были плавники, какие могут быть только у рыб.

Когда я был в Ассуане, у меня там был друг, имя которого я уже упоминал ранее; его звали Абу Абдаллах Мухаммед ибн Филидж. Когда я ехал оттуда в Айдаб, он был столь любезен, что написал письмо своему поверенному в городе Айдабе: «Дай Насиру все, что бы он ни пожелал, возьми с него расписку и присоедини к своей отчетности». Когда я пробыл в Айдабе три месяца и израсходовал все, что у меня было с собой, мне поневоле пришлось дать это письмо тому человеку. Он оказался человеком благородным и воскликнул: — Клянусь богом! У меня много его товаров. Что прикажешь дать тебе? Бери что хочешь и давай расписку.

Я изумился благородству Мухаммеда ибн Филиджа, что он безо всяких услуг с моей стороны оказал мне такое внимание. Если б я был человеком бессовестным и счел бы это возможным, я мог бы получить от того человека благодаря письму много всяких товаров.

Однако я взял у того человека только сто мен муки, количество, которое стоит там довольно дорого. На это количество я дал ему расписку, а он расписку эту отослал в Ассуан. Еще до моего отъезда из Айдаба пришел ответ Мухаммеда ибн Филиджа: «Какова бы ни была стоимость того, что он попросит, давай ему все,

что у тебя есть из моего имущества. Если же тебе придется дать что-нибудь из своего собственного добра, я оплачу тебе все расходы. Повелитель правоверных Али ибн Абу Талиб, да помилует его господь, сказал: — Правоверный не должен быть ни заносчивым, ни жадным».

Рассказ этот я привел для того, чтобы читатели знали, что благородные люди доверяют людям благородным же, что щедрость бывает повсюду и что щедрые люди бывали раньше и будут и впредь.

Примечания *

¹ Так называются два вида напитков: один — засушенное кислое молоко, распущенное в воде, а другой — нечто вроде пива, изготовляемый из перебродившего ячменя с примесью мяты, руты, перца, лимонных листьев и других приправ.

² Хамелеон.

³ Диван — султанские канцелярии, напоминающие древнерусские Приказы.

⁴ По-видимому, речь идет о Юго-Восточной Азии (прим. Ю. М. Кобищанова).

⁵ Константинополь.

⁶ Харвар (букв. 'ослиный выюк') — столько, сколько сможет поднять осел; считается равным 106 мен, но, как было сказано выше, мен есть тоже мера веса, не определенная точно.

⁷ Старый Каир.

⁸ 4 августа 1047 г.

⁹ Лунная Гора.

¹⁰ Четвертый правитель из дома Фатимидов — Абу Темим Маадд, правил с 953 по 975 г. н. э.

¹¹ 973 г. н. э.

¹² 1046 г. н. э.

¹³ Кахирэ того же корня, как и слово *кахр* 'сила'.

¹⁴ Золотые Ворота.

¹⁵ Морские Ворота.

¹⁶ Ворота Пустыни.

¹⁷ Красивые Ворота.

¹⁸ Ворота Мира.

¹⁹ Хризолитовые Ворота.

²⁰ Ворота Праздника.

²¹ Ворота Побед.

²² Ворота Скользкого Места.

²³ Ворота Ночного Путешествия.

²⁴ Ворота Помощи.

²⁵ Ворота Побед.

²⁶ Ворота Моста.

---

* Все примечания, кроме специально оговоренных, принадлежат Е. Э. Бертельсу.

- 27 Ворота Канала.
- 28 Канал.
- 29 Жемчужина.
- 30 Драгоценный камень.
- 31 Мечеть Самая Блестящая.
- 32 Мечеть Света.
- 33 Мечеть Хакима.
- 34 Мечеть Муыза.
- 35 Восточные.
- 36 Дворцовые служители.
- 37 Негры.
- 38 Это был восьмой халиф из дома Фатимидов Абу Темим Маадд аль-Мустансыр би-Лла, правивший с 1036 по 1094 г. н. э.; в то время ему было всего девятнадцать лет.
- 39 Автор умышленно подчеркивает цвет, ибо это был, так сказать, придворный цвет всех потомков Алиа в противовес дому Аббаса, дяди пророка, избравшему черный цвет.
- 40 Мейдан — мера площади, точная величина которой пока не установлена.
- 41 Источник Солнца.
- 42 Т. е. обелиски.
- 43 Т. е. того Аббасидского эмира, который выстроил мечеть Тулуна.
- 44 Горный проход.
- 45 Базар Лампад.
- 46 По-видимому, речь идет о шкуре жирафа (прим. Ю. М. Кобищанова).
- 47 Очевидно, венценосный журавль (прим. Ю. М. Кобищанова).
- 48 18 декабря 1048 г.
- 49 Небольшой желтоватый плод вроде маленькой дыни.
- 50 Горячее [растительное] масло.
- 51 1047 г.
- 52 7 марта 1049 г.
- 53 1049—1050 гг. (прим. Ю. М. Кобищанова).
- 54 10 апреля 1050 г.
- 55 Особый сорт полосатой материи или же всякая одежда, не шитая иглой, вроде плащей, повязок и т. п.
- 56 29 июля 1050 г.
- 57 Совершается в то мгновение, когда солнце, видимо, начинает клониться к западу, т. е. в зависимости от времени года между 3—4 часами пополудни.
- 58 В печатном и литографированном тексте стоит «восьмого», но если принять во внимание, что выехали они пятого и ехали пятнадцать дней, становится ясно, что здесь недоразумение и следует читать «двадцатого».
- 59 Море страусов или Море пустыни.
- 60 Называемое нами Красным морем.
- 61 Сушеное кислое молоко.
- 62 Правильнее *кырш* 'акула' (прим. Ю. М. Кобищанова).

Первые встречи русских с африканцами. Египет глазами русских путешественников XV—XVIII вв.

В начале 1472 г. в Аденском заливе шло подгоняемое муссонном арабское судно — дау. Оно держало путь из индийского порта Дабул в египетский красноморский порт Кульзум.

Несколько позднее один из пассажиров, находившихся на борту этого дау, вспоминал: «И выдох же корабль из Дабыли града (Дабула.— Ю. К.) до велика дни (христианской пасхи.— Ю. К.) за три месяца, бессерменскаго говенья (т. е. мусульманского поста рамадан.— Ю. К.); идох же в таве (дау.— Ю. К.) по морю месяц, а не видах ничего, на другой же месяц увидех горы Ефиопскыя. И ту людие вси вскличаша: „Олло берговьдырь, олло конъкар, бизим баши мудна насип болмышти“, а по рускы языком молвят: „боже государю, боже, боже вышний, царю небесный, зде нам судил еси погибнути“. И в той же земле Ефиопской бых пять дни, божию благодатию зло ся не учинило, много раздаша брынцу (риса.— Ю. К.) да перцу, да хлебы ефиопам, ины судна не пограбили». Пассажира звали Афанасий Никитин. Великий путешественник был отнюдь не первым русским, ступившим на землю Африки, но первым, прибывшим к ее берегам со стороны Индийского океана.

Русские паломники задолго до Афанасия Никитина посещали христианские святые места Египта. Но не Египет, а иерусалимский храм Гроба господня был главной их целью. Поэтому далеко не все паломники из России посещали Египет; притом они всегда делали это по дороге в Иерусалим и на Синай. Африканских христиан — коптов и эфиопов — они встречали в Иерусалиме. Так, около 1370 г. «хабежей» (т. е. эфиопов) и «хабежскую» церковную службу в иерусалимском храме Гроба господня видел смоленский архимандрит Агрефений, в 1466 г. «куфидскую» (т. е. коптскую) службу там же наблюдал гость (купец) Василий. Василий побывал также в Египте (в декабре 1465 — январе 1466 г.) и оставил описание Каира, одного из крупнейших городов того времени.

К XVI в. относятся описания Египта, коптских и эфиопских религиозных обрядов, которые находим мы в «Хождении» Василия Познякова и в так называемом «Хождении купца Трифона Коробейникова».

Василий Позняков, родом из Смоленска, торговал в Москве. В 1556 г. в Москву за царской милостью прибыли восточные православные прелаты: александрийский патриарх Иоаким, другой Иоаким, патриарх антиохийский, и синайский архиепископ Макарий. Когда в 1558 г. они отбывали на родину, царь Иван Грозный дал им в спутники Василия Познякова и других лиц, составивших как бы неофициальное русское посольство на Восток. Послам было поручено доставить в Иерусалим, Сирию, на Синай и в Египет ценные дары: сотни соборей, деньги, икону, златотканые ризы и пр.

После долгого и трудного путешествия летом или осенью 1559 г. Василий Позняков и другие русские послы-паломники прибыли в Египет. Местом постоянного пребывания они избрали Александрию, откуда Позняков совершал поездки в Каир (в октябре 1559 г.), на Синай (в ноябре 1559 — начале 1560 г.) и в Палестину. Весной 1560 г. Василий Позняков, его сын и другие его спутники прибыли в Иерусалим, где и отпраздновали пасху, а затем благополучно вернулись на родину. Приводимые здесь отрывки из «Хождения Василия Познякова» знакомят с Нижним Египтом, обычаями коптов и эфиопским с характерными плясками и музыкой богослужением: «Хабежи же ходят вокруг гроба господня, и есть у них 4 бубна великие; и ходят вокруг тробницы и бьют по тем бубном и скачут и пляшут...».

Кажется неожиданным резко отрицательное отношение Василия Познякова к неправославным христианам как еретикам, не похожее на дружественное отношение к коптам как к людям «нашей веры» Василия Гагары или на доброжелательное любопытство Арсения Суханова к «христанам из Великой Эфиопии». Очевидно, в этом сказалось впечатление, вынесенное Позняковым из бесед с православными восточными прелатами, постоянно враждовавшими со своими братьями и соотечественниками из других христианских сект. Так, александрийский патриарх спрашивал Познякова: «Есть ли у вас в земли в государеве царстве... кофти, армене и прочие их проклятые ереси, живут ли домами своими?».

В 1582 г. в Стамбул совершил поездку московский дьяк из купцов Трифон Коробейников. Он действовал по поручению Ивана Грозного. В 1593—1594 гг. Трифон Коробейников посетил не только Стамбул, но и Иерусалим и Синай, и снова по поручению царя, на этот раз царя Фёдора Иоанновича. К этому времени была составлена компиляция «хождений» в Турцию, Палестину и Египет, в которую было включено и «Хождение» Василия Познякова.

В следующем веке компиляция была приписана Коробейникову и начала распространяться в огромном количестве списков, а позднее многократно печаталась массовыми тиражами. При жизни дьяк Коробейников был гораздо популярнее купца Познякова; после смерти «купец Трифон Коробейников» превратился в типизированный персонаж.

К середине XVII в. относятся четыре произведения русской паломнической литературы, описывающие Египет, коптов и эфиопов в Палестине. Это «Хождения» Василия Гагары, Арсения Суханова и Ионы Маленького, а также проскинитарий, приписываемый Гавриилу Назаретскому.

Василий Яковлев Гагара, подобно Афанасию Никитину и своим тезкам гостю Василию и Василию Познякову, был купцом. Уроженец Плеса-на-Волге, он торговал в Казани, посылая по Волге и Каспийскому морю корабли в Иран. В 1634 г. Гагара, исполняя обет, отправился в паломничество к святым местам Востока, посетил Грузию, Армению, Сирию, Ливан, Палестину и Египет.

В Египте Гагара пробыл, по собственным его словам, «три с половиной месяца» — в начале 1636 г. — и за это время познакомился со страной и ее населением, а также святыми местами не только Нижнего, но и Верхнего Египта. Он побывал даже в «Земле Эфиопской», под которой, очевидно, подразумевал Нубию. Возможно, свое паломничество к святым местам Василий Гагара сочетал с торговлей. В Египте он выкупил из рабства москвитянина Иеремию, о чем получил грамоту от александрийского патриарха Герасима. Этот документ, датированный 1636 г., сохранился до настоящего времени. Надо думать, кроме Иеремии (или Еремея) в Египет попадали и другие русские полоняники.

Сообщаемые Гагарой сведения об Египте имеют несомненную историческую ценность. Оставленные им записки сохранились в двух различных редакциях. Более ранняя озаглавлена «Хождение в Палестинских местах убогого Василия»; более поздняя, сильно переработанная и расширенная — «Житие и хождение в Иерусалим и Египет казанца Василия Гагары». Ниже приводятся отрывки из обоих сочинений, касающиеся пребывания Гагары в Египте.

В 1651—1652 гг. в Иерусалиме побывал иеродиакон из Сергиева-Посада (ныне Загорск) Иона Маленький. Сюда он прибыл, сопровождая из Москвы на родину иерусалимского патриарха Паисия. Спутником их до Константинополя был Арсений Суханов. В составленном Ионой описании храма Гроба господня приведены сведения о находившихся здесь африканских христианах — коптах и «хабежах».

Еще более интересные сведения о них оставил Арсений Су-

ханов, побывавший в Иерусалиме примерно в то же время. Арсений Суханов был одним из самых выдающихся людей тогдашней России. Сначала архидиакон, затем настоятель монастыря, критик и сподвижник патриарха Никона, он был крупной фигурой в идейном центре русской православной церкви. Правительство неоднократно использовало дипломатические таланты Суханова. В 1636 г. он участвовал в русском посольстве в Грузию. Его путешествие в Иерусалим в 1651—1652 гг. было в первую очередь дипломатической миссией: на Украине, в Молдавии, Турции и Египте он вел официальные и полуофициальные переговоры с правителями государств и главами церкви.

В 1654 г. Суханов совершил третью поездку на Ближний Восток по приказу патриарха Никона. Здесь приводится принадлежащее Арсению описание городов Нижнего Египта и богослужения африканских христиан в Иерусалиме. Завершает его пространный рассказ Гавриила Назаретского о взаимоотношениях евреев и караимов в Каире с турецким пашой.

В начале XVIII в. к святым местам Востока совершили паломничества русские священнослужители: в 1701—1703 гг. московский старообрядческий священник Иоанн Лукьянов, православный священник Андрей Игнатьев в 1707 г. и в 1712 г.— иеромонах Киевского Печерского монастыря Варлаам, служивший капелланом при фельдмаршале Б. П. Шереметеве.

Варлаам в Египте не бывал, но встречал коптов в Иерусалиме. Человек бывалый, отважный и беспокойный, он кажется полной противоположностью Иоанну Лукьянову.

Иоанн Лукьянов впервые покинул Москву для паломничества в Иерусалим. Как и многие раскольнические священники, он не был человеком начитанным. Из паломнической литературы он знал лишь «Коробейникову книгу». До паломничества не было у Лукьянова знакомых среди иностранцев. Чужие лица и нравы приводили его в «ужас», о родном же городе он постоянно с тоской вспоминал на чужбине. Но когда этот москвич поближе познакомился с турками, они для него «как русские стали». Такой же симпатией проникся он к армянам, грекам, арабам-христианам. Все наблюдения этого простого и наивного человека отличаются непосредственностью и достоверностью. Он подробно и живо описывает Нижний Египет и коптов (см. ниже). «Хабежей» (эфиопов) Лукьянов наблюдал в Иерусалиме. В Египте он услышал о «Великой Эфиопии» (Тропической Африке) и наивно говорит о ней как о стране Южного полушария, однако он не связывает «хабежей» с «Великой Эфиопией», как это делал Арсений Суханов.

Русскую паломническую литературу XIV—начала XVIII в. отличает независимость от западной географической традиции, про-

изведения которой, такие, как «Космография» Меркатора и «Географии», начали проникать в Россию с XVII — начала XVIII в., но обнаруживается связь авторов с православной славянской, греческой и арабской, а также коптской средой (в частности, отразившаяся в именовании эфиопов «хабежами»).

В этом смысле весьма показателен перевод греческого проскинитария Арсения Каллуды (XVII в.) на старославянский язык, выполненный в 1686 г. русским монахом Евфимием, учеником украинского эллиниста Епифания Славинецкого. В проскинитарии упоминаются африканские христиане в Иерусалиме и дается описание их религиозных обрядов.

Следует отметить, что специфический паломнический характер источников predetermined то непомерно большое место, которое отведено в них описаниям церквей, монастырей, различных святых мест, религиозных обрядов. Однако эти произведения русской паломнической литературы представляют несомненный интерес для изучения истории и исторической этнографии арабских стран.

К последней трети XVIII в. относятся два очень интересных памятника русской паломнической литературы. Около 1770—1772 гг. путешествие в Египет и Палестину совершил Игнатий (в миру Иван) Деншин, сын курского купца, бывший в то время афонским монахом, а позднее — монахом Саровского монастыря близ Твери. В Египте Деншин побывал трижды: по пути из Греции в Иерусалим, по пути из Иерусалима на Синай и при возвращении оттуда в Грецию. В Каире он прожил целых шесть месяцев, но выше по Нилу не поднимался. Заслуживают внимания приводимые здесь описания Каира и Нижнего Египта, сделанные Деншиным. В Палестине (в Иерусалиме и Вифлееме) автор встречал коптов и кратко сообщает об их монастырях.

Наиболее подробные сведения об африканских христианах в Палестине приводит другой саровский иеромонах, Мелетий, побывавший здесь в 1793—1794 гг. Человек образованный и начитанный, он часто ссылается на описания паломничеств его предшественников: русского Арсения Суханова, украинца Василия Григоровича-Барского, поляка Радзивилла-Сиротки (которого читал он в русском переводе), а также на греческий проскинитарий Досифея и русский академический «Лексикон Географический». В Палестине Мелетий был принят в кругу греческого и коптского духовенства и получил от него интересную устную информацию, особенно об эфиопских христианах и их взаимоотношениях с коптами и православными греками. Однако главную ценность представляют личные наблюдения Мелетия. С большим сочувствием описывает он «бедных» и «убогих» эфиопских христиан, беззащитных не только перед турецкими властями, но и перед духовенством дру-

гих христианских сект. Мелетий сообщает о возмутительных случаях оскорбления эфиопов («хампесов»), свидетелем которых он явился.

Включенные в настоящий сборник тексты воспроизводятся в хронологическом порядке по следующим изданиям:

[Василий, гость], Хождение гостя Василья, 1465—1466 гг.,— ППСб. *, т. II, вып. 3, СПб, 1884.

[Василий Позняков], Хождение купца Василия Познякова по святым местам Востока 1558—1661 г.,— ППСб., т. VI, вып. 3, СПб., 1887.

[Василий Яковлев Гагара], Житие и хождение в Иерусалим и Египет казанца Василия Яковлева Гагары 1634—1637 гг.,— ППСб, т. XI, вып. 3, СПб., 1891.

[Василий Яковлев Гагара], Хождение в Палестинских местах убогого Василия, по прозвищу Гагары,—там же.

[Арсений Суханов], Проскинитарий Арсения Суханова, 1649—1653 гг.,— ППСб, т. VII, вып. 3, СПб, 1889.

[Иоанн Лукьянов], Путешествие в святую землю старообрядца московского священника Иоанна Лукьянова в царствование Петра Великого, М., 1864.

[Андрей Игнатъев], Путешествие из Константинополя в Иерусалим и Синайскую гору находящегося при российском посланнике графе Петре Андреевиче Толстом, священника Андрея Игнатъева и его брата Стефана в 1707 г.,—«Паломники-писатели петровского и послепетровского времени или путники во святой град Иерусалим»,—«Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете», кн. 3, отдел V, М., 1873.

[Игнатий Деншин], Описание путешествия отца Игнатия в Царьград, Афонскую гору, Святую землю и Египет, 1766—1776 гг.,— ППСб, т. XII, вып. 3(36), СПб., 1891.

Гость Василий (1465—1466 гг.)

А от того места (Казьи.— Ю. К.) на пески ко Египту. А от Казьи до Катьи 4 дня ходу; ту финикова дерева много, а вода проведена от Нила реки. А от того града до Ханки ходу 2 дни, торгов много вельми; от Ханки не дошед Египта за 5 поприщ едина весь на

---

* ППСб — Православный Палестинский сборник.

правой руке Матариа. Близь веси тоа смоковница неплодная... а от того места до Египта половина дни. И приехали во Египет за неделю пред рождеством Христовым, месяца декабря [18 числа] на память святого мученика Севостияна, а всего ехали от Бурсы до Египта 100 дней. Египет град вельми велик, а в нем 14 тысящ улиц, да во всякой улице по двоа врата, и по две стрельницы, да по два стража, которые зажигают масло на свещнице; да в иных улицах домов по 15 тысяч, а в иных улицах до 18 тысяч дворов, да на всякой улице по торгу, по великому, а улица с улицей не знается, опроче великих людей.

Василий Позняков (1559 г.)

На утрие же повеле нам потриарх ехати с собою в старой Египет. А до старого Египта три версты. И паки приидохом в старой Египет с потриархом. А в старом Египте большая церковь Святый страстотерпец Георгий, монастырь девич; а в церкви на левой стране, на стене, написан образ Георгий страстотерпец, за решоткою медяною: многа же чудеса и исцеления бывають от того образа. Исцеляет бо турок и арапов и латынян не токмо христьян единех, но всех невозбранно. Другая же церковь Пречистыя богородицы. А были в старом Египте церкви христьянские: Святых мученик Сергия и Вакха, Успение пресвятыя богородицы и Святыя мученицы христовы Варвары; а ныне теми церквами владеють еретики кофти. А в церквах у кофтей образы и олтарь есть; а крещения у них нет, обрезаютца по старому закону. А старой Египет ныне пуст, немного в нем живут старых египтян и цыганов; а турки и христьяне не живут. А город был каменной да розвалился, токмо одне врата стоят целы, в ня же въехала святая богородица со Христом и со Иосифом из Еросалима. И пребыхом в старом Египте 4 дня с потриархом, и оттоле поидохом в монастырь святого Арсения; а от Египта до монастыря преподобнаго Арсения, что царских детей учил, Анория и Аркадия, грамоте, 7 верст; а стсит монастырь на горе на каменной на высокой и в той горе есть пещеры каменны, где старцы живали, отшелники...

А во Египте никакова овощу не родится, опричь сахару и фиников и садов никаких нет, потому что жар немерный. Да во Египте же за рекою Нилею, а по гречески Геон, зделаны полаты велми велики и страшны, аки горы сильные; а от реки Нили 6 поприщ. А стоят на горе, а деланы четвероугольны, а верхи у них, как башни; а деланы те палаты израильтяны, как были порабощены во Египте царю Фараону, и строение Фараоново. А та река от Египта 3 поприща; а на посад привозят воду арапы и продают тое воду во Египте, а возят тое воду на верблюдах и на камырах в мешках кожаных и продают вьюками и кукшинами; а та река Геон с Волгу. А во Египте един град на горе высоце стоит, где живет паша турецкой, а другой град круг всего посаду, каменной же, велми велик; а болши Египта нигде такова града велика не описует. Да за Геоном же рекою 8 поприщ есть езеро, с великой пятницы по вся годы стоит кроваво до вознесениева дни. Да близ того же езера въходят из земли кости чловецьи с великой же пятницы до вознесениева же дни, головы и руки и ноги и ребра шевелятца, уподобися живым, а головы с волосами, а бывают наруже поверх земли. И нехто бысть турецкой паша, именем Сафер, во Египте в ненависти христианские веры, и те кости повеле в великую яму все погresti в землю, а на утрее те кости по прежнему стали наруже, верху земли, коя где была, потому же шевелятца до урошново дни, до вознесения.

А Старой Египет от Египта 4 поприща. А в Старом Египте создан храм во имя Преплавление пречистой богородицы; а служат в нем копты нашея веры. А в том храме жила богородица 7 лет з господем нашим Иисусом Христом и со Иосифом от Ирода царя, как тот Ирод изыскивал убити Христа бога нашего, превечнаго младенца. А зделана та полата во храме под престолом, а вниз ити 10 ступеней, а без свечи ити не уметь, темно. И я многогрешный раб ездил нарочно смотреть и видити и помолитися в Старой Египет, где жила богородица от Ирода царя со Иисусом и со Иосифом; а дал я от смотрения, от себя и от человека своего 8 денег и, выменя свещю, ходил в ту полату, где богородица жила со Иисусом; и в той полате велми хорошо устроено, лише темно. И в те седьм лет нош

и день был безпрестанно огонь, а жжено масло деревянное, и от масла стены и потолок окоптел; а богородице было место учрежено, опроче перегорожено, а перегорода — деревянная решетка; а где сидела Богородица, как приходили на поклон археиреи, и устроено в стене место, как человеку мощно сести. А в полате той посланы рогожи камышевые, а по рогожам сланы ковры были; а на коей доске учися господь наш Иисус Христос грамоте, и за ту доску по многа лета немцы давали казны много, а копты немцам не продали, и немцы тое доску украли и увезли к себе. А той священник коптовский водил тех в церковь, и его копты хотели камением перебити до смерти, и был в великом наказании; а как украдена тому 15 лет.

[Водопрвод и сакия]

Да от той же реки Геон приведена на гору вода к паше в город стеною каменною, а по стене зделан желоб, и тем желобом идет вода ис той реки; а по конец той стены зделана башня, а в ту башню воду подымают колесом, а воротят то колесо буйволы, а тех буйволов — 15.

[Пирамиды]

<...> Да в Египте Старом стоят 12 житниц каменных, а есть житниц по дворуу, а иные есть и с Кремль, а без кровель, а в них сыплют пшеницу и ячмень, а дождя не бывает ни зимою, ни летом, а поставление те полаты царя Фараона; ис тех житниц николи не пережаетца пшеница и ячмень, потому что место хлебородно. По реке Ниле вверх у арапов, а с месяц и с полтора около уезд: села и деревни града Египта. Да близь Египта же Чермное море, поспевают к нему 2 судки на верблюдах.

[Древний египетский инкубатор]

Да во Египте же по деревням зделаны земляны полаты, а в них поделаны печи, во всякой полате по 12 печей. А на всякой печи поделаны ящички, и в те

ящички на всякую печь сыплют по 6,000 яиц; а просыпают толченым и сеяным коневым калом, а печи нагревают тем же коневым калом, и огонь бывает безпрестанно, не само бы жарко, а тепло бы, и дым бы был безпрестанно. И от того рожаются цыплята без матери, и в 12 день учнут цыплята сами проклевываются и вываливаются ис скорлуп, и как цыплята мало пооправятца, и их по дворам и по деревням развозят и продают по 4 деньги цыпленка, а как будет близ курицы возрастет, их продают по 3 алтына по 2 деньги...

[Получение цибета, или мускуса]

Да во Египте же арапы купят гнездами барсы¹, а купят гнездо 400 яфимков и в 500 лет. И барса издаляют, и барсиха всегда восхотеша с ним пастися, а у него все уды тайные отняты, лише играет; и у нее, как приспеет время, в сосцах млеко, и то млеко доят арапы, и съсядетца на верху, как есть сметана, и тое сметану перетапливают и делают из того скус².

[Сахарный тростник]

Да в том же Египте родится камыш, а из него делают сахар. А камыш копают близ моря, а садят его с коренем, с пядочку вышиною, и подсыпают под него голубиной назем, и коренье обливают патокою, и посадя поливают сытою, коли приметца и пустит плод; и как поспеет камыш, и есть его, касть сотовой мед.

[Прочие достопримечательности Египта]

Да во Египте же устроен сад велми хорош, и воды в него напущено, и полаты украшены велми красны,—пашам на приезд.

Как приезжают на воеводство на перемену, и на приезде граждане честь паше воздают: стелют от ворот до палат в подножие участки златоглавы, а тех участков будет ста за три; и по тем участкам идет паша сам, а людие же его те участки подбирают, вся себе,

что хто не подымет, а не на пашу. И всего его стояния живет в том сам 3 дни и 3 нощи; и в те 3 дни на своих служивых людей и на холопей поделают шубы собольи и рысьи; покупает паша у греков, а емлет в долг безденежно, докуд насытятца. Да в том Египте в реки Ниле есть водяной зверь, имя тому зверю коркодил. А голова, что у лягушки, а глаза человечесьи, а ноги 4. длиною немного больше пяди, и естество и яйца, как человечесьи, а до плеску и до естества позвонки по спине, как есть у человека, а хвост, как сомовай. А рювитца на сухом берегу с самочкою, а как завидит человека, и он за человеком далече гонитца и настиг человека, пожирает; а имают его арапы великою мудростию и привозят временем во град к паше.

А жил я многогрешный странник во Египте 2 года и 3 недели, уговев великого поста 2 недели.

Арсений Суханов (1651—1652 гг.)

...в 13 [день] на самом на свету увидели берег, и стали угадывать, что то Александрия, и мало отворотили от права на лево и в обед приехали в лиман к городу Апокирия. Тут видели рыбу с крылами кожаными, а летает как нетопырь, а перья на ней рыбыи и шелуха бела, что у рыбы. Апокирия от Александрии верст с 20 добрым сухим путем. Тогож дни в полдень поехали, наняв сандал, старец Арсений со старцами в город Апокирию. Тут в город никого от христиан не пускают; тут платили мыто мытнику и, наняв две подводы, поехали в Александрию, а приехали на вечер. Вошли в город пеши, турки смотрят, которые на стороже у врат стоят, а ничего Арсению не молвили. И пришед, сыскал монастырь преподобнаго Саввы, где патриарх живет, и тут Арсения старцы приняли любительно и кормили с собою, тут и ночевали. В 14 день с утра ходили по граду и подле моря, после обеда за город на полуденную страну. В 15 день, наняв сандал да три человека гребцов, поехали парусом по утру из Александрии к своему кораблю, приехали в полдни.

ГЛАВА 11. Александрия град пречудный зданием; нет такого ни единого града, якоже он был украшен; а пыне пуст, не многие люди живут по воротам вокруг града, а середка града вся порожня; палаты все обва-

лились; тут и дом отца великомученицы Екатерины, стоят палаты великия, как горы, кирпич красной, а все обрушились, а иные своды еще стоят; церковь была святого апостола и евангелиста Марка, идеже мучен быст; ту живет турчин; токмо камень приходя целуют, идеже мучен быст. А соборная церковь была гораздо велика, а ныне турчин живет, устроен двор как город; а в ту церковь внутрь никто не входит. Да внутрь града Александрии без числа много стоит столбов каменных высоких и средних и мелких мраморных, из единого камня выточенных, круглых, а не составленных. Из Белаго моря затон велик зашел до самой стены города; тут врата к морю великия; у тех ворот внутри града сажен с пять овраг, и стоит столб дивный из единого камня изсечен, четверогранен, в высоту будет сажен с двенадцать, а на нем письма вырезаны кругом от низа и до верха, неведомо какия: сабли, луки, рыбы, головы человекьи, руки, ноги, топорки, а инаго и знать нельзя, видимая и невидимая; а сказывают, будто некая мудрость учинена. А другой столб недалече от того, таков же слово в слово, качеством и количеством, токмо повалился лежит на боку. А сказывают, те два столба поставлены над гробом храброго воина царя Александра Македонскаго, один де у головы, а другой у ног. Да за градом на поле, от града Александрии сажен с 300 или больше, был двор некий великий; здание большое, палаты стоят дивны, иныя целы, а иныя повалились. Тут же близко стоит столб дивне всех столбов и есть в высоту сажен 15, кругом якобы токарною работою выточен, один камень, порфировиден цветом; стоит как стопочка есть, ни покривился никуда. Внутри же града во всем граде житье было под землею, под палатами чудно устроено.

В Александрии реки нет, токмо в полуую воду из Нила протоки заливаются до Александрии, и из тех протоков проведена трубою вода по граду и наполняет в граде устроенные в земли кладези, и тою водою живут год. У александрийскаго патриарха монастырь, ограда высока гораздо, а не велика; токмо церковь внутри да палаты около церкви, а порожняго места нет; а живут тут александрийскаго патриарха старцы. А в церкви в одной половине служат патриарши, а в другой половине два престола венецких немец, да французских, служить приходят чернцы римские, а живут за мона-

стырем. Тут же стоит столб каменен, мрамор белой, точеной, около его якобы киот деревяной, и мало оконце растворяется, и тут поклоняются ему. А сказывают, к тому камени привязана была святая великомученица Екатерина, егда мучима бысть. От того града Александрии к полунощи с версту, на каменном мысу, в море стоит город невелик, полон палат; тут живет воевода александрийский, а около его море, яко на острову, а от него на сухой берег мост каменной, а против моста на берегу город же. А от того города даже до стараго града Александрии все дворы и палаты, и торг всякой тут, а стоят редко, понеже место ровное, и пространно, и пристанище корабельное тут больше и лучше; великие галионы приходят и корабли, которые приходят до Египта от всяких земель; тут все стоят, вниз реки не ходят, пониже мелко.

ГЛАВА 12. В 19 день августа как поехал Арсений стругом во Египет, собрав рухлядишко свое в коробью, и книги и всякую мелочь; да тут же положил Арсений 100 ефимков для того, либо где какая напасть случится, чтобы не все пропало, чтоб было чем откупиться. А что послано государево жалованье к Паисию патриарху Иерусалимскому два сорока соболей, и то Арсений положил тут же в коробью для того, что далее того везти их не уметь было, везде осматривают, и мыто емлют большое; а се и страх был, чтобы не отняли всего. И тут коробью отдал Иорги Керейсу, а велел ему отдать ту коробью архимандриту Амфилогию в Царьграде; да ему же отдал отписку к государю царю Алексею Михайловичу, всея Руси, и к великому господину, святейшему Иосифу патриарху Московскому и всея Руси; а велел ему те отписки отдать архимандриту Амфилогию; да с ним же архимандриту грамотку писал, чтоб он отписки послал к Москве с торговыми людьми, а коробью держал у себя до Арсения, как он назад из Иерусалима приедет. И отдав то, поехали до Решита стругами, а приехали в Решит в позднюю вечерню. Река Нил разлилась, полая вода вся в берегах, а инде и за берегом. В Решите птица строфокамил, высотой человеку в груди, а среднему человеку с плечом ровно, а голова, как поднимет, будет с аграмачью голову высотой, голова невелика, нос гусиной, не добревелик и не добре красен, ноги голы, не добре красны, об этом пальце великом, а другой палец с

внешней стороны невелик; на большом пальце ноготь велик, а на малом мало знать; от головы до зоба пух от бела на желто, а перья нет; зоб, и груди, и до пупа, и спина до хвоста, и на крыльях перья черныя, а недолги, подобием не походит ни на какую птицу; мягки опахи от ног и до хвоста, а сверху около хвоста голо, изредка пенки, и на тех красна кожа в беле, а ест древо, каменья и железо, и хлебное ест, ходит с людьми по улицам, не бьется, не летает, длинных перьев в крыльях нет, но мелкия.

ГЛАВА 13. А 27 день, на усекновение, наняв судно арабское, джерма зовомое, поехали от Решита в полдень в Мисирь, в Египет по грецки, а по латыне в Каир. Шли все парусом до вечера, ночевали на месте. От Решита ехали половину дня, а на завтрее утром, часу до втораго, проехали семь мест; стоят на реке Ниле, на берегу по обеим сторонам; все здание кирпичное, мечети каменная и кирпичная, провозгласницы высокиея. В 30 день шли парусом, в субботу ночь и в неделю день до вечера. В 31, в неделю приехали в Мисирь, смеркалось. От Решита до Мисиря, по реке по обоим берегам все воду колесом волами наливают из реки, поливают сахары и прочие сады, пшено сорочинское, по обе стороны реки берега ровные, а вода поляя, с берегами ровна, шириною яко Ока под Серпуховым или под Коломною, а инде и уже. Островов много по обе стороны; деревни частыя, все земляной кирпич нежженой, а иныя есть жженыя кирпичныя и каменныея; а везде мечети стройныя; скота по берегу по обе стороны много, буйволов и коров и овец; овцы все багряныя, хвост по земли, уши долги, и верблюды и гайдуки, сиречь ишаки, того много же. Корабли к Решиту приходят, которые не добре большие, а выше Решита не ходят до Мисиря, а ходят все джермы арабския яко струги, есть малы, а великих немного. Не доезжая до Египта, видать далеко два фараоновы столпы, яко горы деланные, кабы верст за 20 или за 30, по правую руку вверх едучи рекою. А Египет на левом берегу Нила, вверх едучи против тех столпов или гор фараоновых, а далеко есть. Приехав, ночевали на берегу под Египтом; по реке по низу островов много; река протоками разделяется многими, и то знатно от толой воды, а зимою де и струги до Египта не ходят, но далече стоят на низу. А прибывает вода от рожде-

ства Предтечсва до воздвиженьева дни, все то полая вода стоит и напояет по обе стороны; капусту токмо начинают садить. Сентября в 4 день мы видехом лимоны, финики только спели, а принч поспеваает,—иной упадает, а иной наливает; також мы видехом в молоке мало твердеет. Дыни добрыя отошли, а много их было. Сахар в декабре поспеет варить.

ГЛАВА 14. 7160 года³ сентября в 1 день вышли на берег из джермы, наняв ишеков, поехали в монастырь; тут все пересматривали турки рухлядь, и мыто взяли. И как приехали в монастырь, подал синайскому архиепископу грамотки из Царяграда от архимандрита Амфилохия. И архиепископ про это молвил: мы де и без тоя грамотки для государя царя рады; и приказал дать Арсению келью особую, и прислал постелю, ковер, подушки и одеяло. Потом архиепископ Иоасаф послал со Арсением старца своего ко Иоанникию патриарху Александрийскому. Патриарх и архиепископ и старцы говорили: слава тебе господи, что от такой дальней страны видим тя зде пришедша; и прежде сего от Москвы никто здесь не бывал, токмо при царе Иоанне Васильевиче посол был. В 4 день, наняв ишеков четырех, поехали смотреть святаго места, идеже богородица, идучи из Иерусалима со Христом, мыла Христовы пелены. Тут кладязь, вода пресная и светлая добре. Тут колесом волами влекут воду. От того кладязя с сажень сарай каменный; а сказывают, была церковь, а ныне мечеть сделана; а в нем место сзади выкладено камнем. А тут вода течет от кладезя, а из того места вода идет в сад; тут же на восточной стране в стене в граде киотка сделана, а в ней камешек невелик, четвероуголен, пяди на две в ширину, а толстоты неведомо, пониже вделан меж кирпич, и тот камень мрамора белаго, приходя христиане целуют, а на стенах имя своего пишут, кто в коем году был. И тут пели параклит богородице, а две свечи возжгли у той киотки у камени и кадили ладаном, и дали турчину почесть и поехали. А то место зовется Матария, а камень белой мрамор, сказывают, на нем Христос сидел, егда богородица мыла пелены его. Того ж дни патриарх александрийский прислал корму: кувщинец горячего вина, икры и три рыбы соленых.

Египет место велико и многолюдно, подобен Царьграду; не мочно разуметь, кто из них больше: оба ве-

лики и многолюдны и богаты. В Египте здание каменное. Близко Нила реки стоит самый город от реки с версту, а слободы стоят на самом берегу Нила реки. А как полая вода и река потечет сквозь града, нарочно сделан ров великой, каменный выкладен, якобы река великая течет. И на той реке на берегу, на каменной стене сделаны у них места, и на них смотрят, сколько воды прибудет или убудет, и потому уразумевают, хлеб того года дорог или дешев будет. Египет стоит на ровном месте, не яко Царьград из холмов; здание города и дома и торги все каменное, стройно гораздо. Город меньшей, в нем же паша живет, стоит на острове, сиречь на самом краю горы. К нему вода идет приводная, от Нила реки волокут колесом волами; тут же на горе близко пашина двора был двор Иосифа прекраснаго Иаковлева сына; стоят палаты все пусты, инья целы, инья попортились; одна палата великому диву точна: стоят внутрь ея и теперь 32 столпа каменных мраморных, высота сажень 9 или 10, круглы якобы точены, из единого камня, а не составныя и на них основан был свод палатной. Да сверху была вкруг палаты тоя подпись, строка деревянная, слова резаны из древа и наклеиваны на стене, величеством слова те сажень трех есть, были позолочены, и ныне иное стоит, иное попортилось. А от того места видеть с горы далече на долу, якобы двор великой каменной; то сказывают Иосифовы житницы. Да и ныне же тут хлеб лежит, и сторожа де тут есть. Во Египте церковь христианская одна, в ней же патриарх александрийский служит, приходя. А живет патриарх от той церкви далече. У патриарха двор каменной добре строен, и церковь пречудно устроена, мост и прочее все украшено цветными мраморы; а сказывают, обедни в ней не служат. Другая церковь на старом Египте. А всех христиан в Египте арабов и греков, тутошных жильцов, сказывают, сот шесть, а с приезжими будет и тысячу (архиепископ сказывал синайский Иоасаф, будто в Египте 14 мечетей великих и малых). Во Египте монастырь синайскаго монастыря; тут живут архиепископ синайский и старцы честные, у них три двора гостиных каменные, у патриарха також три. А в них стояльщики ставятся всяких вер торговые люди, или рукодельные, а платят помесечно с места, с одной лавки по полтине на месяц, а с иных по два и по три ефимка. Во Египте безчис-

ленно жарко, а дождя николи не бывает, а снегу и льду не знают. Там во Египте яицы без курицы от теплоты писклята высиживаются, вдруг, сказывают, сот пять и шесть и тысяча вылупляются, и того ради там куры и яицы дешевы, сахар дешев головной и леденец, нашатырь дешев, потому что тут варят; дороже всего во Египте дрова и всякое дерево; финиковых ягод добре много. В синайском монастыре винограднаго питья нет, пьют за трапезой все вино горячее, как и наше хлебное, а курят его из ягод финиковых. Так же и у патриарха. В Ниле реке есть зверь лютой крокодил, подобен ящерице, токмо велик и силен, четыре ноги и хобот ящеричьи; на нем на коже чешуя, подобна якобы на рыбе, точию в зелени желта и крепка добре, рот велик, глава долга и зубы велики. Аз видех у аптекаря во дворе у немчина венецкаго мертваго высушена, а живого видех, продают маленькаго, глава связана, чтоб не уела. Во Египте же много попугаев маленьких и обезьян и всяких товаров индийских без числа много; алоэ дешево, и андрагрыз дешево; тоя андрагрыз купил в государеву аптеку 130 золотников, дал 130 рублей. Во Египте же за рекою Нилом, идеже столпы древние фараоновы могилы учинены великаго дива, яко горы учинены; снизу широки, а сверху заострены. Тут же поле великое ровное...

*[Пасхальная служба в храме
Гроба господня]*

<...> В церкви во всей по местам придут от города Иерусалима богомольцы православные в соборной церкви. А ивери на своем месте; копты и хабежи на одном месте праздновали за один; а хабежский престол стоял порожен, синайский престол пуст же был, армян не было же, франков не было же, понеже франки пели прежде нас за 10 дней рождество Христово, и то было в навечерии; армяне не праздновали же рождества Христово в тот день. А тут в церкви весь народ ночует по своим местам, и огни накладывают во многих местах в великой церкви и тут спят. В церкви великой яко был въезжий двор, и крик, и шум, и хлеб продают, и в дудки играют, скачут во всей церкви всякие люди, и тако творят два дни, и иные и третий день остаются.

Утрешню хабежи с коптами служили, а обедню хабежи на своем престоле особенно пели.

Иоанн Лукьянов (1701 г.)

И стали мы тамо в Рахите жить, а со арапами осматриваться, и по Нилу реке гулять. Нил река будет с Волгу шириною, а бежит быстра и мутна, а воды пить нельзя ни по коему образу; а так наливают в сосуды, да миндальные ядра кладут, так она отстоится и хороша станет; а Нил река три месяца мутна бывает; потом и счищаться станет. В великой Ефиопии, когда у нас бывает зима, а у них лето; от нас к ним солнце-де забежит — так у них в месяцах в тех лето бывает; а когда настанет месяц май, так у них станет зима становиться, а от них к нам солнце в северные страны зайдет; так у них май, июнь, июль, зима, морозы, снега глубокие; а когда настанет август месяц, тогда у них бывают дожди и зима пойдет долой; так та вода поляя придет во Египет, [в] Успенъев день, и идет мутна три месяца, и рыбы не ловится в те поры; а изчистится в ноябре: тут уже лов рыбной пойдет. В реке Нилу рыбы много зело, а рыба все тарань, иной мало. В Рахите по Нилу зело садов много и фиников; финики не дороги; фунт копейка сушеных. Во Египте дождя никогда не бывает; все рекою всю Египетскую землю напояют, везде борозды проведены, да воду по нивам пушают. А Нил река низка, берега низки, бежит ровень с берегами. Овощ всякий в Египте дважды в год поспеваает, и хлеб такожде дважды снимают, а лимоны что месяц, то плод. От усть Нила реки до большого Египта Нилом рекою пять сот верст, а кораблем в верх, как добрый ветер, в три дня поспевают. По Нилу реки до Египта такие комари сильные, что сказать нельзя; невозможно быть без полога, единой почи не уснешь без полога, а когда мы пришли, так нас комари объели, так рожки наши стали пьяные, угреваты, друг друга не опознаешь, а на них знаку никакова нету, хошь их и едят. И жихом мы в Рахите семь дней; и нанял нам игумен корабль до Домят, до другой пристани, а иттить вверх по Нилу реке; а корабль арапский был, и игумен нас отдал арапам в руки и приказал, чтобы никакой налоги нам не было, так раиз

очистил нам корну, и мы в корну поклали рухлядь свою, да и сами сели и убрались всякою харчью.

И августа в 17 день седоном в корабль и поидоном вверх по Нилу реке к Домятину, к другой пристани Египетской, а дали с человека извозу по талеру. И той ветр быст зело поносен и добр до полунощи, а с полунощи престал, и стояхом тут до полудни, и видехом тут по Нилу реке городков арапских и сел безчисленное множество, невозможно изчести, что песка морского, городок от городка верста да две версты, а селы также, а жилье все каменное и селы узоричистые вельми. А земля около Нила добрая и черная и ровная, будто нарочно делана, нигде нет ни бугорочка, хошь яицо покати, такова гладка, а людей многое множество, а вода во всю землю Египетскую пущена из Нила. Ино как с корабля поглядишь, по всей земле только что небо да вода везде. А где берега высокие, так тут волами воду тянут, а колеса сделаны что мельничные, да кувшины навязаны, да так и наливают: а инде кошельми люди льют. Зело земля Египетская довольна всем, и людьми и жильем. Что говорить! это земля у турка золотое дно, всячина из Египта в Царьград кораблями идет. Нил река что выше то шире, к Египту инде есть верст на пять шириною. И шли мы Нилом рекою вверх три дня и, не дошед Египта верст за двадцать, поворотихом в другую проливу вниз по Нилу под Домятино. Тут Нил река от Египта расшиблась двумя гирлома: одно гирло пошло под Рахит, а другое под Домят. Удивительная земля египетская, как посмотришь по берегу-то, везде арбузы горами лежат, дыни, арбуз дать копейка велик, и дынь такожде в подъем. А когда мы с моря пришли под Рахит, так от усть Нила реки видить Александрия, а мы в ней не были, верст с десять только мы от нее стояли. А когда мы поворотихом вниз три дни, и на четвертый день пришли в Домят. Пристань Домят место хорошее, добро бы не больше Рахита и строение такое ж. Зело этим у турка пристани велики, и корабли египетские велики. А когда мы шли на корабли со арапами, горько было сильно, люди то что беси видением и дела, а мы, трое нас, что пленники, языка не знаем, а куда нас везут, бог весть, а хотя нас куда и продали — кому нас искать и на ком? Да спаси бог игумена! он радел миленькой и приказал нас беречи, так нас хо-

зяин арап сильно спабдевал и берег. А когда мы пришли в Домят, так он, арап, кликнул греченина, да и отдал меня в руки: на-де, отведи его в метоху, так греченин напаял арапов под нашу рухлядь, да и пошли в метоху в монастырское подворье. Тут нас игумен принял с любовью и трапезу добрую учредил, а языка не знает, да старец у него повар Сербиц, он спасибо язык русской знает, так нам отраднее стало...

Андрей Игнатъев (1707 г.)

Пришли ко Александрии и в лиман пристанище на 17 день во отдачу часов дневных, встретил нас арапин на маленькой лодке, называют его по-арапски Богас-ренс, сиречь, ведущий в ход лимана [лоцман]. В 18 день вышли из шайки вси сколько нас было хаджиев в хан поклонников, а по-нашему на гостинной двор; того же дни ходили в монастырь к вечерни, а той монастырь в старом граде Александрии, и живет в нем от александрийскаго патриарха игумен, а церковь в том монастыре св. Саввы Освященнаго, одеснаю страну алтаря придел св. великомученика Георгия, а о шую наподобие того придела устроено, только отправляют в нем франги свое служение. А град той древний Александрия, по-арапски — Скендере, немного меньше основанием Царяграда, по токмо до основания весь разорен и дома были знатно что превеликие, где который рассыпался уже в прах, и праху того яко горы стоят, а где еще немного знатно градские стены и башен, мнится что гораздо был красивее Царяграда; есть же и дошыне вещь предивная во граде том сказывают, и мы видехом, аще и незнатно соделано, де, от царя в земли под всем градом Александриею второе жилище, и названо, де, было второй мир; земли на том строении толщины сажени четыре, а глубина его строения саженей 8 и больше; в жилищах иных ныне есть вода прензрядная, токмо не во многих, и тою водою вси жители Александрии тии питаются, а во иных безводных местах многие хотят со свечами, и строение, де, ни колько нерушимо стоит, дома и ряды все знатно, и стеншова письма зело, де, премного, а христианского дому во всей Александрии несть ни единого, токмо бурсурманы, арапы и турки и жидов много; дома — строение каменное и кирпичное, сводов каменных не имеют,

врат и затворов в рядах и во окошках домовных и решеток железных не имеют же, в место сводов каменных полагают брусья и на них доски и потом землю смешают известь с пеплом, и тем помазуют сверх, то есть и кровля; а земля во всей Александрии вся пещаная, окна употребляют больше сицевых образов⁴ и с решетками деревянными, а затворы изнутри. Из Александрии пошли октября в 20 день во втором часу дня, и шли на восток 30-ть миль до городка Абагор [Абукир?] день весь, зане не было по нас погоды; ночевали у того городка в лимане пристанищи, а лиман той лучше Александрийского; который от нас ходили в город для покупки вещей и пищи, не токмо сыскати могли вещей, но пищи и воды не обретоша, зело городок убогий и малолюдный.

В 21 день пошли от Абагора за два часа до света, перешли миль 30, часа в 4 пришли во устье реки Нила, еже есть Фиссон, не дошли до селения Рахити (а по-турецки и по-арапски — Решит) мили за 3: не допустила погода, и стояли близ берега весь день, пошли к селению часа два до ночи, а по той реке Нилу, даже до самого Египта, по обою страну все сады финиковые зело превеликие и изрядные, сказывают, что, де, есть ширины верст на 5, а во ином месте и на десять, во владении тамошних жителей у арапов и турок до Рахити по обою страну реки зело место влажное и низкое и многокамышное, земля черная иловатая, и много по той земле сеют пырипис, а по-нашему пшено сарачинское, и родится, де, много, а егда потреба бывает в сады воды, есть много копанных кладезей при брезе, и в каждом соделано великое колесо, таскают воду волами и пускают в бразды, а иные из самой реки пускают воду, выкопав бразду; пришли к селению в 3 часу ночи...

Игнатий Деншин (1766—1776 гг.)

В то время обретох я корабль, идушь в Египет во град Дамиег, и дойдохом до оного места благополучно и обретох другой корабль, аравийский, и плаваша Нилом рекою и дойдохом в шестой день в Египет, и видевше меня людие странного, начаша спрашивати, откуда я и где был. Объявил от Афонские горы и приведоша меня Синайские горы к архиерею, который

Також выспрашивал, откуда я и куда гряду, я отвечал ему: хочу идти в Синайскую гору. На то преосвященный ответствовал: никак невозможно шествовать, ибо варвары арабы заступили все места, ограбят тебя. И жил я в оном месте три седмицы, и пойдох в путь свой, и приидох во град Аракиит, близ моря стоящ на Нилу реке, и пребых в нем более двух недель, и учинихся болен горячкою, что уже приготовился к смерти и святых таин приобщихся, а потом учинилось мне полегче, слава богу, и яхся пути достигох Александрии, и пришед в монастырь святого Савы, и поведоша мне греки, что здесь патриарх имеется, и явихся я его святейшеству, приях благословение, и вопросих мя, откуда и где был; сказал ему: российский человек, был во Иерусалиме. Он же весьма удивился странствию моему и взя меня с собою во Египет, и пробыл я у него 6 месяцев, и поклонихся святому месту, где пресвятая богородица с превечным младенцем господом нашим Иисусом Христом и со Иосифом, бежавши от Ирода во Египет, и пребывали на оном месте, ту есть пещера и монастырь, который содержат христиане кофтские. Еще ж монастырь имеется наш православный, Великомученика Георгия, в доме патриаршем, церковь состоит Николая Чудотворца, другой нет⁵. Град Египет такой великий, что вдвое более Царяграда, и, сказывают, одних мечетей арабских более 20 тысяч. О многолюдстве его весьма удивихся. Зимы там не бывает, и зной весьма велик, того ради не могах терпети солнечного вару, прицужден возвратиться в Александрию.

Еще же примечанию достойно, когда Нил река разливается а потом убывает, засевают хлеб и бывает великое хлебородие < . . >. Поспеваает хлеб в феврале месяце, где у нас состоит самое зимнее время.

Примечания

¹ Имеются в виду виверы циветты, или цибетовые кошки.

² На самом деле мускус («скус») добывали не из молочных, а из мускусных желез животных.

³ Здесь приведен год от так называемого сотворения мира. Соответствует 1652 г. н. э.

⁴ Вероятно, к сему месту в подлинной рукописи было пояснительное изображение, которого в противне (о. Пахомия) не находится (прим. издателя Л. Кавелина).

⁵ На поле [рукописи] тою же рукою написано: Город Каир, 240 000 улиц, 7 миллионов людей (прим. издателя Л. Кавелина).

Украинские путешественники XVIII в. в Египте

Первые украинские путешественники появляются в Египте в начале XVIII в. Как и русские паломники, украинцы посещали эту страну в основном по пути в Иерусалим, следуя на поклонение святым местам Востока.

Украинская паломническая литература XVII—XVIII вв. тесно связана с соответствующей русской и сербской, в меньшей степени — с греческой и западноевропейской литературами, а также с православными славянской, греческой и арабской устными традициями. Об этом, в частности, свидетельствуют термины, которыми в украинской паломнической литературе обозначены африканские христиане: «кофτες» (греч.), «хабежи», «коптии» (серб. и русск.), «кофи», «копти», «кофти», «абесины» (последнее — западное).

У Ипполита Вишенского Эфиопия названа «Агавешской землей», что явно восходит к арабскому *бийяд ал-ахабиш* 'земля абиссинцев'. Очевидно, это название почерпнуто в живом общении с арабами в Палестине или на Синае. Следует отметить, что из украинских паломников XVIII в. только Василий Григорович-Барский хорошо знал арабский язык.

Надо думать, что в Египте и Иерусалиме находилось в то время немало украинцев. Прежде всего это были полоняники. Об одном из них, сыне бахмутского атамана из Слободской Украины, носившем в Египте имя Касум-бек, упоминает грузинский источник XVIII в. О Касум-беке говорится, что он являлся «выдающимся беком в Египте» и что мамлюкские правители этой страны грузины Ибрагим-бек и Мурад-бек * «весьма его почитают». Вместе с Касум-беком в мамлюкских войсках Египта находилось 11 младших командиров (кашифов) и 860 рядовых воинов, не считая вышедших в отставку — все из «русских» пленников (ве-

---

* О них см. в главе «Грузины в Египте и Эфиопии (V—XVIII вв.)».

роятно, в большинстве украинцы*). Примерно в те же годы в Палестине женой местного турецкого паши была пленная украинка, имевшая на него большое влияние. Кроме того, в греческих православных монастырях Палестины в конце XVIII—начале XIX в. постоянно находились украинские монахи. В частности, они жили в монастыре св. Саввы, где временами находились и выходцы из Эфиопии.

Первым дошедшим до нас памятником украинской паломнической литературы (кроме древнерусского «Хождения игумена Даниила») является анонимный западноукраинский «Путник о граде Иерусалиме», датируемый концом XVI—началом XVII в. Анонимный паломник в Египте не был, он побывал лишь в Иерусалиме, где наблюдал богослужение коптов.

Следующим по времени является паломничество северных иеромонахов братьев Макария и Селиверста. По дороге в Палестину они в 1704 г. посетили Нижний Египет и оставили любопытное описание этого уголка Африканского материка. В Иерусалиме они также видели африканских христиан — коптов и эфиопов («хабежей»).

Четырьмя годами позднее в Палестину и на Синай совершил паломничество черниговский епископ Ипполит Вишенский. (Его здесь неверно информировали о том, что на африканских берегах Красного моря «аж до Агавешьской земли» «свою віру держать» копты.)

Далеко не всегда можно выявить украинцев среди массы славянских паломников в Палестину, Египет и на Синай. В обстановке постоянных войн с Турцией им приходилось скрывать свою национальность.

Характерный пример. Монаху Матронинского монастыря из-под Чигирина Серапиону Множинскому-Каякову, совершившему паломничество в Иерусалим в 1749 г., счастливо удалось избежать заключения в турецкую тюрьму: он дважды уплатил харадж («гарач»), «только ж другая опасность была: бо греки говорили, ни русином (украинцем), ни москалем (русским) не называтися мні, но или болгариниом, или сербиниом зватися, да не како увідавши турки мене быти от Российского государства, за шпіона причтут и ухватят».

Наиболее выдающимся из украинских путешественников XVIII в. был Василий Григорович-Барский, характерный представитель поколения украинской интеллигенции, которое не находило на родине применения своему образованию и талантам.

---

* В силу своего географического положения и политической обстановки на востоке Европы Украина в XV—XVIII вв. давала более половины славянских пленников Османской империи.

Родился Барский в Киеве в 1701 г., учился в Киевской академии, но из-за болезни не окончил ее, однако успел изучить старославянский и латинский языки. В 1723 г. вместе с другим студентом, Юстином Леницким, Василий Пригорович-Барский тайком от родителей отправился во Львов, где надеялся продолжить образование. Назвавшись польскими подданными и униатами братьями Барскими, друзья поступили во Львовскую иезуитскую коллегию. Но вскоре обман открылся, и оба молодых киевлянина были изгнаны из коллегии.

В течение следующих двух лет Василий Барский исходил пешком Венгрию, Австрию, Словению, всю Италию, затем путешествовал по материковой и островной Греции, Сирии, Палестине, Египту, иногда подолгу жил в греческих монастырях. Литературный греческий (византийский) язык он изучает в Венеции, в ливанском Триполи, на Кипре и Патмосе, сам преподает латинский язык Кипрскому архиепископу Филофею, становится доверенным лицом Антиохийского патриарха Сильвестра, переписывается с Симоном Тодорским, первым украинским знатоком арабского и эфиопского языков, поддерживает знакомства с греческими просветителями, на некоторое время поселяется в Константинополе, откуда совершает поездки по европейским и азиатским владениям Турции.

Греческим и латинским языками Барский владел прекрасно, и это весьма помогало ему в голодной, нищенской и скитальческой жизни. Арабским языком он овладел настолько, что смог исповедоваться по-арабски арабскому православному священнику в сирийском городке Эдлибе, а позднее под видом дервиша, путешествуя с караваном мусульманских паломников, он даже проник в знаменитую Дамасскую мечеть, закрытую тогда для иноверцев. Он оставил уникальное описание этой мечети, а также древних и до сих пор загадочных циклопических сооружений Баальбека, колонны Помпея в Александрии и других памятников прошлого. Очень подробно Барский описывает Нижний Египет, где он побывал трижды, а также коптскую религиозную колонию в Палестине. Ниже приводятся отрывки из его путевых записок, посвященные Египту.

На родину (пешком через Болгарию и Румынию) Барский вернулся лишь в 1747 г., чтобы занять кафедру профессора греческого языка в Киевской академии, но через месяц после возвращения в родной дом умер.

Приводимые здесь отрывки из описания путешествия Макария и Селиверста воспроизводятся по изданию: [Макарий и Селиверст], Путь нам, иеромонахам Макарию и Селиверсту, из

монастыря всемилостивого Спаса Новгородка Северского до святого града Иерусалима поклониться Гробу Господню в 1704 г.,— «Паломники-писатели петровского и послепетровского времени или путники во святой град Иерусалим». «Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете», кн. 3, отдел V, М., 1873.

Текст записок Барского дается в основном по научному изданию Н. Барсукова (Странствия Василия Григоровича-Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 г., ч. I—IV, СПб., 1885—1887). Использовано также первое издание 1778 г.: [Василий Григорович-Барский-Плака-Албов], Пешеходца Василия Григоровича-Барского-Плаки-Албова, уроженца Киевского, монаха Антиохийского, путешествие к святым местам, в Европе, Азии и Африке находящимся, предпринятое в 1723 и оконченное в 1747 году, им самим написанное, СПб., 1778, в котором оригинальный текст местами существенно искажен при первой редакции главным образом в целях приближения его смешанного украинско-русско-старославянского языка к русской литературной норме второй половины XVIII в. Мы сочли, однако, возможным сохранить некоторые термины первого издания записок Барского (они даны в квадратных скобках).

Макарий и Селиверст (1704 г.)

Александрия град был великий и хороший, которого еще фундовал¹ царь Македонский, а теперь того строения мало, никак части стоят, весь город пуст и палаты поразвалилися, и стены городские две муровано² каменем весьма высоко, а между теми стенами spacerу³, же [что] можно возом проехать и разминутися. А людей трохи мало зостае над берегом морским, где корабельная пристань, там на море и замок блиско пристане, а живут в замку и в граде все арапи. А двор святейшего патриарха стоит посеред града Александрии, а близ двора патриаршего никто не живет, все пусто; и тут еще арапи не дают покою святейшему патриарху. Тут ж, в великой церкви, в приделе святой великомученицы Екатерины, есть столпик невеликий мрамуровой⁴ белый, до которого камня главу втято великомученице Екатерине; еще и доньне есть многим видети на столпику святой великомученицы кровь, и тут верни кланяются и целуют тот столпик; также и нам бог сподобил видети кровь святой великомученицы Екатерины и знаменоватися. По правой стороне к дво-

ру святейшаго патриарха стоят недалеко палаты святой Екатерины, только же мур⁵ поразвалился; где у ворота были, там стоят семь слупов⁶ мрамуровы, круглые, весьма хорошие; по левой стороне стоит церковь святого евангелиста Марка, развалилася вся. Преславны убо град Александрия, же не мощно изрещи, как там все мудро строено. Первое дело, как вода выведена: во Александрии реки никакой нет, кроме моря, а морская вода весьма солона, никак пить [не мочно], и есть Нил река, которая идет в Египецкой земле, а из Александрии до реки Нилу дни 4 ходу; и от той реки Нилу ведена вода под землю даже до Александрии; и тут в Александрии, как есть город великий, то под тем городом вырыта земля весьма глубоко, вкопаны столбы мрамуровые и пущена вода из Нилу реки под весь город. Александрия же стоит на столпах каменных на воде и подавно из-под земли наверх; окна как колодези всюду по городу и по дворам; а тех окон всех есть, поведают тамошние жители, же четырнадцать тысяч; и как придет вода из той реки Нилу, то все студне⁷ те наполняет; а та вода приходит из Египецкой земли в Спасовку⁸.

А из Александрии мы пошли Белым морем по-прежнему, и шли день, и пришли под городок, Бугор называемы; и под тем городком 2 дни стояли, и там видели арапов, ходящих и веселящихся, что вода пришла, а ходят по дворам с бубнами, воспевают и скачут, и скороговорцами, яко бы у нас священницы ходят с процессиами. И пошли от того городка, и пришли в Нил реку, которая идет Египецкой земле, а идет велми быстро и околумутно. И пришли до города Рехиту, и тут пережили 3 дни, и в том городе [видели] двух птахов очень великих, называемых струси; крыла их кожаные, иже не могут летати, перья на них как на курице кострубато, ноги их велики, а копыта как в товарине⁹, шея долгая и голова невеликая, якобы в гуси или в качки¹⁰; а кто дразнит, то копытами бьет. И пошли из того града также Нилом рекою, и та река всю Египецкую землю напояет; не бывает дождь, а не теж зима, и та река Нил, как придет в Спасов пост вода, то все поля египетский понапояет вместо дождя; еще же те люди, тамошние жители, наполняют ровы и пускают на нивы свои и задерживают на нивах, то вторичны плод земля принесет. Овощей теж в Египец-

кой земле больше нет, кроме фиников; как в нашей земле гап¹¹ великие, то в Египетской земле так финики; а солнечная горячность неизмеримая, и земля египетская не веселая <...> И мы шли Нилом рекою миль двести; тут же шли и мимо гор Фараоновых, которые муравьяны каменем, и на тех горах показывали египтяном чуда свои плюгави; так поведает, же тих с гор дождь и гром. И от тех гор пришли до Великого Египту, и тут жили дни 3 у святейшего патриарха во дворе Александрийского, и тут во дворе церковь святого Николая. Дивно же нам поведали о той святой церкви: «Некак преславны был из Царяграда на князство Египетское, и повеле церковь святого Николая отнять и претворити в баню; патриарх же нача скорбети, и помолився в церкви с христианы, в ту же ночь пришед святы Никола до князя, взял его за горло рукою, и стисне и рече ему: „Почто еси велел из дому моего сотворити баню? Аще не велиши дому моего отдати христианам, то в другую ночь прииду и погублю тя!“ В тот же час послал князь и велел ту церковь кленути¹² и отдати в целости патриарху со христианы, и ту церковь держит святейший патриарх и служит до сего дни». На утришни день повели нас в стары Египет, а в старом Египте большая церковь есть Святого победоносца Христова Егория, и по правой стороне написан образ Георгия медяны; много знамения и исцеление бывает от того образа не только христианам, но и туркам и арапам и протчим языком и еретикам, но все невозбранно входят. И много церквей есть, тако ж обладают еретики: церковь Пресвятой богородицы успение, Святых мученик Сергия и Вакха и Святые великомученицы Варвары. А в старом Египте немного живут старых египтян, цыган, но турки и христианы живут. А стена градская местами развалилась, токмо одни ворота стоят целы, в которы въехала пресвятая богородица с Христом и Иосифом из Ерусалима. И оттоль возвратилися паки в патриарший двор. А из Египту также пошли Нилом рекою уже за водою; ибо Нил река раздвоилась на две, и пришли до города Дамьяту...

Примечания

Язык памятника — украинский, с отдельными старославянскими, русскими и польскими словами. Несомненно, все слова производились по правилам украинской фонетики, но писались в традициях древнерусской орфографии с элементами старорусской и отдельными «гиперрусизмами». Эта орфография передана здесь весьма условно для удобства прочтения текста русским читателем.

Перевод украинских и польских слов:

- ¹ Фундовал — основал.
- ² Муровано — построено, здесь построены.
- ³ Спацер, спацир — прогулка, здесь проход.
- ⁴ Мармур — мрамор.
- ⁵ Мур — стена.
- ⁶ Слуп — столб.
- ⁷ Студни — здесь водоемы.
- ⁸ «В Спасовку» — т. е. «на Спаса», «на Спасов пост» — 19 августа.
- ⁹ Товар — скот; товарина, тварина — животное, скотина.
- ¹⁰ Качка — утка.
- ¹¹ Гай — роща.
- ¹² Кленути — восстановить.

Отрывки из «Путешествия к святым местам» Василия Григоровича-Барского

Начальник корабля приста к единому пристанищу, ниже Александрия сущему, именуемому Апокерея, иже есть место убого и оскудно во вся, понеже на песку стоит, идеже ничто же не рождается, токмо фиников многая множество, от них же арави кошницы плетут зело лепотним художеством и продают во вселенную. Тамо христиане не обитают, токмо самие агаряне; уведавше же от пришелец, яко в Александрии патриарха несть, но в Египте [Каире], понеже патриарх ради тамо хотехом дойти и не иной вини, сего ради пренесше свои вещи в ин мал корабль эфиопский¹, и замедливши тамо два дни, третьего дне отплихом к граду, рекомому Рахит; идеже первее плихом морем, таже дванадесять миль рекою Нилом.

Рахит несть град стеною оточен, но касапас [пристань], си есть [то есть] множество народа и зданий, якоже град, имущ; стоит же при Ниле реце [реке] за дванадесять миль от брега морского, на равном и прекрасном зело месте; много имат древа садового от смокв, бросквин² и лимоний [лимонов], наипаче же

фиников бесчисленное множество, иже, аки леси, лето и зиму зеленеют, понеже от оних древес никогда же листвие [не] отпадает, от них же делают эфиопи³ кошницы, верви, клетки и прочая на потребу купеческих товаров; 12 бо миль от моря даже до Рахита, все бреги и острови Нила полни суть древес финикових, сице же лепоту являют человеку, яко не могут насладиться очеса его. Есть же пристанище великое и богатое. Понеже от Египта⁴ Нилом рекою тамо вси [все] товари купеческие приходят, и оттуда в инние странни разносятся. Приходят же тамо по суху и по водам торговци великие от всея вселения: от всея Анатолии, Чермного же и Белого⁵ моря, от Венеции и всея Италии, и взимают оттуду кафе [кофий], риж⁶ (т. е. сарацинское пшено.— Ю. К.), лен, плоди финикови, ткани различна и инние вещи драгие, от Индии приходящие. Не приходят же тамо корабли великие, но малие все: понеже река мелка есть; его ради оттуду товари купеческие переносятся малими кораблецами в Александрию, яже стоит на пристанище морском, и оттуду развозятся кораблями великими в инние странни. В Рахите строение домов высокое и зело лепотное, понеже окон множество малих же и великих имут, яко полати, аки сеть сквозе зрятся и ветр дышает внутрь от всех стран.

Вся же здания суть от плинф дробных печенних [жженных], а не от камсне, понеже тамо камня трудно есть обрести, ибо несть нигде же гор, но всюду равное поле, и земля мягка, якоже [то же как и] в Российских странах. Тамо различного языка и веры людие обретаются: греки, римляне, армени, копти, жидове, турки же и арави; христианских церквей две токмо: греческая, ею же обладает патриарх александрийский, и римлянов монастыр с церковию, прочее же турецких мечетов полно. Тамо брашно и всяко ядение несть скупо, токмо вино, понеже тамо не рождается, но привозится от инних стран христиан ради и жидов; турки бо и эфиопи по правилу веры своя не пьют вина, разве некий тайно, не храняй твердо веры своя. Тамо кладязов и источников к питию несть, но весь народ от реки Нила почерпают и пьют; аще ископовают студенци⁷, то слану воду обретают, яже точию к помиванию сосудов угодна есть. Тамо аз разлучихся с вишеписанным съпутником, еиромонахом от гори Афона, и, замедливши три дни,

отплих рекою Нилом в великий град Египет[ский Каир] июля последнего числа и приспех тамо четвертого дня.

О пришествии моем к великому и везде пресловутому граду Египту

Пришедши аз в великий град Египет [Каир] и не ведущи (яко странен и нищ), где главу поклонити [преклонити] и обитель обрести на некое время, молях всещедрого бога, да попечется о мне грешном; идох же в метох к иноком горы Синайские, си есть [то есть] в дворе их, в нем [же] исшедше от монастыря иноци потреби ради в Египет или в ину страну грядуще чрез Египет [Каир], тамо препочивают неколики дни, инние же всегда сидят, ради послушания монастырского, яко то: пшеницы ради, елея, сира [сыра] и прочих вещей, яко вся на пищу, на потреби монастырские, от Египта [в Каире] купующе, посылают тамо. Пришедшу же ми в метох, и сущу тамо на то время архиепископу горы Синайские именем Иоаникию, абие идох к нему и приветствовавши его по достоянию, сказах ему намерение и вину, коея ради приидох в Египет. Отвеща ми, яко аще би кто тысящи истощал, не можешь нине пойти в гору Синайскую; не токмо бо страннии, но ниже ми своих иноков прекормити, ниже отсюда послати тамо, се же того ради, яко ми не могуще прекормити эфиопов, избегохом вси иноци [иноки] нине в Египет [Каир], токмо оставихом малих числом, ради церковного правила, да обитель святая не опустеет. Еже бити истинне, в то бо время слышашеся от всего народа, яко арави путь заключиша к монастыру, и невозможно есть никому пойти. По изволению убо архиепископа, дадоша мне едину келию к обитанию на время ане метоха, с купцами греческими, идеже замедлевши дний неколико, ходих всякого дне к иноком на трапезу и питахся от них. Вопрошах же последи вторицею и третицею архиепископа, аще мощно есть мне не лишитися оного святого поклонения, отвеща ми паки, яко не возможно есть отнюдь ныне, донележе не примирится паки с эфиопи [эфиопами] и отверзется монастыр, а еже когда то будет, ми не можем ведати, или по неколицеих месяцах, или по неколицеих летах. Тожде реша [рекоша] и прочие иноци. Тогда аз прискорбен бих

зело, недоумея, что творити; понижже возвратитися в отечество кроме сего поклонения, толь многие благодатию божиею посетивши [уже] святые места, зело печаль бисть: ожидати же паки, не ведущи конца времени и како и откуда би питатися, и истощание на путь имети, зело неудобно мящесе бити; прочее возверзох на господа печаль мою, да той мя, якоже сам весть, пропитает, положивши в уме своем, яко аще есть воля божия, желание мое исполнити. Он вся добре помислит о мне. Случившуся же тогда бити в Египте [Каире] святейшему патрархсе [патриарху] Козме, и хотящу оттуду изийти в Рахит, желях прияти от него благословение. В един убо [день] от дний идох в двор патрархший, и угоден час получивши, удостоихся его святую лобизати десницу и прияти благословение, купно же собеседовати, иже мя вопросы, кто есмь, откуда и чесо [чего] ради прийдох во Египет. Яже вся аз вкратце известих; сжалижесе [сжалился же] о мне, яко в толь далечайший страны прийдох, найпаче же в нищете сий и не мый [не имея], где глави приклонити, советова мне, да сотворюся от него инок и пребуду с ним вкупе; мне же на та не преклоншуся, остави мя и рече, яко в гору Синайскую недобен есть проход, но аще имати намерение проведлити некое время в Египте, ожидая угодного времени поклонения твоего, седи zde в дворе моем, и кормися вкупе от трапези инок [иноков] моих, донележе ти есть угодно; даде же ми [мне] и писание общее к всем християном, еже мя милovati, и сам от своая десници даде ми милостини. Аз же сподобивийся таковую восприяти от него благодать, припад к ногам его и святейшую его облобизавши десницу, благодарствовах до зела. Препоручи же меня своими усти [устаами] иноком, их же остави малых числом в дворе своем, ради управления церкви и християн; сказа же в день недельний поучение к народу греческим диялектом, ради греков, иже тамо обретаются много; купно же при нем стояше и толмач, иже, яже слышаше от уст святейшего патрархи глаголемая словеса, абие таяжде к арапом християном, арапским языком толковаше. По поучении же всем людем, в церкви сущим, общее разрешение прочте. Таже в утрие изиде от Египта с многою честию, провожающу его духовному собору и всему клиру церковному; тогда архиепископ Синайские горы примирися с свя-

тейшим патриархом, понеже прежде между собою распрю некую имеаху. По отшествии убо святейшего патриарха омахся аз во Египте во дворе его с прочими иноки, пищею и питием питаем довольно, якоже в дворе родившего мя отца, и обитах тамо, ожидаючи день от дне [от дня] угодного времени путешествию моему, в греческом поучаяся языку; славях же и благодарях бога, и великого благодетеля моего, святейшего патриарху Александрийского Козму; труда же и дела чуждого накаковаго же не имех, разве токмо на свою потребу; токмо иноци [иноки] сотвориша мя на время трапезаром, им [же] постилах и изметах [смесях] трапезу и сам купно с ними ядах, якового [такового] послушания аз сам паче хотех, нежели они. Любяху же мя иноци [иноки] все патриарха ради, понеже мя оним любезно вручи, и препровождах дни благополучно, и сотворих многих себе знаемых и других, с ними же, аможе хотех, свободно ходих в Египте, и рассмотрех всю красоту, величество и строение града, еще же вся чины и обычая [обычай] народа египетска [египетского], еже последует в описании Египта [или Каира].

О великом и пресловутом граде Египте [египетском Каире]

Египет [или Каир] есть град зело ветхий, не зданием, но лети, еще бо прежде рождества Христова и прежде Ветхого закона, Моисеем данного, бисть; и из него же изведе пророк божий Моисей люд [народ] израильский <...> Самое же видение паче слуха уверяет; вне бо града суть многие гори, яже не суть естественни, но чрез толь многие времена народ, е Египет обретающийся, зметающе своя доми и стогни и вергающе вне града, сотвориша горы от сметия. Ведати же подобает, яко Египет разделяется на два наименования: Египет именуется вся страна Египетская, и Египет именуется град. Град паки Египет именуется двоубо — Египет Ветхий и Египет Новый, еже есть град ветхий и новый; град, убо ветхий иже прежде бяше, во время жидовское, ныне зело обветша, стены же и дома падоша многи, обаче несть вовся разорен и пуст, но и ныне народ обитает, найпаче же христиан много. Но-

вый град мало от ветхого есть отдален, в нем же князи и велможи великие, и богатие купци, и многоразличен народ обретається, и о сем Египте слово мое предлежит. Египет есть слово еллинско, еже происходит в славенском и латинском язике [языке], простым же языком римским именуется *Graecia*, турецким Мисир [Мизор] и арапским Мацар [Мусир]. Египет стоит на равном, веселом и добром месте над рекою словною Нилом, яже великие користи творит в стране той, токмо крепость, то есть замок на высочайшем от града месте при горе <...> И от камня гори оной храми, полати и все здания строятся. Там доми иние от родимого камне, иние же от плинф суть здание строением высоким и лепотним, много чардаков и окон имущие ради прохладения, понеже зело тепель и неудобостерпим край есть, наипаче же капища турецкая, си есть мечети, и полати благородних мужей [такожде и дома знатных людей и богатых купцов], и от вне довольно лепотни, наипаче же внутрь зело красни, верху позлащенны или цветами исписанни, низу же искусным художеством различными мрамори упещренны и драгими одеждами посланни, яко места плюновенню несть. Тамо обичай есть ходити босима [босыми] ногама [ногами] внутрь домов, понеже чисто восходи и нисходи измовенни суть. Улицы тамо мало обретаются широки, но все узкие, и домов строение тесное зело, яко к многим домом вход точию един, идеже обитают пять или шесть господаров [хозяев] вкупе с женами и детьми, едини низу, а другие горе; се же множества ради народа, населшагося тамо, таковая есть теснота; обретаются бо самих токмо капищ турецких, якоже повествует народ, до шести сот; домов же числа никто же весть; народа же толь много, яко на всяк день не токмо на базаре, але [но и] во всех [улицах] и малих стогнах градских разминутися нужное есть; не токмо же в дни, но и в нощи много людей обретається, понеже тамо вси в един час никогда же не усипают, но инии в дни труждаются, инии в нощи, наипаче [же] вещи кядению и питию в нощи делают. По стогнах же кандилы [фонари] зажженни чрез всю нощь горят, да не преткновенну имут стезю ходящии в нощи; к тому же и злый человек абие познан и уловлен бывает; обичай бо тамо есть нощию проходить дозорцем стогни градские, злочинцов ради, иже егда некоего уловят, аще и

малейшее знамение имущаго к злу, абие на стогне, кроме всякого суда, в главу усекается; сего ради народ с великим страхом и опасством [опасностью] нощю ходит. Обретаютжеса [обретаются же] в Египте многая капища турецкая пространна и велика и лепозданна, имущая вне, на версе главы возвышение, им же би зело прилично бити церквами христианскими, аще би токмо было изволение божие. Улицы градские [узкие] не суть посланни каменми, якоже в инних странах, но имут землю естественную, и начальнейшие суть чисти и пометаеми на всяк день; нецин же обретаются полни сметия и нечистот. Се же отчасти, яко народ эфиопский варварск, и небреглив, отчасти же, яко тесно людие обитают, несть бо града большого во всей турецкой земле, паче Египта, чесо [чего] ради италяене искусивши [исходивши] и рассмотревши многие гради и страни, повествуют общее слово [присловие] сице: *tre paeze bono troppo grande gran Cairo di Siria, Milano di Lombardia e Parigi di Franza*, то есть: [яко] три на вселенной градове [грады] большии народом и протяжением суть: Египет в Сирии, Медиолан в Ломбардии, Италийанской земли, и Париж в Французской [земле].

В Египте обретаются люди различного рода [народа], различной вери и различного языка, яко то: турки и арави, аще и единая вери суть, такожде греки и арави, православные христиане, иже имут церквий три: первая Святителя Христова Николая, и сия есть в новом граде, и есть двопрестольная, вторая, Святого великомученика Георгия в Египте Ветхом, и сия есть в монастыри, в нем же убогне иноци, немощные старици и бедние сироти обитают и пищу имут от милостини христиан. Тамо обретаеся и икона Пресвятые деви богородици, яже принесена есть от Венеции единым купцом <...> в 1727 году. Третья церковь есть Пресвятые богородици, и та есть весьма пуста, ниже врат, ни затвора, ниже каковаго либо внутрь украшения имущая, обаче и там на всяку субботу литургия бивает ради усопших, понеже там телеса их погребяемо бивают. Храм убо той [тот] и довольно есть пространен в высоту, в долготу же и широту, и познаваеся яко иногда зело лепотен бяше, и зело же ветх есть, обаче число лет уразумети пуждно есть, понеже писмена и подписания вся отрошаея, точию имя святейшего патриархи Александрийского Григория, о чесом несть известно, аще

ли в время его созданна, или обновлена бысть? Обретаются еще в Египте римляне, иноци же и мирстии и церковь имут две [имущие две церкви], едину в Новом, а другую в Ветхом Египте. Литургисают же и в предреченной опустелой церкви, таможде и погребаются не токмо французи и венециани и гишпани [испанцы] и консул французский, иже обладает ими. Обретаются в Египте енглези [англичане] и консул их и все европейцы обретающиеся в Египте. Суть паки армен [в Каире также есть армян] множество и церковь свою имут и патриарху. Обретаются еще некии християне еретики, именуеми копти, си есть обрезанци, иже и крестятся, и обрезаются, и многих прочих ересей держатся, и тих [тех] суть множество в Египте, и церквей их обретається число не мало; имут же своего особенного патриарху, и себе с ним за православных бити, и патриарху своего достойна александрийский престол дежати мнят и проповедуют; греческого же патриарху и всех купно с ним за неправославных бити почитают. Обретається же тамо и жидов много, и свою такожде синагогу и жилище особно имут. Многое же множество турков странных от Константинополя, Анатолии и от инних великих градов и островов морских обретаются тамо, но аравов без числа суть, тамо бо их род и отечество есть. Египтяне не имут инной воды к питию, токмо вси пиют от реки Нила. Египет есть славен множеством купцов различными и драгими товарн [товарами], понеже есть пристанищем торговцов, от Индии возвращающихся. Египет великие корысти имат от Нила реки и от Чермного моря; начало убо его совокупляется с океаном, конец же отстоит от Египта три дни хождения землею, идеже есть пристанище, рекомое Сувез [Суез]. Возвращающиеся убо купцы кораблями от Индии чрез океан, проходя чрез Чермное море, и приносят в Сувез лаван, смирну, перец, кинамон и прочая корени благоуханная, такожде сосуди драгии фарфорнии и инние многоценни вещи; приносят же кафе [кофий], иже рождается в Емени, пад Чермним морем, яже страна не в власти турецкой есть, но особно. Та убо вся вещи приносятся чрез море Чермное в Сувез [Суез], а оттуду по земли в Египет; от Египта же на Чермное море посылається риж [сарацинское пшено], пшеница, фава [бобы], сочиво⁸ и вся ядомие вещи, яже тамо оскудни суть. Се Чермное море коль

вельню користь приносить Египту. Не малое добро и Нил река творит, яже разливается на всяк год и наполняет, и тогда копают людие рови и напояют вся поля Египетские от сладости реки, толь бо сладку и здраву воду имат, яко на островах реки тростие рождается, сок сладок имущое, от него же делают цукор. Егда же напоятся поля и река испадет, тогда сеют пшеницу, риж, боб, сочиво и прочая, яже вся благословением Божиим тол угобзаются, яко всей Аравии от Египта изобилувати, тако бо много рождается риж, яко в наших странах жита или пшеници. Товари же вишереченнии идут от Египта Нилом рекою в [Архипелаг и] Белое море, а оттуда в всю Турецкую страну и прочие [земли]. Кораблецов и ладий [кораблей и ладей], яже на реце [реке] Ниле путешествуют, суть многое множество, непрестанно бо иние от Александрии, иннии от Рахита, инни от Дамяти приходят в Египет, иние же от Египта возвращаются тамо. Египет, аще и под державою есть султана турецкого, обаче не весма ему покоряется, токмо дань дает ему, и паша, иже обладает Египтом, наставляется от Цариграда. Обаче паша тамо не долго господствует, един бо другого низлагает; той лучший, иже крепчайший, един бо другому от господий не покоряется, и един с другим дом на дом брань творит. В Египте пляц, или пазар [рынок, или базар], или торжище великое [высокое] зело есть, на нем же бесчисленное множество народа на всяк день обретается, и комори [лавки или ряды] купеческие зело тесно устроени суть. Истинне же рекше, весь град торжищ исполнен, идеже в всех стогнах низу [внизу] комори [лавки], верху [вверху же] едини на других полати високо строение суть, в них же окон и чардаков множество, ради прохладения, суть. Верху же всех домов египетских аки комини или столпи [камины, или трубы, наподобие столпов] устроение, в ня же дишет ветр и проходит во все келии зданий, даже до низу, и прохладяет обитающих, и се есть зело нужно и потребно тамо, понеже, ради тесних улиц и високих зданий, не может ветр дихати внутрь домов, инако же би не мощно било жити народу, ради горячести солнечной. В Египте вода продается, аще и река при боце [вода близ града] есть, понеже от домов, воскрай реки стоящих, сами людие почерпают воду, и иже внутрь града далече обитают, не

могут на всяк день ходити к рецѣ [реке], по сути на то особние человецы [особенные люди] — водопродавницы, иже почерпают мехамн кожаними от реки воду и, возлагающе на верблюди, приносят в град и продают; инной же води к питию несть, понеже страна та есть слана, и аще обретаются тамо кладязи в всяком дворе, но в всех слана вода обретається; ею же токмо сосуди омивают. Имут же в Египте ископан ров, им же река, в время умножения воды, входит внутрь града, и тогда на малой цене воду продают. Суть же в многих дворях господских стерни, то есть ями, в подобие кладязом созданны, яже тогда купующе наполняют и пьют до года. В Ниле реце рыбы довольно различной. Начало же ея есть от единого озера [озера], или ями, рекомой Заира⁹, яже обретається в Хабесии, и егда убо яма та вскипит и умножает воду, тогда и Нил много разливается в широту и многи користи творит обитающим людям при нем. Проходит же чрез всю Ефиопию, и низае Египта разделяется на три части: часть течет в Александрию, часть же в Рахит, часть же в Тамят [Дамиату], наконец впадает в Белое море. В Египте обретається древес садовних много: помаранчов¹⁰, лимоний, родий, найпаче же от фиников; оградних плодов тамо велие изобилие в зиме и лете. Хлеб, елей, сир, масло, кафе и вся вещи, яже к пище, на малой цене продаются, вино же и горелка скупое, понеже от Белого моря приходит, а не тамо делается. Сребра тамо изобильно обретається, и удобно тамо может человек обогатети, найпаче же умеющ художество, на всякого бо художника зело тамо добре есть. Египет на четири имени разделяется; первое именуется Египет, идеже обще весь народ обитает и торжища начальнойшая суть. Тамо убо и церковь греческая, и синайский метох, и двор святейшого патриархи Александрийского обретається, в нем же наместник его с иноки, иногда же и сам купно обитает; тамо и аз пребих вся дни замедления моего в Египте. 2) Крепость, или замок, и стоит особно на месте високом и именуется Кале, идеже аз множицею ходих; тамо имут армати¹¹ и прахи. Тамо обитает паша и прочии начальници; тамо суди действуються и главы осужденних посещаются; тамо монета, или пенязи, медние, серебряние и златие делаются, еже сам своима очима видех. Обретаютжеса тамо и донине еще полати фараона и Иосифа Пре-

красного, иже суть нине пусти и раззоренни. Фараонових убо полат зело гордое и высокое строение от великих каменей, и внутрь познавається, яко позлащенни бяху. Тамо же недалече обретаются останки единого здания великого, идеже нине торжшце есть; тамо суть столпов много единокаменных, толь великих, яко чудитися всякому зрящему на ня, како и каковою силою толь велия тягота камене подвизашеся и здашеся, толстота бо их, яко трием человеком обяти, в висоту же шесть или седм сажений суть, еже не весть никто же, что бяше, но мнитмися, яко дом судилища бысть иногда, в нем же действовахуся суди в время царствования фараонова. Обретається же тамо внутрь крепости и полати Прекрасного Иосифа, иже иногда царствоваше в Египте и в них обиташе, иже такожде пусти суть и падоша, тамо две стене стоят, на них же смотрети зело лепо и удивително есть, понеже насажденни суть позлащенною и разноцветною мусеею и маргаритним черепием, то есть перловою матицею¹²; не простим же художеством, но сице хитрим и искусним, яко землю, цвети разние, древеса, плоди, птицы и прочие вещи изображенни суть. Таможде внутрь Кале есть кладязь Иосифов, его же аз посещах и соглядах; изобразити же или описати совершенно, якоже есть в себе, велие мне есть не удобство, понеже таковой вещи нигде инде не случашеся ми видети. Кладязь оный рассудним умом и мудрим советом есть сотворен; обаче хитрость копания его нужно есть изявити, понеже вся в земли есть и ничтоже от вне зрится. Обаче аз разсудному уму описую и начертаваю сице: кладязь оный не имат никакого притворного внутрь здания или стен, но в самой естественной земли, в мягком камени есть ископан на четири углы, равно в ширину и долготу, яко на четири сажени и вяшше, глубок же без мери. Окрест убо того кладязя есть путь копан, аки улица или пещера, иже иногда бяше даже до конца глубини, нине же точию до половины, идеже в стенах кладязя окна суть просеченни, ради просвещения, обаче мало подают света, во глубине суще, но нужда есть сходити с огнем, якоже и аз снийдох. Тамо работници приставленнии низводят вниз воли [волов], запрягают их в колесо, хитростие учиненное, им же горе воду тягнет от дна кладязя даже до половины, и сливается в едину яму, а оттуду верху кладязя иними волами, подобие запряженными, витяга-

ется вон сосудами, на вервах повешенными, инако бо сверху даже донизу единым влечением вервь неудобно досягнути воды, ради великой глубины. От верхних убо волов даже до вторих суть нисхожденья степеней 200, якоже аз сам измерих, а оттуду ниже мало вода зрится. Повествуют же тамо труждающиися работницы, яко еще вящшая половина есть вниз, нежели оттуду горе. Вода же несть сладка, но мала слана обаче в нужду безбедно питися может. И се о двоих частех. 3) именуется Ветхий Египет, о нем же пред рекох, яко тамо обретается монастырь греческий святого великомученика Георгия и церковь Пресвятия богородицы, такожде монастырець законников римских и три церкви коптских, от них же в единой обретается един дом мал внутрь земли, в нем же [повествуется от християн] обиташе пресвятая дева богородица с Христом, избегши из Иерусалима, даже до умертвия Иродова; таможде есть и место купели, идеже омиваше пречистая владичица Христа спасителя. Между Новым и Ветхим Египтом есть високий каменный канал устроен, им же от реки даже до Кале течет вода; стоит же на столпах наподобие моста. Четвертое место именуется Полако [или Биржа], которое отдельне мало от града стоит, воскрай брега речного. Тамо суть полати краснии и великие и садов лепотних много суть. Тамо индукта [таможня] и торговое [пошлина] поплащается. Тамо комор [лавок] и имьбаров [амбаров] под полатами множество суть, в них же торговци слагают своя товари. Обаче вся та места предречена, аще и особнии имени имут, но вся един Египет бити именуется. Недалече от Египта, обон пол реки Нила, суть рукотворние гори, а от греков нарицаемие пирамиди, иже суть четверограничный; всякая граница на стоп 75, висота же их есть на стоп пятьсот. Между ими же три височайшие суть и именуются гори фараонови, понеже фараон, сущи древле царем египетским, своим иждевением созда, мислящи суетная, якоже повествуется, да имат прибежище тамо, внегда би случилось божиим попусщением разлитися реце до зела и потопити вся поля египетская. Еще же вестно буди наконец и се, яко в Ниле реце, горе далече, от Египта, на едином месте обретаются змееве, именуемие крокодили, наподобие ящурки сущие, с четирма ногами, обаче великие, якоже белуги или есетри [осетры] и могут жити в воде и на земли:

на время бо в воде суть, на время же излазять на брег, между сладкое тростие, и ядуть е [едят его] или предпочитают в них; аще же случается, то и человека сдают. Вестно же буди в конец и се, яко в Египте в церкви греческой двома языки чтется правило церковное: греческим и арапским; греческим убо иноки, арапским же попи мирский. Имуть же чин церковный в чтении и пении, и в служении лепотень, тако присутствующу патриарху, якоже и без присутствия его. На литургии же божественной всегда два апостола и два Евангелия чтуться, гречески и арабийски, разве инако случается в повседнебие, егда едва кто приходит в церкви; в праздники же господския, богородични и инних нарочитых святых соборное служение бивает и по две литургии: ранная и позная, подобне и по вся недели. Иноци синайстии приходят в церковь патриаршую служить божой по вся недели и праздники, понеже в своем метоху церкви не имут, токмо часовню прежде имеяху, но бившим сваром между ими и патриархом Александрийским Козмою, отгяша турки и сотвориша свой мечеть...

Лето новое, рок 1728

<...> Обретается тамо един христианин, родом равлянин из Раифи, имий тамо и средство свое; той мя настави и научи, и подаде совет, како и каковым образом сотворю... Обичай бо тамо издревле имуть на три лета отверзати монастырь и кормити аравов, и на три лета заключати; тогда же по заключение, неколико токмо месяцев кормивши, паки затвориша, и снейдоша иноки съ епископом в Египет, старцов токмо и немощных внутрь оставивше, не могуще их кормити, ради множества народа и недостатков монастырских: зело их нине великое число умножися, яковое прежде не бисть, якоже глаголют иноци. Яхься убо аз совета оного христианина, и сотворих, якоже ми повеле. В праздник же богоявления господня, вкупе с иноки патриаршими, обхождах доми христианские, носящи сосуд с водою освященною, и собрах неколико пенязей, и от часа того готов бих, усмотря времени и людий, когда би и с ким случилось пойти в Раифу. Приспевшей же убо святой четиридесятници великого поста и обретши человек,

грядущих в Раиф, и давши мзду сто тридесят сребников, вседох на верблюда, и тако изволением Божиим и наставлением онаго предреченаго страннолюбца изидох из Египта на путешествие пустынное недели третьей святого великого поста, в среду, марта 20 числа. Шествовахом же два дни полем равним, пещистим, дробное и острое камене имущим, травы же или билия, или древа, или води ни мало, третаго (третьего.— Ю. К.) же дне паки равним и безводним полем шествие творихом, но одесную и ошую недалече бяху гори и мало негде от древес обретахуся, води же ниже капли, идеже пустыня сухая сланая и безводная; сухая, понеже тамо зими хладной несть, но всегда палит солнце толь люте, яко телу человечесому проседатися; сланая, понеже места обретаются в горах, идеже суть сланое камене; безводная, понеже ни езера, ни источников, ни ям дождевних, ни внутрь земли, аще би и копал глубоко, несть води чрез три дни шествия, но народ, иже грядет тамо, почерпают воду в Египте от Нила и несут купно с собою. Тамо разбойников зело множество между горами обретаются, второго бо и третаго дне нападаху на нас множицею, в дни и в нощи, но помощию Божиею никаковой нам не содеяша пакости, понеже бехом народ мног, к тому же и въоружен, а найпаче шествующи умножахомся, иних бо ми постизахом, иннии же нас, и не разделяхомся, но совокупно шествовахом. Третаго же дне на ночь толь много собрахомся, яко от единого конца к второму грядущих не мощно бяше зрети, бяше бо яко до пяти тысящ верблюдь, наполненных брашни и товари, кроме людей, от них всяк своего верблюда смотряше; бяху же жени и дети, и иние на ослах, иние же, убожества ради, пешо грядяху. И тогда четвертаго дня с толь многим народом доспехом к Чермному морю, идеже край его есть и пристанище купцев великих, именуемое Сувез. Тамо весь народ предреченный с верблуди остася, ми же, неимуще тамо никаковой потреби, поминухом место оно и шествовахом в Раиф. Бяше же нас яко двадесят верблюдь. Путь же тамо есть чрезь воду морску пребродити мелко, яко под руки человеку, широко же, яко двою стрелению з лука...

...Наяхъ [нанях] аравина [аравлянина] с верблюдом, вседши, отъидох в Сувез [Суез] паки преждним путем. Приспех же тамо в великую субботу [20 апреля], и обретши церков и христиан, замедлих тамо неколико

дний, праздниа светлое воскресенье Христово. Имех же прибежеше у единого христианина, именем Панагиоти, ктитора церкви тоя, у него же на всяк ден ядох трапезу...

Сувез [Суез] несть град стенами оточен [огражден], но едино поселение, на конце [конце] Чермнаго моря стоящее [стоящее], ради пристанища кораблей, идеже, якоже прежде рех, приходят от Египта с верблюди различни семена и брашна; и оттуду [оттуда] посылаются на Черное море, идеже скудость их обретается; оттуду же кораблями от Емену приходит кафе [кофий], от Индии же различни драгоценни вещи, иже вся приносятся в Египет, и оттуду в инни странни. Стоит на песце [песке], на отмеле морском, идеже вода на всяк ден умножается и низпадает, и егда умножается, тогда касается зданий, спадшей же воде, остает село на песце. Сего ради ниже пристанища кораблем великим имат близ, но вне издалече, на глубине морской, корабле купеческии вергают свои котвица, яко стадий три, и оттуду малими ладями товари преносят. Имеша же иногда, вне селища, от севера, на едином песковатом холме крепость, или защищение, с въоружением, но понеже на песце здания не крепка суть, сего ради часть падесея, часть же внутрь песка въгрузися; нине же, токмо заменя ради, две или три армати на холме оном стоят. Суть же тамо внутрь селения господскии двори, каменными стенами ограждения, и пред врати их обретаются неколико малих армат. Се же частию защищения ради, но наипаче приветствея ради кораблей, приходящих от Индии, понеже Черное море впадает в окиян, окиян же в вся конце земли досязает. Стоит же недалече единой гори, лежащей воскрай моря Чермнаго, яже есть от запада, от востока же есть пустыня, к Синайской горе ведущая. Море Черное к полудню простирается даже к Раифе и далее, таже на восток завертается [завращается]. Стоит на месте сланом, песчистом, пустом и безводном, идеже ничтоже ни от древа, ни от билия, ни от зелия обретается. Глаголю же, место безводное, не ради води сланой, ея же полно есть море и доми омочает, но ради сладкой, яже обретается токмо на едином месте, и та далече, полдня хождением, ю же приносят паемници мехами кожаними на верблюдех и продают скупю; и от плодов и оградин ничтоже обретается, разве приносятся от Египта,

Тѣх ден шествием и троценно и четвероценно продаются. Строеие домов и дворов отчасти лепое есть и подобное египетскому, вся же к пици и питию требуется много дражайша суть, нежели в Египте, ово яко нужден путь есть к преношению, ово село мало есть, народа же много, найпаче же от странных торговцев и поклонников турецких, их же великое множество собираются и идут в Кябе, на поклонение к гробу Махомета... Тамо обретаются от христиан аравов мало, имут церковь тесну и убогу, с священником, и суть под властью святѣйшего патриархи александрийскаго; обретаетьжеся и от чуждих христиан греков много, но случаем и не всегда, понеже ради купования товаров, идут токмо в Чермное море и возвращаются в свояси. Замедлех же аз в Сувези дний 15, ожидаючи кафеле¹³, даби с ним отъишол в Египет; обичай бо тамо есть таков, яко ни от Сувеза в Египет, ни от Египта в Сувез не преходят в мале числе людие, понеже на пути том обретаются разбойници, но купно с кафелем всяк путешествует. Кафеле же именуется [караван] оная подвода, яже переносит от Сувеза в Египет кафе [кофий], оттуду же в Сувез различное брашно, якоже прежде рех. Кафеле же имат до четырех тысяч и вящше верблюдов, и народа толико же, яже вся суть господий великих, иже в Египет. С тем убо кафелем, с тол многим съвокуплшися народом, безбедно и благополучно взвратихся мая 8, паки в пресловутый и великий град Египет [ский Каир]. Путешествовахом же спешно два дни и две ноци, и третяго дне приспехом рано к Египту [Каиру]. Славяхъ же аз и благодаряхъ бога, яко сподобил мя есть тол пуну и безводну прейти пустыню и получитьи желаемое поклонение мест святых, и возвратитися паки; и идох паки в двор патриарший, идеже прежде обитах с иноки, и замедлех даже до сошествия святого духа [то есть до 9 июня], нуждая и потребная себе уготовляючи на путь. Събрах же от христиан, тамо обретающихся, милостину и сотворши благодарение иноком, и благословение от них приявши и прощение, и целовавши их и вся други и знаemie, изийдох от Египта кораблем малим в Дамят, идеже иногда от Иерусалима имех намерение прийти. Въседши убо в варку¹⁴, си есть корабел, июня 10, с прочими тогда случившимися христиани, пловох Нилом рекою и видех весей многое множество, над рекою

стоящих, их здание от плинф блатяних, несожженных [нежженных]; видехом паки от древа садового множество и от оградин, дин [дынь] же и каунов [или арбузов] и рижов [пшен] сеянных велне изобилие. Оминухом же некие веси многокрасотние [многокрасны] и великие и един касапас [порт, или] многим кораблем пристанище, именуемий Мансура, идеже строение домов зело лепое обретается, якоже и в Египте. Пловохом же всех дний 4, и пятого дня приспехом в Тамяф [Дамиату]. Тамо аз идох и гостих в дворе патриаршим и иноки его, и замедлех даже до конца месяца июня, чая собрати милостину от христиан, но собрах зело малу, понеже христиане от многих просящих убогих тол стужишася и отяготишася, яко ни пред очима своима тогда их хотеша видети. Прочее, аз недоумевающи, како обратитися, умислих ити в предели Галилейския и Дамаскови, поклонения и посещения ради, понеже слышах, яко и тамо многих мест святых обретаются. <...> Случившемъжеся тогда многим плисти кораблем, наполненными рижом [то есть пшеном сарацинским] и инними товари египетскими, вседох в един от кораблей христианских, пловох в Сирию, в престол антиохийский.

Лето 1730. Александрия

<...> Суть же много столпов каменных, целих, стоящих же и валяющихся семо и овамо по граде. Един же есть столп зело великий в висоту и толстоту, вне града яко поприщем отстоящ, делом и художеством изрядний, яко многи пришелцом чидитися, иже именуется столп Помпея. <...> Той столп измерен есть от искусних и разумних землемерцев, от стран западных приходящих (ибо они всякую вещь испытуют опасно), от них же известихся и аз, и глаголют быти, яко висоти имат стоп человеческих 122, толстоти же внутренней стоп 12. <...> Суть же еще тамо внутрь града, от страни севера, близь монастыра святаго Савви, при море, инны два столпы великии, целокаменни, прозиваемыи Клеопатрини. Клеопатра бо бяше некогда древняя и многоименитая царица, яже в незабвенную себе память постави оние чудние два столпи, мерою и делом в всем подобни суть, от них же един паде от многоаго времени, вторий

же стоит непоколебим. Тии познают бити, яко пред полати царскими иногда стояху. Имут же толстоти пядий единадесять, якоже аз сам измерих, висоти же не могах уведати, но разсудих бити саженой десять. Един и цел камень прост, не округол же, якоже обично столпам, но четвероуголен, и съверху остр, и от всех стран единаче ширину имат, и некие печати и знамения изрители глубоко, яко на два члени перста, их же многи видеша, но истолковати не могут, понеже не подобятся а ни до еврейских, а ни до еллинских, а ни до латинских, а ни до иных коих-либо буди писмен. Едино точию знамение во всем подобное есть, якоже русское живете, прочая же птицам, ина же лацухам, ина же перстам, ина же точкам подобятся. Яже аз вся с многим тщанием и трудом исписах от единой точию 1-вой страны столпа, в удивление зрящим. <...>

Монастир святого Савви <...> церковь имат с покровом равним, без главы. <...> Храм есть зело лепь, точию темен и мало имущ окон, стоит бо в тесноте, между зданием келий; имат же в долготу стоп седмьдесят седмь, в широту шестьдесят и шест, в висоту же менее, и врата едина мали, от стени полунощной. И еще имат два вертоградцы, един съпереди, а другий создади монастыра; в них обретаются мало маслин и фиников и мало от зелия. В болшом же вертограде имут и болницу, в нем же иноцы болни или монастырский, или, по случаю, страннии пребивают даже до совершеннаго оздравления. И сие убо ветхий град Александрия не имат ничтоже в себе лепотнаго от зданий или полат, кроме оних предъописанных вещей. Еще имат едину весь, от востока стоящую, внутрь града, и более ничтоже. И аще не бы обреталися онии тяжестнии и художеством искуснии древнии еллинский столпи, не имел би град той никаковия похвалы от последних новосоздавшихся вне града на примории домов. В сем точию похвали достойна есть Александрия, яко есть многим и различным кораблем приемница. Два бо имат великий пристанища, един, менший, от востока, и сей есть ради французов, англезов, фиаменгов¹⁵ и венецяннов; второе, болшое, от запада, идеже корабле точию турецкийи и грецкийи стоят, и сие есть тишайшее и безмолвное. Посреде же сих, на едином тонком рогу, к морю простертом, есть создан каштел¹⁶, лепотним и твердим зданием, от камени крепка, и въоружен арма-

ти, ради пиратов и всяких врагов, имущих приключитися. Еще имат високо на едином столпе фанар, або лихтарня¹⁷, в ней же на всяку ноц запалается светлост, ради знамения кораблем, в ноци случаючимся припливати, иногда же и заблуждати, да удобие обрящут пут. И сия о Александрии. Пребих же убо аз в Александрии седмицу едину, последи же обретши кораблец мал турецкий и давши мзду, уже не Нилом, рекою сладкою, но сланим и горким морем отплих паки в Дамят. За два дни нужду не претерпех многу, не могущу истерпети покушения морского, ничтоже бо не могох вкусити от пищи, но блевах многократно, наченши от Александрии даже к Дамяте...

Примечания

- ¹ Эфиопский — в данном случае арабский.
- ² Бросквини — абрикосы; здесь, возможно, апельсины.
- ³ Эфиопи — в данном случае арабы.
- ⁴ Египет — в данном случае Каир.
- ⁵ Белое море — здесь Средиземное море.
- ⁶ Риж — рис.
- ⁷ Студенци — колодцы.
- ⁸ Сочиво — чечевица.
- ⁹ Заир — р. Конго.
- ¹⁰ Помаранчи — апельсины.
- ¹¹ Армат, прахи — пушки.
- ¹² Маргаритное черепие, перловая матица — перламутр.
- ¹³ Кафеле, или кафиля — караван (араб.).
- ¹⁴ Варка — барка.
- ¹⁵ Фиаменги, фьяменги — фламандцы (итал.).
- ¹⁶ Каштел — крепость.
- ¹⁷ Лихтарня — фонарь, маяк.

Грузины в Египте и Эфиопии (V—XVIII вв.)

Распространение христианства на Ближнем Востоке, от Грузии и Северного Кавказа до Нубии и Северной Эфиопии, укрепило связи между этими странами. Одно отрывочное и очень интересное свидетельство позволяет предположить, что эти связи могли быть более тесными и разнообразными, чем принято считать. «Житие св. Кириака» сообщает, что вскоре после 479 г. Кириак, патриарх александрийский, посвятил в сан епископа-митрополита Эфиопии и отправил в эту страну некоего грузинского монаха. Сохранился грузинский перевод этого сочинения, сделанный с арабского перевода (подлинник «Жития» был написан египетским писателем Кириллом Скифиопольским на греческом языке). Эта грузинская версия дошла до нас в рукописи IX в. Крупнейший эфиопист итальянский академик Э. Черулли считает, что известные нам факты культурной истории Аксума не противоречат правдоподобию этой версии. Во всяком случае, она свидетельствует об интересе к Эфиопии и Египту в среде образованных грузинских монахов.

Главным местом встреч средневековых грузин, лазов и абхазов с африканскими христианами — коптами, нубийцами и эфиопами — был иерусалимский храм Гроба господня. При нем очень рано (сравнительно) возникла грузинская монашеская община. В X в. арабский христианский писатель Саид ибн аль-Батрик (он же православный александрийский патриарх Евтихий) привел в своем сочинении «Нанизанные драгоценности» эдикт халифа Омара от 15-го года хиджры. Этот эдикт относится к тому времени (637 г.), когда Иерусалим сдался мусульманам и иерусалимский патриарх Софроний вышел навстречу халифу Омару ибн аль-Хаттабу. Халиф Омар специальным эдиктом подтвердил подчинение греческому иерусалимскому патриарху большинства проживавших в городе христиан, в том числе коптов, но оговорил автокефалию грузинской и эфиопской религиозных общин. Возможно, Евтихий в пылу полемики с монофизитами-коптами приводит текст эдикта Омара со значительными искажениями, но и в этом случае оговорка

эдикта относительно выходцев из независимых христианских государств — Грузии и Аксума — остается правдоподобной.

Современником Софрония был александрийский патриарх Кир, известный своей нетерпимостью к «еретикам», составлявшим в то время большинство населения Египта. Кир считался родом из Колхиды. Есть сведения об отдельных грузинах или даже целых группах выходцев из Грузии в Египте арабского времени. Выше приведено сообщение Носира Хисроу о грузинских царевичах при дворе Фатимидов, где они находились вместе со знатью эфиопского, нубийского и североафриканского происхождения.

Нередко Грузия и фатимидский Египет действовали как союзники, несмотря на различие религий правящих групп в этих странах (впрочем, и в Египте до конца фатимидского периода численно преобладали христиане). Так было, в частности, в конце X — начале XI в., когда возродившаяся Византийская империя развернула широкую экспансию на всех своих границах, в том числе в Сирии, Армении и Западной Грузии (здесь она уже раньше владела Лазикой с Трапезундом).

Фатимиды, которым принадлежали Египет и Сирия, стали искать союза с грузинами. В 1001 г. грузины восстали против Византии, но вскоре это выступление было подавлено. Византийцы сумели заключить мир с Египтом, чтобы не дать арабам объединить свои силы с грузинами и болгарами, также сражавшимися против Византии. В 1021—1024 гг. правитель Абхазского (Грузинского) царства Георгий, стремясь отстоять независимость своей страны от Византийской империи, попытался заключить военный союз со знаменитым египетским халифом аль-Хакимом. Однако и на этот раз византийская дипломатия расторгла союз Египта и Грузии, в результате чего Западная Грузия была захвачена византийцами.

В конце XI — конце XII в., в царствование поздних Фатимидов, Египтом правили армянские везиры и военачальники. В этот почти столетний период связи народов Закавказья и долины Нила продолжали укрепляться.

В эпоху поздних Айюбидов (первая половина XIII в.) в Египте появилось множество уроженцев Грузии и Северного Кавказа: последние султаны Айюбиды начали покупать восточноевропейских рабов, привозимых из Византии и с берегов Черного моря, для комплектования невольничьего войска. Другие отряды воинов-рабов формировались из уроженцев Тропической Африки. В 1250 г. предводители этих рабов-мамлюков захватили власть и начали выдвигать египетских султанов из своей среды. Большинство из них были половцами из южнорусских и украинских степей, но немало было и выходцев из Руси и с Кавказа. В 1265 и 1281 гг. мамлюкские

султаны заключили с Византией торговые договоры, по которым египетские суда получали доступ в Черное море и право на регулярную закупку рабов-мусульман в Крыму, где обосновались торговые агенты султанов (туджжар аль-хасс). Но уже в конце XIII в. поставка рабов-мамлюков в Египет переходит в руки генуэзцев и становится одним из главных источников богатства Генуи. На протяжении почти двух веков генуэзцы сохраняли эту монополию. В 1420 г. итальянский географ Эммануэле Пилоти в трактате на старофранцузском языке сообщал, что генуэзцы вывозили из Кафы (Феодосии) рабов, происходящих из «татарских, черкесских, русских и прочих языческих народов»*. Под «черкесами», «черкесскими народами» подразумевались многие народности Северного Кавказа и Западного Закавказья. Нотариальные акты из Кафы называют в числе продаваемых невольников не только собственно черкесов-адыгейцев, но и абхазов, лазов, мегрелов и грузин.

Хотя среди египетских мамлюков вплоть до конца XIV в. преобладали представители тюркских племен, черкесы и выходцы из Грузии становились все многочисленнее; в 1380 г. они захватили власть, выдвинув из своей среды «черкесского» султана Захира Сейф-ад-дина Баркука. С 1380 по 1517 г. черкесские султаны правили Египтом и соседними странами. Они распространили свою власть на Сирию, Нубию, Красноморское побережье Судана, эфиопский архипелаг Дахлак и открыли египетскому купечеству силой оружия и дипломатии важнейшие торговые пути в Индию, Закавказье, Месопотамию, Аравию, Крым, Восточную Африку, области Верхнего Нила, Западный Судан, Тунис.

Замечательным примером доблести мамлюков был поход их конницы в глубь Нубийской пустыни в 1317 г. Из Верхнего Египта отряд мамлюков совершил рейд в красноморский порт Айзаб, отсюда по берегу Красного моря — в Суакин, жители которого добровольно признали власть египетского султана. Из Суакина мамлюки двинулись на юго-запад, пересекли реку Атбару, вторглись в область Така и достигли отрогов Эфиопского нагорья и города Касалы. Здесь они разгромили ополчение народа халанка; затем вдоль берегов Атбары и Нила, через Донголу, возвратились в Египет. Власть мамлюкского Египта распространилась до Эритреи и Среднего Судана. В результате кавказские мамлюки стали соседями эфиопов и народов Центральной и Восточной Африки.

В 1311 г. король Кипра из французской династии Лузиньянов, сообщая римскому папе Клименту V свой проект завоевания Египта крестоносцами, недаром выдвигал главным условием успеха

---

* «Язычниками» все эти народы были, конечно, лишь с точки зрения католика.

строгий осмотр христианских кораблей, перевозящих рабов в Египет, с целью захвата находящихся на них юношей-невольников; таким путем он рассчитывал помешать генуэзцам из Крыма пополнять мамлюкское войско. В это время Грузия и Египет нередко действовали как политические союзники в борьбе против общих врагов — турок и монголов*.

Не случайно мамлюки оказывали почти постоянную поддержку грузинам в Иерусалиме. Когда в конце XIV в. нубийцы, перешедшие из христианства в ислам, потеряли свои святые места в Палестине, наследниками их на полтора столетия стали грузинские монахи, а позже — армяне. Среди мамлюков было немало грузин и абхазов, поэтому политические отношения Египта и Грузии были исключительно дружескими. Характерный эпизод произошел в 1510—1513 гг., когда в ответ на пиратское нападение венецианцев и родосских рыцарей на египетский флот мамлюкский султан Кансава аль-Гури приказал арестовать католическое духовенство в Иерусалиме. Были арестованы также венецианские консулы в портах Египта и Ливана, а заодно и все находившиеся здесь европейцы. Но грузин и эфиопов, несмотря на их тесную связь с католической Европой (Эфиопии — с Португалией, Грузии — с Италией и Францией), репрессии не коснулись. Венеция укрепляла связи с Персией для совместного нападения на Египет. Французский король Людовик XII, с которым Кансава вел переговоры, выражал недовольство преследованием своих единоверцев. В то же время царь Грузии, противник Персии и турок, направил в Каир посольство. В результате успешных переговоров грузинские и эфиопские монахи получили от мамлюкского султана важную привилегию: для богослужения у гроба господня они входили в храм Воскресения свободно, безданно и беспошлинно, на зависть другим христианам, вносившим входную плату мусульманским «сторожам».

Сходное положение, которое, как мы видели, возможно, восходит еще к VII в., не могло не сблизить обе христианские общины в Иерусалиме. Это сближение отразилось в литературном творчестве средневековых грузин и эфиопов. Грузины («курз») упоминаются в эфиопской «Книге чудес Марии»; эфиопы называли грузин также «людьми пояса». Грузинская паломническая литература упоминает коптов и эфиопов в Иерусалиме. Но эта тема нуждается в специальном изучении.

---

* По мнению советского историка Л. Н. Гумилева, в 1259 г. восстание Грузии против монголов сорвало «желтый крестовый поход», помогло мамлюкам отбросить монголов от границ Египта и, по-видимому, спасло эту страну от страшного нашествия.

К XVI в. относится первое свидетельство эфиопского источника о пребывании грузин в Эфиопии. Летописец эфиопского императора Галавдевоса (1533—1552 гг.) сообщает, что «приходили к нему люди из Грузии („Квердж“)». Очевидно, имеются в виду грузинские ремесленники, которых приглашал Галавдевос в Эфиопию, как и ремесленников из других христианских стран.

В более позднее время известия о грузинах в Эфиопии отсутствуют, вплоть до появления в этой стране доктора Мерабишвили в 1908 г.

В Египте в XIV—XIX вв. находилось множество грузин, мегрелов, лазов и абхазов, большинство из которых, хотя и пополняли здесь ряды воинства и правящей феодальной верхушки, попадали в эту страну не по доброй воле.

Завоевание турками Константинополя и создание мощной Османской империи на время уменьшили приток мамлюков в Египет и решили участь этой страны: в 1517 г. она была завоевана турками. В Каире обосновался турецкий паша и были расквартированы турецкие войска (янычары и др.), которые со временем влились в состав городского населения. Но и мамлюкское войско сохранилось. По-прежнему оно пополнялось невольниками черкесского, абхазского, грузинского, осетинского, чеченского, а также славянского и румынского происхождения и другими.

Мамлюкские эмиры, или беи, по-прежнему управляли крупнейшими провинциями, подчиненные им офицеры (кашифы) — меньшими по размеру областями. Сильнейший из беев обычно приобретал должность старейшины города (шейх аль-балад), т. е. губернатора Каира. Наряду с ним и турецким пашой значительным влиянием пользовался верховный судья (аль-кадий), назначившийся из мусульманских ученых университета аль-Азхар. Каждый бей имел собственный полк мамлюков, который набирал, покупая невольников, обычно из числа своих земляков, или нанимая их на службу. В XVIII в. среди беев начали преобладать грузины.

В середине XVIII в. исключительную власть приобрел шейх аль-балад Али-бей, грузин или абхазец по происхождению. В 1755 г. он возглавил восстание против тогдашнего турецкого пашы Каира Абдурахмана, в результате которого стал влиятельнейшим из соперничавших между собой правителей страны. С конца 1767 по 1772 г. Али-бей фактически самодержавно управлял Египтом. Он осуществлял обширную программу действий, центральными пунктами которой были реформы управления Египтом, развитие торговли, присоединение к Египту соседних арабских стран и независимость от Турции. Али-бей, действуя в союзе с некоторыми правителями Аравии и Палестины, а также с коман-

дованием русского флота в Архипелаге, подчинил Хиджаз, Палестину, Южную Сирию, взял Дамаск. Но на этом успехи его прекратились. Несмотря на помощь русского флота и палестинских арабов, Али-бей в 1772 г. вынужден был бежать из Египта и в следующем году был убит. Однако эта богатейшая страна была фактически потеряна для Турции, и все попытки османского правительства восстановить в Египте свою власть разбивались о сопротивление мамлюкских беев. В 1775 г. из их среды выделились Мурад-бей и Ибрагим-бей. В ожесточенной междоусобной борьбе они оспаривали верховную власть у шейха аль-баляда Исмаил-бея, которого поддерживали турки и представители некоторых европейских держав.

В 80-х годах XVIII в. сложилась парадоксальная обстановка: в то время как Грузия истекала кровью в неравной борьбе с Турцией и Ираном и доживала последние годы независимого существования, правителями Египта и Ирака были грузины; грузинами были также верховный везир Порты, влиятельный ахалцихский паша, многие военачальники в Сирии, Палестине, Анатолии, Европейской Турции, а могущественный капудан-паша (командующий турецким флотом) был армянином из горного грузинского селения Пшагели. Все они должны были принять ислам, но, превращаясь в правителей крупнейших арабских стран, наследовали их традиционную антитурецкую политику. Своих естественных союзников они видели не только в обоих грузинских царствах — Картли-Кахети и Имерети, но и в России, которая постепенно превращалась в главную противницу турок.

В создавшейся обстановке восточногрузинский царь Ираклий II и мамлюкские правители Египта Мурад-бей и Ибрагим-бей, грузины по происхождению*, стремились установить более тесную связь. Случай представился в 1786 г., когда к царю обратился его артиллерийский офицер Манучар Качкачишвили с просьбой навестить своего дядю в Египте. Ираклий охотно дал свое разрешение и необходимые инструкции, а также рекомендательные письма к русскому послу в Стамбуле Я. И. Булгакову и мамлюкским беям в Египте.

О путешествии Манучара Качкачишвили в эту страну мы знаем из донесений Я. И. Булгакова и главным образом из докладов самого Качкачишвили князю Г. А. Потемкину, недавно открытых и изданных В. Г. Мачарадзе. О Манучаре Качкачишвили сообщают и другие грузинские документы.

Манучар Качкачишвили (в России и русских посольствах за

---

* До работ В. Г. Мачарадзе их ошибочно считали черкесами.

границей он именовал себя Максимом Павловичем Качкачовым) отбыл из Тбилиси 21 августа 1785 г. и по Черному морю (с промежуточной остановкой в Таганроге) прибыл 2 ноября в Стамбул. Здесь он получил письмо из Тбилиси за подписью Соломона Азнаурашвили с просьбой передать его в Каир Ибрагим-бею. Письмо содержало также рассказ о положении Грузии, а в конце автор предупреждал Ибреим-бека (Ибрагим-бея) о том, что должно советовать «отправлявшимся из Каира в Грузию ехать обязательно через Багдад (в Багдаде сидел Сулейман-паша — грузин.— Ю. К.) или через Крым (перешедший в руки русских.— Ю. К.)».

В январе 1786 г. Качкачишвили прибыл в Египет. Своего дядю в живых он не застал, однако провел в Египте весь 1786 год: он вел полуофициальные переговоры с правителями страны, представителем Эфиопии и русским консулом в Александрии бароном Тонусом, который не оправдал надежд, возлагавшихся на него тогда грузинами.

В правителе Египта Ибрагим-бее Манучар Качкачишвили признал бывшего крестьянина кахетинского села Марткоби Абрама Шинджикашвили. Ибрагим-бей стоял во главе правящей группы мамлюкских беев, считавшихся как бы побратимами. Их было 18, в том числе 12 грузин и один абхазец. Кроме того, был один черкес, два чеченца, молдаванин и один казак из Бахмута (ныне Артемовск), украинец или русский*, которого называли в Египте Касум-беем. Кашифы (кешибы), младшие командиры мамлюкского войска, также были в большинстве грузинами, абхазами, уроженцами Северного Кавказа, украинцами или русскими. Качкачишвили упоминает также среди них одного венгра. Мамлюкские беи-грузины щедро покровительствовали своим землякам, попавшим в Египет. Они приглашали в эту страну своих родственников, которым предоставляли высокие посты, выкупали из рабства пленных грузин и порой даже снабжали их средствами для возвращения на родину. Однако большинство выкупленных рабов зачислялись в египетское мамлюкское войско.

К Ираклию египетские беи обращались как подданные к своему государю, прося его освободить от крепостной зависимости их родственников, оставшихся в Восточной Грузии. Характерная подробность: формально приняв ислам, грузинские беи в Египте высылали на родину деньги для строительства церквей и жертвовали в них дорогую утварь. Их М. Качкачишвили прямо называет единоверцами русских, т. е. православными.

---

* В то время в Бахмуте русские переселенцы составляли весьма значительное этническое меньшинство среди украинского населения.

По-видимому, свидетельство М. Качкачишвили о том, что беи и эфиопский резидент пожелали установить более тесные связи с Россией для военного союза против Турции, заслуживает доверия. В Египте беи хотели основать независимое государство, которое пользовалось бы покровительством России и получало бы от нее военную помощь. Однако русская дипломатия, опасаясь обострения отношений с Турцией (чего все же не удалось избежать), весьма холодно отнеслась к инициативе грузинского дипломата. Барон Тонус, русский консул в Александрии, отказался поддерживать связь с «мятежниками» и крайне неумело пытался примирить их с турецким капудан-пашой (который тоже был родом из Грузии, как и его приближенные).

Нужно отметить политическую дальновидность Качкачишвили в его прогнозах относительно обстановки на Ближнем Востоке и в районе Индийского океана, оценках стратегического положения Египта, Магриба, Судана, Эфиопии, определении перспектив национально-освободительной борьбы угнетенных народов Османской империи, особенно балканских и арабских стран. Интересно, что проект Качкачишвили о действиях русского флота в Индийском океане против англичан перекликается с аналогичным проектом знаменитого американского революционера, «первого капитана» американского флота Дж. П. Джонса¹.

Качкачишвили покинул Египет в январе 1787 г., имея при себе письмо египетских беев-грузин царю Ираклию, а также неподписанное письмо беев русскому правительству. Как правильно заметил В. Г. Мачарадзе, частные письма беев Ираклию должны были служить рекомендацией их подателю перед грузинским и русским правительствами.

Через Стамбул, где он снова встречался и вел беседы с русским послом Я. И. Булгаковым, Качкачишвили едет в Россию и 10 мая 1787 г. подает три специальных доклада князю Потемкину о положении в Египте и Эфиопии и своем проекте посольства в эти страны*. В виде приложения к докладам Качкачишвили подает составленный им список египетских беев с указанием национальности каждого и специальной заметкой об египетских мамлюках русского (и украинского) происхождения, а также письма грузинских беев к царю Ираклию.

Позднее М. Качкачишвили снова подает князю Потемкину докладную записку, из которой видно, что русское правительство соглашалось послать его в Египет и Эфиопию, однако это новое

---

* Перевод докладов М. Качкачишвили с грузинского на русский язык был выполнен переводчиком Коллегии иностранных дел С. Л. Лашкаревым в 1787 г.

путешествие не состоялось, по-видимому, в связи с новой русско-турецкой войной. Нельзя исключать и возможного воздействия английской дипломатии: англичане имели в то время очень большое влияние в Петербурге и в ставке Потемкина.

Да и к какому из императоров Эфиопии следовало направить посольство? В 1784 г. император Текле-Гийоргис был изгнан из своей столицы Гондара и враждующие феодальные кланы провозгласили императорами сразу двух принцев: Беале-Марйама и Беале-Сыгаба, или Иясу III. Между ними завязалась борьба; не складывали оружия и сторонники Текле-Гийоргиса, вернувшие его на престол в 1788 г.

В 1789 г. в Эфиопии было пять императоров, каждый из которых считал других узурпаторами. В дальнейшем обстановка существенно не менялась, и феодальная анархия в Эфиопии продолжала расти. Очевидно, русское правительство в общих чертах представляло себе положение в Эфиопии и выжидало. Надо сказать, что проект русско-эфиопского сближения, предложенный М. Качкачишвили, был лишь одним в целой серии проектов, появлявшихся уже с конца XVII в.

Отрывки из докладов Манучара Качкачишвили приводятся по изданию: В. Г. Мачарадзе, Грузинские документы из истории русско-грузинско-египетско-эфиопских отношений 80-х годов XVIII века, Тбилиси, 1967.

Из доклада Максима Качкачова [Манучара Качкачишвили] князю Потемкину о борьбе египетских беев против турок

...Касум-бек является сыном бахмутского казачьего атамана и выдающимся беком в Египте... Ибреим-бек² и Мурад-бек³ весьма его почитают.

Ибреим-бек с этими письмами отправил нас к консулу, и своего верного вассала, эмира Махмада, отправил с нами, и 2000 золотых пожаловал нам на расходы. 20 апреля [1786 г.] явились мы в Александрию к консулу⁴ и вручили ему эти письма... Человек, посланный беком, увидел, что консул меня не пускает, забрал эти 2000 золотых и отправился в Каир.

Первого июня [1786 г. турецкие] военные корабли прибыли в Александрию. Когда беки узнали об этом, Ибреим-бек прислал своего племянника Сулеймана-агу Апа-

фи⁵ и двух кешибов. Прибыли они в Александрию и в близлежащую деревню и прислали курьера, вызвали нас, мы отправились. Он сказал мне, что беки тайно сообщили консулу: если мы будем знать, что российская монархиня⁶ поможет нам, в течение двух-трех лет мы можем дать ответ османам, а если нет — в борьбу с ними не вступим. Беки желали, если Россия их обнадежит, внезапно войти в Александрию, захватить турецкие военные корабли и запереть всю окрестность: входящих впускать, а отсюда никого не выпускать, и какие турецкие корабли ни войдут в Лиман, захватывать их, и также, если придет капудан-паша, вернуться обратно уже не сможет, и они схватят, и обязательно выполнят и это дело. Я прибыл к консулу и по поручению беков рассказал ему об этом. Он меня заманил в один дом и запер двери, три дня не выпускал оттуда, а потом до тех пор, пока клятву у меня не взял, много таких дел совершал надо мною. 25 июня капудан-паша прибыл в Александрию, 9 июля он отправился с войском в Розетту, к Нильскому заливу, беки написали консулу тайное письмо с просьбой: окажите нам милость и потрудитесь от себя прийти к капудану-паше и примирить нас, и все, что он попросит, мы уплатим, и пожалуйста в Каир. Мы последнюю рубашку продадим и добросовестно вам сдадим, и вам тоже служить будем. Мы потому пишем вам, что патроном и помощником родной страны нашей является Россия, и других государств мы знать не хотим, поэтому вас просим. Одно письмо написали они и мне, но консул его мне не показал. Получив это письмо, консул сразу же показал его французскому консулу и передал ему копию. Французский консул посоветовал ему: возьмите это письмо в махкаму⁷, покажите его кадию, а он напишет паше, и паша сам вас попросит. Он ему поверил, и объявили это письмо в суде. Консул Франции тотчас же через курьера одну копию этого письма послал капудану-паше и сообщил ему о страхе беков. Тот был очень благодарен и объявил своему войску и на третий день выступил походом против беков. Вторую копию он отослал бекам в Каир: ваш друг, российский консул, вместо добра разгласил ваше письмо по всему свету, а то капудан-паша хотел с вами мира. Так он и обманул. Беки без боя сдали капудану-паше Каир и отправились в Джирджу⁸ и Сеиду⁹.

Сперва паша послал по Нилу в лодках войска против беков, а они заманили турецкое войско на сушу [?] и так перебили, что истребили тысячу триста человек, и лодок много им досталось; потом на суше напали на них двое пашей с войском и из верхнего Арба¹⁰, и бежавшие беки прибыли, и за один день дважды победили беки, перебив семь тысяч человек; Хасан-бек Джадави пропал без вести, Исмаил-бек, раненный, с пятью людьми прибыл в Каир, и бежавшие паши прибыли туда же и сразу послали ко мне человека, вызвав меня и велев отправиться к Элус-Араму¹¹. Мы отпросились у консула в Элус-Арам помолиться, но он не пустил, семь месяцев держал меня в Сакандари¹², а потом я ему поклялся, что хочу отправиться в свою страну, и он меня отпустил...

**Из доклада Максима Качкачова князю Потемкину
о намерении египетских беев
и царя Эфиопии установить связь с Россией**

<...> Все египетские знатные люди и войска из Картли¹³ уведены пленниками и против воли своей омусульманены и во всякое время желают, как только найдется путь к тому, добиться возврата к христианству; очень многие отказались от знатного положения и с большими трудностями из Египта прибыли в Картли и довольствуются крестьянским званием.

Сами населяющие Египет фалы¹⁴ против своей воли держатся магометанской веры, из христианства они насильно омусульманены, и еще много христианских обычаев у них сохранено: если тайком найдут священника, крестят младенцев, открыто едят свинину¹⁵, и если будет подходящее время, они легче обратятся [в христианство]...

В сие время из Африки очень опасаются османы Абаша¹⁶; за последнее время очень усилился абашинский царь. Недавно их царство было поделено на три части¹⁷. Царь Микаэл¹⁸ истребил весь род двух царей и сам воцарился над всеми абашинцами и многие земли отнял у сунарцев¹⁹, Мусовского шиха²⁰ взял под свое покровительство, разделил свое царство на двадцать четыре губернии и в каждую губернию учредил по десять тысяч войска, чтобы доход от губернии да-

вался его войскам в жалованье; много добрых правил он им установил; уже четыре года, как этот царь Микаэл скончался и сын его сел на царство, десятилетний мальчик, по имени Гаригол²¹. Поскольку он мальчик и управлять царством не может, вместо царя правит царством патриарх. Патриарх этот — египетский «кифт»²². По этой причине Ибреим-бек находится в большой дружбе с абашинским царем, всегда они приветствуют друг друга письмами. По велению Ибреим-бека начали мы дружбу с абашинским «парзитентом»²³, и вышеупомянутый абашинский «пархитенд»²³ рассказал нам и расспросил о российской монархии и обо всем устройстве в войсках или в городах. По своему разумению мы рассказали. Очень приятно им было услышать о русских делах. В этой дружеской беседе спросил я его: почему вы не сговариваетесь с европейцами, чтобы регулу²⁴ и артиллерии обучиться, чтобы всяческую премудрость получить из Франции? Тогда он мне ответил так: в предшествующие времена джизувитские патеры²⁵ пришли в нашу страну и такую смуту посеяли, что тринадцать лет мы истребляли друг друга. По этой причине наложено проклятие, чтоб не впускать человека католической веры в нашу страну²⁶, если он не английский воежир²⁷, а людей греческой веры нужно впускать по паспорту «парзитента».

Рассказанные нами вести о России «парзитент» полностью описал двору своего государя; пришел такой приказ: если он русский человек и захочет приехать в нашу страну, пришлите его сюда, ибо очень хотим и мы дружить с Россией. Пусть он возьмет с собой наше письмо и человека и вручит высочайшему двору. Очень хотелось нам поехать повидать чужую страну, но, не имея разрешения царя нашего²⁸, по этой причине не осмелились.

Из докладной записки Максима Качкачова Российскому правительству об Эфиопии и Египте

Египтяне очень боятся абашинского царя²⁹ и угрожают ему по следующим причинам: когда до этого сидел царем Микел³⁰, в его времена один абашинский князь ездил на молитву в Иерусалим³¹. Когда он прибыл в Каир, один молла его разозлил, и князь его

убил. За это египтяне его схватили, некоторое время держали в темнице и выпустили; уехав, этот князь пожаловался царю. Разгневался на это царь и повелел из камней запруду установить в реке Нил и намервался воды Нила от Египта отвести и перебросить к Мусову³². Тогда египтяне патриарха Кифтского³³ с большими дарами послали и просили прощения. Патриарх доложил, что не только магометане, но и многие христиане погибли; по этой причине он согласился, а свидетелей этому делу много есть, и запруду опять снял, и до сего дня камни там лежат. По сей причине с тех пор едущие из Абаши на молитву пользуются большим почетом в Египте...

Примечания

¹ Дж. П. Джонс поступил весной 1788 г. на русскую службу и в чине контр-адмирала участвовал в военных действиях русского флота против турок на Черном море. О планах Джонса сообщала сама Екатерина II в письмах к Ф.-М. Гримму. Между прочим, Джонс предложил царице новую конструкцию судов и новую морскую тактику. Он был не только одним из лучших флотоводцев своего времени, но и выдающимся стратегом. Однако реальные возможности тогдашней России он, как и Качкачишвили, переоценил, в чем оба они вскоре имели случай убедиться.

Могли ли встречаться Поль Джонс и Манучар Качкачишвили? Во всяком случае, лишь после того, как последний в мае 1787 г. представил Потемкину свои доклады, а первый направился из Петербурга в распоряжение Потемкина.

² Ибреим-бек — Ибрагим-бей (Абрам Шинджикашвили), мамлюкский правитель Египта в последней четверти XVIII в. После оккупации Египта французской армией Наполеона Бонапарта в августе 1798 г. отступил в Сирию. После капитуляции французской оккупационной армии в 1801 г. и возвращения в Египет турок в 1802 г. возглавил сопротивление турецким войскам, но, потерпев поражение, отступил в Нубию, где и погиб.

³ Мурад-бек — соправитель и верный соратник Ибрагим-бея, также по происхождению грузин. Известен своей храбростью и воинскими талантами. После вторжения французских войск в Египет отступил на юг страны, затем — в Нубию. Умер от оспы в 1801 г.

⁴ Консул — барон фон Тонус, русский консул в Александрии.

⁵ В письме Ибреим-бека сказано, что Сулейман-ага Анафи — его двоюродный брат. Вероятно, здесь (в выражении «племянника своего отца») пропущено слово «отца» и вместо двоюродного брата получилось «племянник».

⁶ Российская монархия — Екатерина II.

⁷ Махкама — суд (араб.).

⁸ Джирджа (или Гирга) — город в Верхнем Египте.

⁹ Сеид (или Саид) — Южный, или Верхний, Египет.

¹⁰ Возможно, слова оригинала следует читать: «из сухопутной армии».

¹¹ Элус-Арам — Иерусалим.

¹² Сакандари — Александрия.

¹³ Картли — в данном случае вся Грузия.

¹⁴ Фалы (фалляхи, или феллахи) — египетские крестьяне.

¹⁵ Неверно, что египетские феллахи, мусульмане и христиане по религии, едят свинину. Свинья считалась «нечистым» животным и в христианском Египте.

¹⁶ Абаши — Абиссиния, или Эфиопия.

¹⁷ Имеется в виду феодальная раздробленность Эфиопии в XVIII в., продолжавшаяся до последней четверти XIX в. Страна фактически распалась на отдельные провинции, из которых крупнейшими были три: Тигрэ (на севере), Годжам (на западе) и Ахмара (в центре). Кроме того, на юге и востоке страны усилилась власть вождей племен галла, претендовавших на гегемонию.

¹⁸ Царь Микаэл — знаменитый рас Микаэль Сахуль, один из крупнейших феодалов Эфиопии XVIII в., энергичный и талантливый правитель. Впервые упоминается в эфиопских источниках в 1746 г. как правитель Тигрэ. В 1747 г., опираясь на союз с турецким наместником Массауа, рас Микаэль отказался повиноваться приказам юного императора Иясу II. Осажденный в почти неприступной крепости Самаят ('Небеса'), сдался императору только после длительного сопротивления. Избегнув казни лишь по единодушной просьбе императорских военачальников, не желавших прецедента для возможных массовых репрессий, он был заключен в тюрьму. В 1748 или 1749 г., когда Иясу II объявил амнистию многим мятежным феодалам, рас Микаэль был освобожден из тюрьмы и вернулся в Тигрэ. Действуя силой, а чаще подкупом, он расправился со своими врагами, восстановил и умножил свою власть и богатство и значительно расширил свои владения, которые постепенно включили в себя всю северную часть Эфиопии, населенную народом тиграй. Объединив эту обширную, этнически однородную, экономически развитую и густонаселенную территорию, рас Микаэль стал сильнейшим феодалом страны. В 1749—1750 гг. он добивается особого расположения возмужавшего императора Иясу II и сопровождает его в походах и мирных делах. Когда в 1755 г. Иясу II внезапно умер (может быть, отравленный родственниками своей жены) и на престол был возведен его малолетний сын Ийоас I (тронное имя Аддам Сагад III), рас Микаэль продолжал наращивать силу и богатство и расширять свои владения. Он ловко интриговал при дворе и в отдаленных провинциях, сохраняя лояльность в отношении как императора, так и боровшихся за власть феодальных клик: вождей галла и старой амхарской знати. Щедрые дары обеспечили ему также поддержку церкви. В 1764 г. император Ийоас назначил раса Микаэля правителем (расом) столицы — города Гондар и передал ему высшую власть, которой тот пользовался с большим тактом и дальновидностью. Женившись на тетке императора, красавице Эстер, очень популярной в народе, рас Микаэль совершенно затмил Ийоаса. Император начал против него борьбу, но в мае 1769 г. был свергнут, а вслед за тем и убит. С этого времени рас Микаэль на три года становится некоронованным правителем

Эфиопии при императоре Йоханнесе II, семидесятилетнем калеке, не процарствовавшем и полугода, а затем при императоре Текле-Хайманоте II, вступившем на престол в пятнадцатилетнем возрасте. В 1771 г. рас Микаэль потерял высшую власть, но сохранил свои владения в Тигрэ. Он умер в 1781 г. в возрасте 88 лет.

¹⁹ Сунарцы (сеннарцы), или фунги — арабский народ на юго-востоке Судана — создавший крупнейшее из государств этой страны XVI—XVII вв. — Сеннарский султанат, просуществовавший до 1820 г. Победы раса Микаэля над сеннарцами являли собой походы против только пограничных племен, не давшие Эфиопии ни территориальных приобретений, ни политических выгод. Обострением эфиопско-сеннарских отношений воспользовалась Турция, присоединившая к своим владениям большую часть земель, составлявших пограничную полосу между Эфиопией и Сеннаром. Вместе с тем Эфиопия утратила свое политическое влияние на Сеннар (см.: Ю. М. Кобищанов, Очерк истории Судана с древнейших времен до эпохи империализма; Демократическая Республика Судан, М., 1973, стр. 78—90).

²⁰ Мусовский ших — шейх, или наиб (наместник), города Массауа на одноименном острове у берегов Эфиопии. С XVI в. и до настоящего времени Массауа — крупнейший порт Эфиопии. В XVIII в., как и ранее, Массауа входила в состав турецкого пашалыка Хабаш (Абиссиния).

²¹ Гаригол — вероятно, имеется в виду юный император Текле-Гийоргис в первое из шести его царствований (его шесть раз свергали с престола мятежные феодалы), коронованный впервые летом 1779 г. и изгнанный из своей столицы Гондара в феврале 1784 г. В 1784—1788 гг. в Гондаре царствовал император Иясу III (тронное имя Беале-Сыгаб); кроме того, на короткое время императором был провозглашен другой эфиопский принц, Беале-Марйам. Однако Текле-Гийоргис продолжал оставаться императором в глазах своих сторонников, в том числе и того эфиопского резидента в Каире, о котором говорит М. Качкачишвили. Неясно, действительно ли направлял этот резидент «вести о России» ко «двору своего государя» и от кого он получил приказ принять русского посла. Интересно отметить, что имя «Гаригол» напоминает имя «Гуангул», как звали одного из наиболее могущественных вождей галла того времени.

²² «Кифт» — копт, митрополит (здесь патриарх) Эфиопии. По традиции назначался коптским патриархом из числа коптских монахов.

²³ «Парзитент», «пархитенд» — искаженное «резидент».

²⁴ Регула — регулярная армия.

²⁵ Джизувитские патеры — иезуиты, деятельность которых вызвала кровопролитные религиозные войны и гонения в Эфиопии в царствования императоров Сусныйоса (1607—1632 гг.) и Фасильдаса (1632—1667 гг.), особенно в тринадцатилетний период 1620—1632 гг.

²⁶ С середины XVII в. Эфиопия была объявлена закрытой для европейцев, прежде всего для католиков.

²⁷ Намек на известного шотландского путешественника Джеймса Брюса, побывавшего в Эфиопии в 1769—1771 гг. и пользовавшегося покровительством раса Микаэля.

²⁸ Т. е. Ираклия II.

²⁹ Имеется в виду все еще сохранившийся в Египте престиж Эфиопской империи как могущественного государства.

³⁰ Микел — рас Микаэль.

³¹ Паломничества в Иерусалим весьма популярны среди эфиопских христиан.

³² Т. е. в Красное море, где лежит порт и остров Массауа. Угроза отвести в новое русло Нил, практически неосуществимая, неоднократно повторялась начиная с XIV в.

³³ Т. е. коптского.

ПЛАВАНИЯ КОКОВЦОВА И ГОЛОВНИНА

М. Г. Коковцов об Алжире и Тунисе (1776—1777 гг.)

«Г. Коковцов, быв на каждом из описываемых им островов, может похвастаться вероятным (т. е. заслуживающим доверия.— Л. К.) писателем, яко свидетель очевидный». Так писал в 1786 г. Ф. О. Туманский, член-корреспондент Российской Академии наук, видный издатель и переводчик второй половины XVIII в., выпустивший в свет обе книги «флота капитана, что ныне бригадир и кавалер» Матвея Григорьевича Коковцова.

Туманский имел в виду прежде всего подробные описания греческих островов, сделанные Коковцовым,— это и понятно, если принять во внимание тот интерес к греческим делам, который испытывала читающая столичная публика в те годы. Но, несмотря на то, что Коковцов, конечно, располагал несравненно большими возможностями для непосредственного ознакомления с Архипелагом, нежели со странами североафриканского побережья Средиземного моря, его записки об Алжире и Тунисе заслуживают не менее высокой оценки.

Дневники плаваний Коковцова в Тунис и Алжир в 1776—1777 гг. и его книга «Достоверные известия об Альжире: о нравах и обычаях тамошнего народа; о состоянии правительства и областных доходов; о положении варварийских берегов; о произрастаниях и о прочем; с верным чертежом», написанная на основании этих дневников,— одно из первых в русской литературе свидетельств очевидца о состоянии двух африканских стран Северной Африки в этот период. Не случайно статья М. О. Косвена о Коковцове была названа «Первый русский африканист М. Г. Коковцов»; точно так же рассматривал записки Коковцова и видный советский историк нашего востоковедения Б. М. Данциг в своей книге «Ближний Восток в русской науке и литературе». Высокую познавательную ценность записок Коковцова отмечал в «Очерках по ис-

тории русской арабистики» И. Ю. Крачковский, видевший в нем одного из первых представителей отечественной арабистики.

Эти труды нашего соотечественника отличают точность наблюдений и довольно редкие для авторов той поры, писавших о народах Востока, объективность и благожелательность. Заслуживает, наконец, внимания и стремление Коковцова непосредственно связать свои наблюдения с практическими потребностями русского мореплавания и торгового судоходства: практический подход к делу явно ощущается в обоих его книгах.

Выходец из старинной дворянской семьи, давшей России нескольких крупных администраторов и ученых, Матвей Григорьевич Коковцов родился в 1745 г. В 1761 г. по окончании Морского корпуса началась его служба на Балтике. В 1765—1768 гг. мичман Коковцов «плавал волонтером на мальтийских галерах», а в 1769 г. уже лейтенантом снова пришел на Средиземное море с одной из балтийских эскадр, посланных против турок.

После победоносного окончания войны, завершившейся Кучук-Кайнарджийским миром, русское правительство строило широкие планы расширения торговли и мореходства в средиземноморском бассейне. Здесь, в Архипелаге и прилегающих к нему морях, оставались значительные силы флота. Международная обстановка благоприятствовала таким планам: турецкий флот был уничтожен, а североафриканское пиратство, служившее одной из основ турецкого морского могущества, значительно ослаблено (хотя еще и являло собой серьезную угрозу для мореплавателей европейских государств).

Но расширение торговли и мореплавания требовало и хорошего знания торговых возможностей, портов, навигационной обстановки у берегов тех стран, с которыми собирались торговать. И если русские моряки к тому времени уже достаточно хорошо знали страны Южной Европы, особенно районы Апеннинского и Балканского полуостровов и Архипелаг, то о Северной Африке, а отчасти и о странах Пиренейского полуострова знали мало. Поэтому было совершенно естественно, что в 1776 г. капитан-лейтенант Коковцов, только что возвратившийся в Кронштадт со средиземноморской эскадры, получил задание посетить Испанию и ознакомиться с состоянием испанского флота. А по выполнении этого поручения Коковцов был командирован в Тунис и Алжир для ознакомления с портами этих стран.

По дипломатическим соображениям он не мог явиться туда на корабле под русским военно-морским флагом. Поэтому первое свое плавание в Тунис и Алжир в мае—сентябре 1776 г. капитан-лейтенант совершил на итальянском купеческом судне просто как «путешествующий российский дворянин» и в таком ка-

честве и был представлен тунисскому бею. А на следующий год Коковцову пришлось поступить помощником капитана на французское судно и на нем совершить плавание в Алжир.

В 1779 г. Коковцов возвратился в Петербург, но в 1780—1784 гг., командуя кораблями «Америка» и «Св. Януарий», еще дважды ходил в Средиземное море. С Балтийского флота он и вышел в отставку в чине бригадира в 1785 г. В 1793 г., не достигнув пятидесятилетнего возраста, М. Г. Коковцов умер.

Обе книги Коковцова появились в свет уже после его выхода в отставку — в 1786 и 1787 гг. Основой для них послужили значительно расширенные и дополненные служебные отчеты, которые десятью годами раньше автор направлял на имя тогдашнего президента Адмиралтейств-коллегии графа И. Г. Чернышева. Эти отчеты, хранящиеся в Центральном архиве военно-морского флота в Ленинграде, предельно кратки и носят в первую очередь характер навигационных и военно-морских справок.

Готовя для издания свои путевые дневники, а затем на их основе книгу «Достоверные известия об Альжире...», Коковцов сохранил в неизменном виде все существенное, что содержали отчеты.

Это обстоятельство избавляет нас от необходимости включать последние в настоящий сборник и позволяет ограничиться лишь изданными Туманским текстами.

Следует, однако, сказать, что дополнения, которые были автором сделаны при этом, оказались настолько важны и расширяли дневниковые записи в таком направлении, что при ознакомлении с ними делается понятным, почему Коковцов опубликовал свои дневники только спустя десять лет после путешествия и уже выйдя в отставку.

При чтении записок Коковцова сразу же обращает на себя внимание его подчеркнутое стремление понять реальные обстоятельства повседневной жизни коренного населения посещенных им стран, резко критическое отношение к тем предвзятым мнениям об этом населении и его способностях, которые широко распространены были среди европейцев, писавших тогда о странах Северной Африки. Он настойчиво подчеркивал: только отсталость форм правления служит причиной того, что Северная Африка дает известные основания к обвинению ее народов в варварстве, причем коренные жители этих стран менее всего причастны к тем явлениям, которые дают пищу подобным взглядам. Ведь одновременно, говорит он, в других отношениях Тунис и Алжир оказываются куда более цивилизованными, чем передовая Европа, — хотя бы в том, что в них господствует сравнительная веротерпимость.

Бесспорно, что формы правления и нравы правящей верхушки Оттоманской империи и ее африканских владений должны были казаться даже людям весьма умеренных взглядов варварскими и безнадежно отсталыми. Но трезво мыслящий наблюдатель, каким был Коковцов, не мог не обратить внимания на то, что производ, вымогательство и грабежи, которым подвергались наряду с местным населением и отдельные европейцы, поддерживаются не в последнюю очередь самими же европейскими державами, стремящимися таким способом чужими руками разделаться с конкурентами. По мнению Коковцова, и североафриканское пиратство, от которого жестоко страдало торговое мореплавание европейцев, своим процветанием обязано не только хищничеству правящей тунисской и алжирской янычарской верхушки, но и сознательному попустительству европейских правительств, в первую очередь британского.

В то же время весьма характерно, что Коковцов не скрывал своего сочувствия к жителям глубинных областей обеих стран, сумевшим отстоять свою относительную независимость от центральной власти.

Такого рода взгляды едва ли встретили бы сочувственное отношение со стороны флотского начальства, если бы их высказал офицер действительной службы. Да и вся внутривластная обстановка в России второй половины 80-х годов XVIII в. не слишком благоприятствовала открытому выражению подобного образа мыслей.

Конечно, не следует представлять себе М. Г. Коковцова сознательным демократом, модернизируя его общественно-политические воззрения. Он оставался дворянином, кадровым офицером российского императорского флота, и взгляды его сохраняли отпечаток сословной ограниченности. Это сказывается, например, в его суждениях о нравах жителей Алжира, когда он утверждает, что «невежество, смешанное с грубостью, есть общий порок жителей сей области», в его взглядах на еврейское население мусульманских стран Северной Африки и в некоторых других случаях.

Однако, будучи человеком широко образованным и, по-видимому, неплохо знакомым с современной ему европейской литературой (это довольно заметно во многих частях его труда), Коковцов не остался в стороне от тех гуманистических просветительских идей, которые в то время получили распространение в среде передовой дворянской интеллигенции России: как раз на 70-е и 80-е годы XVIII века приходится расцвет деятельности Новикова и Фонвизина. И в той или иной форме эти идеи нашли отражение в его сочинениях. Во всяком случае, для Коковцова совершенно оче-

видно, что основной носитель общественного зла в Северной Африке — это олицетворенная в янычарах и их потомстве паразитическая и насквозь коррумпированная военно-феодалная верхушка.

Источником сведений Коковцова служили как личные наблюдения, так и рассказы европейских и североафриканских купцов — это в особенности относится к отрывочной информации о глубинных областях континента. Хорошо зная маршруты путешествий по собственным записям автора, мы можем без особых затруднений разграничить данные, полученные из одного или другого источника. Помимо этого Коковцов использовал и некоторые описания Северной Африки, к тому времени достаточно хорошо известные в Западной Европе: это, в частности, относится к книгам Льва Африканского и Мармоля, на которые он ссылается в первых главах «Достоверных известий об Альжире...».

Записки Матвея Григорьевича Коковцова — не только первоклассный источник по истории Туниса и Алжира последней четверти XVIII в., но и ценный памятник русской культуры, свидетельствующий как о ее широких международных связях в то время, так и о распространении среди образованной части господствовавшего дворянского класса гуманистических идей, связанных с идеологией европейского Просвещения.

Приводимые здесь отрывки даны главным образом по тексту книги «Достоверные известия об Альжире...», опубликованной Туманским в 1787 г. Из выпущенной им же (годом раньше) книги Коковцова «Описание Архипелага и Варварийского берега...» в настоящий сборник включены лишь те отрывки из дневника плавания в Тунис в 1776 г., которые не имеют соответствия в более поздней публикации, т. е. относящиеся непосредственно к Тунису. Более общие сюжеты, имеющие отношение как к Тунису, так и к Алжиру, изложены в книге «Достоверные известия об Альжире...» гораздо подробнее, дневниковые же записи 1777 г. практически повторены в ней текстуально. Основываясь на этом, составители сочли возможным вообще не включать в предлагаемый текст отрывков из «Дневника второго», посвященного плаванию в Алжир, ограничившись воспроизведением по возможности обширных отрывков из книги, увидевшей свет в 1787 г.

**Дневник с разными примечаниями
во время первой поездки, бывшей в 1776 году,
из Ливорны в Тунис и в другие Варварийские
пристани¹ флота капитана, что ныне бригадир
и кавалер, Матвея Григорьевича Коковцова
Дневник первый. 1776 год**

Месяц май

<...> 24. Отправился я в Тунис на купеческом венецианском поляке², именуемом Св. Иоанн, коим начальствовал славянец Микель Мунстер...

Месяц июнь

<...> 7. Остался я в городе Тунисе, в девяти милях на запад от крепостей Гулетских³ отстоящем. Сия тунисского владетеля столица имеет семь миль в окружности, обнесена почти обвалившеюся уже каменной стеною, при входе которой лежит на правой стороне малоукрепленный замок, от времен Дона Жуана Австрийского⁴ в шестом надесять столетии существующий. Город выстроен без всякого искусства и порядка; жилья очень низки, выключая одне консульские, которые повыше, но об одном ярусе; полы мощены на самой земле, и дверь с окошками разделить трудно; во всех домах есть водоемы, проведенные из колодезей. Лучшее украшение домов состоит в полах, разноцветными изразцами выложенных, жители на оных спят, сидят, обедают и ужинают. Внешние соответствуют внутреннему убору, ибо строены из необделанного камня, складенного с глиною, без всякой соразмерности и внимания. Начальнейшие в городе здания — мечеть и больница, однако ж и оне в отношении к строениям европейским ни малейшего не заслуживают внимания. Улицы узки и нечисты, и потому дома лежат окошками в сады, а с улиц токмо один остается вход.

8. В городе Тунисе считают около ста двадцати тысяч жителей мавров⁵, бедувинов⁶, левантских турок, жидов и христиан. Народ по большей части ремесленный, а особливо в художестве ткальном; имеют они также хорошие заводы колпачные, и с Левантом производят прибыльной торг; делают весьма хорошие шерстяные, бумажные и шелковые материи, которыми торгуют с

европейцами, Левантом и Египтом. Город построен на низком и ровном берегу при конце залива, в двенадцати милях от развалин древние Карфагены к югу. Городу весьма много придают приятности разные плодовые, изобильно растущие финиковые и оливковые деревья...

Сначала для управления сих областей определяемы были от Порты Паши, но сии, воспользовавшись неустойством Царьградским, усилились, сделались независимыми и, согласясь с воинскими чинами, основали воинскую аристократию и донныне продолжающуюся. Главный правитель или бей⁷, избираемый воинскими начальниками, купно с ними господствует над пародом деспотически. Правительство туниское со времени последней перемены платит ежегодно альжирскому Дею⁸ тридцать шесть тысяч червонцев, и сия подверженность происходит не от слабого туницев состояния, но от чрезмерной скупости нынешнего бея Али бен Гасана, который не хочет содержать довольного войска. Правда, что он и имеет причину не умножать оно: ибо, чем более янычар, тем короче владение его; поелику янычары весьма часто лишают жизни своих беев единственно токмо для того, чтобы преемник, наследуя богатство предшественника своего, разделял им чаще обыкновенные подарки.

У нынешнего бея 3 000 000 червонцев, а другие уверяют, что гораздо больше есть; я и не сомневаюсь: ибо он сверх других доходов, обще с первоначальниками, откупает всякие земные плоды за самую малую им самым определенную цену, а от продажи оных европейцам пользуется один великим барышом.

Бедувинами называются деревенские жители, будучи невежды, живут они в крайней бедности по причине отнятия у них начальниками за самую малую цену собираемых ими плодов, чрез то земледелие у них в упадке и народ к снисканию богатства не ищет способов. Хотя Туниская область и довольно изобильна пшеницею, разной овощью, деревянным маслом, шерстью, воском и другими произведениями, но народ оными не пользуется.

Нынешний бей сухопутного войска очень мало имеет, да и морского не более 12 000, в разных городах расположенного. Туниские же янычаре состоят все из скопища самых бездельников, ушедших из Леванта

турок и самых злонравных отступников христианской веры. Флот их под начальством ренегата⁹, Али Рейс именуемого*, состоит из одного 20-пушечного фрегата, 2 двадцатипятивесельных галер, 4 маленьких полугалерок и одной шебеки и находится в пристани Фарино, от Туниса в 36 милях к северо-западу лежащей. Часть сего флота разъезжает против воюющих с ними христиан около берегов Сардинии, Сицилии и Калабрии, опустошая часто набережные места, берут они в плен тамошних жителей и получают за их выкуп знатную сумму, а сим одним промыслом больший получают доход, нежели от торговли и художеств. Христианские же державы, вместо того, чтобы наказывать сию дерзость, стараются еще подкреплять их, особливо учащающие более других в их пристани и с ними выгодно торгующие французы. Купеческие и военные суда имеют весьма пространную и спокойную рейду при крепости Гулетте. Груз с торговых судов перевозят в Тунис на сандалах или плашкоутах, по причине мелкости Тунисского залива...

21 [-го] числа возвратился я в Тунис и, пользуясь дружбою великобританского консула, старался разведать о образе правительства, обычаях, художествах и торговле тунисцев.

Римляне как всех завоеванных народов, так и сей прозвали варварами, чему и до днесь следуют европейцы, хотя сии народы так подлого имени совсем не заслуживают. Правда, что они непросвещенны, но, как и все другие народы, имеют порядочное свое происхождение и обычаи. Имя варваров прилично народу злонравному, незаконному и жестокосердому; а народы варварийские вообще казались мне добронравнее и странноприимчивее многих европейцев, особливо же сицилианцов, калабриссов и некоторых членов испанского народа. Упражнение их в морском разбойничестве¹⁰ происходит не от злонравия, но от злоупотребления тиранского над ними правительства, которое от сего промысла великий имеет выигрыш. Но европейцы их за сие и не наказывают!

<...>Город Тунис имеет сообщение посредством караванов с берегом, Альжиром, Царьградом, Трипо-

* Али Рейс — двоюродный брат греку, служившему в Российском флоте в последнюю с Портою войну к. лейтенантом, ныне в Малте в делах поверенным кавалеру Псару.

лем, и к югу с каденцами и другими аравийскими народами¹¹, караваны их отходят под конвоем, однако случается, что рассеянные африканские жители грабят их, хотя сие бывает очень редко. Желаящие переезжать из одного места в другое отправляются вместе с караванами, особливо предпринимающие путь в зимних месяцах; и в рассуждении трудного пути и недостатка корму употребляют к сему путешествию верблюдов, которые столько послушны, что и малый ребенок ими управлять может; когда выючат на них клажу, они сами приседают и, почувствовав на себе бремя, больше которого уже поднять не в силах, разными телодвижениями дают о том знать. Арапы¹² и бедуины ставят за грех обременять верблюдов более, нежели они снести могут...

Здесь город своими произведениями наполняет ежегодно европейских, особливо французских, до ста пятидесяти судов; также отправляет с оными караваны в Салей и Кадемию¹³ (белидулжерицкие африканские жители, обитающие за горами Атлантическими¹⁴), что составляет немалую ветвь торговли. Салейский караван отправляется один раз в год, нагруженный французскими урожаями и зеркалами, на которые выменивают тот золотой песок. В Кадемию, Бамбук¹⁵ и в другие южные области отправляют в год по два каравана с таковыми же товарами. Область Кадемицкая находится от Туниса к югу в 450 милях, и жители оная европейцам неизвестны; некоторые из них мугамеданского закона, некоторые идолопоклонники, а другие никакого закона не знают и общества с иностранцами не имеют, и для того тунисцы торгующие туда поступают с ними следующим образом: расположив в назначенном месте свои товары порознь, скрываются; тогда кадемцы, приближаясь к оным, осматривают их и в заплату за оные кладут золотой песок или, оставя арапов, уходят; тунисцы же возвращаются к своим товарам, ежели найдут платеж сей стоящим их товаров, то, получа оной, оставляют сие место; когда же платеж сей покажется несходным (что, однако ж, бывает очень редко), тогда они откладывают его прочь и опять скрываются, а кадемцы или оставляют покупку, или прибавляют платеж. Сия безгласная ярмонка иногда целую неделю продолжается, и наконец сбыв свои товары без всякого обмана, разъезжаются¹⁶. <...>

<...> 31. Поутру переехал я на судно, и, подняв якоря, продолжали мы при западном ветре путь свой в Ливорну.

**Достоверные известия об Альжире.
О нравах и обычаях тамошнего народа;
о состоянии правительства и областных доходов,
о положении Варварийских берегов,
о произрастаниях и о прочем**

Недостаток в достоверных известиях о Варварийских берегах и портах, по оному лежащих, побудили меня по прибытии из Архипелага объездить и осмотреть оные, и, на то получа позволение, а наипаче будучи поощрен начальствующим морского департамента, его сиятельством графом Иваном Григорьевичем Чернышевым, непрестанно пекущимся о приобретении полезных приращений для Российского водоходства, и с наставлением его, объездил я разные порты и города, Тунисскому правлению, а некоторые пристани альжирцам принадлежащие; примечая все то, что для мореплавателей полезно быть может, и притом разведывал повсюду о настоящем состоянии Варварийских областей, собрав к тому некоторые лучшие известия, присокупил их к собственным моим примечаниям в отношении тамошних правлений, обычаев, торгов, разбойнических их промыслов и земных произведений, сочинил сие историческое начертание альжирского правительства, в котором если читатели не найдут довольно красноречия, то по крайней мере, как я ласкаюсь, останутся награждены справедливостью описания тех народов, коих мне случилось видеть.

Везде варварийцов почитают за народ жестокосердый, бесчеловечный, беззаконный и злонравием превосходящий самых диких американских жителей. Толь гнусные о варварийцах мнения вкоренились в европейцев подлинно от недостатка справедливых известий. Но ныне нетрудно истребить сие ложное мнение, читая примечания многих благоразумных европейцев, имевших свое пребывание в Варварийских областях, которые могут вывести Европу из неправого ее о сих наро-

дах мнения. Правда, что неограниченная вольность и злонравие турецких янычар в Варварии бывает причиною многих злоупотреблений и наглостей, а особливо во время перемен, кои там часто случаются; но коль скоро сии перемены преходят, правительство обращается к попечению о правосудии и общем покое.

Европейцы, понаслышке от некоторых легковерных путешественников, презирают варварийцев единственно по предрассуждению, которое еще и больше утверждается освобождающимися из неволи христианскими невольниками. Сии последние рассказывают повсюду о злонравии и дерзостях варварийцев, жалуется всякому о претерпенном ими лютом мучении и показывают свои раны для того, чтобы побудить народ к сожалению о себе. Но я думаю, что читатель найдет сему противное в 3 и 12 отделении сей книги, где подробно описаны поступки альжирцов с христианскими невольниками.

Некоторые европейцы думают еще и так, что, если кто в Варварии родился, тот не одарен разумом и чувствами. Также ложное мнение происходит от неведения их законов, правления и обычаев, ибо все те европейцы, кои видели сей народ и имели с ним порядочное обращение, единогласно утверждают тому противное. Несправедливо бы было осуждать целый народ потому только, что в нем носят на голове чалмы, но должно рассматривать его законы, обычаи, воспитание, климат, их правление и потому делать общее заключение.

Главы 3, 4, 5 выведут из заблуждения читателя в том, что касается до их правления и обычаев, и уверят его, что европейцы довольно имеют таких пороков, которых они в варварийцах не терпят.

Я не удивляюсь толь ложному в Европе о сих народах мнению, ибо много есть таких людей, которые презирают других потому только, что не их наблюдают обычаи. Мы находим более благорассуждения и беспристрастия в тех, кои с успехом путешествовали: они, обращаясь с иностранцами, познают добрые и худые их качества, и, сличая иные со своими, полагают пределы прежнему своему предрассуждению.

Что же касается до тех путешественников, которых развозят по свету, подобно как сундуки, то они стараются единственно о приобретении достойных посмеяния мод, дабы по возвращении в свое отечество оными похваляться.

Сии обьятыя самолюбием и не имеющие ни малого сведения и о своей собственной земле люди смеются всему тому, что мимоездом усмотрят не в силу ограниченного их разума; и лишь только где-нибудь примечат разную одежду, или разные нравы, то и заключают, что тут народ ни к чему [не] годной.

Описание Альжирского владения окончил я некоторыми примечаниями о их политическом правлении, а прочие Варварийские области не описывал я подробно для того, что правления и обычаи их те же самые, что и в Альжире, и я почел за излишнее делать повторение, однако я не опустил в журнале моего путешествия к Тунисским берегам обьяснить и о других со всякою достоверностью важнейшие их перемены, также их коммерцию, рукоделия, морские и сухопутные силы.

Любители древностей могут почерпнуть подробное сведение в писаниях Эзербруарда, Шраварденъе, Абдул-Алраквик, арапских писателей. Да и европейские писатели могут подать сведение о сих народах, а особливо господи Мармаль, Даппер, Жиовани Леони, Диегодди (Гаедо) и господин Шав: сей последний сделал подробное географическое описание Варварийских областей¹⁷.

Правительство Альжирское названо по имени его столичного города, который от давних времен славен разбойническими поисками на море. Все европейцы почитают их за народ жестокосердый, незаконный и бесчеловечный; и для того прозваны они все вообще варварами. Но как ныне многими разумными европейцами сообщены нам достоверные об них примечания, то уповательно сие довольно послужит ко истреблению толь несправедливого о них мнения и уверит читателей, что единое непросвещение сего народа есть причиною толь поносного народу сему порицания.

Господин Мармоль, французский писатель, доказывает, что Варвария на аравийском языке значит степи. Да и подлинно в древние времена низменные части сея области мало населены были, и малое число тогдашних жителей прозывались береберы, или степцы, степовые жители, но как и другие поколения там жителство имели, а прозывались иначе, то и сомнительно принять сие мнение за правду. Жиовани Леони, другой писатель, доводит, что будто бы аравы называли всех приморских жителей Варварии варварами, потому что

грубо произносили некоторые слова аравийского языка, однако сие доказательство еще меньше вероятным кажется. Но без сомнения, варварами прозваны они были от римлян обще с другими завоеванными от них народами из гордости только и презрения к их обычаям, которые им казались грубы. А как европейцы приобыкли во всем подражать римлянам, то последуют и их погрешностям. <...>

Глава III

В Альжирской области обитают аборигены, или природные здешние жители, аравы, жидаы, левантские турки и христиане. Первые сначала были все белые, но по сообщению с нумидийскими народами¹⁸ произошли белые аравы. Смешение с черными умножилось в сих областях наипаче в седьмом веке, когда аравы, опустошая сию страну, приводили мавританцов в мугамедову веру. Аборигенов именуют все европейцы маврами и белыми аравами, кои разделяются на две части: первыми, кои живут в городах и упражняются в торговле, заводах и рукоделиях, управляет Дей или поставленные от него начальники, и платят указанную дань по количеству их стяжания и по состоянию их промыслов. Вторые, кои прозываются бедвинами, рассеяны по всей области и постоянных жилищ не имеют, но, переходя с одного места на другое, ночуют или под наметами, или под тенью лесов со всеми их семьями и со скотом. Сии последние составляют большую часть Варварийских селений, и некоторые из них находятся в подданстве у Альжирского правительства, а иные живут на горах и от оногo не зависят.

Каждое поколение сего народа составляет особливую республику под ведением своих шеков¹⁹, коих они из старших своего рода избирают. Сии-то скитающиеся республики берут на откуп на низменных местах земли и, от земледелия имея свое пропитание, платят восьмую часть земных плодов Альжирскому правительству. Они подвижные свои жилища, называемые адовары²⁰, расставляют под предводительством помянутых шеков на выгодных местах, дабы в случае нападения от турецких янычар положением сих мест могли защищаться. Каждый шек отвечает за своих подчиненных и имеет право судить и наказывать их за преступления.

Иметь отделенное правление позволено сему народу от альжирского дивана для удержания дерзкой милиции, и для того же альжирский Дей старается быть в дружбе со многими неподданными аравами, которым ныне недостает только просвещения в рассуждении того, чтоб истребить турецкую милицию, по справедливости ими ненавидимую.

Одежда городских мавров подобна одеждам левантских турок с тою токмо разностью, что вместо кафтана надевают они на себя барнус, или епанчу, с большим капишоном и черною кистью. Одевание бедвинов, или деревенских мавров, соответствует их бедности: оно состоит только из куска шерстяной материи, которым они с плеч до колен обвертываются, так что с нуждою закрывают наготу своего тела, а на голове вместо чалмы носят красные колпаки. Женщины у бедвинов живут откровенно²¹ и принимают участие во всех трудных работах своих мужей, одежда их состоит единственно из холстинной рубахи, подпоясываются они шерстяным поясом, волосы расплетают на разные косы, украшают их бисером и коральми, носят предлинные серьги, составленные из роговых колец, а у богатых из корали или слоновой кости, брови чернят, ногти красят, подобно как и в Леванте, и принимают растолченной суриногов корень, который имеет свойство горячить кровь, дабы через то понравиться более своим мужьям²².

Мавританцы говорят ныне спорченным аравийским языком, и каждый адовар имеет особое наречие. Они исповедывают мугамеданскую веру, наполненную сумасбродными суевериями. Морабуты*, следуя общему монашескому правилу, внушали сему народу ложное о законе понятие и, непрестанно питая их невежество несправедливыми рассказами, заградили все стези к их просвещению. Таковы вредные поучения вкореняют в простом народе ненависть и презрение ко всем иноверцам и бывают причиною нарушения общего спокойства.

Деревенские мавры склонны к грабежам, которому промыслу научились они от аравов, их победителей и законодателей. Воровство не ставят в порок и почитают справедливым мнением кражу таких вещей, кои другими прежде у них были похищены. Путешественники,

---

* Мугамеданские монахи²³.

опасаясь сего философического их правила, стараются всегда отправляться в дорогу купно с караванами и с отрядом вооруженных янычар: в противном случае бывают ограблены, а иногда и жизнь теряют. А как есть между ними и такие вредные предрассуждения, что убить иноверца почитают за душеспасительное дело, то сие варварское суеверие поощряет еще более к злодеянию тех, кои в пороках утопают. Однако среди их невежества и столь вредного суеверия видно в большей части народа много добросердечия и человеколюбия, ибо проезжающие сию землю получают от обывателей во всем помощь и пользуются странноприимством. Они пекутся о больных путешественниках, довольствуют их пищею и всеми нужными вещами, и притом безо всякой платы.

Образ жизни сего народа соответствует их невежеству. Их шатры разделены на две части, из которых в одной сами, а в другой домашние животные обитают; первая покрыта и устлана камышевою и соломенною плетенкою, на коей они спят и принимают пищу, состоящую из пшеничного с деревянным маслом теста и кускусу²⁴, а те, кои богатые, прибавляют к сему несколько бараньего мяса.

При бракосочетаниях наблюдают следующий порядок: во-первых, жених с согласия невесты объявляет свое желание ее отцу, который, показывая взаимное удовольствие, хвалит добрые качества своей дочери, рассказывает ее прилежность к домостроительству и хвалится детородием ее матери, потом происходит договор о имении жениха, состоящем обыкновенно в количестве скота, с которым жених приходит к невестинной палатке, после чего с обеих сторон в присутствии сродников отправляется брачный обряд, и при сем случае пьет сперва жених, а потом и невеста приготовленный из молока напиток, а между тем присутствующие поют приличные сему торжеству песни и после просят обще бога о счастии и детородии вновь сочетавшихся, напоследок кончат свадьбу пированием и пляскою ближних сродников, а если женится богатый, то и весь адовар в праздновании участие примет. В сей области обыкновенно выдают замуж имеющих от 11 до 15 лет, и часто женщины, не достигшие тринадцати лет, детей рождают, что приписать должно отменному сложению сего народа и великим жарам тамошнего климата.

Аравы составляют вторую часть варварийских селений. Они поселились в сей стране тогда, как нумидийцы оную покорили, потом в седьмом веке, во время проповеди мугамедова закона, размножились еще более: ибо многие аравийские орды, ограбив прежних жителей, основали постоянное в сей области для себя пребывание и жили под правлением своих шерифов* до того времени, как турецкая милиция, под предводительством Барбароссы низложи аравийских начальников, овладела альжирским правлением. Аравы от нестерпимого отягощения злонравных янычар ушли на неприступные горы, где и поныне свою вольность сохраняют, некоторые упражняются в ловле зверей и птиц, а другие в непрестанных грабительствах и от того получают свое содержание.

Сей народ под разными именами разделяется на многие поколения, из коих каждое состоит под начальством своего шека, а сии обще с другими старейшинами составляют прямое демократическое правление. Они гордятся древностью своего рода и еще сохраняют наречие пунического языка²⁶. Нагорные аравы презирают живущих в городах и под игом турок, называя их подлою тварью, и вменяют себе в бесчестье иметь с ними сообщение. При всяком случае стараются изъявлять свою ненависть к туркам, ибо часто нападают на проезжающие караваны для того единственно, чтоб лишить жизни провожающих янычар, кои, напротив того, попавших к ним в руки аравов отвозят в Левант и продают за большую цену в вечное невольничество.

Многие европейские писатели почитают аравов с маврами за один народ, но сие мнение опровергается различием их языка и обычаев, ибо первые, поселившись на Атлантических горах, сохранили с их вольностью древнее их правление и, будучи свободны от утеснения турецкой милиции, живут гораздо лучше последних и имеют некоторое просвещение в науках, а особенно в астрономии и стихотворстве²⁷.

Одежда аравов означает некоторым образом их свободную жизнь. Достаточные носят тонкие полотняные рубашки и нижнее платье, красный барнус с золотую кистью и на шее и на коленях перевязки, украшенные золотыми или серебряными кольцами.

---

* На аравийском языке значит император²⁵.

Бедного народа одежда состоит из шерстяной материи их ремесла. Женщины одеваются в шелковые тонкие кисейные телогреи с широкими рукавами, носят вместо серег золотые или серебряные кольца, убирают волосы бисером, янтарем и коралью, а достаточнейшие украшаются дорогими камнями, также на шее и на руках носят подобные сим украшения.

Аравы, поселившиеся в проходах к Фецу и Тунису, живут гораздо достаточнее прочих, ибо кроме того, что они разбивают караваны, торгуют лучшими аравийскими лошадьми, которые известны в Европе под именем барба. Простой народ от земледелия и скотоводства имеет довольно содержание. Прочие же рассеянные по сей области занимаются ловлею диких зверей, львов, автруками²⁸, кабанов, леопардов, камельянами и обезьянами, коих они продают приморским жителям для отвозу в иностранные земли.

Нагорные аравские жилища, именуемые кабилии²⁹, по холодности воздуха построены из камней или из дерева и суть довольно пространные здания об одном ярусе, а те, кои пребывание свое имеют на низменных местах, живут в шатрах, подобно как и мавры, природные варварийские жители. Обыкновенная пища сих людей состоит из трав, молока, меду, баранья мяса и овощей. Проезжающие мимо их иностранцы пользуются всяким благоприятством и довольствуются через сутки пищею без всякой платы. Аравы почитают за преступление обидеть иностранца в пределах своих жилищ, но вне оных, ежели что-нибудь приметят излишнее у проезжих, отымают, извиняясь тем, что «излишние вещи отягощают путешествующих и препятствуют им прибыть скоро к желаемому месту».

У аравов часто бывают междоусобные брани, которые почти всегда пресекаются кровопролитными сражениями или потерями вольности целого поколения. Обыкновенное аравское оружие суть бердыши, сабли и копья, которыми они весьма проворно действуют, потому что с самого младенчества привыкают к управлению лошадьми и к действию их оружием. В военное время водят за собою свое семейство для того, чтобы присутствием своих жен и других ближних родственников более ободриться к сопротивлению неприятелям.

Шеки, начальники аравских орд, находятся в великом почтении у народа, которого они снискивают лю-

бовь неусыпными их стараниями о соблюдении общего покоя и правосудия; они в битве с неприятелем первые жертвуют жизнью и почитают за долг потерять оную для спасения своего отечества.

Многие аравские орды для избежания от злонравных янычар рассеялись по разным Варварийского берега местам, живут в невежестве и упражняются в беспрестанных грабительствах, а особенно те, кои скитаются в Восточной части Альжирского правительства. Ибо когда они увидят разбитие какого-нибудь судна, то не только грабят утомленных бурей мореходцов, но часто и жизни лишают иных. Такие-то плоды обыкновенно рождают злоупотребления варварийских правителей, которых невежество и злонравие служит законом обитателям сих земель.

Жиды составляют третью часть варварийских селений. Некоторые писатели доказывают, будто бы они поселились тут после разорения Иерусалима от Тита, сына Веспасианова, Римского цесаря; другие справедливее объявляют, что они по изгнании их из Европы переехали на Варварийские берега. Да и подлинно выгнаны они были из Италии в 1342, из Нидерландов в 1350, из Франции в 1403, из Англии в 1422 годах и еще множайшее их число выехали из Испании и Португалии в 1462 году. Таким образом, родившееся от невежества суеверие и вражда к их закону лишили Европу немалой части жителей и населили оными африканские земли. Изгнанные жиды утвердили свое пребывание в разных приморских городах Варварийской области и находятся ныне в аравском подданстве Альжирского правительства, однако пользуются свободным отправлением богослужения по их закону. Правительство собирает с них определенную подать так, как и с мавров, природных жителей, и позволяет им выбирать из между себя судей для разбирательства дела, и в случае недовольства их приговорами прибегают жиды к турецкому начальнику.

Сей скитающийся народ по справедливости заслуживает себе от всех презрение; турки гнушаются ими за их обманы, лицемерства и за презорство их к прочим народам. С презрения к ним не позволяют им носить платья другого цвета, кроме черного, и прежде всего не принимали никого прямо из еврейского закона в мугамедову веру, но если и христиан в мусульманы

принимают, то без всякого насилия, ибо турки вообще гнушаются всеми вероломцами. Правительства Варварийские запрещают жидам выезжать оттуда без поруки в том, что они обратно приедут, и в противном случае поручившиеся платят назначенную сумму денег, а за неисполнением оной бывают публично сожигаемы: сею казнию только одних жидов здесь наказывают. Невзирая на столь великое порабощение, живут они в здешних областях довольно достаточно, упражняясь в торговле с христианскими державами³⁰. Через них-то европейцы получают разные африканские произведения. Здесь находится еще немалое число ливорнских жидов, кои приемлют великое участие в варварийской торговле и пользуются равною вольностью, как франки*, живущие там под покровительством французского консула, коему поручено от правительства иметь смотрение за всеми иностранцами своих консулов. Ливорнские жида берут на откуп от правительства воск, деревянное масло, шерсть и другие произведения и от перепродажи оных европейцам получают немалый выигрыш, а притом они имеют прибыль от выкупа христианских невольников, поручаемого им от европейцев.

Живущие в подданстве жида отличны от прочих своих одноверцов бедностью одеяния, раболепными поступками и невежеством. Они живут в особой части города и суть в презрении не только у турок, но и у европейских жидов, кои, выключая дело по купечеству, гнушаются иметь с ними сообщество. Находящиеся здесь ливорнские жида одеваются и живут по европейскому обыкновению и для того прозваны от турок христианскими жидами; они, пользуясь доверенностью к ним здешних правительств, присвоили себе всю варварийскую торговлю.

Левантские турки со времени Барбароссы имеют неограниченную власть в Альжирской области. Сначала призваны они были для сопротивления испанцам, а наконец усилиясь, присвоили себе полную мочь над тамошними народами. Не считая поселившихся в разных городах природных турок, находится в Альжире одних янычар около двенадцати тысяч, кои известны в Европе под именем милиции, составляющей сухопут-

---

* Христианские купцы, находящиеся для торговли в Варварии и в Леванте, этим именем называются.

ное и морское войско сего правительства. Из них-то выбирают деев и других военных и гражданских начальников. Самый последний солдат может достигнуть до степени Дея, лишь бы только он отличил себя каким-либо мужественным действием или мог подкупить деньгами своих товарищей.

Одни только военнотружущие турки на высшей степени правительства поставляются. А сими преимуществами гордясь, даже и самый презренный солдат считает себя самовластным и высокородным господином, и одно его имя заключает в себе всякое достоинство. Прочие жители ввержены в столь крайнее порабощение и боязнь, что один вид турецкого солдата устрашает множество тамошнего народа. В Альжирской области считают двести природных жителей против одного янычара, однако, невзирая на столь неравное количество, вкоренившийся в них ужас столь силен, что поныне не смеют они восстать на своих злонравных и жестокосердых начальников и освободиться от толико тяжкого ига.

Христианские ренегаты * пользуются в Альжире такими же правами, каковыми и природные турки, и, коль скоро вступят в мугамедову веру, получают и жалованье, право вступать во всякие должности и требовать чинов, однако с тем, чтобы не соединяться браком ни с мавританскими, ни с аравскими поколениями, в противном случае родившиеся от иноплеменниц дети не будут признаны за природных турок. Такие дети могут получать солдатский оклад, но не допустят их ни до каких чинов, ибо турки утверждают, что происхождение от мавританского или аравского поколения затмевает достоинство истинного мусульманина.

В Варварийских областях весьма мало находится левантских женщин, потому что они почитают альжирских турок сборищем бездельников и соединение с ними в бесчестие себе вменяют. Да и подлинно Альжир служит убежищем всякого рода злодеев, коих справедливо левантские турки презирают. Пример сему случился в Асаново правление, когда двое знатных турок, возвращаясь из Марселя в свое отечество и укрываясь от ветров, зашли в альжирскую пристань, тут во все время их пребывания жили они в доме француз-

---

* Отступившие от веры христовой.

ского консула, несмотря на просьбу Асана Аги, приглашавшего их в приготовленные в его доме покои, они ответствовали ему, что не хотят иметь никакого сообщения с альжирскими турками. Сей грубый ответ довольно доказывает, сколь велико их презрение к альжирцам.

Альжирские турки, за неимением левантских жен, женятся на христианских невольницах, кои в таком случае обыкновенно принимают мугамеданскую веру. Родившиеся от таковых дети имеют законное право требовать за свои службы всякого достоинства и считаться природными турками. Наложницы их суть или природные мавританки или аравки, и прижитые с ними дети называются кулоли³¹, которые выше солдатской степени достичь не могут.

Гнусный порок сократические любви есть главною причиною всеобщего к альжирским туркам презрения. Дей и другие знатнейшие начальники содержат ради сего молодых невольников, кои часто, противясь зверскому их неистовству, лишают себя жизни. Примеры сему часто случаются в сей стране. За несколько лет до сего времени один молодой португалец, будучи привезен в Альжир тамошним Капером, был продан некоторому богатому турке, по несчастю, ему понравился. Сколько Ибрагим (так назывался его хозяин) ни старался уговорить сего молодого невольника ко удовольствованию своего мерзкого желания, однако он, гнушаясь того, елико мог, противился, наконец, видя непрестанное себе гонение, стал носить при себе сокровенный кинжал, и когда его злонравный хозяин хотел насильно преклонить его, то португалец, принужденный крайностью, заколол его. Альжирское правосудие осуждает на растерзание привязанием к лошадиному хвосту всех тех невольников, кои осмелятся поднять оружие на своих хозяев, следовательно, и он приговорен был к сей казни, коль ни старались иностранные консулы и христианские купцы, узнавшие о невинности сего несчастного, спасти его, однако все их просьбы тщетны были. Молодой португалец выведен был явно на площадь и претерпел мучительную казнь столь мужественно, что побудил к сожалению о себе не только христиан, но и жестокосердых своих начальников, которые, конечно, истребили бы столь гнусный порок, если бы и прочие последовали португальцову примеру.

Хотя альжирские турки от торговли, а наипаче от разбойничества на море, довольно обогатились, однако не смеют пользоваться приобретенным ими именем, ибо при переменах бунтующая милиция грабит без разбору всех тех, которых она за богатых почитает, по сейто причине они, скрывая свои сокровища, живут бедно. Одежда их во всем подобна одеянию левантских турок. Разность есть только в чалме или турбанте, который у них состоит из красного колпака, оберченного полотенцем, и в тонкой кисеи. Молодые люди чалм не носят и по обыкновению их оставляют на верху головы немного волос; они одеваются в короткое платье, доколе не имеют бороды, которая в сей земле в великом почтении, ибо, не имея оной, не можно ни в какую судебную должность вступить. Турчанки живут скрытно, равно как и в Леванте, и одеваются в богатые одежды, поелику никто их увидеть не может, и, следовательно, они не производят нималой зависти в необузданном солдатстве.

Находящиеся в Варварии европейские купцы и христианские невольники составляют последнюю часть селений сей области. Невольников там не меньше господ, однако они не смеют восстать на них, но, страдая, претерпевают горестную свою участь. Главный доход альжирцов зависит от выкупа христианских невольников, коим позволено от правительства писать в свое отечество и пещись о своем освобождении. В Альжире не только не принуждают их вступать в мугамеданскую веру, но, напротив того, стараются их от того удерживать, для того, чтобы не лишиться прибытков от их выкупа. Вступившим в мугамеданскую веру христианам дается вольность и право достигать достоинств. Иногда приговоренные к смерти невольники (что там случается редко, ибо узаконения Альжирского правления не велят наказывать смертью невольников, дабы через то не лишиться прибьтка от их выкупа, разве только в случае их возмущений против начальной власти) освобождаются от казни переменою закона, но сие снисхождение оказывается им весьма редко и только по просьбе или за деньги.

Европейские купцы, поселившиеся в сих краях, живут под покровительством своих консулов и совокупно с турками упражняются в торговле следующим образом: непросвещенные варварийские начальники берут

насилно у подвластного им народа разные произрашения за малую цену и посредством европейских купцов или ливорнских жидов перевозят в иностранные земли с немалым для себя выигрышем, а потому европейцы пользуются большими выгодами и свободностью в торговле, хотя и не всегда безопасно их там пребывание, а особенно во время бунтов, в котором случае они нередко теряют все свое имение, а иногда и жизнь.

Глава V

Невежество, смешанное с грубостью, есть общий порок жителей сей области. Причиною их развратных нравов суть недостаточное воспитание, сумасбродное суеверие монахов и злоупотребление их непросвещенных и злонравных начальников.

Альжирцы обходятся с христианами весьма грубо, чтобы иметь христиан у себя в рабстве, заключают, что и все европейцы на то созданы единственно, чтобы быть рабами. Однако некоторые турки, объездив Европу ради торговли, оставляют по приезде в свое отечество сие предрассуждение и поступают весьма ласковее со всеми христианами, а особенно те, кои находились у христиан в неволе, они превосходят в человеколюбии прочих и воспоминанием их собственных несчастий побуждаются к сожалению о претерпевающих подобную участь.

Приезжающие в Альжир иностранцы по прошествии суток представляются Дею, у которого по обыкновению они целуют руку; чужестранцы породы знаменитой титулуют его Превосходительным, прочие же называют Дея Светлейшим. Причем, спрашивает у них Дей на языке франко*, «откуда и зачем приехали и долго ли в его области останутся?». После чего могут они взять на свое иждивение янычара, для безопасности их в городе пребывания. Одни иностранные консулы и знатного рода приезжие могут носить при себе шпагу, однако и те, по причине тесноты улиц, ее не употребляют. А когда на улице встречаются с янычарами, то для избежания наглости всегда им уступают место, в

---

* Испорченный итальянский язык, коим говорят турки в Варварии и Леванте.

противном же случае всякого иностранца дерзко обругают.

Обыкновенно молодые турки и мавры смеются тому, кого увидят в европейском одеянии, а иногда и ругают его поносными словами. В сем случае полезнее от иных удалиться и нимало им не противоречить. А если обижен кто, то просит начальников, которые строго за такие наглости наказывают, однако часто и самое правосудие обращается во вред просителю, ибо от наказания одного бездельника рождаются ему многие неприятели, которые непременно за наказанного мстить будут, чему уже пример случился в 1716 году. Господин Томсон, великобританский консул, нечаянно сошелся с пьяным мавританцем, который был солдат милиции альжирской. Сей мавританец, не довольствуясь тем, что поносил его ругательными словами, но, повергнув его на землю, бил до тех пор, пока караульные, стоявшие у ворот, не пришли к нему на помощь и не освободили его от рук сего дерзкого янычара. Альжирский Дей, коль скоро узнал о показанной английскому консулу обиде, во удовольствие его немедленно приказал мавританца замучить палками, наказание альжирских янычар по узаконению их бывает обыкновенно в доме янычар Аги³² и всегда скрыто от народа. Ни старание родственников, ниже просьба самого консула не могли избавить того янычара от такого мучительного наказания, ибо Дей наказанием сего бездельника хотел показать пример строгого своего правосудия. Однако после того пребывание великобританского консула в Альжире подвержено было опасности, почему он и принужден был в Европу уехать.

Христиане, зная дерзость янычар, убегают случаев иметь с ними дела.

Альжирское правление не только позволяет христианам торговать по всей области, но и отправлять свободно их богослужение, чего многие просвещенные в Европе народы и поныне делать не позволяют, а причиною сему кажется то, что в Варварийских областях духовенство нимало участия в правлении не имеет, следовательно, и не может оно утеснять своею ненавистию иноверцев, а напротив того, все зависит от светского управления.

Варварийцы в обхождении с христианами по невежеству своему любят слушать или рассказывать всякие

невероятные повести. Когда бы ни пришли варварийцы в дом к христианину, надобно их непременно потчевать, в рассуждении чего они думают, что делают великую честь хозяину. Сие обыкновение осталось у варварийцев от прежних аравских народов, которые, по описанию Абульфеда³³, странноприимство свято наблюдали. В сих местах жители не впускают христиан к себе в дом, но имеющие до них дело разговаривают с ними в кофейных домах и у входов их жилища.

Знатнейшие в Варварии особы отличают себя от подлого народа кроткими своими поступками, внешнею набожностью, воздержанием в питье и пище. Они живут весьма скупо и одеваются бедно, любят подарки, однако живущие там христиане редко их дарят, поскольку они, получа один подарок, после и сами просить не стыдятся и заключают, что уже должно им иные подносить.

Вообще все варварийские народы живут весьма убого и скрывают свои сокровища в землю, ибо когда начальники узнают о богатстве какого-нибудь жителя, то и без всякой вины отнимают оное. Несчастные сии обитатели не могут ни богатством, ни самою своею жизнью наслаждаться спокойно по причине сребролюбия и злонравия их правителей, коих тиранские утеснения предполагают вечные препоны благополучию сего народа и суть причиною гнусного нарицания варварами.

Ни находящиеся в Альжире христиане, ни тамошние обыватели не могут после восьми часов пополудни выходить из своих домов. Сия предосторожность принята от правительства по недоверенности к обывателям, кои, будучи утеснены, ищут случая при помощи христианских невольников освободиться от ига бунтом.

Жены турецких начальников во всех Варварийских областях пребывают в столь великом невежестве, что нималого понятия о человеческом житье не имеют. Они, будучи с ребячества заключены в серали, ничему больше не учатся, как только некоторым любовным ухваткам ради угождения своим мужьям. Жених не прежде увидит свою невесту, как по совершении брачного обряда, который обыкновенно отправляется в присутствии кади*.

---

* Первый гражданский судья.

Женщины сих мест во время их взаимных посещений не могут видеть ни самых ближних своих сродников мужского пола, они выходят из домов под покровом и в провожании христианских невольников, с которыми они имеют часто тайные свидания, ибо альжирцы, презирая рабское их состояние, жен своих к ним не подозревают.

В Альжире не бывает никаких публичных веселостей, тамошние жители большую часть времени проводят в кофейных домах и курении табаку, они ни с кем больше не обходятся, как только со своими женами, наложницами и невольницами. Играют они обыкновенно в шахматы, да и то всегда без денег, а прочие убыточные игры запрещены у них весьма строго. И так весь их проигрыш состоит в нескольких чашках кофе, сорбету* или в некотором числе трубок табаку.

Рамазан, турецкий пост, бывает два раза в год, во время которого днем упражняются в непрестанных молитвах и воздержании от пищи, а по захождении солнца простой народ, собравшись на улицах, веселится игрием на тимбалах, цитрах и волынках и разными смешными телодвижениями продолжает свою пляску. Притом поют песни на аравском или на турецком языке, которые содержат обыкновенно повести о прежних на море удачах. Байрам (турецкое разговенье) препровождают они все несколько дней в вышесказанных веселостях. Подлый народ, невзирая на строгое запрещение, употребляет крепкие напитки, которые они тайно покупают дорогою ценою на чужестранных судах, но, когда об оном правительство узнает, тогда винопродавцы подвергаются великому взысканию.

Тамошнее правительство определяет цену съестным припасам всякого рода и весьма строго наблюдает, чтобы продажа оных согласна была с положенным тарифом, который переменяется, смотря по количеству или недостатку в припасах.

Во всех варварийских портах, выключая Тунис, правительство ни малой предосторожности не приемлет от моровой язвы. Турки думают, что было бы грешно противиться божию определению, будучи уверены, что сия язва приходит по воле всевышнего для наказания за содеянные ими преступления, а по сему зараженные

---

* Сладкий напиток.

опую отвергают помощь врачебного искусства. Однако варварийцы без всякого врачевания, одною умеренностью в пище и воздержанием от напитков спасают себя от заразы, которую они, за неимением карантина, получают с александрийскими товарами, но сие бывает весьма редко, да и заражаются они не столь сильно, как живущие в Леванте.

Я упомяну здесь о нынешнем Альжирском правлении. Турки обладают городом, они присвоили себе верховную власть. Из них-то выбирают деев и всех других начальников, а природные жители ни малого участия в правлении не имеют, выключая некоторых неподданных арабов, которые управляются своими шеками и с которыми альжирский Дей живет дружно, для того, чтобы во время бунта милиции за него вступились. Альжирский диван составляют избранные от турок начальники, в котором Дей имеет важнейший голос. Христианские ренегаты имеют великую от него к себе уверенность, и им вверено начальство над морскими силами. Гражданские, военные и духовные суды в Альжире обыкновенно производятся словесно. Неправо обвиненные прибегают с просьбою к дивану или верховному совету, а когда христиане имеют какие-либо с турками распри, тогда выбирают по равному числу с обеих сторон посредников, коих решению повинуются. В случае же междоусобных споров судят христиан их консулы, а когда они их судом бывают недовольны, тогда отзываются к турецкому правосудию, которое в таковых случаях наблюдает всячески беспристрастие и судит бескорыстно. Банкротов и должников в Варварии весьма строго наказывают, а именно турок вечною тюрьмою, мавров вешают, жидов жгут, а христиан, ежели какой иностранный консул за них не поручится, заключают навек в тюрьму. Сие причиною, что в Альжире банкроты и должники очень редко случаются.

Альжирская милиция состоит из всякого рода бездельников, по большей части из бежавших от наказания из Турецкой области, вместе с ренегатами, превосходящими всех прочих в злонравии. Первые составляют воинское аристократическое правление. В сей стране не один, но тысяча есть тиранов, которых грубое своенравие служит законом всему народу. По зверству и грубости альжирской милиции поистине достойна она данного ей от европейцев имени варваров, но сего порица-

ния нимало не заслуживают тамошние природные жители, кои все обще добронравны, трудолюбивы и странноприимство весьма свято, по крайней мере в пределах домов своих, наблюдают и коих одно только непросвещение делает так много униженными пред их тиранами, которых сребролюбивая зависть не только пресекает стези к обогащению жителей, но и лишает их свободы пользоваться приобретенными от трудов земными плодами.

Некоторые аравские орды от жестокого утеснения янычар ушли в неприступные горы и, пребывая там в независимости, упражняются в непрестанных набегах на проезжих, а особенно когда турки из городов для сбирания подати выезжают. От сих-то горных народов Варварийские берега ждут своего освобождения, в чем они и не обманутся, ибо сии народы, будучи на свободе, приобрели их прежнее мужество и легко могут, соединясь с другими вольными народами, низложить турецкую милицию, которая ныне от больших добычей и начавшей вкореняться роскоши ослабевать стала. Многие из них, принимая участие в торговле, от упражнения в оной несколько просветились и, оставив разбойнический промысел, живут в городах спокойно. Тунисская милиция ныне более о купечестве, нежели о разбоях, помышляет, потому-то сии последние меньше наглостей и грубости оказывают, нежели альжирцы.

Глава VII

Город Альжир, столица Альжирского правительства и место пребывания тамошнего Дея и его дивана, главная квартира турецкой милиции, гавань и арсенал альжирского флота, лежит под 36 град. 30 минут северной широты, 21 град. 30 минут к востоку от острова Ферро.

Разные писатели истории за достоверное полагают, что сей город построен прежде рождества Христова Юбою, вторым королем Мавританским³⁴, и назван Жюль-Цесариєю в честь Юлия Цезаря. Юба — третий законный наследник — сохранил сие наименование из особенной благодарности к Августу Цезарю, его наследнику, от коего Юба возведен был на отеческий престол Мавританского государства. Еще и ныне находятся многие такие медали, которых одна сторона представляет римских царей, а другая — город с именем

Жюль-Цесария. Что может довольно удостоверить о справедливости сего мнения.

В восьмом веке аравы по завоевании Цесарские Мавритании переименовали его Альжезаиром, которое имя значит на аравском языке, что он стоит против острова, как и в самом деле находился прежде близ сего города небольшой островок, который ныне соединен с твердою землею каменною плотиною. Аравы и по сие время называют сей город Альжезаиром, чему следуя и европейцы Альжиром его прозвали.

Он построен на скате горы вниз до самого берега. Крыши домов, будучи все плоские, показывают его с морской стороны подобным амфитеатру. Они по большей части об одном ярусе. Улицы столь узки, что местами не иначе как с нуждою могут разъезжаться встречающиеся на верблюдах повозки. Есть там одна только улица несколько широковатая, которая служит вместо площади для продажи разных товаров и съестных припасов. Улицы делаются в варварийских городах узкие, во-первых для того, чтобы под тенью домов прохладиться от зноя, а во-вторых, чтобы в случающиеся там частые землетрясения можно было полагать деревянные перекладины с одной стороны улицы на другую, которых упорность препятствует падению зданий, однако, несмотря на сию нужную предосторожность, в 1717 году землетрясение продолжалось столь сильно, что большая часть города разрушена и несколько жителей погибло.

Альжирские укрепления неоспоримо могут назваться лучшими во всей Африке. Сей город окружен каменною стеною с кирпичным бруствером. Вышина стены с сухого пути берега 30 футов, а от моря — 40 футов. В юго-восточной стороне города находится четырехугольный древний замок, Алказабар называемый, который до прибытия турецкой милиции служил защитою сего города, он окружен одним рвом, имеющим широты 20 футов, а глубины 9 футов³⁵. От земли построены недавно две крепости, из коих одна называется Императорский замок и стоит на пушечный выстрел от города к югу. Вторая именуется Стелла и находится в ближайшем расстоянии от города к юго-западу. Две другие крепости, Бабазон и Бабалонет именуемые, от городских стен не отделены, и стоит одна у южных ворот, а другая — у северных.

При входе в альжирскую бухту от мыса Матифус находится немалая батарея с 16 пушками, которая не допускает приставать к берегу. От нее вдоль берега по всему заливу и до самого города построены в разных местах на высотах небольшие батареи, которые также могут препятствовать неприятелю сойти на берег; на западной стороне города, близ моря, есть две другие батареи, называемые Форт-Инглези*.

Важнейшие Альжирские укрепления стоят к морю, как-то: круглой замок, построенный на малом острове, присоединенном к городу каменною плотиною, которой ныне называется Форте-Фанале и снабжен 30 большими пушками, от него к юго-востоку по плотине расставлено более восьмидесяти больших пушек, а при оконечности сей плотины находится крепкая батарея о двух ярусах, которая защищает вход в гавань, что видеть можно на приложенном изображении залива и крепостей альжирских.

Легко может статься, что Альжир с морской стороны неприступен, но с сухого пути взять его нетрудно, потому что внешние его укрепления не могут противостоять правильной осаде, а притом альжирцы получают воду [с] помощью только водяной трубы, которой уничтожение и поневоле принудит их к сдаче города.

Последняя неудача испанцов в предприятии на Альжир произошла не от сильной обороны, а от несогласия главнокомандующих, ибо альжирские жители находились в таком страхе при выходе испанцов на их берег, что начали было выбираться из города.

Лучшие в Альжире здания суть десять мечетей, три казармы для деевых невольников, пять казарм для янычар и дом Дея, в котором и диван собирается. Хотя и иные здания все об одном ярусе, однако же высотой и внешними их украшениями превосходят прочие.

В Альжире есть множество публичных бань, в кои турки часто ходят и не прежде отправляют обыкновенные свои молитвы, как после обмытия своего тела. Альжирские бани по большей части построены все из мрамора. Они столь просторны, что можно в них париться двумстам человекам свободно, также и для женщин построены там особенные бани, в кои они ходят, провождаемы невольницами, и, невзирая на жесто-

---

* То есть английские крепостцы.

кие наказания, водят иногда с собою туда и своих полюбowników, одетых в женское платье.

Я упомяну здесь обыкновенное употребление оных бань, ибо, будучи в Тунисе, ходил я в иные по любопытству с английским вице-консулом. Сперва привели нас в прихожую комнату, в которой пол был покрыт плетенкою из камыша. В сей комнате мы разделись, и хозяин бани поручил меня двум аравам, которые, окутав меня в простыню, ввели в предлинный зал и посадили на поставленную среди оного мраморную скамейку. Тут я находился несколько минут в превеликом жару, после чего отвели меня мои вожатые в маленькую особенную каморку, в которой жар был гораздо умереннее первого. Сии два арава, кои незадолго до того привезены были из Белидулгеридской провинции, стали меня спрашивать на своем языке (что я уже после выразумел) о том, каким образом хочу я париться, но я, не зная, что и как ответить, положился на их волю, почему вдруг стали они на колена и начали они столь жестоко тереть дрсвяным камнем мои пяты, что я едва не потерял терпения. Потом еще и того жесточе стали тереть весь мой стан и руки камлотным лоскутом и ежеминутно обливали меня теплою водою. Хотя я изъявлял им знаками мою нетерпеливость, однако они, несмотря на то, продолжали поворачивать меня с боку на бок и тереть столь сильно, что все мои кости трещали. Наконец, окатив меня водою, обтерли белою простынею и целовали у меня руки с великим почтением. Я думал, что сим окончились мои страдания, и хотел было одеваться, как вдруг один из помянутых аравов остановил меня, а между тем другой принес некоторого песку, и оба начали вновь меня тереть.

Песок сей имеет свойство едкое и снедает волоса, на теле находящиеся. Аравы после сего растягивали мои руки и ноги и потрясли всего меня так жестоко, что наконец, потеряв терпение, начал я кричать, что, услышав, хозяин избавил меня от немилостивых банщиков и извинялся в том, что аравы, не разумея языка, поступили со мною по мавританскому обычаю.

Вице-консул сказывал мне, что за неймением переводчика с ним так же поступлено было. И так за собственное наше страдание заплатили мы хозяину по половине пиастра, то есть втрое больше обыкновенной

платы, за что он много нас благодарил и просил посещать его чаще, но его первое угощение так не понравилось нам, что мы не захотели быть там в другой раз.

Прежде сего около города Альжира находились небольшие поместья, но по отступлении Карла Пятого альжирцы, опасаясь вторичной от испанцов осады, те предместья разорили. Ныне видно только несколько дворов у ворот крепостей Бабазон и Бабалонет, которые дворы назначены для верблюдов. Неподалеку от ворот Бабалонетских находятся довольно великие гробницы деев с аравскими надписями на мраморных досках разного цвета. Между прочими видна гробница шести деев, в один день избранных и в тот же день от людей милиции умертвленных.

Вид альжирских окрестностей по справедливости можно назвать наипрекраснейшим из всех видов Варварийского берега, ибо во всякое время года бывают покрыты зеленью и разными плодоносными деревьями, а особенно много там горьких апельсиновых и кедровых деревьев. В разных местах находятся довольно порядочные дома и сады знатнейших альжирских жителей, лежащие на пятнадцать итальянских миль от города; земля вся вспахана и ничего другого не представляет, как только сады, дома или засеянные пшеницею поля.

Глава XII

Продажа христианских невольников составляет главный доход Альжирского правительства. От выкупа каждого невольника правительство получает 10 процентов, да сверх сего хозяева оных платят в таможду при отпуске их в Европу положенную пошлину.

По прибытии в Альжир всех пленных отводят на Батастан, или народную площадь, и там выбирают из них восьмого человека, принадлежащего правительству, а прочих продают с публичного торга. Цена на невольников полагается, смотря по их состоянию. Райс³⁶ прежде своего в Альжир прибытия старается узнать, какой природы каждый невольник, имеет ли он богатых сродников или знает ли какое ремесло, и потому распределяет цену. Покупающие невольников турки или

мавры одевают их пристойным образом и надевают железное кольцо на одну их руку в знак невольничества, а притом позволяют им писать в свое отечество и стараться о своем освобождении. Христианские невольники всевозможно укрывают знатность своего рода или богатство сродников, ибо если о том сведают их хозяева, то непременно надобно будет заплатить за себя великое количество денег.

Невольники разделяются на два класса, и одни принадлежат альжирскому Дею или правительству, а другие тамошнему гражданству. Оба класса получают довольное содержание как в пище, так и в одежде, и во все время их невольничества альжирцы обходятся с ними гораздо человеколюбивее, нежели как европейцы со своими невольниками. Турки имеют к христианским невольникам более доверенности, нежели к природным варварийским жителям, определяют их к самым легким работам и не только позволяют им отдыхать после трудов, но и дают свободу работать на себя.

Все домашние служители альжирского Дея и других чиновных турок состоят из невольников, коих содержание бывает соразмерно богатству и добронравию их господ. Деевы невольники содержатся лучше прочих, они бывают одеты всегда весьма чисто и, пользуясь щедростью сего правителя или своим ремеслом, не только нажили за себя выкуп, но и, приобрев некоторые из них нарочитой достаток, об освобождении себя от неволи и о возврате в свое отечество более уже и не помышляют, а остаются там навсегда охотно.

Невольники, определенные от правительства для услуг янычарам в их квартирах, содержатся также порядочно. Они получают столько же съестных и других припасов, как и янычары, и ремесленные из них имеют довольно свободы упражняться в своих ремеслах. Янычары не могут их за проступки наказывать без позволения гвардиана паши³⁷, которому в смотрение поручены невольники.

Прочих деевых невольников употребляют в публичные работы, как-то к строению судов, починке крепостей и дорог, сии также имеют не только в праздники, но и в работные дни довольно времени для отдохновения, которые роздыхи они употребляют в свою пользу. Альжирская политика сберегает христианских неволь-

ников для того, чтобы наконец получить за них хороший выкуп.

Христианские невольники посылаются на судах для поисков, они гребут на галерах вместе с маврами, однако с той разностью, что турки с первыми поступают гораздо человеколюбивее и, испытав их верность на сражениях, освобождают их, дают им оружие и из получаемых добычей уделяют им часть в полы против рядового турка.

Невольники, принадлежащие тамошнему гражданству, содержатся также без всякого утеснения, некоторые из них отправляют домашнюю работу, а иные работают в садах и часто за оказанную ими ревность или за особенные услуги получают от своих хозяев не только простое награждение, но и освобождение от неволи.

Одни только те невольники, которые по несчастью попадают в руки тагоринов*, претерпевают горькую участь. Сей жестокосердый народ непрестанно оказывает над ними свое злонравие, употребляя их в тягостные работы, питая суровую пищую и не давая им довольной одежды, для того, чтобы они, не возмогши пренести своего состояния, писали к своим сродникам о выкупе и старались поскорее освободиться.

Некоторые европейские народы для выкупа христиан собирают милостыню и посылают оную в Альжир ежегодно с монахами де ла Редамсион³⁸, или искупления, которые по прибытии туда выкупают некоторое число из неволи, другие посылают казенные деньги для освобождения их, иных невольников выкупают родственники, а иные откупаются снисканными ремеслом деньгами.

Христианские невольники по возвращении в отечество обыкновенно повествуют претерпенные ими во время неволи от злонравия и суровости альжирцов страдания, показывают мнимые в теле у себя раны и предлинную бороду, которую якобы никогда не брили, единственно для того, чтобы привести народ в сожаление о них и побудить его к подаянию милостыни.

---

* Потомки выгнанных из Испании мавров, кои составляют часть жителей Альжирской области и торгуют христианскими невольниками.

Примечания

¹ Варварийские пристани — вплоть до начала XIX в. Северную Африку обычно именовали в Западной Европе Барбарией, следуя античной традиции (<греч. *βαρβαροι* 'чужеземцы'); в русской литературе это название имело форму «Варвария».

² *Поляк* (<ит. *polacca*) — торговое судно с прямым вооружением, до появления парового флота распространенное в центральной части Средиземноморского бассейна.

³ Крепости Гулетские, Гулетта — аванпорт города Туниса на канале, соединяющем последний с Тунисским заливом (ныне Халык-эль-Уэд).

⁴ Дон Жуан (правильнее «Хуан») Австрийский (1547—1578) — внебрачный сын императора Карла V; командующий испанским флотом с 1568 г. В 1571 г. разгромил турецкий флот при Лепанто, в 1573 г. взял Тунис.

⁵ Мавры — здесь и далее Коковцов обозначает этим словом арабов Северной Африки; это название было повсеместно распространено в Европе примерно до середины XIX в.

⁶ Бедуины (<ар. *бадави* 'житель пустыни') — как явствует из текста, Коковцов понимает под бедуинами наряду с кочевниками также и оседлое земледельческое население Северной Африки; по существу, это слово имеет в его изложении скорее смысл «жители внутренних районов страны».

⁷ Бей (<тур. *бег* 'князь') — первоначально титул начальника административно-финансового ведомства, подчиненного турецкому паше Туниса; с 1705 г. его носили практически независимые правители страны.

⁸ Дей (<тур. *даи* — букв. 'дядя по матери') — первоначально чин командира янычарской роты; в 1600—1830 гг. — титул правителей Алжира, с 1710 г. независимых от Османской империи.

⁹ Ренегаты (исп. *renegados*) — бывшие христиане, обычно военнопленные, принявшие ислам и поступившие на службу мусульманского государя. Были довольно распространенным явлением в Средиземноморье начиная с завоевания арабами Испании в первой трети VIII в.

¹⁰ «Упражнения их в морском разбойничестве» — на протяжении трех столетий, с XVI по начало XIX в., североафриканские пираты были грозой европейского торгового мореплавания на Средиземном море. Пиратство, поднятое в Алжире до уровня чуть ли не главного источника доходов казны, одновременно служило со времен Хайр ад-дина Барбароссы (ум. в 1546 г.), алжирского короля, окончившего свои дни в звании *капудан-паши* (т. е. главнокомандующего османского флота), действенным стимулом к поддержанию морского могущества. Не случайно даже в конце XVIII в., во время русско-турецких войн в правление Екатерины II, именно североафриканские эскадры составляли наиболее боеспособную часть турецкого военного флота.

¹¹ Аравийские народы — Коковцов употребляет это название для обозначения большинства жителей территории Алжира и Туниса вне зависимости от того, идет ли речь о собственно арабах или о берберях, противопоставляя таким образом и тех и других туркам, бывшим здесь пришельцами и составившим прослойку населения, находившуюся в привилегированном положении.

¹² «Арапы» — это слово употребляется Коковцовым в смысле, характерном для русского языка XVIII — начала XIX в., т. е. для обозначения чернокожих африканцев, чаще всего чернокожих невольников (ср. в «Горе от ума»: «От скуки я взяла с собой арапку-девку, да собачку»). Именно этот смысл явственно выступает на передний план дальше в тексте «Дневника», когда автор рассказывает о так называемой немой торговле в областях к югу от Сахары.

¹³ Салей — город и порт Сале на атлантическом побережье Марокко; в настоящее время фактически слился со столицей страны — Рабатом. Кадемия — судя по расстоянию от Туниса, которое указывает Коковцов для места «немой торговли» (450 миль, т. е. около 830 км), под этим названием, казалось бы, скрыт Гадамес; однако там такой торг явно не мог иметь места. Но, если Коковцов исчисляет расстояние не в морских, а в русских милях (1 миля = 7 верстам = 7,47 км), то перед нами сведения, относящиеся к расположенным на другом краю Сахары Канему или Кано, с которыми тунисские купцы торговали уже много веков.

¹⁴ «Белидулжеридские африканские жители, обитающие за горами Атлантическими» — имеется в виду Билад ал-Джерид, область впадины Шотт-Джерид в центральной части Туниса. Горы Атлантические — здесь восточные отроги Атласа (Тунисский Высокий Тель).

¹⁵ Бамбук — область междуречья Верхнего Сенегала и Верхнего Нигера, один из главных районов золотодобычи в Западной Африке в средние века и в начале нового времени.

¹⁶ «Безгласная ярмонка» — немой торг с кадемиями. Сообщения о «немой торговле», при которой участники не встречаются друг с другом, восходят еще к Геродоту (V в. до н. э.) и затем регулярно повторяются у большинства арабоязычных авторов средневековья, писавших о *Билад ас-судан* 'Стране черных', т. е. по преимуществу о Западной Африке. В результате довольно трудно судить, насколько широко этот способ торговли был распространен в действительности и какая часть сообщений о нем просто повторяет предшествующих авторов. Следует заметить, что рассказ Коковцова отличается достаточно многозначительная деталь, а именно упоминание «арапов», т. е. черных невольников, пригоняемых для продажи североафриканским купцам. Средневековые арабские авторы сообщали только о золоте, никогда не упоминая рабов в качестве предмета «немого торга». Видимо, в сообщении Коковцова можно усмотреть подтверждение хорошо известного факта интенсификации в конце XVIII в. западноафриканской работорговли, ориентированной не только на атлантическое побережье континента, но и на страны Северной Африки.

¹⁷ Идентификация перечисляемых Коковцовым «арапских писателей» весьма затруднительна. Арабского языка он не знал и знакомиться с сочинениями восточных авторов мог только по переводам, появившимся в Западной Европе на рубеже XVII и XVIII вв., таким, как «Восточная библиотека» Б. д'Эрблю или «Примечательные речи жителей Востока» А. Галлана (кстати сказать, обе эти книги были переизданы соответственно в 1776 и 1780 гг.). Исходя из этого, можно с известной долей вероятности предположить, что под именем «Абдуль-Арраквик» скрывается ти-

муридский хронист Абд ар-Раззак ас-Самарканди (1413—1482), имя «Эзербруард» относится к марокканскому историку конца XIII в. Ибн аль-Изари аль-Марракуши, а «Шраварденъ» должен обозначать историка Египта Абу-ль-Махасина Ибн Тагриберди (ум. в 1470 г.). Понятно, однако, что все это только предположения; однозначный же ответ на вопрос, чему соответствуют до неузнаваемости искаженные в передаче Коковцова имена, вообще едва ли возможен.

Мармаль — имеется в виду Луис дель Мармоль, испанский автор XVI в., опубликовавший в 1573—1599 гг. (в основном на базе труда Льва Африканского) «Общее описание Африки» в двух томах; книга Мармоля была более известна во французском переводе Н. Перро д'Абланкура, чем и объясняется ошибка Коковцова, именующего его далее «французским писателем».

Даппер — Олферт Даппер, голландский врач и географ, выпустивший в 1668 г. книгу «Описание Африки», переведенную затем на французский и немецкий языки.

Жиовани Леони — имеется в виду аль-Хасан ибн Мухаммед аль-Ваззаз аз-Зайяи аль-Фаси, более известный по прозвищу Лев Африканский, автор «Описания Африки, третьей части света» (первое издание — 1550 г.), на протяжении двух с половиной столетий служившего европейским читателям главным источником сведений о внутренних областях Африканского континента.

Диегодди, Гаедо — испанский монах Диего де Аэдо (Haëdo), автор «Общей истории и топографии Алжира», изданной в 1612 г.

Господин Шав — Томас Шоу, английский путешественник, издавший в 1738 г. книгу «Путешествия и наблюдения, относящиеся к некоторым частям Барбарии и к Леванту».

¹⁸ Нумидийские народы — Нумидия, восточная часть современного Алжира, на которой существовало Нумидийское царство, достигшее наивысшего могущества во II в. до н. э.

¹⁹ Шеки (<ар. *shaykh* 'старец') — старейшины и вожди арабских племен, в особенности кочевых. Нетрудно видеть, что в данном случае этим арабским словом обозначаются и берберские старейшины в Алжире.

²⁰ Адовары (ар. *ад-дуар* — букв. 'дома') — земледельческие поселения в странах Северной Африки.

²¹ «Женщины... живут откровенно» — т. е. открыто, не закрывая лица.

²² Сурингов корень — сообщения о растениях, стимулирующих половую активность и пользовавшихся большим спросом в транссахарской торговле, встречаются уже в «Книге путей и государств» Абу Убеида аль-Бекри (XI в.), в разделах, посвященных описанию стран Западной Африки и Южной Сахары.

²³ Морабуты (правильнее — марабуты) — отнюдь не монахи, как определяет их Коковцов (один из основных принципов мусульманства гласит: нет монашества в исламе); это довольно многочисленная прослойка лиц, получивших традиционное мусульманское образование (уровень этого образования у большинства марабутов весьма низок) и выполняющих функции проповедников, правоведов, лекарей, учителей и т. п. во всех странах Северной и Западной Африки.

²⁴ Кускус — традиционное блюдо североафриканской и запад-

ноафриканской народной кухни: густая каша, преимущественно просьяная, с очень острой подливкой.

²⁵ Шериф (<ар. *шариф* 'благородный') — так обозначают действительных или мнимых потомков пророка Мухаммеда (от брака его дочери Фатимы с Али, впоследствии — четвертым халифом). Строго говоря, к моменту турецкого завоевания Северной Африки шерифская династия Саадидов правила только в Марокко (с 1511 г.), но как раз Марокко сумело отстоять свою независимость от турок; таким образом, замечание Коковцова в применении к Алжиру не вполне точно.

²⁶ Пунический язык — язык, на котором говорили карфагеняне, принадлежал к семитской группе языков. Коковцов в данном случае смешивает пунический и ливийский языки; последний стал родоначальником берберских языков, о которых идет речь в тексте и которые относятся к иной, нежели семитские языки, группе семитохамитской языковой семьи.

²⁷ «Почитают аравов с маврами за один народ» — здесь Коковцов совершенно четко разграничивает берберов, которых именует «каравами», и собственно арабов, обозначаемых им этнонимом «мавры». Таким образом, отмеченное выше (см. прим. 11) употребление общего понятия «аравийские народы» вовсе не означает, что автору не было очевидно различие между арабами и берберами.

²⁸ Автруки (франц. *autruches*) — страусы.

²⁹ «Нагорные аравские жилища, именуемые кабилии» — в этом случае хорошо видно употребление Коковцовым слова «аравы» для обозначения берберского населения Северной Африки: Большая и Малая Кабилии и сегодня основной район расселения берберов на территории Алжира.

³⁰ Торговые связи еврейских колоний в Северной Африке с Южной Европой имели ко времени путешествий Коковцова давнюю историю; наибольшим влиянием в средиземноморской торговле еврейские купцы, как североафриканские, так и каталонские, пользовались в XIII — начале XV в.

³¹ Кулоли (<тур. *кул-оглы* 'сын раба') — низший разряд турецкого военного сословия в североафриканских владениях Османской империи.

³² Ага (<тур. *ага* 'господин') — титул высшего военного сановника в североафриканских провинциях Османской империи, командующего янычарским корпусом — «оджаком».

³³ Абульфеда, правильное Абу-ль-Фида — Исмаил ибн Али аль-Айюби (1273—1331), арабский историк и географ, сочинения которого пользовались в Западной Европе большой известностью начиная с XVI в.

³⁴ Юба II — нумидийский царь (25 до н. э. — 23 н. э.). Воспитывался в Риме, известен как автор многочисленных исторических и иных трудов, написанных по-гречески.

³⁵ Алказабар (<ар. *ал-касаба* 'город') — цитадель в средневековых городах; позднее «касба» — арабский район крупных североафриканских городов, сохранявший традиционный, восходивший еще к средним векам тип застройки в отличие от «европейских» кварталов, застраивавшихся с учетом современных градостроительных и санитарных требований.

³⁶ Райс (<ар. *раис* 'начальник') — в данном случае капитан торгового судна; в другом контексте, например в имени упоминае-

мого в «Дневнике первом» командующего тунисским флотом Али Рейса, имеет значение «адмирал».

³⁷ Гвардиан паши — вероятно, имеется в виду старший из слуг паши (в Западной Европе, например во францисканских монастырях, «гвардианом» именуется старший братии).

³⁸ Де ла Редамсион — имеется в виду основанный в 1749 г. и тесно связанный с иезуитами монашеский орден редемптористов, ставивший своей задачей активную проповедь католицизма в нехристианских странах.

Капская колония в книге В. М. Головнина (1808—1809 гг.)

Василий Михайлович Головнин принадлежит уже к следующему после Коковцова поколению российских моряков: он родился в том самом 1776 г., в котором капитан-лейтенант Коковцов совершил свое первое плавание к побережью Северной Африки.

Биографы Головнина единодушно отмечают, что родительское решение о посылке двенадцатилетнего Василия в Морской корпус было совершенно неожиданным для родни и соседей, поскольку семейные традиции Головниных, дворян Пронского уезда Рязанской губернии, были сугубо «сухопутными». Но выбор оказался правильным: из мальчика, поступившего в 1788 г. в Корпус, вырос достойный представитель той блестящей плеяды мореплавателей и воинов, которые вызвали восхищение всей Европы своими победами во время Второй архипелажской экспедиции Сенявина, совершали первые русские кругосветные плавания и в труднейших условиях исследовали арктическое побережье нашей страны.

Корпус Головнин окончил в 1792 г., еще гардемаринном получив медаль за заслуги в русско-шведской войне 1788—1790 гг. Но мичманского чина ему пришлось ждать еще целый год по молодости лет. В 1793 г. Головнин был выпущен на Балтийский флот, а в 1795 г. в составе эскадры адмирала Ханькова отправился в Англию, где прожил довольно долго. В 1802 г. он снова оказался в Англии, на этот раз уже в качестве стажера на британском флоте. Этот период службы Головнина длился до 1805 г. Ему пришлось участвовать в боях с французским и испанским флотами, за которые он получил блестящие аттестации от командиров кораблей его величества.

В 1806 г. лейтенант Головнин возвращался на родину одним из лучших в русском морском ведомстве знатоков британского флота, имея к тому же завидную репутацию умелого моряка и храброго солдата. Не удивительно, что, когда потребовался офицер, способный возглавить экспедицию в Русскую Америку и на Камчатку, выбор пал на Головнина.

Весной 1807 г. он принял под свое командование лесовозный

транспорт, который в это время переоборудовался на Охтинской верфи в военный шлюп и получил название «Диана». Перестройка корабля и снаряжение экспедиции проходили под непосредственным руководством Головнина, и результаты подготовки оказались убедительными свидетельствами организаторских опоспособностей и немалого опыта командира: за три года плавания на «Диане» практически не было ни одного случая серьезных заболеваний — явление по тем временам исключительное.

«Диана» отправилась в плавание в на редкость неблагоприятное с политической точки зрения время. Летом 1807 г., после поражения русской армии при Фридрихс-Ланде, наметилась тенденция к русско-французскому сближению, нашедшему свое оформление в Тильзитском мире. Правительство Александра I оказалось вынуждено сменить союзников и перейти во враждебный Англии лагерь. В условиях неоспоримого господства британского флота на морях тех областей земного шара, куда направлялась «Диана», эти политические перемены создавали серьезную угрозу для экспедиции.

Головнин ощутил это уже во время стоянки в Портсмуте, где в течение лета 1807 г. «Диана» доукомплектовывалась для дальнего и опасного вояжа. Британские морские и таможенные власти чем дальше, тем откровеннее чинили препятствия снаряжению экспедиции. Однако отличное знакомство ее начальника с нравами и порядками тамошнего морского ведомства помогло завершить эту стадию подготовки более или менее удачно. К тому же Головнин сумел добиться от Адмиралтейства письменных заверений в том, что, поскольку «Диана» направляется на Дальний Восток с исследовательскими целями, британские корабли не будут ее рассматривать как вражеский корабль даже в случае начала войны между Россией и Англией.

Эти заверения, однако, оказались малодейственными, когда в апреле 1808 г. Головнин пришел в Симансштадт (нынешний Саймонстаун) в Южной Африке. Правда, на «Диане» остался андреевский флаг и англичане не предпринимали серьезных попыток захватить шлюп. Но из порта его категорически отказались выпустить и, так сказать, «на всякий случай» окружили военными кораблями, да к тому же заставили снять часть рангоута. Теперь невозможно было даже попытаться незаметно поставить паруса. В довершение всего, когда у Головнина начались трудности с продовольствием (никто из местных купцов не рискнул принимать от командира русского корабля векселя на Лондон), вице-адмирал Барти, начальник британской морской станции в Южной Африке, попытался предложить ему поставить матросов «Дианы» на работы по ремонту английских кораблей. Понятно, что Головнин с негодованием отверг это предложение.

Однако время шло. Никаких надежд на улучшение положений шлюпа и его команды не оставалось. Твердость и достоинство, с какими держались Головнин и его подчиненные, рисковали остаться бесполезными: англичане рассчитывали, что рано или поздно затруднения с продовольствием заставят командира «Дианы» принять их условия. И тогда Головнин принял отчаянно смелое решение — уйти из гавани на глазах у всей британской эскадры.

После долгой и тщательной подготовки, особенно трудной из-за того, что нельзя было дать англичанам что-то заподозрить, «Диана» 19 мая 1809 г. в сильную непогоду покинула Саймонстаун. Для англичан это оказалось настолько неожиданным, что ни один из кораблей эскадры даже не успел поднять паруса.

В сентябре 1809 г. Головнин благополучно пришел в Петропавловск, выполнив первую часть программы экспедиции. В 1810 г. «Диана» ходила к побережью Русской Америки, а в 1811 г. отправилась исследовать Курильские острова. Здесь, на острове Кунашир, Головнин с шестью офицерами и матросами был захвачен японцами и провел в плену больше двух лет: с июля 1811 по октябрь 1813 г. Благодаря энергии друга и помощника Головнина лейтенанта Рикорда, оставшегося после него командиром «Дианы», весной 1814 г. Головнин возвратился в Петербург после семилетнего отсутствия.

В 1817—1819 гг. Головнин совершил кругосветное плавание на шлюпе «Камчатка», в 1821 г. стал помощником директора Морского корпуса, а в 1823 г. был назначен генерал-интендантом флота и оставался им до самой своей смерти в 1831 г.

Перу Головнина принадлежат несколько книг, которые и сейчас читаются с живейшим интересом (см.: Василий Головнин, Сочинения и переводы, I—V, СПб., 1864). Среди этих книг наибольшим вниманием современников мореплавателя и у нас, и за границей пользовалось, пожалуй, описание пребывания в плену у японцев. Однако нас в данном случае интересует вышедший в свет в 1819 г. отчет о первом плавании на «Диане» (во время экспедиции на «Камчатке» Головнин в африканские порты не заходил). Эта книга содержит первое в русской литературе свидетельство очевидца об Южной Африке.

«Диана» появилась в Саймонстауне в довольно сложный период истории этой части Африканского континента. Прошел всего год с момента окончательной оккупации англичанами Капской колонии. Правда, перед этим британские войска и администрация оставались здесь на протяжении семи лет — с 1795 по 1802 г., но все же крайний Юг континента еще оставался почти не затронутой влиянием европейских революционных событий поселенческой колонией. Это чувствуется, кстати, уже в самом употреблении

Головнинным географических названий: будучи прекрасно знаком с английской номенклатурой этих названий, он тем не менее неизменно употребляет голландские, например «Капштадт» или «Симансштадт».

Вместе с тем для поселенцев оставалось все еще очень острым, даже болезненным, чувство обиды на англичан, бесцеремонно захвативших страну, которую они, поселенцы, как им казалось, уже с известным основанием считали своей. Впрочем, англичане платили им тем же. Головнин очень хорошо показывает, до какой степени сложными были в тот период отношения в среде европейского населения Капской колонии.

Но путешественник хорошо видел и то, что разногласия и взаимная неприязнь англичан и африканеров (применительно к этому времени можно уже пользоваться этим словом для обозначения поселенцев) ни в какой степени не облегчают положения остатков коренного населения. Он, в частности, хорошо понимал и достаточно скептически оценивал «благодетельное влияние» парламентского Акта 1807 г. об отмене рабства в британских владениях. Точно так же он отнюдь не заблуждался относительно истинных причин, побудивших парламент в Лондоне принять этот Акт. В сообщениях Головнина о положении коренного населения, как ни кратки эти сообщения, ясно ощущается возмущение бесчеловечным отношением европейских поселенцев, например, к готтенто-там. В то же время Головнин с полным основанием утверждает, что грубость, тупость, и умственная лень, которые ему пришлось наблюдать среди немалой части поселенцев-африканеров (чего стоит хотя бы упоминание о 87 книгах, прочитанных всем европейским населением Капштадта в Публичной библиотеке за девятнадцать лет!), порождены прежде всего возможностью нещадно и с полного благословения начальства эксплуатировать коренных жителей колонии. Здесь мы ощущаем боль и гнев истинного гуманиста, прекрасно видевшего разрушительное воздействие рабовладения в любой его форме на человеческую личность.

Надо сказать, что Головнин не ограничивался осуждением одного только рабовладения. С не меньшим негодованием говорит он и о «варварском купеческом правлении» Ост-Индской компании, которое характеризовалось мелочной опекой над колонистами и всяческими ограничениями их прав. Ясно видел он и то, что погоня за наживой уродует взаимоотношения людей: «сказать неправду в торговых делах ныне означает техническим выражением „не терять коммерческих расчетов“», — иронически констатирует Головнин. Таким образом, и становившееся на Западе нормой торгашество никакого восторга у русского мореплавателя не вызывало. Но потомственный дворянин и кадровый офицер, Головнин тем

не менее хорошо понимал, насколько прогрессивными для своего времени были те буржуазные свободы, которые англичане принесли с собой в Южную Африку, пусть даже и для одного только «белого» населения Капской колонии. И немалым надо было обладать гражданским мужеством, чтобы в российских условиях 1819 г. с восхищением писать о «совершенной свободе говорить и делать все то, что только непротивно законам справедливейшим в свете и полной воле располагать и пользоваться произведением своих трудов».

Что все это были не случайные вспышки человеколюбия, доказывает вся история плаваний Головнина. Она свидетельствует, что ни на «Диане», ни на «Камчатке» практически не применялись телесные наказания, бывшие тогда на флоте основным средством поддержания дисциплины. И не случайно с кораблей, которыми он командовал, матросы не бегали (бортовой журнал «Дианы» содержит только одно упоминание — не о попытке побега даже, а только о разговорах относительно побега). А ведь на любом тогдашнем флоте дезертирство матросов было вполне обыденным делом!

Блестящая репутация Головнина как мореплавателя, его безупречная честность, простота в обращении, все обаяние незаурядной личности, естественно, привлекали к генерал-интенданту флота офицерскую молодежь. Есть достаточные основания считать, что в доме Головниных бывали многие из тех, кто 14 декабря 1825 г. вывел Гвардейский морской экипаж на Сенатскую площадь. Состоявший при генерал-интенданте мичман Ф. Лутковский, младший брат его жены, был в дружеских отношениях с одним из виднейших моряков-декабристов — Д. И. Завалишиным. Однако едва ли можно доверять отдельным утверждениям о том, что Головнин якобы был активным членом Северного общества. Во-первых, такие утверждения единичны, а во-вторых, против них говорит и то обстоятельство, что после событий 14 декабря 1825 г. Головнин остался на своем посту, а в 1830 г. был произведен в вице-адмиралы.

Иное дело — идейная близость к декабристам. Гуманизм Головнина, его уважение к правам личности были сродни воззрениям идеологов декабризма. Что же касается гражданственности, то прекрасным свидетельством ее служит неоконченная записка «О состоянии Российского флота в 1824 году», увидевшая свет только через три десятилетия после смерти автора, в 1861 г. Думать о том, чтобы опубликовать это сочинение Головнина тогда, когда оно было написано, не приходилось. Даже в 60-х годах, уже в пореформенное время, брошюра «Мичмана Мореходова», в роли которого выступает перед читателем капитан-командор Головнин,

видимо, показалась слишком опасной и не была включена в пятитомное издание 1864 г.

В этой записке Головнин как будто не делает широких социально-политических обобщений: это действительно анализ состояния флота и причин, его обусловивших. Перед читателем сочинение профессионального военного моряка, как будто занятого рассмотрением лишь узкоспециальных вопросов. Но поскольку хорошо известно плачевное состояние флота к концу царствования Александра I вызвано было многими причинами, большинство из которых лежало за пределами чисто военно-морской сферы, «Мичман Мореходов» указывает и на них. Достигшее невероятных даже для крепостнической России размеров казнокрадство; бездарность и невежество высшего морского руководства; начальник Главного морского штаба, приказавший покрасить у стоящих в Кронштадте кораблей только тот борт, которым они обращены в сторону проходящей императорской яхты. И на вершине всей этой пирамиды — самодержец, наивно полагающий, что Россия как государство континентальное и без флота может оставаться великою державою, — коронованный покровитель казнокрадов в Главном морском штабе и Морском министерстве, награждающий их звездами и выгодными арендами, вместо того чтобы беспощадно судить и выгонять.

А в конце сохранившейся части записки — едкое замечание о том, что «не всяк, кто носит шпоры, герой, и не на всех тронах сидят Соломоны».

Собственно, в открытых выводах социально-политического свойства и не было нужды: читатель неизбежно должен был сделать их сам. Так в труде крупного военно-морского начальника, мыслящего категориями общегосударственного масштаба, мы с полной ясностью обнаруживаем те же прогрессивные идеи, что высказывал полтора десятилетиями раньше, описывая Камскую колонию, командир «Дианы» лейтенант Головнин.

Путевые заметки Головнина, так же как и сочинения Коковцова, свидетельствуют о заметном расширении кругозора русской дворянской интеллигенции в эпоху Великой французской революции и наполеоновских войн и являют собой любопытный памятник культуры нашей страны на рубеже XVIII и XIX вв.

Публикуемые отрывки из путевых записей В. М. Головнина воспроизводятся по тексту издания 1819 г.: «Плавание Российского Императорского шлюпа «Дианы» из Кронштадта в Камчатку, совершенное под начальством флота лейтенанта (ныне капитана

I ранга) Василия Головнина в 1807, 1808, 1809 годах», I—II, СПб.

Представляющие в настоящее время лишь узкоспециальный интерес куски текста опущены.

**Плавание Российского Императорского
шлюпа «Дианы» из Кронштадта
в Камчатку под начальством флота лейтенанта
(ныне капитана I ранга)
Василия Головнина в 1807, 1808, 1809 годах**

Часть вторая

Хотя я и находился на мысе Доброй Надежды 13 месяцев сряду и во все это время со стороны здешнего правительства мог иметь позволение пользоваться совершенною свободою ездить по колонии, куда и когда мне было угодно, однако читатели моего журнала не должны от меня ожидать пространного описания сего края, причины тому три: первая — недостаток в необходимо нужных познаниях для составления подробного повествования о какой-либо стране; к сему принадлежат все части естественной истории. Будучи воспитан для морской службы и проведя бóльшую часть моей жизни на море, я не имел ни случая, ни времени, заниматься изучением сей полезной науки, а потому имею об ней одно только поверхностное сведение; вторая причина: недостаток в деньгах, нужных для путешествия, а третья: если бы и хотел я пространно описывать такие из многочисленных любопытных предметов здешней колонии, которые входили в пределы моих познаний, то это значило бы повторять то же, о чем прежде меня многими в разных книгах на разных языках было сказано. Я уверен, что во всем Южном полушарии нет ни одной страны и очень мало земель и государств в нашем просвещенном свете, о которых столько было бы писано, сколько о мысе Доброй Надежды. Кроме нашей братии — мореходцев, писавших о сей славной колонии, многие знаменитые мужи, известные в свете своими дарованиями и ученостью, нарочно посещали оную и издали в свете описания своих путешествий. И так я здесь ограничу себя описанием нынешнего состояния мыса Доброй Надежды, а что по

недостатку случаев, способов или нужных сведений я не мог сам узнать достоверно или заметить, то взято мною из сочинения г. Барро¹, изданного в Англии под названием:

Travels into the interior of
Southern Africa.
By John Barrow esq: F. R. S.
London, 1806.

Строки, отмеченные двумя запятыми (кавычками.— *Ред.*), заключают предметы, кои я заимствовал из помянутого сочинения. Г. Барро, весьма умный, ученый человек, во время путешествия своего по Южной Африке был секретарем губернатора колонии лорда Маккартнея; следовательно, имел все способы в своих руках извлекать самые верные материалы из колониальных архивов и получать из других источников нужные и обстоятельные сведения для своего сочинения и потому, что он ни писал, должно быть совершенно справедливо, когда пристрастие не водило его рукою, а это в немногих местах видно, и то только в описании нравов жителей. Описание мое я разделяю на пять частей.

Первая часть заключает пространство колонии, разделение ее, число жителей, военное и гражданское правление, описание главного города Кап-Штата² и другого приморского местечка Симанс-Штата³.

Во второй части упомяну о произведениях края сего, не обо всех, это принадлежало бы к естественной истории, а о тех, кои служат в пищу и чем мореплаватели могут запастись здесь, притом скажу также об обманах, коим неопытные путешественники могут быть подвергнуты здешними торговцами, и о средствах, какими они сами могут получить все для них нужное за сходные цены, и проч.

Третья часть: о характере, обычаях и образе жизни жителей, их склонностях, добродетелях, пороках, занятиях, расположении к иностранцам и проч.

Четвертая часть: о внутренней и внешней торговле колонии.

А в пятой части буду говорить о географическом положении, мыса Доброй Надежды относительно к мореплаванию, о заливах и рейдах, о морях, его окружающих, о ветрах, погодах и течениях и о всем прочем, принадлежащем к мореплаванию.

**Пространство колонии,
разделение ее, число жителей,
гражданское и военное правление,
описание Кап-Штата и Симанс-Штата**

Пространство

Колония мыса Доброй Надежды заключается в границах, простирающихся между следующими четырьмя пунктами:

	Широта южная	Долгота восточная от Гринвича
Самая оконечность мыса Доброй Надежды	34°23'	18°28'
Устье большой рыбной ре- ки (grovte of River)	33°25'	27°38'
Устье реки Кусси (Koussie)	29°53'	17°46'
Северовосточный пункт есть тот, где находится по- следнее голландское се- ление в сей части	31°15'	около 26°

К северу колония граничит рекою Кусси, песчаными безводными степями, землею, по коей скитаются бошманы*, и хребтом высочайших в Южной Африке гор, называемых Niuwodds gelergte, лежащим между широтами 31 1/2° и 32°, а в долготе от 21° до 26°.

К востоку, землею кафров⁴, отделяемую от колонии большою рыбною рекою, которая и есть настоящая между ними граница.

Мыс Доброй Надежды к югу и западу окружает южный океан.

«От мыса Доброй Надежды до устья большой рыбной реки берегом 580, а до устья реки Кусси 315 английских береговых миль**».

---

* Бошманы (Bosjesmans) значит народ, живущий в кустарниках⁵. А здесь так называются племена диких готтентотов, которые кочуют, живут грабежом и скрываются в лесах⁶.

** Градус содержит 69 1/2 английских береговых миль⁷.

Разделение

Колония разделяется на шесть округов, или дистриктов (District), кои суть:

1. Кап-Штатский дистрикт, главный город Кап-штат. Сей дистрикт лежит в юго-западной части колонии.

2. Стеленбошский дистрикт, лежащий в северо-западной стороне колонии, называется так по имени главного своего селения Стеленбош (Stellenbosh).

3. Звелендамский дистрикт находится в юго-восточной стороне колонии. Главное место в оном — Zwelendam.

4. Дистрикт Грааф-рейнет (Graaf-reynet), так называемый по главному своему селению, находится на северо-восточной стороне.

5. Вновь учрежденный дистрикт Юйтенгет (Uitenhete) есть часть Звелендамского дистрикта, отделенная с восточной его стороны.

6. Также вновь учрежденный дистрикт Тюльбагский, в коем главное место — Тюльбаг (Tulbagh). Он находится между дистриктами Стеленбошским, Грааф-рейнетским и Звелендамским и составлен из земель, от них отделенных.

Число жителей

«По присяжному списку, сочиненному в 1798 году, оказалось, что, кроме английских морских и сухопутных войск, во всей колонии жителей было ниже означенное число:

Христиан	21 746 человек
Невольников-негров	25 754 »
Природных жителей, т. е. готтентотов	14 447 »
<hr/>	
Всех вообще	61 947 »

Гражданское правление

С того времени, как колония находится в руках англичан⁸, главнокомандующий оною есть губернатор, назначаемый королем. Он носит титул королевского

губернатора колонии мыса Доброй Надежды и главнокомандующего его величества сухопутных войск, в одной расположенных. Положенное ему содержание чрезвычайно велико (если не ошибаюсь, то кажется 12 000 фунтов стерлингов) и власть дана обширная. Он имеет право утверждать и приказывать приводить в исполнение приговоры смертной казни в уголовных и военных судах.

Но коренные законы, учрежденные голландским правлением, остаются и ныне в прежней силе, из сего, однако ж, исключаются все постановления, служившие к пользе голландско-индийской компании⁹, а притеснительные жителям вообще, как, например: бесчеловечные наказания*, запрещение прямо продавать приходящим судам всякого рода съестные припасы, вино и проч., а также и от них ничего не покупать иначе как через компанию и проч. Равным образом уничтожены также законы, которых действие могло быть вредно или несовместно с торговыми постановлениями Англии и коих существование было противно или опасно удержанию власти и влияния над колонией английским правительством. Вообще все законы, притеснительные для человечества, отменены. Впрочем, как в уголовных, так и тяжёбных делах колонисты судятся судьями, выбранными из собственного своего корпуса, и прежними своими законами, но никакой приговор и никакое суда решение не могут иметь надлежащей силы без губернаторского утверждения.

Корпус общего гражданского правления всей колонии состоит из 6 палат или камор:

1. Палата гражданских и уголовных дел.
2. Департамент фискала. Фискал есть главный гражданский начальник Кап-Штата и округа его. Он же и полицмейстер сего города.
3. Камора запасных колониальных магазинов.
4. Камора для уплаты долгов обанкротившихся.
5. Камора брачных дел.

---

* Голландская Ост-Индская компания управляла колонией с невероятною жестокостью: «Часто меру наказания определяли число курительных трубок, т. е. сечь осужденного такое время, в какое выкурится известное число трубок, смотря по важности вины; фискал или ланддрост в таких случаях обыкновенно курили трубки, следовательно, от них зависело продлить или сократить время наказания».

6. Камора сиротских дел.

Кроме выше означенных присутственных мест англичане установили некоторые другие департаменты, относящиеся к коммерческим делам, с намерением облегчить встречающиеся в торговле затруднения, как-то: ломбард, меиовый банк, департаменты для сбора внутренних пошлин и податей, призовый суд, таможду, казначейство для гербовой бумаги, портовую контору и прочие.

Дистрикты, или округи, управляются гражданскими чиновниками, выбираемыми из зажиточных и известных своим благоповедением граждан. Называются они ланддростами (Landdrost), у коих есть совет, именуемый Гемраден (Heemgaaden), составленный из поселян округа, имеющих честное имя и некоторое имущество.

Кап-Штатский ланддрост — есть фискал города.

Округи разделяются на небольшие части, управляющие коими граждане называются Feldwagtmaster или смотрители.

Есть еще выбранные чиновники, называемые Field Cornets и Field Corporals, коих должность состоит в сохранении тишины и спокойствия в округах, в отыскании беглых и праздношатающихся и проч.

Военное правление

Хотя губернатор имеет титул главнокомандующего войск, однако же во внутреннее распоряжение оными он нимало не входит, а начальствует над ними старший генерал, который называется просто командиром войск. Он есть также вице-губернатор колонии, и как губернатор не мешается в управление войсками, так и генерал совсем не участвует в гражданском правлении, а носит только титул вице-губернатора для того, что он должен, в случае смерти настоящего губернатора, занять его должность до назначения другого по воле короля. Здесь военные чины не имеют ни малейшего участия в гражданском правлении и совсем никакого влияния на течение дел по сей части. При нас корпус войск состоял из двух небольших отделений: артиллерии и инженеров, из одного драгунского, из пяти пехотных и из так называемого Капского полка, сформиро-

рованного из готтентотов*, а как все сии полки гораздо малочисленнее своего комплекта, то всех войск, способных выйти под ружье, считалось до шести тысяч, из коих, кроме одного полка, находящегося в гарнизоне Симанс-Штата, двух рот, составляющих Стеленбошский гарнизон и небольших отделений, расположенных в некоторых других местах колонии, все прочие квартируют в Кап-Штате. В сем городе один из генералов правит должность коменданта, а в Симанс-Штате командир находящегося там полка сию должность исполняет, но оба они по гражданской части никаких поручений не имеют и ни в какие распоряжения входить не могут.

Кап-Штат

Высокая гора, находящаяся от оконечности мыса Доброй Надежды к северу в 15 милях, получила с давних времен название столовой горы потому, что имеет вершину совершенно плоскую, простирающуюся на нарочитое расстояние, а от имени сей горы и открытый залив, впадший в западный берег Южной Африки, назван столовым. При самой южной впадине залива сего находится небольшая долина, от морского берега едва приметною пологостью подымающаяся до подошвы трех гор, ее окружающих с береговой стороны. Гора, прилежащая к сей долине с юго-запада и запада, имеет подобие покоящегося льва и потому называется Львиною горою**. К югу помянутой долины полагает предел Столовая гора***, а к юго-востоку возвышается Дьявольская гора****, названная так голландскими

---

* В Капском полку все офицеры и унтер-офицеры — европейцы, а рядовые — готтентоты. Они чрезвычайно проворны, имеют верный глаз и твердую руку, а потому стреляют очень метко и так скоро бегают, что в строю офицеры и унтер-офицеры верхами, иначе они не успели бы двигаться со своими рядовыми. Готтентоты имеют один самый важнейший недостаток в солдате: они великие трусы. Свист пушечного ядра, вид убитого товарища тотчас в бегство их обратит; содержатся и довольствуются во всем они наравне с английскими солдатами.

** «Высота Львиной горы над морскою поверхностью 2160 английских футов».

*** «Высота Столовой горы — 3582 футов».

**** «Высота Дьяковской горы — 3315 футов».

матросами. Между Львиною горою и морем есть дефи-
лея, ведущая на другую небольшую, плоскую и почти
горизонтальную долину, которая со всех сторон окру-
жена морем и горами и другого выхода из нее нет,
кроме вышеупомянутой дефилен, а между Дьявольскою
горою и морем из вышеупомянутой полого-наклонной
долины есть другая дефиля, ведущая в поле, через
которую только один путь и есть берегом к Кап-Штату,
выстроенному на сей окруженной тремя горами и морем
долине. Дефиля сия защищается четырехполигонною
цитаделью, на самом берегу построенною, у которой
крепостные строения высоки и одеты камнем с доволь-
но глубоким рвом; город от нее лежит к западу и
начинается подле самого гласиса, но цитадель сия бо-
лее способная содержать жителей города в страхе и
повиновении, нежели защищать его от неприятеля,
ибо как она, так и батарея, построенные близко города
по берегам залива, могут только защищать город при
нападении с морской стороны и такие к высадке десан-
та способные места, которые от них на пушечный вы-
стрел отстоят, а в соседстве Кап-Штата есть много
мест, где хотя и с трудом, но можно высадить десант,
что англичане самым делом показали при двукратном
нападении на колонию, которую они в оба раза взяли
с ничего незначашею потерею. Что принадлежит до
обороны города, которую ему хотели голландские ин-
женеры доставить цитаделью, то местоположение ее
не делает искусству их чести, потому что пологость,
опускающаяся постепенно от верха Дьявольской горы,
подходит близко цитадели и поверхность оной полого-
сти, отстаящая на полупушечный выстрел от главного
вала, гораздо выше всех крепостных строений, следова-
тельно, командует совершенно всею цитаделью. Англий-
ский генерал Крейг, желая поправить сию ошибку гол-
ландских инженеров, построил на высоте пологости
сильную батарею, которая может командовать батарея-
ми, кои должно бы было поставить для действия по
цитадели. А сверх того, неприятель, выступя на берег,
и без нападения на цитадель может принудить город
к сдаче совершенным пресечением подвоза съестных
припасов изнутри колонии. Итак, если гарнизон не в со-
стоянии встретить неприятеля в поле или воспрепятст-
вовать ему высадить десант, то вся надежда с успехом
защищаться будет тщетна и сдача должна последовать

пемниуемо. Упомянув кратко об оборонительном состоянии Кап-Штата, следовательно, и всей колонии, теперь приступлю к описанию сей столицы Южной Африки.

Город Кап-Штат стоит в долине, коея положение описано выше. По берегу залива выстроены магазины голландско-индийской компании, которые ныне называются королевскими магазинами и употребляются для казенных снарядов и съестных припасов, за которыми пойдут обывательские дома, улицы прямы, широки и все пересекаются перпендикулярно, во многих из них по обеим сторонам посажены дубовые деревья, а в некоторых посредине находятся каналы, кои, за недостатком в воде, по большей части бывают сухи; редко для промывания и прочистки впускают в них воду, от чего в жары они испускают нездоровый и отвратительный запах. В разных частях города находятся четыре прекрасные площади. Строение в Кап-Штате вообще кирпичное, дома частных людей о двух и трех этажах отменно чисто выстроены и все без изъятия выбелены или выкрашены желтою, зеленою или серою под гранитный цвет краскою; крыши плоские с парапетом, на углах и по сторонам коих стоят фигуры ваз, статуи, арматуры и проч. Голландцы любят украшать свои дома снаружи, многие имеют над дверьми огромные, даже не соответствующие величине дома фронтоны, а против второго этажа балконы. Почти у каждого дома перед окнами нижнего этажа с улицы есть крыльцо, во всю длину дома камнем выстланное, с железным балюстрадом, где по вечерам они сидят или прохаживаются. На многих домах утверждены громовые отводы. Внутреннее расположение домов очень покойно и соответственно свойству здешнего климата, вообще по длине дома как в нижнем, так и в верхнем этаже посредине идет широкий коридор или галерея, у которой на обоих концах в нижнем этаже пространые двери, а в верхнем большие окна; по обеим сторонам галереи расположены комнаты, в каждой из них есть двери из галереи, а сообщение между ними прямо зависит от намерения и желания хозяина сделать, смотря по тому, для чего какая комната назначена. В галереях двери и окна, будучи в жаркие дни отворены, дают свободный проход свежему воздуху, который и в боковые комнаты входит, притом в них весьма приятно

прохаживаться, когда несносный жар не позволяет пользоваться прогулкою на открытом воздухе. Под нижним этажом обыкновенно делаются огромные подвалы для погребов и магазинов. Как снаружи, так и внутри голландцы очень чисто свои дома держат. На матицы, пол и потолок употребляется лес произведения здешней колонии, называемый Гиль-вуд¹⁰. Брусья и доски, из него сделанные, имеют прекрасный слоистый желтый цвет, а потому матиц и потолок здесь никогда не красят, так как и косяков, притолок, оконных и дверных рам, кои все делаются из привозного лесу из Батавии¹¹, называемого тек: он красноватого цвета и, будучи хорошо выработан, походит на красное дерево.

Остающееся пространство долины между городом и подошвами окружающих его гор почти все наполнено прекрасными загородными домами, при коих находятся пространные сады плодоносных деревьев и большие огороды. Некоторые из загородных домов можно не без причины назвать великолепными. Мне случилось быть в двух из них, принадлежащих господам Гоф-Мееру и майору Сорену; первый невелик и очень просто выстроен, но славится огромным садом, заключающим в себе все плодоносные деревья мыса Доброй Надежды и многие привозные. Кроме полезных деревьев и растений находится в нем много других для украшения сада. Пред самым домом сделан богатый цветник. Здесь я видел в первый раз еще в жизни у господина Гоф-Меера великое множество всякого рода домашних птиц, для коих места сделаны с отменною удобностью, в особенных маленьких башнях. Между домашними его птицами я видел одну дикую капскую птицу, называемую здесь адъютантом по причине чрезвычайно длинных ног, прямой фигуры и очень скорой ее походки. Она весьма смирна и никогда не ссорится с другими птицами, хотя более и сильнее их, но коль скоро увидит, что другие птицы между собою дерутся, то тотчас скорыми шагами пойдет к ним и, не нападая на них, одним своим видом устрашит их и заставит прекратить драку, а для того голландцы, у коих много домашних птиц, стараются иметь и адъютанта, так как полицмейстера. У него же в доме я видел очень редкую вещь: собрание яиц всех птиц, какие только водятся на мысе Доброй Надежды. Яйца сии нанизаны на нитку,

паподобие янтарей или бус, симметрически, внизу самое большое, по сторонам оно два следующие за оным по величине и так далее до самого меньшего яйца. Цепь сия повешена на стене кругом большого зеркала против дверей и, как между таким множеством яиц, оные почти всех возможных цветов, то картина сия отменно разительна, а особливо при первом взгляде, как войдешь в комнату. Сад Г. Сорена, я думаю, немногим уступает первому в рассуждении пользы, но красотою превосходит, а дом может назваться великолепным. У него я видел большое собрание живых капских птиц, места для них сделаны в стенах галереи дома, к саду обращенной нишами, за проволочными решетками, там стоят для них деревья и кустарники, на коих они вьют гнезда и выводят детей: нехищные птицы посажены по несколько в одну нишу, где они живут очень миролюбиво. В Кап-Штате за десять лет пред сим находилось 1145 домов, жителей 5500 белых и рожденных от белых и черных и 10 000 черных, а ныне домов считается до 1200, а жителей всех вообще 18 000. По причине слишком пологого возвышения долины, на коей стоит Кап-Штат, город сей не имеет с моря такого великолепного вида, как приморские города, лежащие на возвышениях гор и являющиеся мореплавателям в виде амфитеатра, как-то: Лиссабон, Фаншал на острове Мадере; Фаял на острове того же имени¹² и другие. Притом наружный вид испанских и португальских городов вообще бывает великолепнее от множества монастырских и церковных башен и куполов, чего в голландских колониях недостает. Но с возвышенного места Кап-Штат, с правильными широкими своими улицами, с загородными домами и садами, с тремя подле его возвышающимися горами и с просторным столовым заливом, такую картину представляет взору зрителя, какой ни один с тесными, кривыми, нечистыми улицами испанский или португальский город показать не может, несмотря на монастыри, церкви и часовни, коими вообще, так сказать, усеяны города сих двух народов. Окружностям Кап-Штата придает большую красоту растущее при подошве Столовой горы так называемое серебряное дерево, у него листья покрыты белым лоском, а потому оно кажется совершенно высеребранным. Надобно заметить, что дерево сие где в колонии не растет, кроме помянутого места¹³.

Рассматривая Кап-Штат по частям, путешественник не найдет в нем ничего стоящего особенного внимания, если он станет все сравнивать с европейскими городами, но, не забывая, что он есть главный город, отдаленный от просвещенного света колонии, нельзя не похвалить некоторых из здешних заведений и не сказать, что они заслуживают внимания всякого посещающего сей край. В Кап-Штате примечательнейшим местом почитается Компанейский сад, потом гошпитали, библиотека, реформатская церковь¹⁴, лютерическая церковь, водоемы, ратуша, театр и зверинец.

Что принадлежит до сада, то он и действительно есть самое примечательное место во всей колонии, потому что путешественники и мореплаватели, бывшие здесь и после издавшие в свет свои вояжи, едва было не поссорились между собою за разное мнение о сем саде; одни называли его бесподобным, восхитительным местом, другие, напротив, настоящим монастырским огородом. На мысе Доброй Надежды я перечитал почти все, что только об нем ни было писано, и сравнивал между собою замечания и мнения о разных предметах мною читанных авторов; мне показалось, что сад сей действительно есть самое похвальное, полезное, приятное и даже, можно сказать, бесподобное заведение, потому что цель оного была доставить жителям удобное и спокойное место для гулянья, а для гошпиталей и компанейских кораблей, заходивших сюда на пути в Индию, изобилие в плодах и огородной зелени. Широкие аллеи, закрытые от солнечных лучей густыми дубовыми деревьями, доставляют приятное место для прогулки, а в квадратах, образованных аллеями, сделаны пространные огороды для поваренных растений и места для плодоносных деревьев, кои теми же аллеями защищаются от вредного для них солнечного зноя и от действия жестоких ветров, часто здесь свирепствующих. Если бы в план сего сада входило удивлять прогуливающихся искусственными гротами, пещерами, холмами, горами, дремучим лесом и проч. и проч., тогда надлежало бы критиковать его, потому что предмет нимало не достигнут.

Гошпиталь, ныне англичанами превращенная в солдатские казармы, есть подлинно бесподобное здание как по пространству, расположению, так и по местоположению своему. Построена она из кирпича в три

этажа, на восточном краю города, подле цитадели. Главный ее фасад обращен к морю, и залив весь ей открыт. Пред окнами сего фасада находится большая площадь, служащая плац-парадом, а позади гошпитали идет покрытая зеленью прекрасная долина.

Публичная библиотека порядочно выстроена подле реформатской церкви; собрание книг очень невелико: состоят они большею частью из голландских, французских, немецких и латинских книг. Всякий настоящий житель города имеет право брать от смотрителя для прочтения какие книги ему угодно. В той же зале, где библиотека, хранится несколько неважных натуральных редкостей и вещей, употребляемых дикими островами великого океана. Вообще библиотека не заслуживает никакого внимания, однако ж я заметил в ней не столько любопытные, сколько забавные вещи, которые хотя и не относятся к чести здешних жителей, однако ж я не хочу умолчать об них. На столе увидел я огромную книгу, в которую библиотекарь записывал книги, даваемые им для чтения. Развернув оную, я нашел, что в ней очень мало листов было исписано, и, пока товарищи мои занимались рассматриванием других предметов, я из любопытства стал считать, сколько книг прочитано, и сосчитал, что с 1789 года по 1808 год, т. е. в 19 лет, кап-штатская публика прочитала 87 книг. Другая странность в сей библиотеке не может избежать внимания никакого посетителя и всякого заставит усмехнуться. Это расположение книг на полках по ранжиру. Они расставлены не по предметам, о коих в них писано, не по языкам, на которых они писаны, и не по авторам, кем они писаны, а по величине их формата, таким образом, книги в лист занимают правый фланг, за ними следуют в четверку, и так далее до самых малорослых. А что всего смешнее, то, хотя книги стоят не в глухих шкафах, а на открытых полках, однако ж над каждым отделением прибиты доски с надписями: Folio, Quarto и проч.

Реформатская церковь есть посредственной величины четвероугольное кирпичное здание, коего крышу внутри поддерживают четыре дорические колонны, толщиною превосходящие всякую соразмерность. Храм сей ни по чему особенного примечания не заслуживает; кафедра в нем резной работы из дерева очень искусно сделана. Там также можно видеть много ста-

ринных, из разных дорогих индийских деревьев сделанных кресел и стульев, очень редкой работы с великим искусством вырезанных. Надобно знать, что именитые жители города имеют в церкви определенные им места, на которых всякий для себя и своей фамилии ставит собственные свои стулья, для чего обыкновенно выбирают самые дорогие, лучшие и редкие. Вступив в церковь, при первом шаге можно бы подумать, что вошел в храм, где погребаются Герои со всего земного шара, все стены увешаны щитами, изображающими гербы разных фамилий, здесь похороненных*, подле коих висят латы, шпаги, сабли, копыя и проч. Самый недоверчивый зритель мог бы вообразить, что прах многих полководцев покоится под сводами, на которые он ступает. Но будьте уверены, войдя в сей храм, что под ногами вашими лежат кости голландских купцов и служителей их индийской компании. Столько они честолюбивы!

Лютеранская церковь менее Реформатской, но лучшей архитектуры; кафедра в ней чрезвычайно хорошо вырезана из дерева, впрочем, нет там ничего достойного примечания.

На площади, называемой Фонтанною, где также плац-парад, при нас построили из кирпича две красивые пирамиды над колодцами, из коих помпами достают свежую воду для употребления в восточной части города, стоят они на весьма видном месте и служат городу одним из лучших украшений.

Ратуша, прекрасное двухэтажное здание, с небольшою пиазою в главном фасаде, обращенном на так называемую рыночную площадь. В ней хранится статуя первого основателя колонии Ван-Рибек (Van Riebeck). Я не почитаю за нужное описывать жизнь сего славного голландца — ни того, как основал он колонию и как в начале существования оной, по недостатку в рогатом скоте, последнего быка, умершего с голоду, разрезав на 4 части, подарил их четырем английским капитанам за их подарки; история мыса Доброй Надежды всякому, читающему книги известна.

---

* По здешним законам хоронить под церковью и около церкви в городе можно, надобно только заплатить 38 рейхсталеров, а кто не платит, тех хоронят за городом на особливых кладбищах.

Театр построен на Готтентотской площади, так названной потому, что готтентоты продают тут привозимые ими съестные припасы, фрукты и проч. Величина и расположение театра, судя по здешней публике, совершенно соответствует своей цели. По моему мнению, он есть самая достопримечательная вещь в колонии по двум причинам: во-первых, не удивительно ли покажется, что такой народ, как голландцы, построили театр нарочно, а во-вторых, что он один театр только и есть во всей Африке. Настоящих актеров нет, а играют на нем охотники из хороших домов. За вход платят деньги, которые употребляются в пользу бедных.

Зверинец сделан в одном отделении Компанейского сада; строение совсем ничего не значит, при нас все собрание животных составляли лев, львица, тигр, страус и адъютант. Сказывали, что нынешний губернатор лорд Каледон намерен собрать всех животных, каких только можно, живущих в колонии, и что уже двух слонов ожидали пред нашим отбытием. Если это случится, то капский зверинец будет, я думаю, едва ли не первый в свете, а ныне не стоит того, чтобы смотреть его.

Я не знаю никаких других примечательных заведений в Кап-Штате, которые бы стоили того, чтобы их поместить здесь.

Симанс-Штат

Симанс-Штат городом нельзя назвать, а просто селением, в котором публичных строений: небольшой морской арсенал, казармы, гошпитали, а нет ни одной церкви, обывательских домов до 25, растянутых в одну линию по берегу небольшого залива из Фалс-Бон(а), в берег впадшего, который по имени одного голландца, бывшего здесь губернатором, называется Симансов залив. При входе в оный по обеим сторонам города, для его обороны голландцами построены две небольшие батареи, но на сей конец и те лишние: маленькое это местечко не заслуживает нападения, а защищать рейд и воспрепятствовать высадке десанта они слишком слабы. Чтобы пройти берегом из Симанс-Штата в Кап-Штат, то 5 или 6 миль надобно идти узким проходом, между морем с одной стороны, и высокими крутыми горами с

другой, и на сем пути обходить три маленькие залива (Elks-Bay, Fish Hook-Bay, Kalks-Bay), а потом в чистое поле должно проходить сквозь весьма узкую дефилю, называемую Мюзенбургскою дефилюею, которую англичане очень изрядно укрепили двумя батареями, одна за другою построенными. Пройдя сию дефилю, дорога идет чистым полем до самого Кап-Штата, до которого всего расстояния от Симанс-Штата 21½ английских миль. Настоящих жителей в Симанс-Штате обоего пола едва ли наберется 100 человек, но в зимние месяцы, когда военные корабли и купеческие суда не стоят в Столовом заливе, а здесь, тогда многие из чиновников и мастеровых, служащих при морском арсенале, таможенные приставы, некоторые купцы и мелочные торговщики приезжают сюда жить и селение бывает гораздо многолюднее. Местечко сие окружено высокими горами, вплоть к нему примыкающимися. Оно имеет весьма невыгодное местоположение и само по себе совершенно не заслуживает ни малейшего внимания, но для колонии очень важно по безопасности своего залива для стояния судов, потому что Симанский залив есть самый безопаснейший рейд из всех, по близости мыса Доброй Надежды находящихся. О сем предмете пространно будет говорено в своем месте...

Обманы купеческие при снабжении судов

Английские военные суда все нужные им снаряды и съестные припасы получают на мысе Доброй Надежды от нарочитых, приставленных правительством коронных поверенных или агентов, которые подрядами и покупками на счет казны делают запасы в королевских магазинах, по требованиям производят отпуски на корабли и во всех расходах дают указанные отчеты главному морскому правлению в Англии.

Купеческие суда всех наций, приходящие к мысу Доброй Надежды для торговли нарочно, снабжаются всем для них нужным корреспондентами своих хозяев, между которыми идет торговля. Следовательно, и есть взаимная коммерческая связь, которая обыкновенно продолжается по нескольку лет, а потому сии корреспонденты никогда не захотят обнаружить своего корыстолюбия, выставив неумеренные цены за припасы,

доставленные ими для судов, принадлежащих приятелям своим по торговым делам*.

Но суда, пристающие на короткое время к мысу Доброй Надежды для запаса пресной воды, съестных припасов, для починки и проч., обыкновенно стараются обойтись без посредства агентов, хотя не всегда это бывает можно сделать, но часто случается, что судно имеет нужду в таких пособиях, которых получить без помощи здешнего жителя, хорошо ознакомившегося с законами и обычкновениями колонии, невозможно, как, например: наем мастеровых и рабочих людей для исправления судов починками; продажи каких-нибудь товаров или вещей, если нет наличных денег; наем магазинов для своза на время судовых тяжестей, и много встретиться может других случаев, которые заставят прибегнуть к маклеру. В таком положении самое лучшее средство есть постараться узнать богатейшую коммерческую контору, не наружным видом блестящую, но действительно известную по обширной своей торговле, и поручить все свои дела ее попечению, условясь прежде, какие проценты платить за труды (Commissiон). Богатый торговый дом никогда не пожелает замарать доброго своего имени за какую-нибудь малость, выставленную в счетах сверх обыкновенной цены за доставленные им на суда вещи. Напротив того, мелкие торговцы, едва начинающие подниматься, на это не смотрят и не стыдятся для своей выгоды обманывать самым бесчестным образом иностранцев, с которыми, вероятно, они после никогда не увидятся и никаких торговых дел иметь не могут. К стыду моему, надобно признаться, что я был в двух случаях такими людьми бессовестно обманут; я говорю по опыту, мною самим изведанному и, судя по недостаточному моему состоянию, очень, очень не дешево купленному.

Не успеет приходящее на рейд судно положить якоря, как его опросят гаван-мейстер и офицер с военных кораблей. От них тотчас весь город узнает, какое это судно, откуда и куда идет, и если оно пришло не с тем, чтобы здесь торговать, а по какому-нибудь другому случаю и не имеет знакомого ни одного коммерче-

---

* Надобно знать, что два между собою торгующие купеческие дома в переписках своих называют один другого друзьями и подписываются так: остаемся друзья ваши и проч.

ского дома, то в минуту посетит оное один из так называемых корабельных агентов (настоящее их звание — маклеры). Он рекомендует себя начальнику судна и предлагает свои услуги. Надобно сказать к чести сих господ, что они почти все вообще отменно ловки в светском обхождении, говорят хорошо на многих иностранных языках, знают чужестранные обычаи и чрезвычайно проницательны и проворны. После первого свидания он предложит вам и тотчас пришлет, хотя бы и не получил от вас решительного согласия пользоваться его услугами, разных необходимо нужных на первый случай вещей и никогда не упустит самым неприметным и тонким образом дать вам выразуметь, что это малость почти ничего не стоящая и что он, доставляя оную, более делает себе удовольствия, служа чужестранцу, нежели ожидает приобрести какую-либо выгоду. Лишь только в первый раз съезжает начальник судна на берег, агент тотчас узнает о том через нарочно приставленных караульных и встречает его у самой пристани, приглашает в свой дом, где вы находите все готово к вашим услугам, впрочем, никогда не упустит случая искусно дать вам заметить, сколь счастливым он себя почитает через ваше посещение. Но если вы между прочими разговорами коснетесь до покупки и цен нужных вам потребностей, он не увеличивает цены, а уменьшает и все, что вы ни потребуете, он обещает вам доставить за самые сходные цены, но всегда такие обещания и уверения бывают на словах; до бумажных обстоятельств дело он никогда не доведет, но при всяком, кстати, случае не упускает напоминать, что если какие вещи нужны, то надобно заблаговременно заказывать, чтобы иметь время достать их самой лучшей доброты и за умеренную плату, когда же спросите вы настоящие решительные цены, почему будет он ставить вам такие вещи, то ответ бывает всегда не определителен. Он вам скажет, что точной цены назначить не может, ибо они переменяются часто, но что разность бывает невелика — впрочем, какая бы перемена ни последовала, цены будут очень умеренные, и что по большим торговым связям, которые он имеет внутри колонии с поселянами и с приходящими судами, без всякого сомнения, может доставить вам все для вас надобное по гораздо меньшим ценам, нежели другие купцы, и в уверение, пожалуй, покажет старые свои

книги, когда и по каким ценам он снабжал прежде бывшие здесь корабли, которые и в самом деле выставлены в них очень умеренны. Но это еще не все, чтобы убедить вас более в своей честности, он подойдет к вам человек двух или трех из его приятелей, которые очень искусно умеют роль свою играть, они заведут с вами разговор как с недавно прибывшим иностранцем о европейских новостях, о войне, о политике и т. п. Между прочими разговорами спросят, кому вы здесь знакомы и какие купеческие конторы дела ваши исправляют. Если скажете, что никого не знаете, то они тотчас вас предостерегут, с большим доброжелательством посоветуют быть осторожным, чтобы не обманули вас, и скажут, что здешние купцы почти все обманщики, кроме такого-то, а именно покажут вам точно на самого того первого и главного плута.

Коль скоро вы сделали ему ваше препоручение, то все ваши требования, все ваши желанья исполняются вмиг, нет у него ничего для вас невозможного, кроме одного, то есть подать счет доставленным к вам вещам, чего они под разными предложениями никогда не делают до самого дня вашего отбытия, если только такую отсрочку могут сделать, извиняясь достаточными причинами. Но когда вы настоите иметь счет, то его вам подадут, только не всем, а самым малозначащим вещам и поставят низкие цены. В неготовности же другого счета у них всегда много причин есть извиниться пред вами, это такое обстоятельство, в котором никогда никакого затруднения им не встречается. Коль же скоро дело дойдет до окончательного расчета и вам принесут список доставленным для вас вещам, написанный самою чистою рукою, на прекрасной золотообрезной бумаге, украшенной гербом Англии или каким-нибудь эмблематическим изображением, весьма искусно выгравированным, то, взглянув на красные графы, заключающие в себе цены вещам, вы ужаснетесь! Но на вопрос, отчего бы могла последовать такая великая разность в ценах, объявленных прежде и поставленных в счете, вам в минуту, нимало не запинаясь, отвечают, что с недавно пришедшим судном получено известие об отправлении из Англии многочисленного ост-индского конвоя, которого со дня на день ожидают сюда, или что слух пронесся, будто составляющаяся в таком-то порте сильная экспедиция назначается в Индию и

должна зайти непременно к мысу Доброй Надежды, а потому-то на все вещи и припасы цены и поднялись до такой чрезвычайной дороговизны. Притом прибавят еще, что если бы сам агент или один из его приказчиков ночью не скакал верхом по окрестным селениям и не успел бы уговорить поселян сделать уступку, то вещи пришли бы еще дороже и того. Нередко сама природа благоприятствует им и подает причину оправдать себя в возвышении цен, как-то: проливные дожди испортили дорогу и поселяне ни за какую бы плату не согласились везти требуемых у них вещей, если бы агент из особенного усердия к пользам вашим не склонил их к тому, а иногда чрезвычайные продолжительные жары, бывшие внутри колонии, наделали много вреда на поле и весть сия в окрестностях города была причиною внезапного возвышения цен, словом сказать, господа сии так способны и скоры на выдумки и имеют столько различных средств себя оправдать и притвориться честнейшими людьми в свете, что невозможно никак, обнаружив и уличив в обмане, принудить их законным образом взять настоящие цены. Счеты их должны быть непременно уплачены, если же кто добровольно не захочет с ними разделаться, то Колониальное правление признает их справедливыми и принудит по ним деньги заплатить все сполна. А неопытному обманутому страннику предоставляется только право посердиться, побранить и про себя назвать всех таких агентов бездельниками, а если кому угодно, то, пожалуй, можно и в журнал свой вояжный это замечание вменить, что теперь и я делаю, а более взять нечего.

Средства с выгодой запастись всем нужным без содействия агентов

Для военных судов самый пристойный и выгодный способ получать все для них нужные съестные припасы и другие снаряды есть посредством английского морского начальника, в колонии находящегося; стоит только о своих надобностях отнестись к главнокомандующему здешнею эскадрю адмиралу или кто в его отсутствие занимает это место, тогда дано будет тотчас повеление отпустить вам все требуемое и агентам, от

правительства приставленным, предпишут за доставленные к вам потребности взять такие цены, по каким оные пришли в королевские магазины, без всяких барышей и процентов, но если какие-нибудь причины политические или недостаток в магазинах заставят адмирала отказать в просьбе или по каким-нибудь обстоятельствам, судно должно будет прийти под купеческим флагом, следовательно, со стороны англичан, в таком случае подобное требование уважено быть не может, то все не должно вдруг приниматься за агентов и не надобно также решительно им отказывать, чтобы они не сыграли какой штуки. Не открывая всех своих надобностей, им только должно сказать о самых малозначащих вещах, в каких судно имеет нужду, притом не упоминать о количестве и не входить ни в какие договоры, а только обещать, что по обстоятельном рассмотрении своих надобностей, может быть, вы решитесь достать оные посредством агентов, впрочем, благопристойность требует принять и проводить их учтиво и ласково, не показывая ни малейшего сомнения в их честности. Если начальник судна сам знает голландский, английский или французский язык или есть у него кто из офицеров, который может на одном из них хорошо переводить, то он без всякой помощи агента будет в состоянии все нужное для своего судна закупить по сходным ценам, не платя никаких процентов за труды и комиссию агента. Но если он не имеет этой выгоды, то необходимость заставит его ввериться кому-нибудь, в таком случае надобно, как я выше сказал, выбрать одну из богатых контор и, объяснив им как ни есть, хотя бы по пальцам, все свои надобности, положиться на их честность совершенно. Кто вздумает сам для себя закупить, тому надобно тотчас перебраться в город на квартиру и стараться стать в дом к какому-нибудь почтенному голландцу, который не имеет торгу с иностранцами*. Голландцы и голландки хотя наруж-

---

* Здесь в общем обыкновении у всех жителей, кроме самых чиновных особ, пускать к себе в дома на постой иностранцев, а особенно офицеров и пассажиров, они гостям своим отводят комнаты и довольствуют с собою вместе за одним столом чаем, завтраком, обедом и ужином.

Я, приезжая в Кап-Штат, всегда жил в доме господина Девала, вице-президента Сиротской каморы, платя ему за комнату и содержание по 4 рейхсталера в сутки. Когда я был в первый раз

ного ласкового вида и привлекливости не имеют, но к иностранцам хорошо расположены, добры, честны и услужливы. С ними коротко познакомиться очень скоро можно, и так как у них женщины занимаются домашнею экономией и даже молодые девицы, то по сей части они очень сведущи, от них можно верно узнать всегда настоящую цену как жизненным припасам, так и многим другим вещам и через них достать все что угодно за сходные цены, не боясь обману. Вот, по мнению моему, самое лучшее средство, чтобы не быть обману-ту и не потерять напрасно много денег, но здесь ска-зать надобно, что для сего способа нужно иметь налич-ные деньги и, конечно, пиястры, которые можно назвать всесветная монета¹⁵, иначе по необходимости принуж-дено будет отдаться в руки агенту, если вы не имее-те ни денег, ни кредитивных писем, то сыщутся люди, которые возьмутся снабдить вас в долг всем нужным, но в таком случае поступят с вами в рассуждении цен, комиссии за труды, процентов на перевод векселей и проч. не бесчестным уже образом, а самым безбож-ным. Когда же у вас есть кредитивы на какого-нибудь купца и вы не захотите, чтобы он для вас ставил вещи. а пожелаете взять деньги, то он вычтет у вас 5 процен-тов за то, что дает деньги, а возьмет векселя, за ко-торые давно уже его корреспондентам сумма заплачена со всеми обычайными в коммерческих делах налогами. Но когда предоставите ему быть вашим агентом, то в расчете он не выставит комиссии, а в десять раз более наведет в ценах вещам. Со мною случалось в Кап-Шта-те это! я имел кредитив в 5000 пиастров на торгующе-го здесь английского купца г. Гома. Он был болен и жил по большей части за городом подле Кап-Штата, следовательно, я не мог употребить его своим агентом, будучи со шлюпом в Симанском заливе, но когда пона-добились мне деньги, то г. Гом вычел по 5 процентов (237 $\frac{1}{2}$ пиастров) за комиссию и так в счете своем означил...

в городе, то со мной у него в доме жили нашего шлюпа 2 офицера и 2 гардемарина, каждый из них платил ему за себя тоже. Такие постои здесь нисколько не почитаются непристойными, хотя у господи-на Девала были 3 дочери невесты. Обстоятельства не допустили меня прежде приехать в Кап-Штат и познакомиться ранее с сим дочтенным стариком, а то бы я не был так обманут.

**О характере, обычае и образе жизни жителей.
Их склонности, добродетели, пороки, занятия,
расположения к иностранцам и проч.**

Я не буду говорить здесь о сельских жителях*, из коих очень малое число мне удавалось видеть, и то на самое короткое время. Приезжающие сюда ненадолго иностранцы почти совсем никакого дела до них иметь не могут, они бывают и видят беспрестанно городских жителей, которых составляет более четверти доли всего населения. Скромная наружная вежливость и тихий нрав суть две главные черты характера капских жителей. В разговорах они стараются быть осторожными, каковая осторожность часто походит на недоверчивость, даже говоря о самых обыкновенных вещах. Все здешние жители, можно сказать, вообще воздержанны; домашние расходы их очень умеренны (и в других землях такую умеренность называли бы скупостью, но здесь она означает благоразумное воздержание); нажить деньги почитают они главной целью своей жизни, и потому самая большая часть городских жителей люди торговые, да и сами чиновники, занимающие разные должности в колониальном правлении, употребляют разные средства приобрести достаток, и

---

* Г. Барро здешних сельских жителей описывает как самый невежественный, грубый и бесчеловечный народ в целом свете, которые, не боясь бога и не уважая человечества, обходятся жестоким образом со своими неграми и готтентотами, служащими у них работниками, принуждают их работать сверх сил и мер и за малейшее упущение тирански наказывают, а сами на счет трудов сих несчастных едят, пьянствуют и спят. Он их выставляет самыми величайшими прожорами из всех известных обжор. «Три раза в день,— говорит он,— стол голландского колониста бывает обременен жирными кусками мяса, плавающими в сале, вытопленном из бараньих хвостов». Сытная здоровая пища, беззаботно и покойно проводимая жизнь, бездействие мыслей и разума, который у них так слаб и ограничен, что, кроме доставления себе жизненных съестных потребностей, ни на что другое они идей своих не обращают, суть главные причины гигантского их роста, чрезвычайной толщины и силы. Приводя разные примеры, до какой невероятной толщины достигают или, лучше сказать, раздуваются здешние поселяне, Г. Барро упоминает об одной женщине по имени Van Voogen, у которой рука была в окружности $23\frac{2}{3}$ английских дюйма и которая не выходила из комнаты 12 лет. Когда сделался в доме пожар, то чтобы ее вывести, нужно было выломать притолки у дверей. Однако же она не была во все эти 12 лет без действия, ибо доставила колонии гражданина рождением сына.

нередко такие средства бывают несоответственны званию их и у других народов показались бы унижительными, как-то: пускать в свои дома постояльцев и содержать их столом за известную плату по предварительному условию; может быть, нет ни одного торгового места на земном шаре, где бы склонность к коммерческим спекуляциям или оборотам так была между жителями приметна, как здесь. Во всякий хороший день во всех улицах от 9 до 10 часов утра до 3 и 4 вечера видно множество товаров и вещей всякого рода от лучших европейских изделий до ломаных железных гвоздей, продающихся с публичного торга*. Здешние голландцы, занимаясь с самой юности только торгами и изыскиванием способов набогатиться, недалеко успели в просвещении**, и потому их разговоры всегда бывают скучны и незанимательны. Погода, городские происшествия, торговля, прибытие конвоев и некоторые, непосредственно касающиеся до них политические перемены суть главные и, можно сказать, единственные предметы всех их разговоров. Они или делом занима-

---

* От сей продажи Правление и чиновник, назначаемый губернатором из купеческого звания, получают важный доход. При всякой публичной продаже движимого имения Правлению платится по $1\frac{3}{4}$ процента с вырученных денег, а Vendue-Master получает $\frac{1}{4}$ процента. Должность его — располагать аукционную продажу и отвечать за выручку денег. Если же недвижимое имение продано с аукциона или по условию, то Правление получает пошлину по 4 процента.

** Г. Барро делает их настоящими невежами, словом сказать, по его описанию, они составляют самый непросвещеннейший народ из того класса народов, который известен под общим именем непросвещенных народов. Долговременное здесь пребывание, занимаемое место и ученость г. Барро, а еще более связь его по супружеству с одною из здешних фамилий, дают мнению его вес, преимуществующий над всеми другими путешественниками, о сей материи писавшими. Но мне кажется, нельзя во всем с ним согласиться, а особенно взявши в рассуждение, что он даже относит на счет крайнего непросвещения жителей ошибку или невежество издателя здешнего календаря, показавшего в оном лунное затмение не в полнолуние, и что на мысе Доброй Надежды оно не будет видно, которое, однако ж, в свое время случилось, и не только что видели его на мысе, но и было оно почти полное. В Европе много есть так называемых воспитанных и просвещенных людей, которые знают, что такое есть рождение, ущерб, полная луна, но мало заботятся узнать, в которое из оных бывает затмение луны. Притом очень вероятно, что г. издатель Алманака в Европе приобрел астрономические свои познания, потому что здесь нет никакого училища, где бы можно сей науке выучиться.

ются, или курят табак, до публичных собраний не охотники и никаких увеселений не терпят. Молодые люди танцевать любят, но у себя в домашних собраниях, в театре однако же бывают, но кажется более для обряда, во всю пьесу они беспрестанно разговаривают между собою и, по-видимому, никакая сцена их тронуть не может в трагедии, как рассмешить в комедии. Но при всем том, я думаю, г. Барро шутил, когда в сочинении своем, описывая здешних голландцев, говорит, что в Кап-Штате при начале открытия театра зрители часто засыпали от скуки, какую бы пьесу ни играли, пока однажды не случилось, что в одной немецкой комедии вышел на сцену прусский солдат с курительною трубкою. Когда они увидели человека, в театре курящего табак, то сие любимое их препровождение времени произвело между зрителями громкий смех и рукоплескание и что актеры, желая тогда воспользоваться вкусом публики, во все иггранные ими пьесы вводили между действующими особами по несколько курящих лиц и что с тех пор театр был во всякое представление полон и зрители не спали. В нашу здесь бытность я ни одного раза не видел, чтобы табачные облака скрывали актеров от зрителей.

Я не знаю, как жители здешние одевались до покорения колонии англичанами, но ныне все вообще мужчины и женщины, старые и молодые, кроме тех только, которые по общению разве держатся старинных мод, все носят английское платье, между мужчинами черный цвет, а между женщинами белый в обыкновении. Все экипажи города, выключая губернаторскую, адмиральскую и одну или две других карет, состоят в малом числе самых старинных колясок, каковых едва ли уже можно развалины найти в Европе. Обыкновенная езда здесь верхом. Все умеют ездить на лошадях: мужчины и женщины как для прогулки, так с визитами и по делам ездят верхом, если пешком идти далеко, женщины садятся боком на дамских седлах, мальчишки 4 или 5 лет привыкают к верховой езде, катаясь на выезженных нарочно для них козлах, которые взнузданы и оседланы, они также послушны своим седокам, как и верховые лошади.

Встают здесь рано, между 6 и 8 часами; старики и старухи по утрам пьют кофе, а молодые люди чай и в сем случае следуют обыкновению англичан, подавая с

чаем на стол завтрак, состоящий из хлеба, масла, яиц, холодного мяса, рыбы, какой-нибудь зелени и проч. Обедают в 2 или 3 часа: стол их походит более на наш, русский, нежели на английский, за столом вина пьют очень мало и после стола тотчас встают. Вечером пьют чай, а часов в 10 ужинают: у них ужин по-нашему бывает горячий, то есть подают суп и соусы. Жизнь капских колонистов вообще единообразна и крайне скучна, что есть сего дня, то было вчера и точно будет то же завтра; они не наблюдают никаких больших праздников и торжественных дней, высокоторжественные праздники святого воскресения, рождество и другие, которые у нас и во многих других христианских государствах доставляют всякого состояния людям столько радости, удовольствия и веселого, приятного препровождения времени, здесь не что иное, как обыкновенные дни. Если в оные случится хорошая погода и голландцу удастся заключить выгодный для него подряд, вот ему и праздник. Впрочем, для них все дни в году равны, кроме Нового года, один этот день они празднуют; родственники между собою иногда делают взаимные подарки и вечера проводят вместе по-праздничному. Суеверные люди, привыкшие судить об истинных сердечных чувствах по одной только наружности, сочли бы такое их невнимание к обрядам религии совершенным безбожием. В Симанс-Штате церкви нет, прежде у жителей было обыкновение в известные дни года посылать в Кап-Штат за священником, который отправлял службу в обывательских домах по очереди, но с некоторого времени это вывелось, в 13 месяцев нашего здесь пребывания ни одного раза никакой службы не было. При нас у одной достаточной дамы хорошей фамилии умер сын, человек совершенных лет, и, хотя посылать за священником было недалеко, однако же присутствие его не сочли нужным и покойника положили в землю без всяких духовных церемоний.

Здесьние голландцы обещания свои дают с большою осмотрительностью, а давши, исполняют их с точностью и в сем случае никогда не обманут. Но так как они люди и притом купцы, то в других случаях, а особенно при покупке и продаже, я не советовал бы совершенно полагаться на их слово, при всем том, однако же, не надобно меня понимать, чтобы я их называл обманщиками, сказать не правду в торговых делах ны-

не означает техническим выражением: «не терять коммерческих расчетов», стало быть, взять лишнее за проданные вещи или мало дать за купленные, уже более никто не называет обманами, а коммерческими расчетами, но всякий расчет не что иное есть, как экономическая осторожность, а быть экономному почитается в общежитии не последнею добродетелью, следовательно, голландцы здешние народ добродетельный. Главнейший из их пороков есть, по мнению моему, жестокость, с каковою многие из них обходятся со своими невольниками; несчастных сих жертв до акта, последовавшего в английском парламенте, об уничтожении торговли людьми¹⁶, сюда привозили на продажу* так, как и во все другие колонии, большею частью с африканских берегов и плененных малейцев**.

Невольников содержат в здешней колонии очень дурно: ходят они в лохмотьях, даже такие, которые служат при столе своих хозяев. Сказывают, что с тех пор, как англичане ограничили жестокость господ в поступках к своим невольникам и запретили торговлю неграми, их стали лучше содержать и более пекусь об их здоровье. Скупость, а не человеколюбие, без всякого сомнения, была причиною такой перемены, невозможность заменить дешевою покупкою умерших негров заставила господ обходиться лучше со своими невольниками***.

В обхождении капские голландцы просты и не любят никаких церемоний и околичностей, но у них есть этикеты, так как и у других народов, которые они строго наблюдают, например, если кто лишится ближнего

---

* Ныне только продают в колонии негров, взятых на неприятельских судах, если они на оных были везены на продажу в свои колонии, но не в вечное владение, а на 14 лет, по истечении же сего срока становятся они вольными, притом продавать их велено предпочтительнее англичанам.

** Негры большею частью прежде сюда были привозимы с острова Мадагаскар и с Мозамбикского (Mozambique) берега. Сих последних жители покупали охотнее всех других по доброму, кроткому их нраву и по способности перенимать работы, но малейцев они очень боятся по причине зверского, мстительного и отважного их характера и потому редко держат в своих домах невольников из сего народа.

*** Негры ныне здесь весьма дороги, а особенно прислуживающие в домах, при нас продали одного кучера за три тысячи рейхсталеров.

родственника, тот должен известить публику о своем несчастье через газеты и просить родню и друзей своих, участвующих в его печали, не беспокоить себя делать ему визиты и писать утешительные письма, а оставили бы его наедине предаться скорби и оплакать свою потерю, вот образец одного такого объявления:

«Мыс Доброй Надежды. Сентября 11 дня 1808.

В прошедшую ночь постигло меня ужасное несчастье преждевременною кончиною моего достойного, дражайшего, возлюбленного супруга N. N., преставившегося 26 лет, 5 месяцев и 7 дней от рождения после счастливого нашего соединения, продолжавшегося год, 2 месяца и 27 дней; я желаю и надеюсь в сии тягчайшие для меня минуты горькой печали и сердечной скорби найти утешение, которое единая вера только может доставить несчастным страждущим, а потому прошу моих родственников и друзей, участвующих со мною в горести, извинить меня в непринятии утешительных от них писем и посещений.

Вдова такого-то».

Траурные обряды наблюдают они с великою точностью, даже по дальней родне, впрочем, печаль их очень часто бывает только одна притворная. Мы знали в Симанс-Штате голландку, которая, лишась престарелой полоумной своей матери, горько плакала и казалась неутешною, когда стали представлять ей, что потеря ее невозвратна, что рано или поздно мы и все там должны быть, и другие обыкновенные в таких случаях утешения, тогда она сказала, что все это сама знает, но, лишась матери в такое время, когда фланель очень дорога, и имея большую семью, которую надобно одеть в траур, будучи сама недостаточная женщина, должна она будет понести очень чувствительную потерю.

При первом свидании с иностранцами капские жители обоего пола кажутся невнимательны, неучтивы и даже грубы, но, познакомившись несколько с ними, они становятся обходительнее, ласковее и очень услужливы. Холодная их наружность смягчается много приятною физиономией и правильными чертами. Здесь из мужчин есть много видных и красивых, а женщины прекрасны, очень многие из них по справедливости могут назвать-

ся красавицами. Я не мог заметить, чтоб из иностранцев они отдавали какому-нибудь народу преимущество пред другими. Обхождение их со всеми равно, они всех приезжающих к ним чужих людей принимают одинаково и ко всем, кажется, равно хорошо расположены, кроме англичан, которых ненавидят от всего сердца и души. Непомерная гордость и беспрестанное тщеславие, коих англичане никогда и ни при каком случае скрыть не умеют, из всего света сделаны им явных и тайных неприятелей. Британское правление всеми способами старается и ничего не щадит, чтоб только в завоеванных ими областях приобрести себе друзей, а частные люди в правлении и в нации ничего не значащие глупым и малодушным своим высокомерием уничтожают все планы, с великими издержками сопряженные, каковые употребляют министры, чтобы достичь столь желаемого ими предмета. Нет ничего справедливее сказанного лордом Честерфилдом в наставлении своему сыну, что тяжкая обида позабывается скорее, нежели колкая насмешка. Здешние колонисты, выключая малое число участвовавших в торгах голландской Ост-Индской компании, можно сказать переселились в земной рай с покорением колонии английскому оружию, в сравнении с варварским купеческим правлением, под тяготою коего они стонали. Безопасность жизни и имущества, ничего не значащие подати, совершенная свобода говорить и делать все то, что только непротивно законам, справедливейшим в свете, и полная воля располагать и пользоваться произведением своих трудов суть главные выгоды, приобретенные жителями по великодушию своих завоевателей. Сверх того, многочисленный корпус войск с немалым штатом чиновников, получающий большое содержание и жалованье, издерживает оные в колонии, и часто приходящие сюда военные корабли и конвой также оставляют здесь знатные суммы за здешние произведения, таким образом, английское золото и серебро достаются в руки колонистов, которые могут по своей воле хранить оные или покупать нужные им полезные или служащие к единому удовольствию вещи, привозимые из разных частей света, кои они всегда могут купить выгодно, ибо если англичане возвысят цены на свои товары, то и у колонистов право не отнято продавать дороже их собственные произведения. Несмотря, однако же, на все сии выгоды,

доставленные колонии британским правительством, большая половина жителей обоого пола терпеть не могут англичан и всегда готовы им вредить, коль скоро имеют удобный случай; смеяться насчет английской гордости они почитают большим для себя удовольствием, я несколько раз слышал, с каким восторгом голландцы рассказывали мне, что в обществе англичан за обедом целый час ничего более не услышишь, как беспрестанное повторение: передайте сюда бутылку! передайте туда бутылку! (pass the bottle), доколе, наконец, бутылки своим скорым обращением не вскружат их голов, и тогда весь стол заговорит вдруг; один кричит: «Этот голландец очень ученый, прекрасный человек, настоящий англичанин!». Другой повторяет: «У такого-то голландца дочь отменно умна и редкая красавица, словом сказать, совершенная англичанка!». Иной опять говорит: «Такой-то голландский офицер защищал себя чрезвычайно храбро, как бы он был англичанин!». Надобно беспристрастно сказать, что капские колонисты имеют причину и право смеяться над англичанами и ненавидеть их, стоит только себе вообразить, что когда небольшое, ничего не значащее голландское суднишко взято в плен англичанами и сюда придет, то во все время, доколе оно стоит здесь перед глазами жителей, английские офицеры не упускают поднимать на нем голландский флаг под английским, как будто бы такая малость может что-нибудь прибавить к трофеям их флотов, а когда в торжественные дни военные корабли по обыкновению украшаются флагами, то на многих из них часто поднимают голландский флаг в знак унижения оною, под самую подлою частью корабля! Такие случаи с первого взгляда кажутся безделицами, но они язвят национальное честолюбие и нелегко забываются...

Примечания

¹ Барро (правильнее — Барроу) Джон (1764—1848) — английский путешественник и ученый. Секретарь Адмиралтейства в 1804—1845 гг., один из инициаторов организации Британского географического общества (1830). Принимал активное участие в планировании и подготовке большинства британских исследовательских экспедиций первой половины XIX в.

² Капштат (правильнее — Капстад) — голландское название Кейптауна, главного города Капской провинции ЮАР, крупного порта у южной оконечности Африки. Основан в 1652 г. группой переселенцев.

ленцев из Нидерландов под предводительством уполномоченного Ост-Индской компании Яна ван Рибекка как промежуточная станция на пути из Европы в страны Южных морей.

³ Симанштат — голландское название Саймонстауна, порта и военно-морской базы на мысе Доброй Надежды, южнее Кейптауна.

⁴ Кафы (<кафир 'неверующий, немусульманин') — так арабы обозначали негроидное бантуязычное население Восточной и Центральной Африки. Европейские поселенцы и путешественники XVIII—XIX вв. использовали это название для обозначения вообще всех бантуязычных негрских народов Южной Африки, главным образом зулу и коса, с годами все более придавая ему определенный пренебрежительный оттенок. Это последнее обстоятельство особенно отчетливо проявляется в наши дни в расистской ЮАР: здесь слово «кафр» служит в устах белых расистов оскорбительной кличкой для африканца. Однако в начале XIX в., когда Головнин находился в Саймонстауне, оно еще не приобрело оскорбительного смысла.

⁵ Бушмены (голл. 'люди чащи') — по-видимому, древнейшие обитатели Южной Африки. В антропологическом отношении сочетают в себе негроидные и монголоидные признаки; обнаруживают также черты сходства с готтентотами как в антропологическом, так и в языковом смысле. Миграция в южном направлении сначала готтентотов, а позднее бантуязычных народов привела к оттеснению бушменов — охотников и собирателей — в мало пригодные для обитания области, в частности в пустыню Калахари. Последовавшая затем европейская колонизация резко ускорила катастрофическое для бушменов развитие событий, приведя их в настоящее время на грань вымирания.

⁶ Готтентоты — коренные насельники западных районов нынешней Капской провинции к моменту появления там голландских колонистов в середине XVII в., народ со многими характерными признаками монголоидности, резко отличающийся от основной массы негрского населения современной Южной Африки. В языковом отношении обычно объединяются большинством исследователей с бушменами в особую «койсанскую» группу. Готтентоты не создали производящего хозяйства, оставшись охотниками и скотоводами. Столкновение с европейскими поселенцами повело к быстрому истреблению готтентотов как в результате военных предприятий колонистов, так и в особенности из-за жесточайших полурабских, полукрепостнических форм эксплуатации, которой европейские поселенцы подвергали готтентотов, рассматривая их главным образом как бесплатных прирощенных пастухов для своих стад. Уже во времена Головнина численность готтентотов резко уменьшилась, а к нашему времени подавляющее большинство их вошло в состав так называемого цветного населения ЮАР, утратив этническое самосознание и язык, вытесненный языком африкаанс.

⁷ Английская береговая (т. е. сухопутная) миля равна 1609 м.

⁸ «С того времени, как колония...» — впервые англичане оккупировали территорию тогдашней Капской колонии в 1795 г., во время войны с Францией и ее союзниками, одним из которых стала Батавская республика, впоследствии преемница Голландской Ост-Индской компании в ее колониальных владениях. По Амьенскому миру (1802 г.) захваченные голландские колонии пришлось вернуть, однако уже в январе 1806 г. британские войска снова заняли Кейптаун и всю Капскую провинцию, на сей раз уже окончательно.

⁹ Голландская Ост-Индская компания была основана в 1602 г. с монопольным правом торговли со странами Южной и Юго-Восточной Азии. Создание голландской колониальной империи в Индонезии стало целью и главным результатом деятельности Компании. Именно как промежуточный пункт для пополнения запасов и ремонта судов Компании на пути в Южные моря и был основан Капстад. К моменту прибытия «Дианы» в Южную Африку Ост-Индской компании уже не существовало: неудачи в борьбе с более сильными конкурентами, прежде всего англичанами, на протяжении всего XVIII в. превратили ее в убыточную, и в 1798 г. правительство Батавской республики вынуждено было ликвидировать Компанию, приняв на себя ее огромные долги и перейдя к непосредственному управлению ее бывшими владениями в Юго-Восточной Азии.

¹⁰ Гиль-вуд — по мнению ряда авторов (ср.: И. П. Магидович, Примечания, — в кн.: Василий Головнин, Сочинения, М., 1949, стр. 121), имеется в виду так называемое желтое дерево (*Rodocogrus*), в настоящее время сохранившееся в Капской провинции лишь в заповедниках.

¹¹ Батавия — нынешняя Джакарта, столица Индонезийской республики. Основана голландцами в 1619 г. и до 1945 г. была столицей Нидерландской Индии.

¹² Фаял — один из островов Азорской группы.

¹³ Серебряное дерево — вид *Leucodendron Argentum*; отличается серебристыми волосками, покрывающими листья.

¹⁴ Реформатская церковь — имеется в виду господствующая среди африканского населения Южной Африки кальвинистская церковь.

¹⁵ «Пиястры, которые можно назвать всецветная монета» — имеются в виду испанские (реже — португальские) серебряные песо, действительно пользовавшиеся очень широким распространением на атлантическом и восточном побережьях Африки и в странах Южных морей.

¹⁶ «Акт... об уничтожении торговли людьми» — имеется в виду «Акт об отмене работорговли», принятый британским парламентом в июне 1806 г. и вступивший в законную силу с 1 мая 1807 г. Решающими причинами его принятия послужили: во-первых, стремление подорвать экономику Соединенных Штатов, с потерей которых в Англии того времени еще не до конца примирились, — а эта экономика строилась в значительной степени на рабском труде; во-вторых, возросший интерес британской буржуазии к рынкам и экспортным возможностям Африки, проникновению во внутренние районы которой препятствовала система отношений, сложившихся между европейцами и местными правителями на протяжении веков работорговли на побережье. Гуманные побуждения, в том числе и воздействие идей Великой французской революции, первостепенной роли здесь не играли. К тому же в Капской колонии использование труда привозных африканских рабов и малайцев было довольно ограниченным, ввиду того что в скотоводческом хозяйстве «свободных бюргеров», т. е. поселенцев, ставших к этому времени практически независимыми от голландской администрации в Капстаде, применить привозную рабочую силу невольников, захваченных главным образом в земледельческих районах, было трудно: готтентоты, прирожденные пастухи, для этой цели годились гораздо больше. Что же касается перемен в отношении к невольникам после принятия Акта, то и здесь Головнин убедительно показывает отнюдь не гуманистические соображения, руководившие рабовладельцами.

Часть III

РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ В ГОСУДАРСТВЕ МУХАММЕДА-АЛИ

В 1805 г. правителем Египта стал победитель грузинских мамлюков Мухаммед-Али, опиравшийся на иррегулярные отряды албанцев, черкесов, курдов, турок, южных славян. Изгнав в этом году турецкого пашу с янычарами, разгромив мятеж мамлюков в 1809 г. и физически уничтожив мамлюкских беев в 1811 г., он установил в стране абсолютистский режим и приступил к реформам с целью модернизировать экономический и государственный строй Египта.

В последующие годы Мухаммед-Али присоединяет к своим владениям большую часть Аравии и Судана, Киренаику, Палестину, Сирию, Ливан, Киликию, приморские провинции Эфиопии и Сомали; на карте мира появляется новая мощная держава с арабским большинством населения.

Отношения Мухаммеда-Али с Россией были сложными и менялись с течением времени. Россия не вмешалась в его борьбу с грузинами-мамлюками. Но когда войска и флот Мухаммеда-Али по просьбе турецкого султана приняли участие в подавлении национально-освободительного восстания греков, Россия вместе с Англией и Францией выступила против Турции и ее арабо-африканских вассалов. Так, объединенный турецко-египетско-тунисский флот был уничтожен под Наварином.

В последовавшей затем русско-турецкой войне 1828—1829 гг. Мухаммед-Али не участвовал, а после ее окончания в союзе с Францией начал наступление против турок. В декабре 1832 г. в битве при Конье (в Анатолии) султанские войска были наголову разбиты, и взятие Стамбула стало только вопросом времени. Тогда вмешалась Россия, заставив армию Мухаммеда-Али отступить.

В 1839—1840 гг. Россия вновь воспрепятствовала Мухаммеду-Али подчинить себе Турцию, но это была в основном победа английской дипломатии, ловко использовавшей в своих целях антифранцузскую политику Николая I. В этих условиях правитель Египта стремился установить дружеские отношения с Россией, чтобы отколоть ее от союза с британским колониализмом. Этот раз-

рыв действительно произошел в 1853 г. и привел к Крымской войне. Но в 1849 г. Мухаммед-Али умер, а его преемник Аббас (1849—1854 гг.) уступил британскому влиянию.

При Мухаммеде-Али в Египте и Судане (а также в других его владениях) побывало много европейцев: различных специалистов, приглашенных правительством страны, коммерсантов, а также ученых-путешественников и туристов. Среди них были несколько русских, в том числе художник И. Икскуль (в 1817—1820 гг.), О. И. Сенковский (в 1820 г.), А. Н. Муравьев (в 1830 г.), Н. С. Всеволожский (в 1836—1837 гг.), А. С. Норов (в 1838 г.), В. Диттель (в 1843—1844 гг.), А. А. Рафалович (в 1846—1848 гг.), Е. П. Ковалевский (в 1847—1848 гг.), известная основательница Теософского общества Е. А. Блаватская (первый раз в 1848 г., позднее еще трижды) и др.

Новый период русско-египетского сближения наступил после 1840 г. Акты медицинской и экономической помощи Египту со стороны России выразились в том, что А. А. Рафалович оказался в Египте (а затем Сирии, Палестине, Тунисе, Алжире и Турции) в составе санитарной, противочумной экспедиции, а Е. П. Ковалевский возглавил геологическую экспедицию в Юго-Восточный Судан и строительство здесь государственной золотопромывной фабрики.

Как и донесения русских консулов в Египте, записки о путешествиях всех этих разносторонне образованных людей являются ценными историческими источниками.

Одновременно они обнаруживают вкус к литературе, литературный талант и обширные научные знания их авторов: исторические и филологические — Сенковского, Норова и Муравьева, естественнонаучные — Рафаловича и Ковалевского. Их книги о путешествиях оставили след в русской литературе, а также в географической (Ковалевский) и отчасти в археологической науке (Сенковский, Норов, Ковалевский). А. С. Норов был некоторое время министром просвещения, и это до некоторой степени способствовало усилению внимания в учебных программах средних и высших школ России к описанным ими странам. Но, конечно, в первую очередь читателей привлекали познавательная ценность и литературные достоинства записок этих путешественников, немало содействовавших распространению в русском обществе знаний о лежащих далеко на юге странах Северо-Восточной Африки.

Русские писатели конца XVIII—XIX в. (в том числе А. Н. Радищев и Н. М. Карамзин) нередко обращались к жанру записок путешественника. К середине XIX в. на русском языке уже существовала богатая оригинальная и переводная литература, включавшая в себя и такой шедевр, как «Путешествие в Арзрум во время

похода 1829 года» А. С. Пушкина. «Фрегат Паллада» И. А. Гончарова с его яркими описаниями Островов Зеленого Мыса и Капской области, а также менее значительные произведения писателей-путешественников второй половины XIX в. познакомили русскую читающую публику с Южной и Островной Африкой.

Позднее, в конце XIX — начале XX в., русские путешествия в Эфиопию и Северную Африку, стихи В. Брюсова и особенно Н. Гумилева продолжают открытие Африки для русской литературы, русского читателя, русского общества.

Путешествие О. И. Сенковского в Египет и Нубию

В среде русской дворянской интеллигенции, где совершенное знание французского и других европейских языков считалось нормой, лингвистические познания этого человека казались феноменальными. «Я не Сенковский, чтобы знать все в мире языки!» — писал А. А. Бестужев-Марлинский. О том, насколько глубокими и обширными были эти знания, говорит следующий пример: в 1822 г., поступая на службу переводчиком в министерство иностранных дел в Петербурге, О. И. Сенковский должен был держать специальный экзамен по арабскому языку. Экзаменовал его крупнейший арабист акад. Х. Д. Френ, который нашел его знания классического арабского языка превосходными, а знание разговорного, народного арабского — не имеющим себе равных среди известных ему ученых, не исключая и самого экзаменатора.

Для одних он прежде всего был писателем, «бароном Брамбеусом» или «турецким критиком Тютюнджи-оглу», для других — журналистом и публицистом, профессором восточных языков Петербургского университета, переводчиком произведений арабской, персидско-таджикской, староузбекской, турецкой и многих других литератур, автором ряда научных работ на французском, латинском, русском, польском, арабском, персидском и других языках. Но главное, что отличало О. И. Сенковского, — он был последним, завершающим, в плеяде русских просветителей периода крепостничества.

Чтобы охарактеризовать творческую деятельность Сенковского, недостаточно было «собрать все, когда-нибудь написанное ученым ориенталистом, филологом, археологом, естествоиспытателем, критиком, журналистом и повествователем Брамбеусом-Сенковским, который соединял в себе самый основательный специализм со всеобъемлющим энциклопедизмом», — писал о нем его ученик, извест-

ный востоковед П. Савельев, — «лекции его не ограничивались языком и литературой, а были живою энциклопедиею науки о Востоке».

О. И. Сенковский связывал лингвистику с наукой о звуке (акустикой и музыкой). Это побудило его к усердным занятиям теорией музыки и экспериментам.

Даже новейших исследователей поражает «феноменальная активность Сенковского в русской литературе, его организационный гений», эрудиция, блестящие интеллектуальные способности. Современные О. И. Сенковскому ученые-востоковеды — Х. Д. Френ, Сильвестр де Саси, М. Летрон, К. Риттер, Г.-Ю. Клапрот, Я. Берггрэн и другие — высоко ценили его труды.

Научный мир признал Сенковского, когда ученому не было еще и 30 лет, — случай даже в те времена редкий. «Почести сыпались на него. Виленский и Краковский университеты, ученые общества Франции, Англии и Ирландии приглашали его в число своих членов. Иностранные ученые журналы отдавали полную справедливость отличному ориенталисту, который из своих путешествий вывез множество блестящих соображений, бросивших совершенно новый свет на самые запутанные вопросы», — вспоминала позднее его жена А. А. Сенковская.

В возрасте 23 лет Сенковский был избран действительным членом Общества любителей наук в Варшаве (1823 г.), затем — Ученого общества при Краковском университете (1826 г. В этом же году Краковский университет поднес ему диплом на звание доктора философии), Азиатского общества в Лондоне (1827 г.), членом-корреспондентом Санкт-Петербургской Академии наук (1828 г.). Впоследствии он явился обладателем диплома на звание члена общества Северных антиквариев в Копенгагене за популяризацию в России знаний о скандинавских сагах.

Кипучая литературная и издательская деятельность и педагогическая деятельность в Петербургском университете, где он читал лекции и проводил занятия по арабскому языку начиная с 1822 г., не исчерпывали разнообразия интересов О. И. Сенковского, который в дополнение к знанию всех основных языков Ближнего Востока самостоятельно изучил монгольский, маньчжурский, китайский и тибетский языки, а также исландский и др. Староузбекский язык он изучил также самостоятельно и в самую горячую пору критической полемики со своими литературными противниками перевел записки уроженца Средней Азии великого индийского шаха Бабуря.

С Востока О. И. Сенковский привез коллекцию рукописей и других древностей, которые сыграли выдающуюся роль в развитии русского востоковедения. В 1821 г. он даже собирался перевезти

в Россию знаменитый дендерский зодиах, древнее изваяние на камне, вделанное в потолок дендерского храма, но этому помешал разрыв отношений России с Портою.

Именно О. И. Сенковский, представивший Николаю I специальную докладную записку, побудил русское правительство вывезти из Ардебилля ценные персидские и арабские рукописи, составившие позднее гордость собрания восточных манускриптов Петербурга.

Во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. он составил двухтомный русско-турецкий разговорник с грамматикой турецкого языка — пособие для русских воинов.

Востоковед Я. Бергрен, спутник О. И. Сенковского в его путешествии по Сирии и Египту, специально приезжал в Петербург, чтобы уговорить Сенковского составить и издать словарь арабского языка. Словарь был подготовлен, получил блестящий отзыв Х. Д. Френа, но из-за отсутствия средств издать его не удалось.

В 1824 г. Сенковский опубликовал «Дополнение к общей истории гуннов, тюрков и монголов, содержащее краткое изложение истории господства узбеков в великой Бухаре со времени их поселения в этой стране до 1709 г. и продолжение истории Хорезма со времени смерти Абу-ль-Гази-хана до той же эпохи», впервые вводившее в научный оборот важнейшие источники по истории Узбекистана и Таджикистана. Предисловие к этой книге Сенковский написал на персидском и французском языках, а староузбекские стихи Юсуфа Мунши, включенные в нее, сам перевел стихами на арабский и турецкий языки. Крупнейший французский востоковед Сильвестр де Саси в своей рецензии на эту книгу назвал ее блестящим явлением в ориенталистике.

О. И. Сенковский создал небольшую школу русских арабистов, приступивших под руководством своего профессора к изданию на русском языке любимых его арабских поэтов и философов: Лабида, Абу-ль-Ала и др.

В 1876 г. на III Международном съезде ориенталистов в Петербурге историк Н. И. Веселовский сказал: «Не иностранцы привили у нас изучение Востока, и если изучение это пустило наконец глубокие корни, то тем обязаны мы прежде всего Сенковскому в Петербурге и Казембеку в Казани, которые дали целый ряд замечательных ориенталистов из своих учеников».

Уже в советское время известный арабист и эфиопист акад. И. Ю. Крачковский, говоря о месте и значении Сенковского в истории русской арабистики, писал: «В арабистике капитальных трудов Сенковский не оставил, но все же его наследие заслуживает внимания и теперь, как заслуживает оно и специального исследования арабистов. Основной результат его деятельности сказался, главным образом, в усилении „ориентализма“ в русской литературе, с боль-

шей долей талантливости и с большим размахом, чем в школе Болдырева».

В 1830—1833 гг., находясь в самом расцвете творческих сил, О. И. Сенковский прекращает научную деятельность и отдает свои силы беллетристике и журналистике. Он издает «Библиотеку для чтения» — журнал, сыгравший значительную роль в культурной жизни России. В нашу задачу не входит описание или анализ литературной деятельности О. И. Сенковского, которая вызывала крайне противоречивые оценки как современников, так и новейших исследователей. Приняв участие в борьбе литературных и университетских партий, О. И. Сенковский нередко оказывался на стороне реакционных и бездарных литераторов и против Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Нарезжнего. Для нас важно лишь отметить просветительную сторону его литературного творчества. Известный советский писатель и историк литературы В. А. Каверин в книге «Барон Брамбеус» писал: «С помощью „Библиотеки для чтения“ Сенковский ввел в интеллектуальный обиход русского общества научные вопросы, которые были достоянием крайне узкого круга специалистов, и сделал это широко, талантливо, умело. Следует признать, что он был «классиком популяризации», причем это относится не только к востоковедению, но к археологии, физике, истории и главным образом естествознанию... Его оригинальная художественная проза была основана на глубоком изучении этнографии Востока».

За четверть века работы в «Библиотеке для чтения», особенно в течение четырнадцатилетнего периода 1834—1848 гг., О. И. Сенковский написал и опубликовал здесь великое множество различных статей, обзоров, заметок, не считая беллетристических произведений. Среди них мы находим 164 статьи по истории, этнографии, культуре, религиям, политическому строю и общественным отношениям стран и народов Африки; перевод на русский язык древнеегипетского папируса, содержащего сведения о политическом устройстве, экономике и истории древнего Египта; записки путешественников по Африке и просто сообщения об их путешествиях; рецензии на книги, посвященные истории, искусству стран и народов Африки; заметки и статьи об отдельных народах и истории исследования континента; краткую хронику текущих событий. Например, в 1836 г. в т. XV «Библиотеки для чтения», в отделе «Разные известия», мы находим сообщение об англо-ашантийской войне рядом с объявлением об ожидающемся выходе в свет первого выпуска пушкинского «Современника».

Симпатии автора этих статей несомненно на стороне африканских народов, о которых он говорит с глубоким уважением; в статьях о работорговле О. И. Сенковский клеймит этот варвар-

ский институт раннекапиталистической цивилизации с позиций широкого гуманизма.

О. И. Сенковский не только издавал «Библиотеку для чтения», но и являлся главным редактором отдела Востока в «Энциклопедическом лексиконе», а начиная с подготовки к изданию двенадцатого тома, стал во главе общей редакции. Он же написал программу лексикона и множество статей об истории и культуре Азии и Африки, среди них исторические очерки «Аббасиды», «Аглабиды» и другие, статьи «Восточные языки», «Анубис», «Аменофис» и многие десятки других.

* * *

Осип Иванович (Юзеф-Юлиан) Сенковский родился в 1800 г. в Белоруссии, в имении отца, богатого и знатного польского дворянина. Семья Сенковских была в родстве с немецкими, французскими, итальянскими и литовскими семьями; имел Сенковский и белорусских предков (по материнской линии). Он рос в атмосфере разнообразных культурных традиций Западной и Восточной Европы XVIII в. и еще в детстве овладел несколькими языками, прежде всего основными европейскими.

Первым учителем Юзефа-Юлиана была его мать, весьма образованная женщина, затем его дядя, видный эллинист, профессор латинского и греческого языков Виленского университета Готфрид Гроддек. Это ему Сенковский был обязан глубоким знанием классических литератур, широтой своих научных интересов и особой любовью к древней греческой литературе. Среднее образование Юзеф-Юлиан получил в Минском коллегиуме, а высшее — в Виленском университете, где он слушал лекции Гроддека и крупнейших польских ученых: историка и филолога Иоакима Лелевеля и натуралиста и физиолога Анджея Снядецкого.

Снядецкий, один из самых блестящих умов университета, был в то время главой «Общества бродяг» («Towarzystwa szubrawców»), многими чертами напоминавшего русский «Арзамас» и подобные — литературные и научные — кружки той эпохи, где серьезные беседы сочетались с шутовскими действиями и едким высмеиванием важности и консервативности противников.

Вместе с тем «шубравцы» ставили целью просвещение и национальное возрождение Польши; из их рядов вышли немало видных участников польского революционного движения и восстания 1830—1831 гг. В частности, И. Лелевель, в 1831 г. ставший членом революционного правительства Польши.

А. Снядецкий оказал огромное влияние на формирование мировоззрения О. И. Сенковского. Под его руководством юный сту-

дент не только изучал естественные и точные науки, но и написал свои первые сатирические произведения. Однако уже в это время, недостигший еще и двадцати лет, он обнаружил феноменальные лингвистические способности и индивидуальную склонность, самостоятельно изучив новогреческий, турецкий, арабский * языки, иврит; очевидно, к виленскому периоду относится и его знакомство с литовским языком. По мнению старых и новых исследователей, уже в этот период О. И. Сенковский сформировался как личность творческая.

В 1819 г., девятнадцатилетним юношей окончив университет, О. И. Сенковский решает посвятить себя изучению Востока и отправляется в путешествие для продолжения образования на месте. Виленский университет согласился откомандировать своего выпускника в пределы Османской империи.

Конечным пунктом путешествия был объявлен Стамбул, а его целью следующее: усовершенствоваться в языках арабском, персидском и турецком; отыскать и списать акты и материалы по истории вообще и в особенности истории польской; собрать материалы, которые могли бы послужить со временем к составлению подробной истории восточных народов; приготовить с помощью польских филологов новое издание турецкой грамматики и турецко-польского словаря; ознакомиться вообще с турецкой литературой и с состоянием наук у этого народа; собрать факты, которые могли бы пополнить и исправить сочинение Доссона «Tableau de l'Empire Ottoman». Кроме того, друзья О. И. Сенковского по университету надеялись, что он не только будет изучать историю турецко-польских отношений, но и не исключено, что поможет польским патриотам восстановить культурные связи двух стран.

Частью необходимых для путешествия средств снабдила Сенковского мать, остальные были собраны по подписке.

Впрочем, всех этих средств вряд ли хватило бы для столь продолжительного путешествия, если бы российский посланник при Оттоманской Порте в Константинополе Г. А. Строганов не обратил бы своего внимания на молодого талантливое ориенталиста, знания которого могли принести пользу России, и не предложил бы ему службы при Константинопольской миссии. Сенковский был представлен государственному канцлеру Румянцеву. Согласно положению Комитета министров и за успехи в науке Румянцев распорядился выдать Сенковскому 600 рублей серебром из средств Виленского университета. Молодой ученый получил назначение в Стамбул, где, причисленный к русской дипломатической миссии,

---

* Уже в 1818 г. Сенковский переводит с арабского языка на польский и издает «Басни Локмана».

совершенствовался в турецком и новогреческом языках и, сверх того, изучал персидский. К этому времени относятся его переводы восточных классиков на польский язык; позднее он выполнит переводы и на русский.

В столице Турции Сенковский копирует тексты турецко-польских договоров и другие документы, касающиеся истории Польши; позднее они составили двухтомное издание «Collectanea», вызвавшее настоящую сенсацию в польском ученом и литературном мире.

Пособие, полученное от Румянцева, позволило молодому ученому продлить свое путешествие. Из Стамбула Сенковский в том же, 1820 г. отправляется на юг. Он посещает островную Грецию и Ливан, где на шесть-семь месяцев поселяется в маронитском монастыре Айн-Тур и под руководством видного ливанского ученого Антуна Арыды изучает сирийский и классический арабский языки*, а также быстро овладевает местным диалектом. В ноябре 1820 г. Сенковский покинул Ливан и морем прибыл в Египет — сначала в Александрию, затем в Каир, — где продолжал совершенствоваться в арабском языке и выучил коптский.

В феврале 1821 г., наняв слугу-мальтийца Насра-Игнацио Портели и переодевшись в турецкое платье, молодой востоковед отправляется в путешествие вверх по Нилу. Он посещает Долину пирамид, где проводит три дня, осматривая пирамиды и Сфинкса и собирая арабские предания о них, затем города Верхнего Египта и Нубию.

До сих пор поездка О. И. Сенковского на Восток имела целью знакомство с изучаемыми странами и совершенствование в языках. Путешествие вверх по Нилу продолжает эту поездку страноведателя-туриста. Однако на земле еще малоизвестной Нубии она приобретает черты исследовательского путешествия. О. И. Сенковский ведет дневник, где описывает селения, древние храмы и церкви, которые он посетил, первым копирует греческую надпись нубийского правителя VI в. по имени Силко, делает этнографические заметки. Трудно сказать, как далеко на юг удалось ему проникнуть. Подлинные дневники О. И. Сенковского не сохранились, но, судя по опубликованным материалам, крайним южным пунктом его путешествия была область Дар-Махас в Северном Судане. Отрывки из путевых дневников О. И. Сенковский опубликовал почти одновременно на французском и русском, причем русский вариант отредактировал и опубликовал в 1822 г. А. А. Бестужев-Марлинский в своем журнале «Полярная звезда». В научных кругах записки

---

* Успехи Сенковского в этих языках были так велики, что Антун Арыда предложил ему занять его место в монастырской школе.

молодого путешественника сразу же получили высокую оценку; сильное впечатление произвели они и на читателей. Ниже мы приводим отрывки из этого произведения.

Позднее О. И. Сенковский намеревался издать свое «Полное путешествие по Востоку», но рукопись, уже подготовленная к печати, а также все дневники и письма, послужившие для нее материалом, погибли. Несомненно, это была серьезная потеря и для науки, и для художественной литературы. Воспоминания о поездке на Восток отчасти отразились в «восточных повестях» барона Брамбеуса. В частности, приводимый в настоящей книге отрывок из «нубийской» повести «Эбсамбул» (от названия Абу-Симбел — городка в Нубии) очень характерен в этом отношении: глубокая и разносторонняя эрудиция, личные впечатления путешественника, незаурядный талант рассказчика и просветительское призвание О. И. Сенковского выступают здесь во всей отчетливости и неповторимости.

Тексты воспроизводятся по изданию: [О. И. Сенковский], Собрание сочинений Сенковского (барона Брамбеуса), т. 1, СПб., 1858; т. 7, СПб., 1859.

<...> Почва земли в Египте черноватого цвета. Поля, способные для обрабатывания, заключаются в долине, окруженной горами, отделяющими ее от пустыни, и пересекаемой рекою Нилом. Всю эту страну можно назвать руслом этой великой реки, которая во время отлива уступает место земледелию, а через несколько месяцев снова наводняет все пространство долины. На полях ячмень уже колосился, пшеница была вышиною в фут, и лен в цвете. Начинали сажать огурцы и бамье: это растение походит на турецкие бобы и в большом количестве употребляется в Египте. Бамье и огурцы сажают обыкновенно рядом, делая вокруг ряд забор из пальмовых ветвей и тростника, воткнутых в землю и наклоненных к югу для защиты от северного ветра. Арабы ежегодно оставляют одну часть своих полей под паром; половину их засевают дягилом, а другая служит выгоном для скота. Они однажды только взрывают землю самыми острыми плугами и в то же время начинают сеять, предоставляя благотворному климату и плодородной земле довершить их труд.

Продолжая путь свой по узкой тропинке между по-

лями, приблизились мы к каналу, служащему для их орошения и в это время наполненному еще водою. Двое арабов, работавших на другой стороне канала, оставили свои плуги и согласились перенести нас на плечах. Они перешли вброд через грязный канал шириною около 25 футов, сбросили свои широкие шерстяные покрывала, составляющие всю их одежду, которою они окутываются с большим искусством, стали на колени и, сложив накрест руки, подняли нас на плечах своих и перенесли одного за другим на противоположный берег, идя в воде по самую грудь. Носилки наши, которые были тяжелее нас, стоили им большего труда. Они просили за свою работу по одному пиастру; мы дали им четыре. Эта щедрость привела их в восхищение: они целовали деньги, осыпая нас благословениями. Нельзя не тронуться подобным зрелищем: малейший подарок делает этих бедняков счастливыми! Доставить удовольствие двум ближним и чувствовать это — весьма приятно! Подобные приключения часто случаются в путешествиях, и для людей чувствительных служат истинным училищем сердца человеческого.

Мы прошли мимо селения, оставленного жителями, вообразившими, что в нем поселился злой дух. Двое арабов следовали за нами. Лишь только заметили нас другие арабы, которые работали на полях или пасли стада, то кинулись к нам, оставив свои работы. С каждою минутою умножалось число наших спутников. Надобно было видеть в них борьбу страстей, приводимых в движение корыстолюбием! Нас останавливали почти на каждом шагу; многие из них навязывались служить нам, отгоняя прочих. Вскоре достигли мы до песков, которые по временам наносятся ветром из пустынь и покрыли уже часть долины при подошве возвышения, на котором стоят две большие пирамиды Хеопса и Хефрена. Не обращая внимания на споры наших арабов, мы поспешили насладиться величественным видом сих памятников.

Хотя две эти пирамиды и вблизи поражают взгляд, но издали кажутся они гораздо огромнее. Мы спешили взойти на верх большой пирамиды Хеопса, чтобы насладиться оттуда обширным видом, какой открывается на ровной земле с возвышения 800 футов. В самом деле, вид этот чрезвычайно живописен! По узкой полосе земли, покрытой прекрасною зеленью, величественно проте-

кает Нил; в разных местах прокопана она каналами: везде рассеяны селения числом от сорока до шестидесяти, окруженные прекрасными рошицами, и наконец представляются взорам новый и старый Каир, Джизе и их великолепные здания, расписанные яркими и живыми красками. Все это являет разнообразную картину страны прекрасной, изобильной и многолюдной, составляя разительную противоположность с песчаными и бесплодными степями, ее окружающими.

Путешествие в Нубию и верхнюю Эфиопию

3 апреля 1821 [года] отплыли мы, при довольно сильном северном ветре, от острова Филе. В отдалении вид становится чрезвычайно прелестным: великолепные моли*, величественные и прозрачные колоннады, множество храмов, возвышающийся на острове обелиск и зелень пальм, проглядывающих между этими зданиями,— все это, сливаясь вместе, по мере нашего удаления от Сиэнских порогов представляло взорам разнovidные группы.

Черные гранитные скалы, возносящиеся из-за острова, поднимающиеся из вод или в беспорядке рассеянные по берегам Нила, составляли темное и пасмурное поле этой картины, на коей прекрасно отсвечивались желтоватые здания острова. Место это — самое живописное и даже единственное в целом Египте и Нубии; оно одно может усладить зрение путешественника. Но далее, во внутренности страны, гранитные скалы и горы плитного камня примыкают к реке так близко, что землепашество производится только на скате берегов. Узкая полоса земли по обеим сторонам украшена малыми кущами пальмовых деревьев, не столь высоких и величавых, как в Египте. В других местах весь берег завален обломками гранита. И если бы растущие кое-где пальмы не свидетельствовали о существовании людей в сей стране, то ее можно было почесть совершенною пустынею. Между грудями камней скрываются жилища: рассеянные в беспорядке малые хижины, слепленные из облом-

---

* Моль — здание, подобное пирамиде, но с усеченной вершиной. Вокруг храмов строили обыкновенно по несколько молей; между двумя из них сооружались ворота.

ков плиты, имеющие не более пяти футов в высоту и девяти в ширину и одного цвета с горами, на которых они построены, они даже вблизи едва от них отличаются. В Нубии деревни не имеют особенных названий; но вся страна состоит из долин (уади), простирающихся по берегам Нила и имеющих особенные наименования. На них возвышаются два каменные вала, то стесняющие реку в самых ее отлогостях, то отдаляясь от нее на несколько сот шагов, образующие поля, удобные для земледелия. Восточная стена называется нашими географами Аравийскою цепью, а западная — Ливийскою. За этими цепями простираются необъятные пустыни, покрытые желтоватым песком. Ветры, беспрестанно подымая песок, переносят его через хребет этих валов, которыми природа заслоняет течение Нила, и часто засыпают возделанную землю до самых берегов и превращают ее в дикую пустыню.

В Уади Шелляль и Уади-Добод, до самого Дехлита, говорят языком, совершенно отличным от арабского, который начинается от самого почти Джебель-Сильсили, по ту сторону порогов. Язык этот употребляется в Асуане и на островах Элефантине и Филе. Сиэнские пороги на местном языке называются Шелляль, а жители, им говорящие, шеллялие. От Дехлита до других порогов и далее, даже до границы Дарфура и Донголы, природный язык, различный от языка шеллялии, называется нуба; жители же называются берберами или барабра: это выражение употребляется шеллялийцами в оскорбительном смысле. Нубийский язык непротивен даже непривычному слуху, не имеет гортанных и твердых звуков, но изобилует звуками носовыми, свойственными многим африканским наречиям; большая часть слов оканчивается на -онго и -инго; оба языка, нубийский и шеллялии, наполнены множеством арабских выражений.

Шеллялийцы не совсем черного цвета, но чрезвычайно смуглы. Они весьма тонки и худощавы, но притом крепкого сложения, злы, вспыльчивы, быстры и пылки в разговорах и уподобляются некоторым образом шумящим своим порогам. В Уади-Добод, по ту сторону Нила, находится небольшое капище, имеющее не более 75 футов длины, но очень хорошо сохранившееся. Пред ним построены в одну линию три моли, служившие некогда воротами для стольких же оград, окружавших, без сомнения, капище. Ныне остались следы только

второй ограды. Сей храм кроме преддверия заключает в себе семь комнат или отделений, из коих только средние украшены изваяниями. Кажется, что храм этот был посвящен богине Изиде, и близость его от Филе удостоверяет, что в сем месте находилась древняя Паремболе, лежавшая в 16 тысячах шагах от Сиэны...

<...>

В Уади Дехлит и Картасы, в девяти часах расстояния от Филе, цепи скал, идущие по обеим сторонам реки, становятся плоскими и низкими, жилища весьма редки и в столь же жалком состоянии, как и произрастения. В Уади-Тафа, древнем Тафисе, скалы начинают уже возвышаться и, постепенно отдаляясь от берегов, вдруг поворачиваются обратно к Нилу и примыкают полукругом к самому его руслу. На сем-то пространстве построен был древний Тафис, от коего остались только два небольшие храма. Здесь находится первая деревня в Нубии, состоящая из нескольких десятков хижин. Скалы противоположных берегов Нила так стесняют реку в этом месте, что она имеет в ширину не более 30 шагов, и этот узкий проход продолжается на полторы мили. Дно реки усеяно гранитными скалами, которые, выходя на поверхность воды, образуют множество утесистых островов. Один из них, отличающийся своею величиною, называется Дармус. Он заключает в себе развалины древней деревни или, может быть, крепостцы, построенной из несжженного кирпича и имеющей довольно высокие и толстые стены. В Нубии находится множество подобных развалин; жители называют их Эбиет эль-Куфера, «строениями неверных». Против Дармуса, на восточном берегу материка, видны также развалины. Это место имеет вид дикий, но весьма живописный и с первого взгляда походит на Сиэнские пороги с тою разницею, что здесь между возвышающимися над поверхностью воды скалами суда свободно проходят. Этот узкий перешеек называется Баб эль-Келявши, т. е. «воротами долины Келявши», которая отсюда начинается. За ним берега принимают прежний вид. Полоса земли шириною от десяти до двадцати шагов, продолжающаяся по обеим сторонам реки, засеяна ячменем, который во многих местах уже был убран с полей (в апреле), и особенным родом пшена, называемого дурр. Скаты берегов усажены растением, называемым турмус (волчий боб), и фасолями, лубие.

В Уади-Келявши находится великолепный храм, пред которым возвышаются две огромные моли, ведущие на обширный, окруженный колоннадою двор, в конце которого устроен великолепный придел, составленный из двенадцати огромных колонн. Храм имеет три большие комнаты, украшенные изваяниями.

Келявши, древний Тальмис, почитается одною из самых живописных развалин, и, без сомнения, одна только может равняться с величественными развалинами Фив. Огромные массы камней из обрушившихся сводов, опрокинутые колонны, редкой работы капители, по которым едва можно пробраться, на первом дворе разбросаны кучами в живописном беспорядке. Этот вид производит необыкновенное впечатление на путешественника. Несколько колонн, величественно возвышающихся из середины развалин, великолепно украшают их и напоминают шесть главных колонн Бальбека (Гелиополя). Взирая на огромные обломки камней, из коих построен был этот храм, должно полагать, что он разрушился от собственной своей тяжести. В приделе живопись повреждена во многих местах, но сохранила краски во всем их блеске; лица богов — голубого, жрецов — красного, а женщин — желтого цвета. В начальные времена христианства храм сей превращен был в христианскую церковь, и тогда все изваяния покрыты были штукатуркою и расписаны изображениями святых. До сих пор голова св. Иоанна видна на последней стене храма, возвышающейся в середине строения. Множество греческих надписей, начертанных набожными путешественниками во время Нерона и Адриана, удостоверяют, что храм посвящен был Солнцу, называемому в одних надписях Мандули, а в других — Сераписом, и, кажется, построен в царствование Птолемея. Достояна примечания довольно длинная надпись, начертанная каким-то Силько, именующим себя царьком (*βασιλισχος*) всей Эфиопии. Он исчисляет свои военные походы и объявляет нубийцам, что если они еще вздумают бунтовать против него, то он придет разрушить их храмы и жилища, истребить мужей, а жен и детей увлечет в тяжкую неволю.

В Келявши находится также другой храм, иссеченный в скале, разделенный на две половины и не заключающий в себе ничего достойного примечания. В отверстии, ведущем к дверям храма, некогда украшенным

колоннадою, находится изваяние, изображающее необыкновенной величины воина на триумфальной колеснице, берущего приступом крепость. Народ изображен в малом виде, и пастухи уходят в леса или взлзают на скалы. В другом месте видны пленники со связанными сзади руками, которым рубят головы; далее изображены священные обряды, жертвоприношения и проч. Подобные предметы часто встречаются в египетских храмах.

За Уади-Келявши снова начинается перешеек, подобный выше описанному и называемый Баб Абу-Хор, то есть, «ворота долины Абухор», в которой мы провели ночь под открытым небом. Здесь находится набережная, построенная из камня и удостоверяющая, что в этом месте некогда существовал храм или значительное селение. Теперь здесь довольно большая деревня, осененная пальмами и построенная на песке, нанесенном ветром из степей, от чего эта часть берега сделалась совершенно бесплодною. Плоская цепь скал Ливийских отдалена на четверть мили от берега. Посреди этой песчаной долины видно несколько зеленеющих полос, покрытых засевами и орошаемых нильскою водою посредством персидского колеса*. Подобные полосы земли (оазисы) находятся при многих нубийских деревнях, ибо большая часть земли засыпана песком до самого Нила. Несколько выше Абухора всю Нубию составляет зеленеющая и возделанная отлогость берега Нила, к которому горы примыкают в весьма близком расстоянии, образуя утесистую ограду вышиною почти в 60 футов. Хребет их ровный, плоский и только в некоторых местах представляет ущелья.

Деревьев здесь весьма мало; изредка встречаются несколько акаций и малые кущи пальм. Кажется, что природа в этой местности изобразила бедность самыми разительными чертами: бесплодный камень, вода и узкая полоса земли с обеих сторон возвещают человеку, что он не может иметь здесь ничего, кроме предметов самых необходимых к продолжению жизни, и не должен помышлять о богатстве и роскоши.

В Уади-Дансур находится малый храм, довольно хорошо сохранившийся, а в расстоянии восьми часов пути

---

* Известное на Востоке орудие для орошения земли.

от Келявши большая деревня Гирше, обитаемая бербе-рами. Кажется, что здесь некогда был древний Тутцис, находившийся в двадцати тысячах шагах от Тальмиса или Келявши. По свидетельству дорожника Антонина, цель Ливийских скал отдалена в этом месте на полмили от берегов Нила, и в скале высечен храм, один из крупнейших и любопытнейших во всем Египте и в Нубии. Вход в храм, также высеченный в скале, некогда украшен был колоннадою, пристроенною из плитного камня. К скале примыкают восемь колоссальных истуканов в 12 футов вышины. Придел до такой степени разрушен, что можно различить только два истукана. Большие двери ведут в первую залу, украшенную двумя рядами огромных пилястров, к которым прислонены шесть колоссальных истуканов, изображающих древние египетские божества со сложенными накрест руками, держащие в одной крюк, а в другой бич — обыкновенные эмблемы Озириса. Истуканы эти, поставленные на высоких пьедесталах, имеют 21 фут в высоту. Вид их занимателен для наблюдателя; но по причине ли младенчества, в котором тогда находилось искусство, или может быть преднамеренно, истуканы эти скорее похожи на колоссальных карлов, нежели на великанов. В стенах, равно как и в приделе, поделаны впадины, вмещающие в себе по три различные идола высотой в пять футов, держащие друг друга под руки. Кроме этой обширной залы находятся в храме еще семь комнат разной величины; последняя вмещает в себе четыре истукана в человеческий рост; они представлены сидящими, но весьма повреждены. В приделе на самой середине сооружен жертвенник; там, может быть, приносили в жертву людей. Вообще, сей огромный храм поврежден во всех частях, и между всеми египетскими храмами имеет он самое большое число истуканов. Барельефы в нем гораздо хуже отделаны, нежели в других капищах, и даже самый камень, образующий скалы, состоит из мягкого и ломкого известкового вещества; от этого, кажется, происходит господствующий во внутренности храма пронзительный холод. Против Гирше, на другой стороне Нила, на отлогости горы, видны огромные развалины из несжженного кирпича. Доселе сохранились толстые стены, окружавшие некогда город, без сомнения многолюдный и укрепленный. Должно полагать, что это остатки древнего Тутциса, к которому

принадлежал храм, иссеченный в скале. Природные жители называют эти развалины Семагура.

Мы приближались к Коштамбе, когда от неловкости наших матросов сломилась фок-мачта, а сильный северный ветер изорвал парус в куски; в три часа пополудни остановились мы у берега и употребили остаток дня на починку судна. Здесь находятся двери небольшого строения, составленные из трех камней; боковые имеют в высоту пять футов; на поперечном иссечена обыкновенная эмблема вечности — крылатый шар. Множество обломков, покрытых песком, свидетельствуют, что это место находилось некогда в цветущем состоянии.

Цепь Ливийских скал отдалена здесь от берегов на довольно большое расстояние; но до самого Нила все пространство засыпано песком. Вдали виден островок возделанной земли, как в Абухоре отлогость берега; полоса обработанной земли и несколько сот пальмовых деревьев доставляют жителям деревни пропитание. <...> Здесь некогда было многолюдное селение, ибо в Нубии местоположение городов не может переменяться; там, где скалы удаляются на большое расстояние от берегов, находились самые многолюдные селения; остатки храмов и следы их удостоверяют в этом мнении.

Коштамбе — довольно обширная деревня; она имеет около 120 душ жителей. Дома, или землянки, нубийцев столь низки, что в них нельзя иначе поместиться, как сидя. Мужчины и женщины, вообще не весьма пригожие, проводят весь день на открытом воздухе, под слабую тенью пальм и акаций, отдыхая или перебирая шерсть и очищая ячмень и дур, и только ночью бывают в своих домах. Малые круглые землянки окружают их жилища: в них держат кур, голубей и сберегают малое количество хлеба. Все их имущество составляют две или три коровы и пара волов, несколько коз или овец, которые иногда проводят ночи вместе с своими хозяевами. Достаточные люди имеют иногда осла или верблюда. Ночи весьма холодны в сравнении с дневным зноем, хотя в апреле барометр Реомюра не показывал никогда менее 10 градусов, но в полуденные жары на солнце и без ветра доходил до 42 градусов, а при сильном северном ветре — до 35. Достаточные нубийцы носят по утрам белые или голубые рубашки, покупаемые ими в Ассуане; накинута на плечи шерстяная шаль довершает их скромную одежду. Дети мужского

пола до двенадцати лет ходят совершенно нагие, и это примечается даже в древней египетской живописи. Всю одежду девушек составляет пояс из кожаной густой бахромы шириною в пять дюймов, называемый по-арабски раха или херраз, а по-нубийски бейие. Но пяти- и шестилетние девочки не терпят на себе и этой тяжести. Дочери богатых родителей отличаются от бедных тем только, что бахрома их украшается бубенчиками и мелкими раковинами, покупаемыми за финики у бедуинов бешарие, кочующих между Нубийским Нилом и Чермным морем. Молодые люди и все вообще мужчины ходят нагие и носят только передники из белого полотна, связываемые шнурком на спине. Стройный их стан украшается иногда шерстяною шалью, искусно наброшенною на плеча и противоположную черному цвету их кожи. Черты лица нубийцев довольно правильны; они весьма отличаются от поколения негров, хотя многие из них похожи на обезьян. Среди народа, не употребляющего одежду, люди получают новые понятия о красоте человеческого тела. Чувство это сохраняют в себе жители тех стран, в коих умеренность климата позволяет освобождать себя от бесполезных и странных тягостей, в которые мы кутаемся. Нубиец принимает без всякого намерения во всех своих движениях и положениях тела вид величавости и благородства самой природы, которых и лучшие наши художники едва могут постигнуть. Белая полотняная шапочка, называемая в Египте такие, покрывает голову; но нубийцы носят большей частью длинные, кудрявые волосы наподобие широко расчесанного парика, а на середине головы свивают волосы в тонкие косы, ниспадающие на обе стороны. Они употребляют для этого весьма липкую помаду, делаемую из некоторого рода черной и весьма жирной земли, которую растирают с маслом. От этой мази, согреваемой солнечными лучами на их головах, исходит от них весьма тяжелый запах. Плетушки у женщин делаются гораздо длиннее и висят в виде бахромы по обеим сторонам лица. Замужние женщины одеваются точно так, как в Египте: они обертываются длинным куском суконной материи с левого плеча под правую мышку и, пристегнув на левом плече, потом в другой раз проводят под правое и закидывают сзади на голову, защищая ее таким образом от солнечного зноя; иногда употребляется это сукно и вместо

покрывала. Сей род одежды походит на древнюю римскую тогу, весьма живописен и придает женщинам гораздо более благородства, нежели наши узкие платья, которые, сжимая члены, образуют красоту не природную, но нами вымышленную. Суконная материя обыкновенно бывает темно-коричневого цвета. Нищета, покрытая лохмотьями сей одежды, принимает в ней вид гораздо ужаснее обыкновенного.

Все нубийцы, а особенно женщины и дети, носят ниже левого плеча кожаные мешочки с талисманами, покупаемые ими у святошей. Предметы роскоши у обоюго пола весьма ограничены. Женщины носят на руках, а иногда и на ногах браслеты из голубого стекла, медную серьгу с несколькими стеклышками в носу и стеклянные же бусы на шее. Вот в чем заключается все излишество нубийских женщин. Та из них почитает себя счастливою, которая к этому наряду может прибавить два кольца в ноздрях и в ушах две большие медные серьги. Столь богато наряженная женщина, выходя утром за водою к Нилу с сосудом на голове, в состоянии привести подруг своих в отчаяние от зависти. Мужчины в левом ухе носят гладкие медные кольца. Малые курительные трубки и зеленый табак, ими разводимый, служат им для кейфа*, высочайшего благополучия, какое известно ленивому жителю Востока. У старост деревень, которые называются шейх эльбелед, иногда имеется одна чашка и старый кофейник, в котором женщины готовят им кофе, получаемый в подарок от путешественников за оказанные им услуги. Тогда зовут в гости каим-мекама, т. е. солдата, управляющего деревнею от имени паши, и лучших друзей шейха, которые, нарядясь в свои рубахи, с гордым видом идут к нему на кофе.

На расстоянии двух часов пути от Коштамбе находится прекрасный храм древнего селения Псельдис, ныне называемого Дакке. Это истинно прекрасное здание, которое можно назвать нубийским Тентирисом, посвящено было Тоуту, Меркурию древних египтян, как объясняют многочисленные надписи на молях. Барелье-

---

* Путешественники, бывшие на Востоке, знают, сколь многосложное значение имеет выражение «кейфа». Отогнав прочь все заботы и помышления, развалившись небрежно, пить кофе и курить табак называется «делать кейф». В переводе это можно бы назвать «наслаждаться успокоением».

фы столь же прекрасны, как в Дендере, но как в архитектуре, так и в украшениях храма примечаются три различные эпохи его построения. Должно полагать, что сначала был воздвигнут один только придел, к которому остальные части пристроены после. Две высокие моли, со внутренней стороны даже не выполированные, содержат в себе множество малых комнат, которые, вероятно, определены были для жилища жрецам. После жили в них набожные монахи, начертавшие в этих сокровенных убежищах знамение святого креста, драгоценный залог их надежд, облегчавший их тяжкие страдания. Храм сей был некогда христианскою церковью, что доказывает штукатурка, покрывающая прежние баснословные изображения. Каменная стена вышиною в четыре фута окружает все здание.

Выше Дакке, на правом берегу Нила, находятся развалины прежнего селения. Стены из несжеженного кирпича довольно толсты и высоки. Место это называется ныне Куббан; оно, должно быть, древняя Метаконпса. Малая нубийская деревенька с низкими хижинами лежит вблизи сих развалин. Нил, который от порогов Сиэнских до самого Коштамбе протекает почти вдоль самого меридиана, здесь поворачивает значительно к юго-западу. Уади-Корти доселе удержала древнее название Корте, равно как и развалины древнего храма, некогда украшавшего это селение. Уади-Мухаррака имеет также небольшой некрытый храм, посвященный Серапису, как явствует из надписи.

Стены во внутренности обведены колоннадою; сие строение не было окончено, и даже капители не отделаны. Отличная соразмерность колонн, вкус в изобретении и прочие обстоятельства доказывают, что храм сей воздвигнут греками. Они умели сообщить приятность угрюмой египетской архитектуре, в которой основательность означаетя тяжестью, а красота — необыкновенною величиною. Полуденная стена храма обрушилась, и это дает ему вид живописный и занимательный, особливо посреди обширной песчаной пустыни, украшенной на всем ее пространстве одною только кривою пальмою. На берегу реки находятся развалины другого строения. Кажется, что здесь долженствовал быть древний Гиеросикаминон. В некотором расстоянии построенна деревенька Бижбе. Все пространство от Филе до Мухаррака есть древняя страна Додекасхен, так назы-

вавшаяся у греков и римлян по причине ее длины. По свидетельству дорожника Антонина, Гиеросикамином находится от Филе в 80 тысячах шагах; нынешнее расстояние Уади-Мухаррака, кажется, то же самое. Ливийская схене (миля), по словам Страбона, заключала в себе 60 стадий.

В Уади-Медин-Себуа и несколько далее берега являются в другом виде. На востоке возвышаются пирамидально небольшие горы из черной плиты, примыкающие к самому скату берега. На западе лежит плоская скала, засыпанная до самого Нила желтым песком, нанесенным из пустыни. С обеих сторон продолжается зеленая полоса шириною от двух до трех шагов, на которой местами произрастают мелкие акации и высокие кусты волчца; жилищ вовсе нет. В Себуа находятся развалины более величественного, нежели красивого, храма. Два ряда гранитных сфинксов, впереди которых стоят две статуи жрецов почти в естественную величину, ведут к огромным молям, которыми укреплены большие ворота, ведущие в ограду. У ворот стояли две другие статуи вышиною в 12 футов, ныне поверженные на землю. Ограда украшена рядом пилястров, к которым прислонены обыкновенные колоссы. Храм почти весь засыпан песком, и я, снимая план его, должен был довольствоваться размером поверхностей, а остальное угадывать по законам симметрии, которую, впрочем, египтяне не слишком сохраняли.

Далее начинается Уади-эль-Араб. Вид берегов снова переменяется: горы возвышаются теперь на западном берегу, а с восточной стороны каменный берег становится совершенно плоским; однако же и на западной стороне, на известном расстоянии, встречаются невысокие холмы, покрытые желтым песком пустыни, нанесенным господствующими там северо-западными ветрами на противоположную часть цепи гор. Эти пески, равняющиеся вышиною с хребтом низших гор, перелетают через них и сыплются по восточной их отлогости, что составляет прекрасную противоположность с темным цветом гор возвышеннейших; на западной стороне ряд акаций увенчивает берег на самом углу его ската, а на восточной стороне растут мелкие пальмы и видны малые домики, сделанные из соломенных плетней, и землянки, рассеянные в разных местах. Здесь более жизни; население многочисленнее; персидские

колеса скрипят целую ночь. В этой стране видно менее крокодилов.

Ночи в Нубии прекрасны. Часто после дня, в продолжение которого сильный ветер помрачает горизонт густыми туманами и песчаными тучами, наступает великолепное захождение солнца. Яркий блеск его лучей, висящие над ним мрачные и пасмурные облака и ясное лазуревое небо представляют великолепные картины, которые, беспрестанно изменяясь, являют самые величественные красоты на краю горизонта. Солнце рассеивает в воздухе блестящие и в других местах невиданные краски; песок пустыни, кажется, пламенеет живым розовым огнем; горы кажутся возвышеннее и горделивее. Это очаровательное явление природы нередко приводило нас в восхитительное изумление. Но зачем нельзя далее наслаждаться сладостным очарованием? По заходе солнца вдруг наступает пронзительный холод и мрак; ветер утихает, тучи исчезают, небо прочищается, и горизонт, принимая новый вид, облекается новыми красотами. Как прекрасен свет луны! Как величественны сияние звезд и вид неба! Как прозрачен воздух! Кажется, небесный свод являет здесь взорам смертных самые тайные свои сокровища; на светлом щите месяца будто читаешь и узнаешь новые предметы; горящие пылким огнем небесные светила здесь, кажется, говорят страннику, что каждое из них есть особенное солнце.

Никогда не забуду одной из сих великолепных ночей, проведенных мною в Шейх-Абд-эд-даиме, где я был приятно растроган следующим происшествием. Несколько лет тому назад жил там шейх, который постами, набожностью, ворожбою и странною своею одеждою приобрел необыкновенную славу во всей окрестности. Подобные святоши почитаются в этой стране простым народом за вдохновенных и имеющих общение с небесами. После смерти они идут прямо в рай, где в награждение за страдания, ими претерпенные, получают в обладание шестьдесят великолепных чертогов; каждый вмещает в себе по 60 прекрасных и чистых дев, из которых если бы одна явилась во время ночи на небе, то озарила бы весь мир светом, равным солнечному*.

* Замечательно, что эти святоши ходят нагие в странах, где жители носят одежду; в Нубии же, напротив того, одеваются в странные одежды, сшитые из разноцветных лоскутьев сукна.

Шейх, о котором я говорю, по смерти был погребен в том же доме, где проводил жизнь свою; окрестные жители пристроили к дому навес, который устлали рогожами из пальмовых листьев, и ныне сюда собираются на молитву. Белое знамя, эмблема покойного, развевается над навесом, и глиняная лампада разливает бледный свет свой.

Плененные очаровательностью величественной ночи, мы без всякой цели блуждали по песчаному пространству (в Уади-эль-Араб), лежащему между Нилом и Ливийскою цепью, как вдруг издали заметили блеск лампы. Мы направили путь к тому месту и, прибыв, сели отдыхать на рогожах; в это время входят в шалаш два прекрасные юноши: младший, бросаясь на колени, начал молиться по восточному обычаю. Между плачем и стонами я различал выговариваемые им слова: «Отец, мать, милосердие, каим-мекам». Старший, сидя в отдалении, казалось, погружен был в глубокую задумчивость и, посмотрев несколько времени блуждающими взорами на своего брата, также начал плакать. Любопытство наше возросло до величайшей степени, тем более что юноши нас вовсе не примечали. Мы сидели в другом углу навеса, куда не проникали слабые лучи лампы. Желая узнать причину их горести, я позвал старшего, казавшегося умереннее в своей печали: внезапный звук голоса сначала встревожил их; но вскоре, приметя нас, старший привстал и, смотря на турецкое наше платье, приблизился с боязнию. Я спросил его, откуда они и что причиною их горести, и узнал, что они сыновья погребенного здесь шейха, пришли с восточного берега Нила полить водою находящийся возле дома небольшой садик, который покойник с лишком двадцать лет возделывал собственными руками и оставил им в наследство. Садик был засеян ячменем и фасолями; восемь пальмовых деревьев, насажденных на берегу реки, принадлежали к нему. Столь малое имущество едва достаточно было на прокормление их матери; невзирая на то, следовало заплатить паше 15 пиастров подати. Жестокий арнаут, каим-мекам деревни, всеми средствами побуждая мать их к уплате этой суммы, наконец посадил сыновей в тюрьму. Четырнадцать дней пребывали они в заключении, и между тем мать тщетно старалась достать денег. Суровый арнаут, не получая их, дал матери сроку еще два дня, угрожая

в противном случае отсчитать каждому из ее сыновей по сту курбачей*. По прошествии срока арнаут, не видя денег и желая доказать матери верность своего слова, исполнил свои угрозы и объявил, что если к завтрашнему дню не будет денег, то он велит им дать еще по 80 палочных ударов по пятам — число, обыкновенно употребляемое на Востоке. Чувствительная мать не в состоянии была перенести мучений, претерпеваемых ее детьми. Слезами, просьбами и предстательством шейха деревни склонила она немилосердного турка вместо детей заключить самое ее в темницу, где она готова испытать всевозможные страдания для сохранения невинных существ, которые ей обязаны жизнью. Каим-мекам отсрочил платеж долга на месяц, угрожая матери строжайшим наказанием. «Что же теперь думаете делать?» — спросил я. «Постараемся продать нынешний сбор фиников с наших пальм и хлеб из этого садика, — продолжал юноша, — пойдем в Ассуан, дорогою будем питаться милостынею, а там поищем службы на судах». Вот каким образом турки собирают недоимки!

Это повествование сильно нас тронуло. Младший брат, мальчик лет двенадцати, прилежно слушал и плакал беспрестанно. Мы душевно радовались, что могли облегчить участь несчастного семейства, и охотно собрали между собою малую сумму на заплату их долга. Отдавая им деньги, сказал я: «Завтра снесите это каим-мекаму и выкупите вашу мать». Невозможно описать благодарности, возбужденной в сердцах юношей этим малым подаянием! Они бросились к нам в ноги, хотели целовать наши руки, и младший, встав с земли, стремглав побежал к белому знамени своего отца, начал лобызать его и с детскою откровенностью сказал: «Святой наш отец, взирающий на лицо Властителя миров, предстательствуй за них, да вознаградит он им тысячекратно и да умножит их знаменитость в их долине!»**. Трогательное соединение суеверия с родительскою любовью! Возвратясь на берег к нашему шатру, увидели мы этих двух юношей, приближающихся к Нилу; взяв в руки небольшую колоду, пустились они вплавь на другую сторону.

---

* Род бича из кожи гиппопотама, мягко сваленной.

** Вся Нубия, как сказано, разделяется на долины, уади, и жители думают, что во всех странах есть Нил и весь мир разделяется на долины.

Уади, или долина, Мальки имеет вид гораздо приятнее, нежели лежащая перед нею страна; в Харабасе находится множество пальмовых деревьев на западной стороне реки. Нил в этих местах весьма мелок, и отмели продолжают почти до острова Тумас, за Дерром. Река поворачивает и течет на довольно большом пространстве к западу небольшими, но многочисленными изгибами. В одном из них, между двумя поворотами реки, построен Дерр, столица всей Нубии и местопребывание кашефа, или правителя страны. Город этот находится в 45 часах от острова Филе и от границы Египта. Он построен, так сказать, в пальмовом лесу, продолжающемся вниз по течению реки. Дома, скрывающиеся между деревьями и рассеянные на пространстве почти полуторы мили в длину, гораздо лучше построены, нежели в других местах. Однако ж та часть, которую, собственно, можно назвать городом, имеет такие же улицы, как в других городах Верхнего Египта. Здесь находится небольшой хап*, есть порядочная мечеть арабской архитектуры и две или три лавочки, в которых турецкие солдаты, стоящие здесь в гарнизоне, продают грубое полотно, стеклянные бусы, медные перстни, цветные суконные обрезки и другие мелочи. Число жителей простирается до трех тысяч. Дома нынешних обитателей построены из несжженного кирпича и доселе сохраняют покатость наружных стен, наподобие бруствера, которая у древних египтян называлась талус. Без сомнения, это делается не в подражание древним зданиям и храмам, ибо мусульманин стыдился бы подражать неверным; но в этих странах ни одно обыкновение, ни один порок, ни один предрассудок, как ни один камень, не исчезают. <...>

В каждой стране все вещи носят на себе печать общего образования, а потому и путешественник, видевший Нубию, входя в Дерр, должен признать ее нубийскою столицею. Многие женщины одеваются здесь в голубые рубахи, навешивая на голову кусок сукна, висящего сзади по колена. Кольца в ноздрях более и красивее, нежели у поселянок; на шее висит несколько шнурков бус, и даже их походка означает вкус столицы и сопряженное с тем кокетство. Большая часть мужчин носят короткие рубашки, доходящие до

---

* Караван-сарай.

колена, а иногда, по излишеству щегольства, красную на голове шапочку, называемую фес, и опоясываются суконною кромкою. Эти предметы роскоши неизвестны были в сей стране до покорения ее пашою. Турецкие солдаты покупают у каирских портных кромки европейских сукон и продают их довольно дорого здешним жителям. Празднолюбцы этой столицы, сидя рядами под небольшими открытыми навесами и куря трубки, пьют поочередно небид, род лива из фиников, похожего и вкусом, и даже запахом на портер, с тою разницею, что небид несколько мутнее и цветом темнее. Промысел и богатство жителей города состоит в плетении циновок из пальмовых листьев, разноцветных коробочек из некоторого рода ситовых растений, которых множество привозят в Ассуан, и в продаже большого количества черных фиников отличного вкуса, которых величина иногда доходит до трех дюймов. Лучшими финиками почитаются растущие около Дерра и Ибрима. За Дерром находится небольшой храм, иссеченный в скале, и если грубая отделка может служить доказательством древности, то время построения его не может быть исчислено.

От острова Тумаса Нил снова принимает направление к юго-западу. Этот остров прекрасно возделан. Уади-Амбе имеет хорошо выстроенные дома в степи, а Ибрим кажется богаче и лучше населенным. Здесь находится на скале укрепление, которое по всем изображениям должно быть древнее Приммис. В надписи царька Силько упоминается об нем как о самом крепком и знаменитом во всей стране. Несколько далее, Уади, или долина, Тошке имеет приятное и выгодное местоположение, но в Эрмине страна принимает такой же вид, как пред Дерром. Уади-Терейх имеет несколько обработанной земли и пальм на восточной стороне, а с западной ее стороны горы примыкают к самому берегу и продолжают таким образом до самой Уади-Абу-Сумболь, или «колосистой долины», лежащей в 25 часах от Дерра. Абу-Сумболь обыкновенно называется европейцами Эбсамбул...

<...> Близ самого берега Нила, на западной стороне, возвышается высокая гора из плитного камня с отлогостью к реке. По приближении к подошве горы бросаются в глаза три огромные колосса, иссеченные из скалы и украшающие фасад храма. Четвертый из

колоссов, отломившись от стены, к которой был прикреплён, обрушился, и обломки его лежат теперь при основании горы, зарытые в песке, засыпавшем и два другие колосса до самой груди, так что одни только огромные головы их выказываются из-под песка.

<...> Древние египтяне так же точно умели чувствовать и изображать в своих огромных колоссах идеальную красоту головы негра, как греки красоту лица кавказского поколения. По несчастию, резец египтян гораздо удачнее изображал красоту лица, нежели остальные части тела, ознаменованные грубостью и дурною отделкою, в которых даже правильность размера не всегда была сохраняема.

Песок, лежащий на противоположном скате горы, беспрестанно переваливается через верх ее и засыпает двери храма до такой степени, что всякий приближающийся путешественник должен нанимать берберов для отрывания их и копания норы под самым сводом ворот, через которую можно было бы пролезть во внутренность храма. Когда, по многотрудном борении с топким и всегда осыпающимся песком, путешественник проникает сверху до самого основания, то, по мере как глаза его, обремененные наружным светом, начинают открываться, привыкая к мраку, и уже различают предметы в этом подземном здании, удивление его возрастает и ужас объемлет душу. Кажется ему, что он прибыл в сборище великанов. Два ряда необыкновенной величины колоссов, которых неисчислимая древность облекла черным цветом, внезапно представляются его взорам. Разительный дневной свет, проникая через отверстие, выкопанное вверху ворот, живо освещает одну сторону сих мрачных колоссов, а другая сторона как бы утопает во мраке. Какое новое и сильное впечатление производит подобный вид! Изумленный рассудок, кажется, видит пред собою жилище духов; печальная тишина и поразительное смещение света с глубоким мраком, множество воспоминаний, представляющихся в беспорядке уму, все это возбуждает в душе неизвестные чувствования, в которых невозможно дать самому себе никакого отчета. По моему мнению, внутренний вид эбсамбульского храма представляет столь величественную и великолепную картину и вместе производит столь сильное впечатление в душе человека, умеющего чувствовать, каких не в состоянии внушить ни одно из

произведений рук человеческих, а может быть, даже ни один из видов природы, к которым взоры наши уже привыкли. Если б живопись могла изобразить столь колоссальные виды, сколь достойна была бы эта картина лучшей фламандской кисти!

Вышесказанные колоссы, в числе восьми, имеют по 18 футов в высоту, опираясь о пилястры, поддерживающие своды первой залы и всю тяжесть возносящейся над нею горы. Статуи эти имеют сложенные крестом руки и держат в них крюк и бич, как выше сказано, обыкновенные принадлежности Озириса. Лица их похожи на лица истуканов, стоящих при входе, отличаясь теми же совершенствами, и даже строение их тела имеет надлежащий размер. Зала имеет 60 футов в длину и 30 в высоту. Стены покрыты раскрашенными барельефами глубочайшей древности. На левой стороне изображен чрезвычайного роста воин, одетый кожей тигра и держащий в руке напряженный лук. Головной убор лошадей, представленных на всем скаку, и составленный, как кажется, из перьев, удивляет подобием своим с головным убором американских индейцев. Этот воин берет приступом укрепление, лежащее на скале; неприятели, находящиеся на ней, пораженные страхом, стоя на коленях, молят его о помиловании, но стрелы его пронзают вдруг по несколько этих несчастных. У подошвы скалы уstraшенный пастух обращается с просьбою к воину, а стадо убегает в беспорядке. Неприятели приметно отличаются от нубийцев и египтян своею одеждою; они имеют длинные волосы и одеты в туники; бо́льшая часть из них имеют бороды, а у некоторых только усы. Индийцы ли это, или персы? Далее, тот же самый богатырь пронзает копьем одного воина, а другого топчет ногами; положение его тела изображено смело и прекрасно. По обеим сторонам больших дверей храма держит он одною рукою несколько человек за волосы, а другую руку занес, чтобы отрубить им головы короткою алебардою. Жрец всегда находится при нем с жертвенным ножом. Неужели человечество в этих странах всегда было преследуемо?

Кроме этой залы, храм, посвященный, как кажется, Озирису, заключает в себе десять различной величины комнат, расположенных различным образом, так, что целая гора кажется здесь выдолбленною и превращенною в гремящее от эха тело. От больших дверей входа

чудесное сие здание имеет в длину 140 фугов до самой последней стены придела, в котором находится пять различных идолов, представленных сидящими на самом конце и прекрасно сохранившихся. Жертвенник сооружен посредине этой длинной комнаты. Жар внутри храма превосходит теплоту бани и почти прерывает дыхание. Термометр Реомюра, показывавший на берегу Нила 36 градусов выше точки замерзания, лишь только внесен был в храм, как возвысился на 9, а в продолжение двух часов еще на 3 градуса. В нескольких десятках шагов от этих великолепных подземных зданий находится другой храм, состоящий из четырех различной величины комнат, также иссеченный в скале и посвященный египтянами Изиде, а христианами св. Иоанну. Внутренность его не имеет ничего замечательного, но фасад, обращенный к Нилу, украшен шестью колоссальными статуями, довольно хорошо сохранившимися.

Нельзя не заметить, сколь удивительная противоположность находится в отделке разных частей сего здания. Статуи изваяны самым лучшим образом: в них видны жизнь и стиль, но барельефы, будучи самой грубой работы, показывают младенчество искусства. Древние египтяне лучше умели иссекать из камня, нежели рисовать, ибо архитектура и ваяние везде были первыми искусствами по хронологическому порядку. Трудно себе представить, как на Востоке в разные века и в разных странах все на себя походит! Почти те же самые нравы, та же лень; жестокость и суровость древних правительств вовсе не различествовали от нынешних...

<...> Весьма странно, что сему величественному храму, на который ныне взираем с таким удивлением, мы не можем определить никакого названия и что древние не оставили нам никакого об нем воспоминания. Не Абоццис ли это? Из древнего землеописания одно только это имя остается в нашем распоряжении. Или не есть ли эта земля Фатрос, которую св. писание полагает на одной черте с Сизною..?

Адде лежит выше Абу-Сумболя на один час пути, имеет на скале древний замок, а в горе иссеченный небольшой и довольно грубой работы храм, где на египетских барельефах начертаны изображения Спасителя и св. Иоанна. В продолжающейся цепи гор видно мно-

жество пирамидальных возвышений, может быть иссеченных рукою человеческою, если когда-нибудь существовало в этом месте цветущее селенне. В Фаррасе находится небольшой храм, не имеющий ничего примечательного. Позади Уади-Серра, где произрастает довольно много пальмовых и других деревьев, местоположение принимает постепенно вид суровый и обнаженный; оно готовится, кажется, к совершенно новому положению страны и предвещает пороги и русло реки, усеянное возвышающимися скалами. В Уади, или долине, Хальфа видны развалины небольшого храма, а в расстоянии одного часа пути начинаются другие пороги Нила, которые видом не отличаются от порогов Сиэнских. Вода с шумом ударяется о гранитные скалы, составляющие ее русло, образуя иногда уступы на два или три фута вышиною. Шум этот не громче производимого большою мельницею. Здесь граница страны, собственно называемой Нубией. За порогами, в долине, называемой Маршед, местоположение, украшенное зеленью, делается приятнее; здесь находятся развалины греческой церкви и монастыря из несжженного кирпича. От Уади-Хальфы до места, где лежит деревенька Москентино, устроена дорога шириною в несколько сот шагов, которую жители называют «путем фараона». Часах в трех пути от Уади-Эттип, при третьих порогах Нила, на острове, видны развалины замка, а несколько выше — остатки древней крепостцы и небольшой храм, не весьма красивый. В Амбиго находятся четвертые пороги Нила, а около Лямуле, или пятых порогов, возвышается на острове построенная из кирпича башня. В трех часах пути от Уади-Лямуле, на острове Окме, находятся развалины древних строений в весьма живописном виде, а несколько ниже, на острове Кольбе, разрушенная церковь. От Кольбе начинается страна Суккот, в которой лежат пороги Уади-Даль, пятые по порядку; за ними, в семи часах пути, продолжается долина Уади-Амара, имеющая довольно большой египетский храм, вероятно, Стадицис. Отселе начинается страна Сай, продолжающаяся на 12 часов пути. После сего следует Дар-Махас, крайний предел моего путешествия в полуденные страны. На всем пространстве от Уади-Хальфы, или вторых порогов, до самой границы этой страны, то есть на 60 почти миль и далее, даже до Коке, Нил имеет быстрое течение, пересекается во

многих местах порогами и завален обломками гранита и скал, которые, образуя в нем различной величины острова, делают реку не способною к судоходству. Во многих местах ширина Нила имеет не более 30 или 40 шагов; иногда он разливается и образует большие острова. Вид берегов его чрезвычайно дикий. Бедные и совершенно черные жители, не знающие веселости и не имеющие гордого взгляда обитателей Нубии, скрывают свои хижины между скалами и целый год питаются малым количеством фиников и дурры. Любопытство странника встречает здесь лишь зрелище нищеты и недостатков всякого рода.

Эбсамбул (нубийская повесть)

<...> Три, четыре десятка пальм, далее пять, шесть землянок, серых, низеньких, слепленных в виде сундука или стоящей вверх дном бочки, потом большая поляна песку и при реке кусок возделанной земли, покрытой зеленою дуррою, сахарным тростником или ячменем, за ячменем опять песок, за песком куст колокинты, тут цепь гор примкнула плотно к Нилу и скоро удалилась от него на версту или на две, а там снова песок, пальмовая рощица, маленькое поле зелени и десятков сундуков и бочек, в которых живут люди, — таков общий вид Нубии, по обеим сторонам реки, на пространстве трехсот верст, — длинный двойной ряд нищет природных и искусственных, перемежающихся с единообразною пестротою. Господствующий цвет — грязно-желтый. От места, где одна из цепей гор уперлась в берег реки и опять посторонилась длинною дугою, до другого подобного места простирается уезд, или то, что в том краю называют долинами, вади. По этим углублениям разбросаны пашни, деревья и купы хижин берберов — от первых порогов Нила, где кончается Египет, до самой Вади-Халфы. Больших деревень очень мало, и самая большая из них, Дерр, называется столицею «богохранимого нубийского королевства». В целой Нубии говорят с восторгом о пальмовом лесе, лежащем подле Дерры, в полторы версты длиною.

— Из какой долины ты родом, о хозяин? — спрашивал меня шейх столичного города Дерра.

— Я русский, то есть москов.

— Что, большая долина Московия?

— Очень обширная.

— Есть леса в вашей долине?

— Огромные.

— Будут с наш, что подле города?

— Вдесятеро больше этого.

— Машаллах! У вас, должно быть, много фиников!

И вы, уж верно, кушаете их с утра до вечера? Москов славный человек, и Московия по милости пророка славная долина. Но все-таки она не то, что наша Нубия! Во всей вселенной нет земли прекраснее и благороднее Нубии!

Если б мой собеседник был историк, я бы сказал ему, что он прав, и что он только ошибается насчет эпохи. Эта нищая Нубия, конечно, была некогда прекрасною и благородною землею.

А. Н. Муравьев в Египте

Через десять лет после О. И. Сенковского Египет посетил молодой тогда литератор А. Н. Муравьев.

Андрей Николаевич Муравьев родился 30 апреля 1806 г. в богатой и образованной дворянской семье. Его мать, урожденная Мордвинова, принадлежала к той среде дворянской интеллигенции, где были своими А. Н. Радищев и П. Я. Чаадаев, где зародилось декабристское движение. Она умерла, когда будущему путешественнику было всего три года. Ребенка взяли на воспитание петербургские родственники, близкие ко многим будущим декабристам. (Среди декабристов были двоюродные братья А. Н. и родной его брат Александр Николаевич.) Говоря о них позднее, А. Н. Муравьев называл их «родственниками в полном смысле сего названия», т. е. родственниками не только по крови, но и по духу. В то же время следует сказать, что А. Н. и родной его брат, известный лидер реакции М. Н. Муравьев, прозванный «Вешателем», политическими противниками никогда не были.

Отец А. Н. Муравьева, генерал Николай Николаевич Муравьев (1768—1840) внес немалый вклад в дело военного образования в России, основав офицерское училище колонновожатых. Училище помещалось в собственном доме его в Москве. «Московские бояре охотно отдавали туда детей своих»,— вспоминал А. Н. Муравьев. Позднее училище колонновожатых было переведено в Петербург и преобразовано в Академию Генерального штаба.

Когда А. Н. Муравьеву исполнилось девять лет, отец забрал его к себе. До семнадцати лет мальчик рос и учился вместе с будущими штабными офицерами, среди которых нашёл много друзей на всю жизнь. Позднее А. Н. Муравьев с благодарностью вспоминал некоторых из своих тогдашних товарищей, с которыми разделял увлечение поэзией; он писал, что в то время «был окружен самым блестящим обществом, не выходя из-под отчего дома»

В тринадцать лет он начал писать стихи, а в четырнадцать нашел прекрасного учителя в лице С. Е. Раича, преподавателя российской словесности в Московском университетском пансионе. Первоклассный педагог и поэт-переводчик, С. Е. Раич был воспитателем М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева, А. В. Шереметева. П. С. Аксаков в «Биографии Ф. И. Тютчева» писал о Раиче: «Это был человек в высшей степени оригинальный, бескорыстный, честный... соединявший солидность ученого с каким-то девственным поэтическим пылом и младенческим незлобием». С. Е. Раич руководил литературным кружком, в который входили видные прозаики и поэты Н. И. Полевой, М. П. Погодин, С. П. Шевырев, В. Ф. Одоевский, А. И. Кошелев, Д. П. Ознобишин и др. К ним примыкали многие офицеры училища колонновожатых. Иногда кружок посещали И. И. Дмитриев, поэт и министр юстиции, писатель-декабрист А. Бестужев-Марлинский и др. Часто этот кружок собирался в Можайском имении Муравьевых или в их московском доме, и тогда школа Генерального штаба превращалась в школу поэзии.

Несмотря на недовольство отца, «ненавидевшего поэзию» и мечтавшего видеть сына математиком или военным, А. Н. Муравьев уже в ранней юности твердо решает посвятить себя литературе, точнее, поэзии.

Под влиянием С. Е. Раича и своих старших товарищей А. Н. Муравьев усвоил передовые для того времени взгляды рационалистической философии Просвещения. Недаром его тогдашний друг и соученик по урокам Раича Ф. И. Тютчев упрекал А. Н. Муравьева в излишнем рационализме, мешавшем, по его мнению, одухотворенно-поэтическому восприятию природы. Все это молодой Тютчев высказал в послании «А. Н. М[уравьеву]», одном из своих первых (1821 г.) программных стихотворений.

Когда в 1823 г. училище было переведено в Петербург, юный поэт поступил на военную службу. Вскоре он был произведен прапорщиком в Харьковский драгунский полк, который стоял в Тульчине, на Украине. Здесь А. Н. Муравьев знакомится со многими членами Южного общества декабристов, но в общество он не вступает и вообще сохраняет привитые дома романтико-монархические убеждения, отразившиеся в его стихотворных трагедиях. Из Тульчина Муравьев совершает путешествие в Бессарабию и Крым. В Симферополе в августе 1825 г. он знакомится с А. С. Грибоедовым, с которым вместе поднимается на Чатырдаг, совершает прогулки по Бахчисараю и Чуфут-Кале. Личность и поэзия А. С. Грибоедова произвели на А. Н. Муравьева неизгладимое впечатление. «Многим обязан я Грибоедову», — вспоминал он позднее. Крымские впечатления вылились в собрание стихотворе-

лий*, доставивших автору некоторую известность в литературных кругах.

Осенью 1826 г. молодой поэт берет отпуск и проводит зиму 1826/27 г. в Москве, где знакомится с братом своего товарища по дивизии поэтом Е. П. Баратынским, а через него с А. С. Пушкиным, А. А. Дельвигом, П. А. Вяземским. А. Н. Муравьев удостоился чести читать свои крымские стихи Пушкину, и великий поэт похвалил «некоторые строфы из... описания Бахчисарая»**.

В знаменитом литературном и музыкальном салоне З. Волконской А. Н. Муравьев встречал также А. Мицкевича, который читал здесь свои «Крымские сонеты». Можно сказать, что Крым ввел А. Н. Муравьева в русскую литературу. Именно в Крыму состоялось его первое знакомство с Востоком, пробудившее мечту о дальнейших путешествиях.

Русско-турецкая война 1828—1829 гг. дала выход и жажде путешествий, и горячему романтическому патриотизму, и религиозному рвению молодого офицера, которое поддерживал известный митрополит Филарет, имевший большое влияние на впечатлительного юношу. Влияние Филарета определило интерес А. Н. Муравьева к догматике и истории восточного христианства, который он сохранил на всю жизнь.

Вместе с русской армией А. Н. Муравьев проделал весь балканский поход от границ Молдавии до Адрианополя. В это время в дополнение к французскому, немецкому, латинскому, древнегреческому и итальянскому языкам, которые уже знал, он изучает новогреческий. Война окончилась, но А. Н. Муравьев твердо намерен в одиночку продолжить поход и если и не освободить от турецкого гнета святыни Востока, то хотя бы увидеть их своими глазами. Осенью 1830 г. он отправился в Бургас и отсюда морем прибывает в Стамбул.

В Константинополе, в нескольких десятках километров от которого стояла русская армия, А. Н. Муравьев находит множество русских офицеров, приехавших осмотреть древний город и поглядеть на султана. Но храм св. Софии, обращенный турками в мечеть, можно было рассматривать лишь снаружи, и А. Н. Муравьев так и не сумел проникнуть в него, несмотря на все ухищрения. Но он посетил Патриаршую церковь на Фанаре и мечеть Текие в Пере, где наблюдал священную пляску дервишей.

---

* Рецензию на них написал Е. Баратынский (журнал «Московский телеграф», 1827, ч. XIII, № 4), который отмечал «небрежность слога», но вместе с тем и «возвышенное вдохновение» начинающего поэта.

** К этому времени относится и эпиграмма А. С. Пушкина на А. Н. Муравьева.

Еще более красочным зрелищем оказался стамбульский карнавал, в котором участвовали греки, армяне, итальянцы-левантинцы — жители турецкой столицы. В Стамбуле А. Н. Муравьев приобретает ряд ценных знакомств, в том числе с Константином, архиепископом Синайским, будущим патриархом Константинопольским, который бывал в Киеве и свободно говорил по-русски, Томазо да Монте-Азола, католическим архиепископом Иерусалимским, посланником Сардинского королевства, семьей французского посла. Оба архиепископа дали русскому путешественнику рекомендательные письма, впоследствии весьма пригодившиеся ему в Палестине. Не забыл он запастись и султанским фирманом. Решение плыть морем в Египет возникло неожиданно. Вот как об этом рассказывает сам А. Н. Муравьев:

«Я готовился к отъезду (из Стамбула.— Ю. К.), но не было ни одного корабля, идущего в Сирию. Случай нечаянно свел меня с г. Россетти, племянником того генерального консула всех наций, который при мамлюках и Наполеоне имел сильное влияние в Египте; он предложил мне плыть на своем судне в Александрию, и я с радостью согласился, зная его приятный нрав и образованный ум, хотя Египет и не входил в план моего путешествия».

8 февраля 1830 г. корабль отплыл из Константинополя и через 10 дней пристал в Александрии. В течение следующих пяти дней путешественник осматривает новый город и развалины древней Александрии, колоссального гранитного сфинкса из Мемнониума (позднее перевезенного в Петербург), представляется Ибрагим-паше, сыну Мухаммеда-Али. 24 февраля на барке, предоставленной Мухаррам-беем, А. Н. Муравьев вместе с Россетти отправляется по каналу Махмудийя и Нилу в Каир. Эта поездка совпала с мусульманским праздником рамадан и дала возможность путешественнику наблюдать истощенных арабских бурлаков, хотя строго и постившихся весь день, но все же тащивших барку вверх по течению.

Каир — первый увиденный Муравьевым подлинно восточный город (в отличие от полувосточных Адрианополя, Стамбула и Александрии) — покорило его с первого взгляда. Ниже целиком приводится описание Каира, каким его увидел в 1830 г. А. Н. Муравьев.

Как и почти все туристы, посещавшие Каир в то время и позднее, А. Н. Муравьев совершил прогулку в долину пирамид, поднялся на вершину пирамиды Хеопса, посетил развалины древнего Мемфиса. Затем он осмотрел Египетский Вавилон и архитектурные памятники средневекового Каира: его мечети — мечеть Узбекийя, мечеть Тулуна, мечеть аль-Хакима и мечеть Хасана, а также каирскую цитадель аль-Калья, древний обелиск в Матарие,

православный монастырь св. Георгия и патриаршее подворье в Каире, где был с великим почетом принят православным патриархом Египта, который по желанию знатного иностранца даже отслужил специальную обедню. А. Н. Муравьев был допущен в архив патриархии и обнаружил там дарственные грамоты русских царей Алексея Михайловича, Петра I и его брата Иоанна и императрицы Анны Иоанновны.

Получив специальный пропуск и проводника от Мухаммеда-Али, русский путешественник отправляется из Каира в Иерусалим через пустыню верхом на верблюде, вместо того чтобы выбрать более легкий и безопасный путь по Нилу и Средиземному морю до Яффы. К нему примкнули другие, и так составилась небольшой караван. «Два обыкновенные верблюда, нагруженные вьюками и мехами с водой Нила, и пять верблюдов верховых составляли, собственно, весь мой караван,— писал А. Н. Муравьев.— Один легкий верблюд был назначен для меня, другой — для моего слуги, два — для двух купцов христианских племени арабского, которые просились возвратиться со мной на родину в Иерусалим и вместе с тем служили мне драгоманами; на последнем верблюде попеременно отдыхали вожатый, шейх Дауд, и бедуин его колена. Впоследствии по пути присоединился к нам еще один араб из родственников шейха».

Спеша попасть в Иерусалим на пасху, Муравьев покинул Каир за день до мусульманского праздника байрам, который нигде не справляется так шумно и весело, как в этой крупнейшей из арабских столиц. Все же путешественнику удалось наблюдать байрам в арабских деревнях. Он писал: «По мере приближения нашего к Бильбейсу арабы соседних селений беспрестанно выбегали спрашивать нас: не показалась ли новая луна и не начался ли в Каире праздник великого байрама, столь жадно ожидаемый голодными поселянами, особенно в последний день рамазана. Иные от нетерпения разговлялись, другие для большей верности отложили праздник до следующего дня...».

Через Бильбейс, эль-Ариш, Газу, Раму и Латрун караван прибыл в Иерусалим. Здесь А. Н. Муравьев нашел нескольких русских — не только монахов, но и паломников, прибывших сюда накануне войны и вынужденных остаться в городе до ее окончания. Нашел он здесь и христиан-африканцев.

Посетив почти все святые и исторические места Иерусалима и его окрестности, Муравьев отправляется на север Палестины, в Галилею, посещает Наблус, Назарет, поднимается на гору Табор (Фавор), посещает берега Тивериадского озера, из Галилеи отправляется в Финикию (Ливан), едет через Акру в Тир. Далее он продолжает путешествие морем: на небольших арабских барках —

из Тира в Бейрут и отсюда — на Кипр, затем на греческом бриге — вдоль островов Архипелага — в Эфес, Измир и Стамбул, а из Стамбула — в Одессу.

Поселившись в 1830 г. в Петербурге, А. Н. Муравьев закончил в том же году свое двухтомное «Путешествие ко святым местам в 1830 году». Эта книга, где романтический стиль описания природы, исторических событий и рассуждения автора о Востоке сочетаются с изложением весьма реалистических и бытовых подробностей, точным описанием исторических памятников, планами, чертежами, обзором русской паломнической литературы, извлечениями из средневековых европейских и грузинских источников, принадлежит к лучшим образцам географической литературы первой трети XIX в. В отличие от А. С. Норова Муравьев дает лишь краткий очерк Египта при Мухаммеде-Али. Он посещал в этой стране «мануфактурные и другие новейшие заведения», но не стремился дать их подробного описания: «Хотя в нынешнем веке требуется от путешественника статистического взгляда на ту страну, которую он посещает, но я не хочу излагать здесь поверхностные описания о настоящем быте и промышленности Египта, в которые не мог сам вникнуть в столь короткое время». Горячее сочувствие А. Н. Муравьева к страданиям разоряемого феодальными режимами народа арабских стран выразилось в его словах о Мухаммеде-Али:

«Уважаемый в Сирии, грозный в Аравии и покоренной Африке, Мегемет-Али высоко стоит между владыками Востока и стал бы еще выше, если бы угнетенный трудами и налогами народ не стоял под игом жестокой монополии, обогащающей одну только казну пашы, недостаточную для его исполинских замыслов...». Однако политические взгляды А. Н. Муравьева были в это время уже достаточно реакционны.

Первым редактором этой книги был В. А. Жуковский, вторым — ее цензор О. И. Сенковский; сделанные ими замечания и другая помощь оказались весьма полезными молодому писателю. Успех «Путешествия ко святым местам» превзошел все ожидания: книга за восемь лет (с 1832 по 1840 г.) выдержала четыре издания. Рецензию на первое издание написал О. И. Сенковский. И. С. Тургеневу принадлежит восторженная рецензия на другую книгу А. Н. Муравьева — «Путешествие по святым местам русским», являвшуюся как бы продолжением предыдущей.

«Путешествие ко святым местам» вслед за произведениями О. И. Сенковского оказало известное влияние на русскую литературу того времени, открыв для нее арабскую тему. По словам А. Н. Муравьева, А. С. Пушкин написал по поводу его путешествия не дошедшие до нас стихи, а М. Ю. Лермонтов создал в

доме А. Н. Муравьева один из шедевров русской поэзии — «Ветку Палестины».

В эти годы А. Н. Муравьев знакомится с А. С. Норовым, только что вернувшимся из Палестины, и помогает ему в написании некоторых глав «Путешествия по святой земле». Он становится членом норовского кружка, серьезно занимается богословием и историей церкви, продолжая в то же время писать стихи, журнальные статьи, встречаться с писателями.

В 1845 г. А. Н. Муравьев отправляется в путешествие по странам Западной и Восточной Европы, Грузии, Армении, Турции, Арабскому Востоку, продолжавшееся с небольшими перерывами пять лет. Летом 1849 г. в обществе поэта П. А. Вяземского он отплыл из Одессы и вновь посетил Стамбул, Грецию, Малую Азию, Сирию, Ливан и Палестину. Плодом этого путешествия явилась двухтомная книга «Письма с Востока», вышедшая из печати в 1851 г. Так же как и изданное несколько ранее описание Грузии и Армении, она пользовалась успехом. Однако как по своим литературным достоинствам, так и в качестве исторического источника «Письма с Востока» значительно уступают книге о первом путешествии писателя.

Впечатления, вынесенные из двух поездок на Восток, как и знакомство с различными письменными источниками, отразились также в двухтомной «Истории Иерусалима» и некоторых богословских и полемических работах А. Н. Муравьева. Самостоятельного значения они не имеют.

Отрывки из «Путешествия ко святым местам в 1830 году» приводятся здесь по изданию: А. Н. Муравьев, Путешествия ко святым местам в 1830 году, СПб., 1832.

Александрия

Рожденному в государстве, которого большая половина простирается в смежной Азии, странно было ступить на чуждую землю Африки, не коснувшись прежде ближайшей ему части света; еще страннее, переплыв обширное море, видеть себя без постепенного изменения предметов перенесенным как бы силою волшебства в край, совершенно отличный от всех тех, к которым привыкли мысли и взоры, где все ново путнику, и природа, и люди, и животные, и растения, и где разность

правов и образа жизни беспрестанно изумляет свою необыкновенностью.

Первое, что поражает в Александрии, есть белый и однообразный с почвою земли цвет всех ее строений, тесно сдвинутых, с террасами вместо крыш, которых по привычке тщетно ищешь; но еще неприятнейшее производят впечатление бледные и изможденные лица ее жителей, скитающихся, как тени, в белых или синих рубищах, по грязным и тесным базарам, заставленным тощими верблюдами и ослиами. Все носит отпечаток крайней нищеты и угнетения, и сей первый взгляд на Египет; не сдружить с ним путешественника, если он ценит начальное впечатление.

Нынешняя Александрия ничем не напоминает древней своей славы. Хотя есть несколько хороших зданий, между коими отличаются на главной площади дома консулов, арсенал и дворец паши на большой пристани, но нет никакого великолепия в зодчестве, даже мало заметны самые мечети, которые столь великолепны в Константинополе и Каире. Ветхий замок занимает место знаменитого маяка на острове Фаросе, ныне соединенном с землею и образующем оконечности двух пристаней: Новой и Старой. Первая неправильно так называется, ибо она служила в древности главною пристанью для малых судов того времени; очищенная в те дни от песков, она была ограждена в своем устье башнею Фароса и рядом утесов мыса Акролохия от северо-восточных ветров, которыми впоследствии так долго разбиваемы были корабли франков, ибо до времен Мегемета-Али грубая вражда мусульман не впускала их в другую великолепную гавань Александрии, несправедливо называемую Старою. В древности ее звали пристанью Евноста, и только в последние столетия сделалась она главною в Александрии.

Новый город, в коем считают не более 20 000 жителей, занимает тесный перешеек между двух пристаней, не застроенный в древности и, под именем Семистадия, мало-помалу соединивший старый город с островом Фаросом. Слои песка, беспрестанно наносимые с двух сторон морем, и частые разорения, которым подвергалась столица, побудили жителей переселиться на сей перешеек и уже при владычестве турков совершенно оставить древнюю Александрию, с которою ныне граничит новая южною своею стеною.

<...> Вообще Александрия мало сохранила предметов для искателей древности по свойству известкового камня, который способствовал быстрому ее разрушению. Занимательны катакомбы на берегу моря, подле так называемых бань Клеопатры. Множество зал, правильно расположенных в утесе, с изваяниями на стенах, образуют подземный лабиринт сей, полузаваленный песками. Для жертвы ли богам подземным был он иссечен или для погребения царей, служил ли гробницей Клеопатры, где умер в ее объятиях Марк Антоний? — неизвестно. Я не мог в него проникнуть, не имея с собою довольно спутников, что необходимо, ибо опасно ввезти арабам, живущим в его преддверии, клубок нити, которую берет с собою любопытный во глубину подземелья, чтобы найти трудный выход.

Между остатками древнего Египта, которые видел я в Александрии, меня поразили колоссальный гранитный сфинкс, покрытый иероглифами и привезенный из Фив, где вместе с другим, ему подобным, лежал еще недавно близ Мемнониума. Оба сии памятника уже украшают северную столицу нашу.

Нельзя ничего себе представить грустнее остатков древней Александрии и окрестностей новой. Мертвая природа, изредка только оживляемая одинокими пальмами, утомляет взоры своею однообразностью; синее беспредельное море уныло набегаем на низменные берега сей пустыни, покрытой горами белого щебня, где промеж ветхих оснований раскинуты убогие хижины арабов. Сии груды — древняя Александрия! Время, слегка только прикоснувшееся до других столиц, совершенно стерло ее с лица земли и, как белым саваном, покрыло песками. Гранитные столбы ее обращены в сваи для пристани, их мраморные основы служат обручами для колодцев, а великолепные карнизы рассеяны среди песчаных холмов, меж коими тщетно ищут направления древних улиц. Я воображал себе развалины и нашел только прах! Два лишь обелиска Клеопатры, один стоящий, другой падший, оба из одного куска розового гранита, покрытые иероглифами, остались памятниками древней славы Александрии; и посреди сего обширного поприща разрушения, как некогда посреди сего же торжища вселенной, где теснилось до миллиона граждан, возвышается столь же гордо, как и прежде в толпе великолепных зданий и, быть может, еще величавее ныне,

среди пустыни, одинокий исполинский столб Помпея, с моря и с земли — отовсюду видимый, как надгробный памятник стольких столетий славы, как могучая, высокая мысль о ничтожестве, которая невольно и уединенно возникает в душе, потрясенной сею общею картиною смерти.

<...> Я пожелал видеть сына Мегемета-Али, Ибрагима, пашу Мекки и Медины, им завоеванных от вехабитов и в знак благодарности султана составляющих пашалык его, первый во всей империи по святости сих мест. Он был тогда в Александрии и занимался прилежно устройством флота и войск, почти не выходя из арсенала, как будто Египет готовился к сильной борьбе. Г. Россетти, пользуясь благорасположением обоих пашей, представил меня Ибрагиму. Прием его был очень ласков и вместе застенчив, ибо он не имеет ловкости отца своего в обращении с иностранцами, которых всегда чуждался и даже пренебрегал до войны Морейской; она смягчила нрав его и принесла ему большую пользу. После обычных приветствий мы говорили о происшествиях последней войны, много его занимавших, хотя он не знал хорошо ее подробностей и судил об них по ложным известиям, присылаемым от Порты. Ибрагим-паша — правая рука отца своего, который возложил на него все тяжкие заботы правления; не столь предприимчивъ и быстрый в понятиях и поступках, как Мегемет-Али, он тверд и непоколебим в исполнении своих планов и нужен созданному отцом его Египту для прочности всех преобразований.

Пять дней гостил я в Александрии в доме г. Россетти, и должно отдать справедливость любезности и гостеприимству египетских франков, особенно консулов, которые всеми средствами стараются занять и утешить путешественника. Чувствуя собственное свое одиночество и удаление от родины, они входят в положение странника и усердно предлагают ему свои услуги. Большая часть сих фамилий искони переселилась из Италии для торговли в Египте и живет здесь под именем левантинцев, странно соединив навыки Африки с обычаями старой отчизны. Иные приняли даже самую одежду Востока, а жены их носят ее все без изъятия и говорят с одинаковою легкостью по-итальянски и [по-]арабски. Некоторые франки поступают на службу паши; большая же часть предана совершенно торговле, которая в пос-

леднее время уже не доставляла им столько выгод по монополии Мегемета-Али, ибо он хочет быть единственным негодциантом Египта, а франков употребляет только как поверенных и подрывает их нечаянным понижением цен собственных товаров, посылаемых на его судах в западные гавани. Многие франки разорились и состоят ему должными, стараясь для поправления своих обстоятельств вовлечь его в новые предприятия, к которым он особенно склонен.

<...> За два часа от реки мелководие канала и высота берегов ее, которые возрастают от постепенных слоев ила, прекращают на три месяца в году, перед наводнением, сообщение Александрии с Нилом. Паша хочет исправить сей недостаток, и англичане взялись сделать канал навсегда судоходным. И теперь местами очищают его арабы; но работа их очень медленна и образ ее слишком странен, чтобы не поразить путешественника. Мужчины, женщины и дети под монотонный, отрывистый напев, следующий за их постепенными движениями, сгребают руками землю, кладут в корзины и на головах несут со дна канала на берег — работа бесконечная!

<...> Однако же во всякое время года барки не перестают ходить до пресечения канала, где целые стада ослов перевозят грузы их в селение Атфэ к Нилу и оттого приносят взамен им другие; грузы сии состоят большею частью из чечевицы, почти единственной пищи арабов, и огромных кип хлопчатой бумаги, которую развел по всему Египту паша, открыв себе чрез то богатый источник доходов. Между тем нищета жителей так велика, что по всей дороге, на расстоянии двух часов до Нила, беспрестанно встречаются женщины и дети, жадно собирающие в корзины рассыпавшуюся из кулей чечевицу, и во многих местах Египта повторяются подобные явления.

Отраднo в первые минуты чувствовать себя на древних водах Нила, уже знаменитых в младенчестве мира, и мысленно воображать весь сонм благодетельствованных им народов, начиная от черных племен, пьющих из его тайного истока и постепенно белеющих вдоль его течения, до франков, толпящихся у его устья, и вспоминать о стольких царствах, уже отживших на его берегах, когда он один, истинный и неизменный владыка Египта, надеждою богатств, хранящихся в священных

водах его, тревожил сердца фараонов и Птолемеев, кесарей, халифов и султанов! Но впечатление, производимое Нилом, более нравственное, он не поражает взоров наружным величием и, подобный Египту, одним из прибрежных своих видов изображает все, постепенно сменяющиеся вверх по его течению.

Часто разделяемый островами, медленно катит он желтые воды в низменных берегах, не соответствуя во время маловодия шириною своею громкому имени. Иногда над голыми брегами возвышаются малые пальмовые рощи, осеняя там и здесь рассеянные селения, убого выстроенные из земли и камня на крутых насыпях, в защиту от наводнений. Изредка отражаются в водах Нила высокие минареты прибрежных городков, или в частых изгибах подтекает он к какому-нибудь сантону, часовне, воздвигнутой над гробом святых мусульманских, которых бесчисленное множество в Египте привлекает к себе усердных арабов. Но мало жизни является по сторонам: то несколько поселян на малых осях спешат в соседнее селение, то жены их с корзинами на головах, в длинных синих покрывалах, как теги, скользят вдоль гладких берегов. Кое-где близ деревень черные буйволы спускаются к водам, или белый ибис, иероглифическая птица Египта, одиноко сидит на пустынном острове, или белые паруса мелькают на дальней поверхности волн, и в одном из заливов чернеют голые мачты отдыхающих судов. Картина безмолвная, которой тишина от времени до времени нарушается монотонным криком тянущих бичеву арабов и скрипом колес, вращаемых в прибрежных колодцах, или унылым напевом муэдзинов с высоты бегущих назад минаретов. Но когда в июне начинают постепенно подыматься воды Нила, достигающие в августе всей полноты своей и упдающие только в октябре, тогда весь Египет обращается в одну обширную реку, грозно текущую на Ливийской пустыне и усеянную селами и городами, подобно нежной матери, которая приняла на лоно всех своих детей.

Сильный противный ветер не позволил нам идти в первый день далее городка Фуа, лежащего в дельте; в его заливе провели мы ночь, оглашаемую песнями рамадана, и только на рассвете проплыли мимо Рахманиэ, другого городка на противоположном берегу. Вспомнив о рамадане, нельзя не отдать справедливости

мусульманам в строгости, с какою соблюдают они сей единственный пост их; он продолжается месяц, в течение коего днем никто не смеет ни есть, ни пить; незначительный для богатых, пирующих ночью, он тягостен для бедных, которые принуждены работать весь день. Тому примером служили восемь арабов нашей барки. Я не постигал, как могли они так жестоко отказывать себе в пище, попеременно тняув почти целый день бичеву, потому что во все время плавания мы имели ветер противный, исключая, когда при крутом повороте реки на миг делался он нам благоприятным. Только по закате солнца и вечерней молитве арабы готовили себе бобы на малом очаге, складенном из земли на дне барки, и принимали ту же пищу перед солнечным восходом; в этом заключалось все их скудное пропитание.

Рейс был столь же неопытен, как и его товарищи, и, беспечно закрепив паруса, плыл на волю пророка, когда же внезапный поворот требовал перемены парусов, все бросались к мачтам, шумели, кричали, и всегда оканчивалось тем же: неправильное направление бросало нас на мель, с которой бессильные арабы по три часа не могли сдвинуть барки, помогая друг другу только тщетными криками: «Эй, валах! эль-иззе!» — повторяя их хором вслед за рейсом. Так плыли мы шесть скучных дней. Сколь легко и весело спускаться по Нилу, сей общей и единственной дороге Египта, по которой текут все его богатства, столь равно тягостно и несносно подыматься вверх по реке, подвигаясь с противным ветром не более как по 40 или 50 верст в день, на пространстве 300 верст от Розетты до Каира. Один только Мегемет-Али быстро стремится вверх по Нилу, ибо во время его плавания конные арабы скачут по сторонам, выгоняя из прибрежных селений всех жителей к реке, которые бегом тняув бичеву паши, сменяясь от деревни до деревни.

Уже миновали мы селение дельты Са-эль-Хагар, близ коего в малом от реки расстоянии, видны обширные следы развалин, остатки знаменитого в древности Саиса, куда стекались учиться мудрости греки и отколе вышел с колонной афинский Кекропс; мы протекли также селение Терранею, к которому близко подходит пустыня Ливийская, заключающая в недрах своих богатые озера селитры близ монастыря Коптского во имя великого Макария Александрийского (там была некогда

его знаменитая Нитрийская обитель вместе с другими дикими приютами первых отшельников христианства), и мы были только за день пути от Каира, когда наша канджа стала на мель в последний раз. Никакие усилия не могли ее сдвинуть посреди Нила, когда в виду нашем другие барки проходили тесным рукавом реки вдоль самого берега; главное искусство рейсов состоит в знании отмелей, а наш кормчий, пользуясь крутым изгибом реки, заблаговременно нас оставил, обещая далее опять настигнуть, чтобы между тем зайти в соседнее селение для свидания с женою, ибо жилища рейсов бывают рассеяны по деревьям вдоль Нила. Беспечные арабы, пошумев немного, все прыгнули в воду; я думал для того, чтобы руками сдвинуть канджу, но они разошлись в прибрежные деревни, очень равнодушные к участи путешественников и не принадлежащей им барки. Оставшись одни посреди Нила, мы подняли белый флаг, и, к счастью, заметил нас плывший мимо знакомец г. Россетти, который, послав за нами лодку, принял на свою канджу и довез до Каира.

На рассвете последнего дня показались пирамиды, как два синие холма на горизонте степей. Сильно потряс душу вид сих дивных могил, древней славы Египта, наполняющих его и вселенную громким своим именем и, как неодолимый магнит, привлекающих столько любопытных. И мною овладело живое нетерпение приблизиться к их громадам, когда после разделения двух ветвей Нила, идущих в Розетту и Дамьетту, открылась мне новая великолепная картина — Каир.

Каир

Первый начинает проясняться вдали вышгород столицы, иссеченный в полугоре под каменистою вершиною Мокатама. Скоро открывается по левую сторону Шубра великолепный сад паши, длинную аллею из смоковниц соединенный с Каиром, и Булак, его предместье и пристань, оживленный тысячами барок, теснящихся в рукаве реки между гаванью и островом сего имени. И вместе с своими пригородами величественно развивается от Нила до подошвы гор необъятная столица халифов во всем своем восточном великолепии, издали как обширный лес минаретов, воздвигнутых во славу

Аллаха и пророка и в изумление его сынам. Но и сердцу русскому отраден очаровательный вид сей, напоминающий ему златоверхую Москву, числом колоколен едва ли не затмевающую легкие минареты Каира, хотя она уступает ему красою картины, освященной здесь Нилом и пирамидами, сим вечным гербом Египта, знаменующим все его виды, как родовой щит рыцарей, прибитый к остаткам их обрушенных замков.

Мы вышли на берег в Булаке, где учреждены таможня паши и все лучшие его фабрики, и поехали в Каир по прямой, широкой дороге, проложенной французами, которая уже начинает портиться. Высокий каменный мост выстроен на западном канале Могреби, соединяющемся с другими, проведенными из Нила по Каиру. Сквозь первый ряд строений мы вступили на обширную зеленую площадь Узбеки, которою с сей стороны величественно начинается город. Обнесенная лучшими зданиями, наиболее домами шейхов и богатых коптов, с рассеянными промеж них пальмами и минаретами, она пространством превосходит знаменитейшие площади столиц европейских и получила свое название от соседней мечети Узбеки, основанной славным сего имени полководцем султана мамелукского Каитбея в память его побед над султаном Баязидом II; наводнение Нила ежегодно ее потопляет, и она оживляется тогда лодками франков, которых квартал с нею граничит. Там остановился я в доме г. Россетти.

Каир с первого взгляда является истинною столицею Востока во всем очаровании столь громкого имени, тогда как Царьград, смесь Азии и Европы, везде носит на себе отпечаток несовершенного списка. Видя в нем остатки древности, встречая груды развалин даже новейших, мы вздыхаем о прежней столице Константинов и не можем простить туркам ни одного их шага в Европе; напротив того, Каир создан и прославлен халифами; мало в нем древностей, и те египетские, чуждые и отдаленные. Мечети его в чистом вкусе арабов Халифата или мавров испанских, покровителей искусств, и с духом свободным можно любоваться ими без горькой мысли, что они похищены у христиан; их легкие минареты, все в арабесках, родились под ясным небом Востока, а не враждебные пришельцы, подобно царьградским. Если слишком высоки дома, если тесны улицы и базары — то по крайней мере мрак и теснота слу-

жат защитой от палящего полуденного солнца, которого мы чужды в Европе. Все свое и потому прекрасно. И нельзя не плениться сею живою картиною Востока, иногда неприятною в частях, но всегда привлекательною в целом, ибо с юных лет воображение устремляет нас в сей чудный край, как бы на родину солнца, где все должно сиять особенным блеском, где мы привыкли черпать поэзию в речах людей, в их первобытных, неизменных нравах, в самой их дикости, которая нам, избежавшим оной, уже кажется новостью и предметом занимательности, подобно тому как младенцы бывают любимую забавою старцев. Для любителей Востока, напитанных его волшебными сказками, неоцененное сокровище Каир, в нем нет примеси европейской, каждая черта напоминает край и век халифов, ибо ничего не изменилось наружно.

Как и в прежние времена, сидят всякого рода ремесленники по обеим сторонам тесных базаров, каждый в своей открытой лавке, от зари и до зари занятый работою, не обращая внимания на мимо текущую толпу, до такой степени многолюдную, что в иных местах невозможно пробиться, ибо 300 000 жителей волнуются по узким торжищам Каира. На углах площадей или в преддверии мечетей сидят женщины, торгующие плодами; на лице их черная сетка с двумя только широкими отверстиями для глаз, безобразно спускается в виде длинного кошелька на грудь. Другие идут с водноносами на голове и на плечах, живописно украшенные синим покрывалом, которое, сбегая волнами с их головы, обвивает легкий стан почти до ног и дает им вид дев Мадиама, изображенных рукою художников: нельзя не любоваться сим картинным покрывалом (скрывающим по большей части не красоту, а безобразие и отвратительную нечистоту), равно как и ловкостью, с какою женщины сии носят тяжкие кувшины, одною рукою придерживая их на голове, другую неся на плечах голого младенца.

Богатые эмиры, племени Магомета, сидят в лучших одеждах в преддверии домов своих, обращая каждый день свой и целую жизнь в тщетный дым, клубящийся из их роскошных трубок. Они смотрят, как смуглый всадник Мегемета-Али в разноцветной яркой одежде промчится мимо на борзом коне или как медленно и важно проедет на богато убранном лошаке один из

шейхов столицы с лоснящимся негром впереди его или со стройным абиссинцем, отличающимся правильными чертами, но не столь ценным, ибо чернота выходит на его лице пятнами. Они не пропустят шейха без мирного привета «Салам» и подадут всегда... кому-либо из бесчисленных слепых Каира, которые, следуя ощупью вдоль стен по частым изворотам улиц, дотронутся рукою до полы их одежды или, слыша знакомый голос, остановятся славить Аллаха и эмира. Но те же эмиры, увидя едущую на осле даму франкскую, окутанную с головы до ног в черное покрывало, не могут не пожалеть со вздохом о благодати пророка, доселе терпящего неверных! Если же гордо и дико пройдет в пестрой чалме, с богатым оружием и в белом, красиво наброшенном плаще смуглый араб — и ему от них дружественный салам; он нужен в пустыне, это шейх одного из племен бедуинских. Когда же громкий глашатай из улицы в улицу возвещает какое-нибудь повеление паши, они жадно внимают вести, будущему источнику беседы.

Между тем целый караван лошаков тянется по улицам с товарами всех частей света, или медленный строй верблюдов, несущих воду Нила в бесчисленные бассейны мечетей и фонтанов, везде заслоняет дорогу, беспрестанно останавливаемый жаждущими напиться свежей и священной воды Нила из наполненных ею мехов, или дети арабские, извозчики Каира, ловят на дороге прохожих, ставя поперек улицы красивых и сильных ослов, с хорошими седлами, и на смех предлагают их ругающимся грекам и армянам, которые лучше обойдут весь город пешком, чем истратят на них деньги, или важным и толстым коптам, сим древним сынам Египта, которые отличаются всегда темною одеждою, тучностью и здоровым видом и занимают по большей части места писцов у вельмож арабских в краю, где властвовали их предки.

Настал полдень; он возвешен с высокого минарета Мечети Гассана, и со всех четырехсот мечетей Каира раздаются томные и унылые крики муэдзинов, славящих единство Аллаха и созывающих к молитве. Сей дикий, но величественный хор... наполняет глубину улиц, обращая весь Каир в один молитвенный храм; все оставляют работы: одни стремятся в мечети, другие, подстилая ковры, обращаются лицом к Мекке и, сидя на коленях, творят поклоны — картина безмолвная и ве-

личественная, достойная существа, к которому в сию минуту обращены все молитвы, и внушающая невольное благоговение страннику благочестивым обрядом веры, хотя чуждой, не просвещенной благодатию, но вместе с ним признающей творца единого!

Но зрелище Каира, несколько томное и грустное во дни поста, оживляется в веселые ночи рамадана, которых жадно ожидает тощий народ, изнуренный лишениями долгого дня. Та же толпа на улицах, но все в радостном движении, и разноцветные лица и одежды ярко выходят из мрака внезапным блеском факелов, несомых пред шейхами, и снова погружаются в густой дым, облаком от них бегущий. Пред входами живописно освещенных лампами мечетей слепые рапсоды монотонно поют стихи из Корана или длинные поэмы в честь пророка и его сподвижников. На площадях в кругу шумного парода пляшут знаменитые альмы без покрывал, в шитых золотом платьях, забавляя страстных к сим пляскам арабов наглыми движениями, составляющими их главную цену. Все съестные базары освещены и открыты; бесчисленные кофейни светятся в темноте улиц, и внутри их видны телодвижения лучших рассказчиков, которые занимают важных мусульман, странно им противоположных своим бесстрашием и неподвижностью. Везде шум и жизнь, и беспрестанный перелив света и мрака, перебегающий по улицам вслед за движением бесчисленных факелов, придает новое очарование сей картине, как будто силою волшебства на миг вызываемой из глубины ночи и вновь исчезающей. Все сие зрелище кажется роскошно олицетворенным отрывком из «Тысячи одной ночи», для чьих приключений часто служил поприщем Каир. Но когда все в нем достигает до высшей степени буйного веселья, тот же мощный, но более величественный хор раздается в высоте над мраком Каира, скликая к пятой и последней молитве, погребальными звуками чуждой жизни столицы и как бы возвращая ночь ее назначению.

Таким дивным зрелищем поразил меня Каир, когда на другой вечер после моего приезда я отправился по приглашению паши в вышгород с факелами и с двумя ясакчи, которые еще не перестали носить в Египте имени янычар. Во вратах крепости эль-Азаб встретил я малолетнего внука Мегемета-Али, Аббаса-пашу, едущего на молитву в Мечеть Гассана, при свете многочислен-

ных огней, озарявших пышную свиту и богато убранных лошадей. Они мелькнули и исчезли, и дикие башни вышгорода снова погрузились в густой мрак, который уже не прерывался до самого дворца. Множество коней и лошаков, коих владельцы сидели на совещании в государственном диване, наполняли двор, и их черные саисы вместе с стражами паши толпились у крыльца. Я взшел в верхние залы; там, пред приемною Мегемета-Али, придворные его сидели на коленях на разостланных по всему полу циновках и творили последнюю молитву рамадана, молясь вместе и о благоденствии паши, который по своему сану избавлен от общей мольбы и спокойно сидел в углу обширной залы, куда ввели меня по окончании духовного обряда.

От развалин Мемфиса мы начали возвращаться к северу через многие села и пальмовые рощи, насаженные правильными рядами по воле Мегемета-Али, который обложил жителей за каждую пальму двумя левами подати. Сии искусственные рощи приносят большую пользу Египту, защищая его от убийственного ветра, хамсин, веющего до наводнения в течение мая и июня, от которого почти задыхаются жители. Но с тех пор как размножились пальмы, воздух Египта освежился и облегчилось несколько душное веяние ветра пустынь нубийских. С лишком за три часа вверх от Мемфиса и близ оставленного монастыря коптов мы спустились к Нилу и, снова переплыв его на барках, вступили на противоположном берегу в стан Мегемета-Али.

После мертвой тишины левого берега Нила, наполненного только великими воспоминаниями развалин, странен внезапный переход в шумный стан сей, где дикими толпами теснятся вокруг рассеянных вдоль реки шатров войска паши, ни в какое время года не изменяя кочующей жизни своей. Здесь с первого шага пропадает очарование древнего Египта и его новые обладатели являются в своем истинном виде. Черные, смуглые и белые лица солдат пестреют вместе с их разнообразными одеждами. Совершенный беспорядок царствует в сем обширном полчище, которое только в строю заслуживает название регулярного. Франки, посвятившие себя его образованию, должны влачить горькую жизнь в сем невежественном кругу, не пользуясь уважением подчиненных, ни самого паши, который пренебрегает ими как наемниками, назначив большую плату, не всегда

исправно выдаваемую; в течение знойного лета один только намет защищает их от горящего неба Египта. По ловкой осанке легко можно отличить их от сей грубой толпы; но их немного мелькает на пространстве всего лагеря, который тянется до старого Каира.

А. С. Норов в Египте и Нубии

В конце 1868 г. литературный и научный мир России был заинтересован большой статьей, напечатанной в официальном журнале «Военный сборник» одним весьма уважаемым человеком, участником Отечественной войны 1812 г. Автор статьи резко возражал Л. Н. Толстому, только что опубликовавшему «Войну и мир», по поводу трактовки им исторических событий, изображения ряда исторических лиц и особенно философского осмысления этой войны. Между тем автор на шумевшей статье не только принадлежал к поколению героев романа, но и сам был похож на некоторых из них. В его характере переплетались черты Андрея Болконского, Пьера Безухова, Николая и Петра Ростовых; многое в судьбах этих героев Толстого повторяло эпизоды из его жизни.

Авраам Сергеевич Норов был типичным представителем русской дворянской интеллигенции первых двух третей XIX в. Он родился 22 октября 1795 г. в родовом имении Ключи Саратовской губернии в богатой и образованной помещичьей семье. Норовы были в родстве со знаменитой Е. Р. Дашковой, директором Петербургской академии наук, а через мать будущего ученого-путешественника — с семьей Кошелевых, давшей России немало передовых людей. Начальное образование он получил дома по обычаю своего времени и своего класса. Затем мальчика отвезли в Москву и определили в Университетский пансион, выпускники которого, как правило, продолжали образование в Московском университете.

Однако международное положение было таково, что многие сверстники А. С. Норова, получив кое-какое образование, отправлялись прямо на поля сражений; звезда Наполеона была в зените, и развитие Европы шло под знаком наполеоновских войн. В 1810 г. Авраам Норов, не закончив курса в Университетском пансионе, поступает юнкером в гвардейскую артиллерию. В самом конце 1811 г., как раз накануне Отечественной войны, шестнадцатилетний юнкер был произведен в прапорщики.

Первым сражением в его жизни была Бородинская битва, в которой он командовал полубатареей из двух пушек. Тяжело раненный картечью (в бою он потерял обе ноги), семнадцатилетний

офицер вместе с госпиталем в Москве оказался в плену. Однако он выжил благодаря уходу французских врачей, в том числе лейб-медика Наполеона, знаменитого доктора Лярея.

Под влиянием всего пережитого юноша Норов «становится другим человеком». 1813 и 1814 гг. он живет безвыездно в своей деревне, много читает, самостоятельно изучает иностранные языки *, западноевропейские и славянские, литературы, историю, высшую математику, астрономию. Он пишет стихи, в которых переплетаются отзвуки его переживаний, философские размышления и только что приобретенные знания.

Первое печатное произведение А. С. Норова — отрывки из философско-дидактической поэмы «Об астрономии». Они были опубликованы в 1818 г. в журнале «Благонамеренный». Позднее в разных журналах появилось несколько его лирических стихотворений. Конечно, по своим художественным достоинствам эти стихи просто меркли в сравнении с появлявшимися в те годы в журналах стихами Пушкина, Баратынского, Дельвига, Рыльева, Кюхельбекера. Это понимал и сам А. С. Норов, занявшийся в основном стихотворными переводами. Высокими достоинствами отличались его переводы с итальянского: «Божественная комедия» Данте, сонеты Петрарки, стихи Леопарди и других итальянских поэтов XIX в. Позднее, изучив греческий язык, он перевел всего Анакреонта, но не решился свой перевод опубликовать.

Несмотря на тяжелое увечье, А. С. Норов в 1819 г. возвращается на военную службу, а в 1821 г. отправляется в первое длительное путешествие. Германия, Париж, Рим — таков был обычный маршрут русских путешественников того времени, которых сейчас называли бы туристами. А. С. Норов также провел несколько месяцев в Германии и Франции, уделяя особое внимание историческим памятникам и усердно собирая книги по различным отраслям знаний, особенно по истории, искусствоведению, новым и классическим литературам. Но в Италии путешественник и книголюб превратился в подлинного исследователя. Он самым внимательным образом изучает эту страну, причем не только сравнительно доступные для тогдашнего туризма северные области, но и отсталый, «разбойничий» юг. Он открывает для себя Сицилию с ее своеобразной, «почти африканской» природой, знакомится с ее историей и населением. Это была первая поистине экзотическая страна, увиденная и исследованная А. С. Норовым. Можно сказать, что именно в Си-

---

* В это и более позднее время А. С. Норов овладел основными западными языками: французским, немецким, английским, испанским, итальянским, славянскими, в том числе чешским и лужицким, а из мертвых языков — старославянским, латинским, греческим и древнееврейским.

цилии А. С. Норов, потрясенный красотой южной природы, стал настоящим писателем-путешественником.

Вернувшись на родину в 1822 г., Авраам Сергеевич приводит в порядок свои путевые заметки и на их основе пишет двухтомную книгу «Путешествие по Сицилии в 1822 году».

В этой книге уже присутствуют все основные достоинства более поздних произведений А. С. Норова: обширная эрудиция, наблюдательность, мастерские описания природы, памятников искусства и архитектуры, обнаруживается глубокий профессиональный интерес к древней и средневековой истории, археологии. Особенное внимание автор уделяет памятникам раннехристианского и византийского времени. В этом находила выход глубокая религиозность А. С. Норова, лишенная всякого фанатизма или нетерпимости, но странным образом уживавшаяся в нем с ненасытной жаждой научных знаний. Эту черту мы обнаружим и в его более поздних произведениях.

Настоящего путешественника отличает от туриста, между прочим, более или менее четкая ориентированность на определенные ландшафты или страны (так, в частности, Рокуэлл Кент объяснял свою тягу на север). А. С. Норова привлекал юг. Однако волею обстоятельств свои следующие путешествия Авраам Сергеевич должен был совершить «на хладный север» и в «туманный Альбион».

К этому времени он, дослужившись до чина полковника в артиллерии, был переведен на гражданскую службу. В 1827 г. он состоит чиновником особых поручений при министерстве внутренних дел, откуда прикомандировывается к эскадре адмирала Сенявина как человек, в совершенстве владеющий английским языком и способный вести переписку и переговоры с британскими властями. Вместе с эскадрой Сенявина А. С. Норов посещает Англию.

Следующие пять лет А. С. Норов безвыездно живет в России, в основном в Петербурге. Он служит в министерстве внутренних дел. Служба не очень тяготит Норова, несмотря на немалую ответственность и постоянную занятость в различных комиссиях; министр, видя в нем скорее историка и литератора, поручает ему написать историю министерства за 20 лет. А. С. Норов блестяще справляется с этой задачей.

В этот период укрепляются связи Норова с лучшими представителями русской культуры. В годы безвременья, духовного застоя, жандармского сыска, николаевской реакции, после подавления восстания декабристов (со многими из которых он был близко знаком) Авраам Сергеевич часто встречался с А. С. Пушкиным, В. А. Жуковским, П. Я. Чаадаевым, О. И. Сенковским, В. Ф. Одоевским, П. А. Вяземским.

В это время А. С. Норов готовится к новому путешествию — в Турцию, Палестину, Египет.

Осенью 1834 г. А. С. Норов отправляется в путешествие — через страны Восточной Европы в Египет, Нубию, Палестину, Сирию и Малую Азию. Вновь он посещает славянские области тогдашней Австро-Венгрии, а также Вену и итальянские города Триест и Аквилею, затем по Адриатике и Средиземному морю прибывает к берегам Египта. 6 декабря он уже в Александрии и в течение трех дней осматривает старый и новый город, интересуясь не только памятниками прошлого, но и «экономическим бытом настоящего Египта», затем обычной тогда дорогой по каналу Махмудийя и Нилу на арабской дахабии направляется в Каир. 12 декабря 1834 г. русский путешественник уже в столице Арабского Востока. Здесь он останавливается надолго, осматривая город и совершая поездки по окрестностям: в Матарие, где находилось легендарное фиговое дерево, в Гелиополис, Канка, в долину пирамид, в Мемфис, где впервые увидел развалины одного из древнейших городов мира. В Каире он близко знакомится с видными государственными деятелями Египта: военным министром французом Солиман-беем, лейб-медиком Мухаммеда-Али Клот-беем, бывшим военным министром Махмуд-беем, а также первым министром Мухаммеда-Али Богос-беем (армянином по национальности), сторонником сближения Египта с Россией. В доме Солиман-бея А. С. Норов встречается с французскими утопистами, последователями Сен-Симона, о которых отзываясь с большой симпатией, не одобряя, впрочем, их убеждений.

Сам Мухаммед-Али дал знатному путешественнику продолжительную аудиенцию, которой придавал большое политическое значение.

Ранней весной 1835 г., в первый день праздника байрам, А. С. Норов покинул Каир, направляясь в дахабии вверх по Нилу. Он проплыл под парусом вдоль берегов Верхнего Египта и Нижней Нубии вплоть до Вади-Себуа на юге и тем же путем вернулся на север. За время путешествия Норов внимательно изучал памятники эпохи фараонов, в том числе Карнак и Луксор, эллинистической и римской эпох, а также христианские древности.

Это путешествие имело ярко выраженный научный характер и оставило след в исторической науке, так как А. С. Норову удалось описать и зарисовать некоторые памятники прошлого (в частности, фрески в древних нубийских церквах), позднее разрушенные. Вместе с тем Норов к своему путешествию относился как к религиозному паломничеству «по святым местам Африки». Открыв в одной из нубийских церквей прекрасную фреску, он не только скопировал ее, но и молился перед ней.

На обратном пути, в Манфалуте, русский путешественник увидел на Ниле нарядную флотилию правительственных судов — здесь находились сам Мухаммед-Али, Богос-бей и их приближенные. В Манфалуте состоялось последнее свидание А. С. Норова с египетским правителем и его первым министром. Мухаммед-Али сообщил путешественнику о событиях в России, о положении на Ближнем Востоке, снабдил его полезными советами относительно предстоящего путешествия в Палестину и Сирию. Между прочим, Норову впервые после того, как он расстался с русским консулом в Каире, пришлось услышать родную речь: хорошо говорил по-русски племянник Богос-бея, получивший военное образование в России.

Из Египта путешественник стремился к главной цели своей поездки на Восток — в Иерусалим, куда он намеревался прибыть на пасху. Санитарный кордон, воздвигнутый на Синайском полуострове по случаю эпидемии чумы, грозил сорвать его поездку, однако выручил сын Мухаммеда-Али, Ибрагим-паша, который принял русского путешественника, имел с ним беседу на военные темы и в заключение предоставил ему пропуск в Палестину.

Пасху 1835 г. Норов проводит в Иерусалиме, праздуя ее вместе с монахами всех христианских сект и паломниками, прибывшими со всех концов света. Здесь он наблюдает две группы африканских христиан — коптов и эфиопов. Еще в России из литературных источников он узнал, что «три главные нации обладают храмом святого Гроба: греки, латинцы и армяне. Копты, сиряне и абиссинцы малочисленны и пользуются малыми правами». Теперь же он мог ближе познакомиться с этими последними представителями африканского христианства. В приделе храма Гроба господня русский путешественник находит небольшой эфиопский монастырь. «Монастырь абиссинцев, во имя с. Марка, есть укромное жилище малого числа представителей этой нации. Должно сказать к чести армян, что они содержат их за свой счет. Абиссинцы принимают иудейское обрезание и, подобно яковитам, вместо крещения клеймят на теле горячим железом кресты*. При папе Клименте VII они изъявили желание принадлежать Римской церкви».

На пасхальном богослужении в этом храме А. С. Норов с особым интересом наблюдал африканских христиан: «Все поклонники, желающие говеть, заключаются на всю страстную неделю во храме святого Гроба... Непривыкший взор европейца оскорбляется множеством чалмоносцев; но это христиане коптские и абиссинские. Все службы совершаются ночью, как во время гонений христианства.

---

* В тексте А. С. Норова неточность: эфиопские христиане признают и обряд крещения в купели.

Но это устроено более для того, чтобы при таком стечении народа, живущего во время страстной недели в храме, благоговение во время дневной службы было бы непрестанно нарушаемо людьми, не принадлежащими тому вероисповеданию, которое совершает церковное служение; а во время ночи они отдыхают... Службы разных исповедей почти не прекращались всю ночь и следовали одна за другой. Я засыпал при протяжном пении латинцев или под звуками тимпанов сириан и абиссинцев».

Вернувшись в 1836 г. в Россию, А. С. Норов с обычной для него тщательностью подготовил издание книги о своем путешествии. Она вышла из печати в 1838 г. под названием «Путешествие по Святой Земле» и пользовалась огромным успехом у читателей, выдержав за 16 лет три издания. В 1862 г. в Лейпциге появился немецкий ее перевод, также разошедшийся очень быстро. Успеху книги А. С. Норова у массового читателя не помешала конкуренция аналогичных сочинений других авторов, в том числе А. Н. Муравьева, издававшихся и переиздававшихся примерно одновременно с «Путешествием по Святой Земле»; читателей привлекали яркие картины природы, памятников старины, восточных городов, красочной толпы, типы людей Востока. Но и ученые России и Германии высоко оценили «Путешествие» за профессионально выполненные описания архитектурных объектов. Всем читателям импонировала обширная эрудиция автора. Для современных исследователей книга А. С. Норова интересна как исторический источник.

Меньший успех выпал на долю лучшей из книг А. С. Норова — «Путешествие по Египту и Нубии». Она появилась в свет в 1840 г. в качестве двухтомного дополнения к «Путешествию по Святой Земле». Оно и понятно: рядовым читателям она казалась излишне перегруженной научным материалом: подробными описаниями архитектурных памятников, обширными цитатами из Библии, греко-римских, раннехристианских, арабских и средневековых авторов (в то время основная группа источников по истории Египта), текстами различных надписей в подлиннике и в переводах, изложением научных гипотез самого автора и пр. Конечно, теперь гипотезы эти устарели, однако около середины XIX в. они представляли несомненный научный интерес. Но описания храмов и других памятников старины выполнены так ярко и художественно, что делают «Путешествие по Египту и Нубии» одним из шедевров русской литературы путешествий. Картины природы и быта нильских народов являют собой в этой книге как бы роль фона, на котором разворачиваются описываемые исторические события и высятся исторические памятники. И все же целый ряд эпизодов путешествия обретает самостоятельное значение, донося до читателя неповторимые черты стран долины Нила в правление Мухамме-

да-Али, и в этом отношении представляет ценность для современных историков Египта и Судана. К сожалению, «Путешествие по Египту и Нубии», прекрасно изданное в 1840 г., с тех пор ни разу не переиздавалось.

Вернувшись из путешествия, А. С. Норов должен был продолжить службу в министерстве внутренних дел, но в 1839 г. был назначен на должность члена комиссии по подаче прошений на высочайшее имя. Как правило, от действий членов комиссии зависело благополучие, а часто и жизнь подававших прошения царю и их близких. Трудно даже представить себе, сколько решений о помиловании осужденным или о материальной помощи было принято благодаря А. С. Норову. Логическим продолжением гуманной деятельности Норова на этом поприще было избрание его членом филантропического «Императорского человеколюбивого общества» в 1849 г. и тогда же — членом Сената, высшего судебного органа Российской империи. Однако ярче всего А. С. Норов проявил себя как общественный деятель, находясь на службе в министерстве народного просвещения.

В 1851 г. он был назначен товарищем министра, а через три года — министром просвещения и оставался на этом посту около пяти лет (1854—1858 гг.). Прежде всего А. С. Норов позаботился о том, чтобы улучшить положение народных учителей, затем увеличил число студентов в университетах, выхлопотал разрешение правительства отправлять наиболее способных выпускников университетов для учебы за границу, учредил государственные премии в области науки и литературы и провел целый ряд других реформ. Верный интересам «своей» науки, А. С. Норов значительно расширил преподавание древних языков в русских университетах. Он добивался отмены цензуры. Но старания его были безуспешны.

Однако такой благородный, добрый и гуманный человек, как А. С. Норов, был совершенно беспомощен в мире правительственных интриг и ведомственных интересов. Его министерство быстро превратилось в золушку бюрократической системы, чиновники саботировали его распоряжения и роптали на «бесхарактерность» начальника, даже студенты, по воспоминаниям путешественника М. П. Венюкова, «его не трепетали, даже, пожалуй, любили, но их основное мнение было, что он ни рыба ни мясо...» А. В. Никитенко, ближайший сотрудник А. С. Норова по министерству просвещения, с раздражением писал в своем дневнике: «Как бы он ни был просвещен и гуманен, он не способен противиться долго натиску враждебных обстоятельств».

Выйдя в отставку в 1858 г., А. С. Норов целиком отдался научной деятельности. Он участвует в издании русских летописей

и исторических актов, исследует целый ряд памятников древнерусской и византийской литератур, в том числе «Хождение игумена Даниила» и греческое «Послание Марка Эфесского», которое публикует в Париже, совершенствуется в древнееврейском языке, ведет переписку с известным чешским ученым-славистом и национальным деятелем В. Ганкой. В письмах В. Ганки к А. С. Норову часто упоминаются редкие книги, которые чешский ученый покупал в Праге и Вене для своего русского корреспондента, в том числе средневековые чешские итинерарии в Иерусалим и Египет, где содержатся сведения об африканских христианах. Со своей стороны А. С. Норов отправлял В. Ганке русские книги. Эти приобретения пополняли диковинную норовскую библиотеку, которая содержала среди прочих книг большое число славянских и греческих манускриптов, первопечатные книги, редкие издания XVII—XVIII вв. на западноевропейских, славянских, греческом и восточных языках, обширную литературу по истории, классической и восточной филологии, богословию. Особенно богатая литература была собрана об Египте, Палестине, Сирии и Нубии. Интересно отметить, что ряд наиболее ценных греческих рукописей А. С. Норов приобрел в 1835 г. на Востоке.

О широте научных интересов Авраама Сергеевича свидетельствует опубликованное в 1854 г. его «Исследование об Атлантиде», в котором, однако, отразились его впечатления от путешествий в Африку.

В 1861 г., тяжело переживающий недавнюю смерть жены и верный внутреннему обету, А. С. Норов совершает свое последнее путешествие в Палестину, на Синай и в Малую Азию.

Умер А. С. Норов в Петербурге в 1869 г.

Отрывки из книги А. С. Норова «Путешествие по Египту и Нубии...» приводятся по единственному ее изданию: А. С. Н о р о в, Путешествие по Египту и Нубии в 1834—1835 гг., СПб., 1840.

Часть I

Первый шаг на этот берег Африки поразителен для европейца. Это раскаленное солнце и знойный песок, народ черных, их восточная одежда или их нагота; эти уродливые и вместе кичливые верблюды, влекущие мести с водою; женщины, подобно привидениям, завернутые в белые саваны, с завешенными до глаз лицами, с пронизательными взорами; то с кувшином на голове,

то с нагим младенцем, сидящим верхом на их шее; эти имамы, сидящие поджав ноги, в глубокой задумчивости, с четками в руках и с молитвами пророку на устах; роскошные муселимы, едущие то на гордой арабской лошади, то на богато убранном осле; слепые и изуродованные нищие, лежащие как бы без чувств и палимые солнцем; этот оборванный, изнуренный народ, волнующийся туда и сюда, расталкиваемый палицами янычаров, которые сопровождают вельмож или европейцев; эти ни на что не похожие переходы, называемые улицами,— все это вам кажется сном, и вы стараетесь увериться в истине видимого вами.

Я ожидал видеть город, но чем более погружался в изгибы или ущелья Александрии, тем более искал ее и, только выйдя на площадь Франков, которая состоит из линии хороших домов европейских консулов, я увидел, что имя города можно приписать единственно этой площади, части старой гавани и несколькими казенным домам, обращенным на новую гавань; даже мечети в Александрии редки и нисколько не красивы. Словом сказать, все здесь наводит какое-то уныние на путешественника; оно овладело до глубокой степени двумя моими людьми, которые, быв ослеплены блеском Вены, Триеста и Венеции, ожидали после двухнедельного бурного плавания найти приятное отдохновение за морем. Эта бесплодная пустыня и этот уничиженный род человеческий поразили их так сильно, что я должен был истощить все мое красноречие, чтобы их уверить, что не весь Египет таков, но все было напрасно: первое впечатление осталось в них на все время их путешествия. Я вспомнил тогда, что то же самое произошло с солдатами армии Наполеона.

Со всем тем общий вид Александрии, как например с высоты террасы дома нашего консула, имеет какую-то меланхолическую прелесть. С северной стороны по голубому полю необъятного моря рисуется в виде молотка или, как говорят древние писатели, в виде македонского панциря грустная и пустынная Александрия.

Обелиски Александрии находятся на берегу новой гавани, между береговою стеною древнего города и стеною новейшего построения. Не палаты кесарские, не сладострастное жилище Клеопатры возвышаются около них; теперь этот царский квартал (Buchion) покрыт

землянками полунагих арабов, обитающих там вместе с своими стадами. Один из сих обелисков, присвоенный имени Клеопатры, еще гордо высится над рассеянным прахом великолепия; другой повержен и частью занесен знойным песком; он лежит на обломившихся сводах и служит огромною перекладною поперек небольшого оврага. Я попирал пыльною стопою его розовый гранит и его задумчивые иероглифы, которых глагол был слышан во времена фараонов. Оба обелиска, по свидетельству Плиния, были перевезены сюда из Мемфиса во время греческого владычества. Он их относит ко временам Мемфреса и говорит, что они стояли против царских чертогов; но по новейшим исследованиям на них открыты имена Мериса и Сезостриса. Время наложило на них руку свою; на южной стороне обелиска многие иероглифы почти совсем изгладились. Оба эти памятника давно уже подарены Мегметом-Али; один, стоящий — Франции, а другой — Англии; но трудность перевоза этих масс удерживает их еще среди родных песков. Волны новой гавани, обтекающие полуциркулем этот запустелый берег, подмывают его беспрестанно однообразным плеском. Отсюда можно хорошо обозреть положение этой гавани и древнего фароса. Этот знаменитый маяк воздвигнут Состратом Книдским и считался одним из семи чудес света. На нем была следующая надпись: «Сострат Книдский, сын Дексифанов, богам, спасающим плавающих». Опасность египетского берега и входа в обе гавани Александрии всегда были одинаковы. Фарос получил свое название, сделавшееся общим, от каменного островка, на котором он был построен и который соединялся водопроводом в виде моста с другим большим островом того же имени; на этом последнем стоит теперь дворец паши и часть города, но он уже более не остров; наносимая Нилом земля и развалины древней Александрии присоединили его к материку. И прежде он присоединялся к нему, но посредством молы, называемой *Heptastadium*, разделявшей обе гавани *Eunosti* и *portus magnus*. Это место теперь застроено домами. От восточной оконечности большого порта, вдревле *Argo-Lochias*, и до гробового города (*Necropolis*), замыкающего порт Евности, тянутся груды камней; это следы развалин града Александра. Еще теперь видна линия и часть мостовой той главной улицы, которая проходила через весь город

от ворот Каноповых, porta Canopica, до Некрополиса; тут были гимназия и форум. Колонны гимназии существовали еще не так давно; наконец, некоторые из них были скрыты и перенесены в ближнюю укромную мечеть; не помещаясь в ней по высоте своей, они были перепилены! Оставались еще три превосходные колонны розового гранита; сжалившийся над их судьбою французский консул г. Мимо решился приобрести их своему отечеству; он часто направлял свои прогулки к этому месту — как вдруг однажды не нашел их более. Один из беев Александрии велел их подорвать и употребить на какие-то крепостные постройки. Отсюда ведет дорога, между нескольких букетов пальм, через городские ворота, к Помпеевой колонне.

Плавание от Александрии до Каира

У колонны Помпеевой простился я с Александриею и направился к каналу Магмудье, где меня ожидала канджа. Последние лучи солнца освещали еще капитель величественной колонны и отражались тихою зыбью Мареотийского озера, когда я с легким ветром удалялся от сего берега.

Ночь сошла очень быстро, ясная и тихая, — здесь нет этой постепенности перехода от дня к ночи, здесь нет европейских сумерков; глубокая темнота почти внезапно заступает угасший день. Моя канджа была довольно красива и расписана цветами. Русский консульский флаг, который мне сшили в Александрии, развевался над двумя трехугольными парусами. Арабы были довольно благовидны, и попутный ветерок нес нас скоро мимо песчаных берегов канала Магмудье; весьма изредка его оживляют букеты пальм, которыми отведены дачи Бекир-Бея, Бессона и некоторых других вельмож паши. С обеих сторон раздавался близкий гул вод от озер Мареотийского и Эдку, отделенных от канала тонкою песчаною грядою. Канал Магмудье, соединяющий Александрию с Нилом, назван в честь султана, когда Мегмет-Али еще не восставал открыто против него.

В середине ночи я был пробужден криками; ветер затих, арабы тянули мою канджу гужом, поощряя друга друга пронзительным заунывным напевом, потрясавшим

мои нервы, и твердя все одно и то же: «Тагаль Абу Салем!..» Приди, отец Салем, то есть на помощь; и так с помощью отца Салема мы прибыли еще часа за два до восхождения солнечного в местечко Эль-Атфе. Здесь канал соединяется посредством шлюзов с Нилом. Александрийские канджи доплывают только до этого места, и для продолжения плавания по Нилу здесь нанимаются большие суда, называемые дагабие. Канал Магмудье, соединивший Александрию с Нилом, принес большую пользу торговле, облегчив перевозку товаров, которые дотоль должны были подвергаться опасному плаванию морем вдоль низменного берега. Но этот канал затягивается осадкою Нила при отступлении воды после наводнения и в продолжение 7 месяцев ежегодно бывает уже неудобен для плавания близ реки. Нынешний год придумали, чтобы содержать небольшое течение на затянутой части, возвысить воду посредством тридцати горшечных колес, столь употребительных в Египте. Теперь занимаются новым чертежом канала. Песчаный берег при устье этого канала покрыт землянками бедных арабов. Я спешил увидеть освященные веками воды Нила и с восходом солнца один, без докучных свидетелей, ступил на его берег.

Какой внезапный переход природы от истощения к роскошному плодородию! Я переступил только несколько шагов, и все передо мною переменилось! Как не узнать Нила! Вот его чародейство! Желтые струи его быстро катились в огромном русле. Восток горел пурпуровым светом зари, а горизонт резко отделялся плоскою черною линией берега, покрытого яркою зеленью рисовых посевов. Рощи стройных пальм рассекали великолепными вершинами лазурный небосклон. Едва первые лучи солнца блеснули из-за отдаленной пустыни, как вдруг тишина, царствовавшая вокруг меня, была нарушена звонким голосом муэдзина, возвещавшего с высоты минарета стихом Корана восход царя светил; по его голосу быстро начали выходить из жилищ пробужденные поклонники пророка; весь берег покрылся смуглыми египтянами и черными арабами, потянулись верблюды и ослы, и все пришло в движение. В Эль-Атфе складка товаров Каира и Александрии. Несколько хорошо построенных кирпичных домов с террасами стоят на берегу. Европейский комиссионер, к которому я был адресован, боялся подойти ко мне, как к чумно-

му, и в очень далеком расстоянии кричал мне, что он готов все для меня сделать, только б я к нему не подходил. Несмотря на все мое желание поговорить с европейцем, я оставил его, а он выполнил все мои поручения, и только перед отплытием мы простились с ним знаками. Все его предосторожности не предохранили его; через несколько времени он сделался добычею немолимой чумы. Дагабия, или барка, которую мне нанял мой минутный знакомец, была не очень благообразна, но, за большим выездом из Александрии, другой не было. Подряд был сделан за 250 пиастров (62½ руб.), а когда я перебрался, то хозяин набавил еще 50 пиастров. Дагабии не совсем безопасны для плавания. Реи огромных трехугольных парусов равняются толстотою с мачтами, к тому же постройка сама по себе очень валкая; грузу очень мало, и он набросан без всякого уравниения. Каюта хотя и просторна, но она сделана по восточному обычаю для сидящих поджавши ноги, а стоять невозможно. На крыше каюты сидит с трубкою во рту рулевой и за огромностью парусов едва видит, куда должно править. Часто... он правит, двигая руль спиною. Издали вид этих барок довольно живописен.

Мы быстро направились к противоположному местечку Фуа; его мечети и фабрики арабского зодчества живописно рисуются; кирпичные строения выложены так чисто, как в Голландии. Напротив Фуа — роскошный остров; везде букеты пальм, сикоморы и высокий тростник, среди которого отличается священный лотос. Очаровательная панорама быстро бежала мимо моих глаз. Я заметил деревню Селамие с двумя мечетями среди пальм и местечко Романие с четырехкупольною мечетью, заменившее древний Навкратис.

С захождением солнца ветер затих, и Нил, будучи тогда освещаем косвенно, принял вместо желтого голубой цвет. Водовороты весьма сильны при каждой излучине берега. У Шебреиса нас потянули гужом. Это селение напоминает Шабриас Страбонов. Прозрачность неба, тихий ветер, величественная плоскость земли, ничем не нарушаемая тишина Нила, отражавшего, как в зеркале, роши стройных пальм, — все это давало какую-то торжественность этой живой картине! Женщины, живописно драпированные, в синих тканях, с водоносами на голове, пробирались в сумерках к деревне,

куда направлялись также несколько навьюченных верблюдов.

Мы ночевали возле дикого берега у места, называемого Сеа-эль Хагар, где виднелись груды нестройных развалин. Это остатки Саиса! Пользуясь светом потухавшего дня, я несколько осмотрел местность столь славную, где возвышалась некогда грозная статуя богини Нейт, или Природы.

Ночь мрачная, но звездная застала меня на развалинах Саиса. Необычная яркость звезд прельщала взор. Красота этого неба объясняет пламенную любовь египтян к астрономии и к астрологии. Созвездие треугольника напомнило мне древнее сказание, что природа образовала под этим созвездием Нижний Египет в виде буквы Δ — дельты. Та же природа, скрытая под покрывалом богини Нейт и не разгаданная жрецами, была передо мною, меж тем как поколение Рамзесов уже не существует более!

С легким ветерком на рассвете мы продолжали плавание. Берега здесь так плоски, что, плывя по Нилу, видишь по обеим сторонам только две самые тонкие линии чернозема, украшенные яркою зеленью, как две ленты, отделяющие его воды от горизонта. Не видя почти земли, кажется, что плывешь по морю или по воздуху, и только букеты пальм обозначают берега. При восхождении солнца я видел, как две арабские женщины в белых покрывалах, отдалясь от причаленной к берегу барки, поклонялись великолепному светилу дня. Около Фарестака мы потянулись гужом. Наши арабы должны были при устье небольшого рукава Куддабе переплывать для принятия гужа; я удивлялся ловкости, с какою они укладывали свое платье на головы в виде чалмы. Все деревни арабов, которые я видел, состоят из мазанок, склеенных из вязкой грязи Нила; оттого эти деревни сливаются с цветом земли, и берег кажется необитаемым; однако и в этих грубых мазанках можно различить арабское зодчество: двери с огивами, мечетные купола, четверосторонние башни; но все это строение есть минутное, потому что каждое наводнение разрушает его так же скоро, как оно построено.

Около Ешлиме, где Нил делает поворот, образуя большую отмель, мы переправились на восточную сторону; наши матросы, нагие, влекли нас через Нил.

Арабы сложены так хорошо, что могут служить образцами для ваяния, и древние египетские аль-фрески изображают их очень верно. День был облачный, но чрезвычайно теплый, как бы в начале августа в Европе. Тут восточный берег становится песчаным, а западный сохраняет тот же черный цвет; по нем рассеяны огромные сикоморы, из которых каждый образован для кисти живописца. Буйволы и верблюды бродили по лугам. Мы с трудом пробирались между мелями; издали мелькали из-за стройных пальм не менее стройные минареты, которые, кажется, образованы по их рисунку. В Куфур-Бильче, где видна довольно большая мечеть, восточный берег начинает опять оживляться, но западный, в свою череду, делается пуст. Кафр-Дарагие обрисован прекрасными линиями пальм. У Кафр-Лаиса Нил делает крутой поворот. Оба берега чрезвычайно роскошны, особенно у Мунуфара. Тут мы были свидетелями жаркой сцены между нашими арабами и раисом. Он едва не пронзил копьем одного из них, нагого, влекущего дагабию и оказавшего непослушание; острие скользнуло по ребрам, и оттого только, что мы успели оттолкнуть руку расвирепешего раиса; мы с трудом восстановили порядок. Около Шабура подул попутный ветер. Шабур отличается от прочих селений красотой местоположения на крутом берегу и живописностью деревьев, его оттеняющих; тут один сикомор, растущий на самой оконечности берега, конечно, видел не менее двух столетий: он имеет в окружности около четырех человеческих обхватов; тут красивая мечеть, обнесенная зубчатою стеною; возле видны разрушенные водопроводы. Несколько молодых женщин вынесли нам молока, они замечательны своею стройностью и красотой больших глаз, полных огня; накинутая на них синяя драпировка при каждом движении обнажает их члены. Ловкость, с какою они одною рукою придерживают кувшины, замечательна. У Кафр-Геджази мы провели ночь.

Перед отплытием я выходил на берег любоваться, как солнце вставало из-за песочного океана Ливийской пустыни. С большим трудом мы обогнули мыс Эль-Кама; тут, при повороте Нила, я имел случай заметить, как он наносит плодоносную землю; его черный ил резко отделяется от коренного песочного русла. Здесь поднялся такой крепкий попутный ветер, что мой раис

никак не дерзнул с своею валкою дагабиею и с своим слабым искусством продолжать путь. Он причалил к берегу к другой дагабии и переселился к ее раису ожидать у разведенного очага за кофеем и трубкою уменьшения ветра. После долгого отдыха я с трудом мог победить лень моего араба и принудить его к отплытию. Я видел на берегу жестокую битву целой стаи орлов за растерзанного ягненка. Эти орлы превосходят своею величиною самых больших орлов Европы. Большая часть из них были желтоватые, и только один, не принимавший участия в драке, вероятно, уже пресыщенный царь, был белый. Мы приставали к Надиру запастись свежешю провизией. Тут устроен телеграф. Здесь Нил становится шире, но берега пусты; а вдали, ничем не нарушаемая плоскость. Пройдя Буракиат, впервые открываются на западном берегу высоты: это песчаный хребет Джебель-эль-Натрон. В Гизаги, где Нил поворачивает к Терране, землянки арабов имеют вид ананасных конусов с шишками; я узнал напоследок, что это голубятни.

Терране занимает место древнего Tegenuthis. В этом местечке, порядочно обстроенном из кирпичей и где живут несколько европейцев, производится довольно значительная торговля натром, по близости натровых озер, которые не истожились до сих пор от самой глубокой древности. Эти озера отстоят на 14 часов пути от берегов Нила на запад и находятся в обширной пустыне, которая носила название нома или провинции. Эта пустыня драгоценная для христиан; в первые века церкви в ней укрывалось бесчисленное множество отшельников, и она прославилась именами блаженных Павла, Мелании, Аммона, Ефрема, Моисея Араба, Аполлона, Серапиона, Памбона, Пимена, Иоанна, Даниила, Макария и многих других. Их уединенные скиты превратились со временем во столько же монастырей, которых число возросло с лишком до ста. Развалины этих священных обителей разбросаны теперь по далекому пространству безжизненной пустыни. Из них осталось теперь только три бедные приюта, называемые монастырями, где живут несколько греческих и коптских монахов; ближайший из них носит имя св. Макария. Все эти монастыри построены как укрепления; они обнесены высокими квадратными стенами, имеющими сажень по тридцати в сторонах, и с парапетами или террасами. На дворе

возвышается четверосторонняя башня с церковью; сверх того, тут же видны остатки двух или трех других церквей; кельи расположены вокруг стен; на каждом дворе колодезь для ключевой, а другой для дождевой воды. Иные монастыри были окопаны рвом и имели подъемный мост. Слава о некоторых других монастырях не изгладилась донныне; монахи греческие и коптские, в память их святых основателей, ходят на развалины, часто весьма далеко, через знойные пески, нередко с опасностью для их жизни от зверей и зноя,—служат обедни в празднуемые церковью дни.

Противоположно хребту Джебель-эль-Натрон, на котором основаны эти монастыри, тянется другой хребет. Лощина, образуемая этими высотами, простирается от самых пирамид до Средиземного моря. Тут находят множество окаменелых деревьев и раковин. По всем правдоподобностям это есть древнее русло Нила. Это русло называют доселе барбела-ма или безводная река. Таким образом, предания жрецов египетских, сохраненные нам Геродотом, о первобытном образовании дельты и о том, что часть Нижнего Египта была некогда болотом, получают вероятие*. Натр находится в большом изобилии почти по всему пространству долины безводной реки и на поверхностях озер. Добывание и обработка натра отданы правительством на аренду господину Бафи, итальянскому химику, живущему в Терране; он на свой счет устроил в пустыне заведение, при котором находится 130 работников. Там в течение года выделывают до 20 тысяч квинталов натру. Г. Бафи обязан платить по 14 пиастров ($3\frac{1}{2}$ р.) за каждый квинтал правительству. Вывоз натра производится во все порты Средиземного моря и в Одессу. Тот же г. Бафи научил арабов доставать селитру без посредства сгораемых веществ, одним действием солнца. Теперь устроено шесть селитренных заведений; все они находятся возле развалин древних городов, где земля сильно напитана селитрою, которую извлекают через испарение воды. Первое извлечение рафинируется в Каире, в центральном заведении. По сделанному исчислению, все селитренные заведения доставляют до 16 тысяч квинталов. Часть селитры поступает в продажу.

---

* Мы, однако, не можем согласиться, чтобы это было во времена исторические; мы будем иметь случай говорить об этом пространнее.

У Сантю Рази течение Нила при повороте весьма стремительно, и волны бьют кверху острыми конусами. Мы ночевали возле Кафр-Терране. Солнце взошло из-за густого леса пальм и акаций, где находится Атрис-Вардан. Когда мы тянулись гужом, к нам подошел с берега полунагой дервиш, держа в одной руке железный круг и посох, а в другой железную дощечку; он просил милостыни и предлагал взамен свои предсказания; наши ленивые матросы пользовались всеми случаями, чтобы останавливаться, к тому же тут встретилась им женщина с хлебом; тогда, забыв дервиша и бросив гуж, они начали разбирать хлеб, несмотря, что не имели в нем недостатка, и уселись поджавши ноги с трубками во рту; надобно было их обратить к работе угрозами.

Цепь холмов Джебель-эль-Натрон, покрытая наносными песками Ливии, уже совсем приблизилась к западному берегу. Ожидание увидеть пирамиды приводило меня в волнение. Возле Джуреша мы обогнали дагабию голландского консула, который, завидя мой флаг, остановился и посетил меня; он был вознагражден за доставленное мне удовольствие его беседою, получа через меня письмо от его родственников из Европы. Мы продолжали плавание один за другим и опять гужом при восклицаниях арабов «Алла ли еель гамма, еа мулла ее малла!»... Возле Вардана, украшенного мечетью, среди пальмовой рощи, я видел переправу нескольких арабов через Нил на тростниковом плоте с подвязанными внизу горшками, которых отверстия опрокинуты в воду; этот способ плавания есть наследие древних египтян и замечен Страбоном. После Вардана, на западном берегу Нила, видно резкое сочетание песков Ливии с черным туком Нила; во многих местах одерживает победу пустыня, и ее вид необозрим. Вскоре оба берега делаются пусты; кой-где стада верблюдов бродили по дикому берегу, но только что мы начали огибать островок, который лежит против Ашмуна, нам открылись пирамиды!.. Тут я потерял из виду все другое... Взгляд на эти чудесные громады внушает какую-то гордость человеку, показывая ему, до какой степени он могущ; что дела рук его, ненавидимые стихиями, существуют с младенческих веков земли. Если какой-нибудь земной памятник может говорить о нетлении, то это пирамиды! Итак, высокая цель египтян — беспрестанно напоминать о будущем — исполнена. Две боль-

шие пирамиды были уже совсем видны, но игрою отражения атмосферы они казались закругленными снизу, в виде скирд. Высота их дает уже полное понятие о их огромности. Они представлялись на самой оконечности высот Джебель-эль-Натрон. Вскоре они обозначаются правильными конусами, должно б сказать — пирамидами, потому что эта геометрическая фигура получила от них свое название. При повороте у Талие они представляются в конце перспективы Нила и, уже совсем обрисованные, высятся в их настоящей ливийской красоте среди голого песка. Вершина большей пирамиды приметно тупа, другая же совершенно остроконечна. Селение эль-Катти с несколькими пальмами наконец оживляет берег дотоле дикий. Меняющиеся тени дня попеременно дают разные оттенки бокам пирамид; они делаются то голубыми, то лиловыми, то желтыми, а меж них начинает открываться синий хребет гор Мока-тама. Нил делается чрезвычайно великолепен близ Ерагави (Даравуе), там, где он рассечен островами. Тут показывается и третья пирамида, гораздо меньшая. Пальмы селения Даравуе прекрасно рисуются на первом плане. После жаркого дня, как бы в июне, погода сделалась к захождению солнца пасмурною. Мы встретили большую дагабию, нагруженную арабами; на одном ее конце они сидели с трубками, закутавшись в белые плащи, как в саваны, а на другом конце были их жены, завернутые до глаз в синюю ткань. Мы ночуем у островка на оконечности дельты, возле Омепидара; там существовала древняя Серкасора и была обсерватория, построенная астрономом Евдоксом. Здесь разделяется Нил на два главные рукава.

Огромная работа, достойная древних египтян, принята теперь на этом важном пункте. Если труд совершится, то Мегмет-Али станет наряду с Мерисом. Руководимый первоначальною идеею французской комиссии, он решился перепрудить оба рукава Нила двумя каменными плотинами со шлюзами, так, чтоб вода в этих двух рукавах всегда была возвышена на 21 фут, меж тем как плавание имело бы направление через боковые каналы посредством шлюзов с двойными воротами. Цель этого предприятия состоит в том, чтоб доставить всему пространству дельты орошение водою, независимое от разливов Нила, который не всегда равно щедр. Таким образом, чудная почва дельты будет в

состоянии выдержать три и даже четыре посева в год! Таково плодородие Египта! Уже более трех лет, как занимаются этим гигантским трудом, который требовал приуготовительного изучения и, как кажется, начат несколько легко, без положительного предначертания. Умы основательные сомневаются, чтобы такое предприятие, каково перепружение столь великой реки, могло быть выполнено там, где слой земли не представляет твердого грунта и где нет ни потребных материалов, ни достаточного числа инженеров для производства таких работ. Г. Линан (Linant), француз, весьма ученый и с большими дарованиями, составлял план и управляет теперь всеми работами. Ему предложено было во Франции путешествие для открытия источников Нила; теперешнее предприятие отклонило его от иного. Чтобы вполне сделать полезным это предприятие, надобно будет также прорыть во всю длину дельты, до Дамьята, канал, которого поверхность была бы наравне с поверхностью воздвигаемой плотины, дабы он мог наполнять все побочные каналы. До сей поры настоящая работа еще не началась.

В третьем часу ночи, воспользовавшись попутным ветром, мы победили сильное течение и направились к восточному берегу. С рассветом мы поплыли прямо на Каир — вот, он предстал нам в радужном свете востока!.. На синей груди гор Мокатама рисуется меньшая гора с цитаделию Каира; от ее подошвы сходит уступами в цветущую долину весь Каир, которого высокие минареты перемешаны с пальмами, а над ними господствует огромный купол мечети султана Гассана. Это разнообразное слияние фантастических зданий, одетых таинственным светом зари, в виду Нила и пирамид, живо представило моему воображению столицу фараонов...

Мы прошли мимо местечка Вараак, совершенно одетого померанцевыми и лимонными деревьями в цвету и в плодах — и это 12 декабря! Отсюда, в одном месте, все три пирамиды видны в растворе; по мере нашего плавания пирамиды скрывались одна за другою, и наконец большая поглотила прочие в своем исполинском шатре.

Мы прошли мимо Шубры, красивого загородного дворца Мегмета-Али, и в 10 часов утра пристали к Булаку — пристани Каира, возле гарема Ибрагима-паши.

«Саламе!» — воскликнули мои арабы, и я радостно принял их привет.

Первый взгляд на Каир. Мегмет-Али

По знакомству моему с нашим генеральным консулом А. О. Дюгамелем я отправил к нему письмо и просил его снабдить меня провожатым до Каира. Через несколько времени я был обрадован приездом драгомана российского консульства г-на П. Г. Дюгамель был так благосклонен, что приглашал меня в свой дом и даже прислал мне свою арабскую лошадь.

Так как во время моего плавания от Александрии до Каира я мало выходил на берег, то не мог не быть поражен с самого начала великолепием пальмовых рощ, ведущих от Булака до Каира. Эта роскошь незнакомых произрастаний, эта нега воздуха услаждали чувства и очаровывали взор. Длинные ряды навьюченных верблюдов и ослов, нагруженных мешками с водою Нила, часто пересекали нам дорогу; вообще необыкновенное движение пеших и конных показывало близость большого города. Этот сад пальм, сикоморов, лавров и акаций, из-за которых мелькали и высились стройные минареты Каира, привел нас нечувствительно к его стенам. Через массивные ворота я въехал в столицу Востока на обширную площадь Эзбекие; тут была главная квартира Бонапартовой армии. Мы проехали мимо самого дома, который был занят великим полководцем и где после погиб Клебер.

<...> Во время разлива Нила вся площадь превращается в обширное озеро, в которое глядятся дома и мечети и по которому беспрестанно скользят лодки; потом великолепное озеро постепенно входит в рамку скромного пруда и наконец превращается в пыльную площадь. Повернув с площади Эзбекие, мы вступили в лабиринт узких улиц. Дома, как бы наклоняясь с обеих сторон решетчатыми балконами, казалось, все более сдвигались. Едва три лошади могли проходить рядом; когда же встречался чудовищный верблюд, медленно шагающий с своим грузом, то все перед ним преклонялось и по его гордой и ничем непоколебимой осанке казалось, что он принимает эти поклонения в дань себе. Толпа увеличива-

лась постепенно; чалмоносцы на богато убранных ослах или закутанные черными и белыми покрывалами женщины беспрестанно мелькали мимо нас в глубоком молчании среди беспрестанных возгласов бегущих возле них босиком саисов, или провожатых. Едущие верхом на ослах, в длинной турецкой одежде представляют странное зрелище; они достают ногами почти до земли, так что их ноги кажутся принадлежащими животному, особенно когда седок мощен и дюж. Все эти сцены и предметы приготавливают уже с первого разу воображение прибывшего европейца к чему-то необыкновенному, и если он читал «Тысячу и одну ночь», то тотчас представляют ему олицетворенные картины этой волшебной книги. В такой толкотне, пробираясь сквозь бесчисленные ворота или, лучше сказать, двери, замыкающие каждую улицу и растворяемые своими швейцарами, прибыл я к воротам консульского дома. Внутренность этого дома, построенная для гаремного жителя, соответствовала всем виденному мною доселе.

При встрече с Дюгамелем я видал себя как бы на родине. Впервые с моего отъезда из Европы я отдохнул сердцем в его дружеской беседе. С этой поры всем приятным во время моего пребывания в Египте обязан я ему; его обширные познания и сообщенные мне им замечания дали мне случай включить в мою книгу много сведений положительных о нынешнем состоянии Египта. Я был здесь совсем нечаянно обрадован встречей с моими соотечественниками А. И. С-м и графом Медемом, секретарем посольства в Константинополе, который только что возвратился из Палестины и сообщил мне свежие известия об этой благословенной земле. Он имел случай оказать большую пользу по делам нашей церкви в Вифлееме. Первое мое знакомство в Каире было с домом испанского вице-консула г. Петраки, который впоследствии был для меня самым приятным. Вскоре г. Дюгамель познакомил меня с ученым и любезным доктором Клотом, французом, служащим при Мегмете-Али и известным в Европе своими филантропическими медицинскими заведениями в Египте, и наконец с первым министром Мегмета-Али армянином Богос-беем.

Дней через пять по приезде моем г. Дюгамель представил меня Мегмету-Али, [который] почти обыкновенно дает свои аудиенции чужестранцам по вечерам. Мы отправились верхом; впереди нас бежали два араба,

нося зажженные мешалы. Эти восточные факелы состоят из прикрепленной к шесту железной цилиндрической клетки, наполненной смолистыми горящими щепками; пламень беспрестанно возобновляется подкладываемыми из мешка щепками и ярко пылает на бегу. По сторонам возле нас бежали наши саисы. Эта поездка имела в глазах моих много фантастического: разнообразие восточного зодчества, лиц, то смуглых то черных, пестрых одежд, мелькавших беспрестанно мимо нас по тесным улицам, внезапно освещаемым нашими мешалами, при криках наших скороходов: «Ейя риглек, шималек, еминак, рух! береги ноги!.. левые, правые, прочь!». Все это казалось так странно! Через покрытую мраком и молчанием площадь Румейле мы достигли подошвы скал Мокатама и грозных стен этого капитолия калифов.

Тотчас от железных двойных ворот начинается крутой подъем, стесненный высокими стенами скал; в этом дефиле, ведущем к дворцу Мегмета-Али, были приперты и истреблены при его глазах те пятьсот мамелюков, которых гибель утвердила его владычество над Египтом. С таковою приуготовительною сценою в мыслях я въехал на обширный двор; там при свете нескольких мешал стояло небольшое число кавасов и офицеров, а поодаль от них лежали несколько оседланных дромадеров, всегда готовых для рассылки курьеров. По обширному крыльцу, слабо освещенному, мы вступили в аванзал, где находились два или три каваса, и уже прямо оттуда вошли, встреченные Богос-беем, в диванную, или приемную, комнату верховного паши. Посреди обнаженной комнаты стоял на полу огромный подсвечник, подобный нашим церковным паникадилам; в нем горели такие же огромные свечи, как наши местные, а в глубине комнаты довольно высокий диван занимал всю стену; никаких других мебели тут не было. Завидя нас в дверях, Мегмет-Али, сидевший поджав ноги в углу дивана, имея перед собою своего драгомана, тотчас встал, подошел к нам, приветствовал дружелюбно по обычаю восточному и пригласил нас сесть возле него, меж тем как его первый министр Богос-бей и драгоман почтительно стояли против него.

Все мое внимание устремилось на маститую голову этого знаменитого человека, и я старался прочесть в чертах его лица бурную историю его жизни. Чело его,

осененное белою обширною чалмою, а весь низ лица, покрытый широкою седою бородою, при малой подвижности физиономии и телодвижений показывают сначала тихого и скромного старца; но быстрота серых его глаз, блистающих из-под насупленных седых бровей, и принужденная, хотя и тихая, улыбка обнаруживают после пристального рассмотрения глубокую скрытность, стойкость, гениальный ум и, наконец, истребителя мамелюков. Я вглядывался в его физиономию в продолжение церемонного процесса, когда подносили ему и нам шербет и трубки, которые мы приняли с обычными на Востоке приветствиями, обращенными к нему, приложив руку ко лбу и к сердцу, он нам отвечал таким же образом. Первый вопрос его, мне сделанный, был о цели моего путешествия; я отвечал ему, что я хаджи, в Иерусалим. Мне показалось, что это его удивило, ибо он ожидал, что я ему скажу, что я приехал видеть возрождающийся под его рукою Египет, его плантации и фабрики; но он продолжал речь в моем смысле и, видя, что я воспламенялся, говоря о Иерусалиме и о христианах, возразил мне, между прочим: «Вы говорите с такою любовью о Иерусалиме, но отчего же так мало европейцев ездят поклоняться в Иерусалим, меж тем как у мусульман поклонение в Мекку считается обязанностью?». По этому вопросу я узнал в нем банкира,—но, признавая внутренне, что этот попрек в равнодушии Европы к Святой земле не без основания, я отвечал ему смыслом слов Евангельских, что в нашей религии поклонение Иерусалиму не вменено в обязанность, что каждый христианин носит в сердце своем Иерусалим или свою церковь и что таинства, совершаемые в наших церквах, равно святы, как и те, кои совершаются в Иерусалиме; но что бесценное сокровище христиан, которое заключает в стенах своих Иерусалим: Гроб господень и вообще места страданий Искупителя — драгоценнее для Европы всех сокровищ в мире; что мусульмане совершают путь в Мекку по странам единоверным, а что христианину не так легко достигнуть до своих святынь. Не знаю, как точен был перевод моих слов, но Богос-бей пособлял переводчику, и Мегмет-Али, выслушав внимательно, отвечал мне приветствием головы. Вскоре более привлекательный для него разговор занял нас; я изъявил ему желание видеть во всех подробностях Египет, а он предлагал мне все

нужные пособия и просил г. Дюгамеля во всем отнестись к нему касательно моего путешествия.

Мы провели более часа в любопытной беседе о его нововведениях, и я остался вполне довольным его необыкновенно ласковым приемом. В заключение паша сказал мне, что он всегда будет рад, когда я ему сделаю удовольствие его посетить. С этою новою ласкою, за которую я, конечно, обязан нашему генеральному консулу, мы распростились с знаменитым мужем. Мегмет-Али не говорит ни на каком другом языке, кроме турецкого; даже не знает языка нового своего отечества, арабского, и оказывает к нему пренебрежение. Он мне сам сказал, что он выучился читать и писать, когда ему было уже гораздо за сорок лет.

С этих высот развертывается один из великолепнейших видов в мире; под ногами вашими весь огромный Каир с своими бесчисленными куполами и минаретами; за ним обильные пальмовые рощи и ярко-зеленые сады разрезаны блестящею, неисследимую полосою Нила; на его берегах старый Каир с протянутыми от него водопроводами, Булак и Гизе, а в конце горизонта, среди мертвой желтой пустыни, синеют громады пирамид, резко обрисованные на лазури вечно ясного неба. Но какая мертвенность на юге и на востоке, когда вы взглянете с прилежащих к мечети стен! Груды нагих и раскаленных скал Мокатама; у их подножия целый город гробовых памятников, а еще далее необозримая пустыня, идущая к Суэйсу. Я снял отсюда первый вид, но только одну береговую часть Нила. Хаотическая масса Каира была мне не по силам.

Неподалеку от дворца Мегмета-Али находится знаменитый колодец, иссеченный в скале на 40 сажен в глубину, при 6 саженях в окружности. Его называют также по имени султана Саладина, Иосифовым. Этот тяжкий труд совершен для снабжения гарнизона водою. Неизвестно положительно, принадлежит ли эта работа времени Саладина или древнейшей эпохе, но мы знаем, что этот знаменитый султан принял все меры для укрепления Каира, при известии о высадке крестоносцев в Сирии. В эту пропасть спускаются по ступеням, высеченным в скале спиралью. Этот спиральный спуск образует во всю глубину вокруг отверстия галерею, освещенную на некоторых расстояниях боковыми арками. Надобно дойти до половины спуска и взглянуть из-под

аркады вверх и вниз, чтоб судить вполне об этом труде. На самом дне уродливые буйволы не перестают вертеть огромное колесо, подобное Иксионову, накапливающее воду. Арабы показывают тут один ниш, где провел жизнь и умер один из их сантонов, к которому ходят на поклонение. Несколько далее видна в стене закладенная пещера. Мой проводник рассказывал мне одно повествование, напоминающее восточные сказки; по его словам, один из колодезных буйволов проник в эту пещеру, а араб, которому принадлежал буйвол, последовал за ним, чтобы его вывести; но животное все от него удалялось и наконец завело его в неисходимый лабиринт, где и по сию пору они путешествуют. Рассказчик прибавил, что эту пещерою можно пройти в Сирию и что дорога известна была только тому сантону, который здесь некогда жил.

В цитадели заключается арсенал, литейная, пороховые магазины, небольшая типография и, сверх того, зверинец, где всегда есть несколько львов и тигров, а иногда и гирафы. Тут же тюрьма в глубине скалы, в вечном мраке.

Мы уже несколько ознакомили читателей с улицами Каира. Можно сказать, что только одна улица имеет некоторую обширность и правильность, та, которая идет от площадки мечети султана Гассана на площадь Румелие, перед цитаделью; все прочие так тесны, что дома, украшенные бесчисленными решетчатыми балконами в виде клеток, касаются друг друга верхними этажами, так, что с одного балкона на другой можно почти коснуться руками. Улицы не мощены, но в этом нет надобности потому, что дожди чрезвычайно редки и притом мостовая была бы неудобна для верблюдов. Должно заметить, что все улицы в таком тесном и обширном городе содержатся очень опрятно и всегда тщательно выметаются. В самое жаркое время года прогулка по улицам приятна; они почти всегда в тени, особенно базарные улицы, над которыми везде раскинуты полотняные и крашеные навесы с одного дома на другой, и пестрота этих навесов нравится взору. В базарах Каира лавки устроены по обеим сторонам улицы, на возвышенных парапетах, и похожи на раскрытые шкафы, в которых лежат на полках товары, а в дверях сидят с трубкою во рту, поджавши ноги, молчаливые купцы. По вечерам базары живописно освещены вися-

щими фонарями из масляной бумаги, иногда разноцветной. Не пужно судить о богатстве хозяина по выложенным товарам, которые вообще очень посредственны, все, что есть лучшего, хранится у него под замком, и он выказывает их только по требованию для того, чтобы не обольщать алчности городской полиции.

Город разделен на бесчисленное множество небольших кварталов, из которых каждый запирается на ночь воротами и имеет своего придверника; иные ворота двойные. Стаи собак, весьма незлобных, но неприятных, бродят по улицам, они не имеют другого жилища и питаются благотворными подаяниями; они знают свой квартал и не могут перейти в другой, не подвергаясь опасности быть растерзанными своими ближними. Улицы Каира должны быть названы закоулками, из которых многие не имеют выхода. Во все время моего пребывания я не мог пройти двух улиц, не сбившись с дороги,— и тогда при моих познаниях в арабском языке я только находил одно средство: нанять саиса и проговорить дом русского консула.

Дома обыкновенные построены в два или три этажа: первый этаж из камня желтого цвета, а второй — из кирпичей, а иногда из стоящих бревен оштукатуренных. На улицу обращены только несколько решетчатых окон первого этажа, который всегда заключает в себе двор и конюшни, а в прочих этажах нет окон, кроме балконных. В этих клетчатых балконах изредка видны полураскрытые клапаны, из которых робко выглядывают женщины, заслыша кого-нибудь, едущего верхом.

Главное наружное украшение домов, кроме балконов, более или менее отличающихся изящною резьбою, заключается в главных воротах. Эти ворота увенчаны или огивами с глубоким узорчатым нишем, которые перешли в готическую архитектуру, или навесными фронтонами; иногда на дверях, обыкновенно зеленого цвета, или на фронтонах фигурно нарисованы на красном поле изречения из Корана или просто возгласы, как, например: «Бог велик» или: «Он есть создатель всего; Он есть вечный». Двери замкнуты деревянными замками очень искусного изобретения, и у всякого значительного дома есть придверник. О роскоши владельца нельзя судить по наружности дома: она вся скрыта внутри, это сообразно с жизнью восточных народов, ко-

торая вся сосредоточена в их семейном кругу и гареме. Мы будем иметь случай описать роскошный дом каирского вельможи, но теперь скажем о домашнем устройстве зажиточного эфендия. Европейские консулы занимают лучшие из таких домов. Вход во двор бывает редко прямой, а всегда с поворотом, так чтобы с улицы нельзя было видеть внутренности двора. Этот двор, среди которого находится колодец или водоем, всегда обширен, и туда обращены все окна, хотя также решетчатые. Стекла в окнах вообще не употребляются по благотворности воздуха и введены только недавно, и то в некоторых комнатах или по желанию европейских жильцов. Взойдя на двор, видишь разные крыльца, ведущие в мужские комнаты, в гарем или в диван, то есть внутреннюю приемную комнату, где решаются дела и торги и которая всегда устроена в нижнем этаже. Расположение комнат не имеет никакого сходства с нашими. Вы не найдете анфилад; величина комнат различна; часто, чтобы перейти из одной в другую, надобно подняться или спуститься по нескольким ступеням. Пол мощеный каменный. Главная комната имеет по сторонам глубокие ниши, поднятые на одну ступень от пола, занятые низкими диванами и устланные коврами. В этих нишах есть часто в углублении другой ниш, занятый меньшим диваном. Эти будуары занимает попеременно хозяин, окруженный своим гаремом, где все сидят поджавши ноги, оставя туфли при вступлении туда. Стены иногда расписаны цветами и арабесками по штукатурке или по дереву; красный цвет предпочитается другим; потолок из сплошного дерева с резными узорчатыми изображениями. Часто на верхней части стены видны большие решетчатые окна для смотрения из внутренних комнат; зодчий всегда располагает их так, чтобы блюстительное око хозяина могло отовсюду видеть или слышать, что у него в доме делается. В альковах, о которых я говорил, сделаны в стене, над диванами, ряды шкафчиков с решетчатыми дверцами: туда ставятся духи, лакомства, напитки и наряды жительниц этих домов. Верхний этаж всегда имеет открытую террасу, но открытую только для неба, а не для земли. Туда выходит род слухового окна, через которое сквозь наклонный деревянный канал беспрестанно проходит воздух; будучи проведен во внутренние комнаты, он навевает повсюду прохладу. Сверх

того, двор, который всегда не мощен, поливается водою и содержит вечную свежесть. Эти дома сходны с описанием дома, которое мы находим в пророке Иеремии: «Созижду себе дом простране и горницы широки со отверстыми окнами и своды кедровыми и расписаны червленцем»... Во всяком доме устроена потаенная дверь, через которую можно хозяину укрыться от подозрительного правительства или в случае какого-либо нападения.

Египетский мусульманин обыкновенно встает до восхода солнца, и, соверша свое умовение и молитвы по обязанности (от которой ежедневно начинают отступать более и более), он принимается за кофе и за трубку. С этого времени трубка его не оставляет, разве только когда он идет в мечеть. Саис носит ее за ним во всех его поездках. Здешние жители очень любят проводить все утро в поездках по городу, по базарам и с визитами; обедают всегда в полдень по совершении опять молитв и умовений. Бани домашние, а еще более народные служат им большим услаждением; они их употребляют в разное время дня; даже и тут не оставляют их кофе и трубка, хотя при каждом визите эти две необходимые потребности для мусульманина всегда предлагаются от хозяина. Европейские жители Каира соображаются с этим обыкновением. В нашем доме, у г. Дюгамеля, который имел частые посещения, кофейник не сходил с очага и дым табачный непрестанно вился по комнатам. Куда вы ни приедете, не пройдет двух или трех минут, как уже вам подносят кофе и трубку. Признаюсь, что хотя я и не курильщик в Европе, однако все время моего пребывания на Востоке табак латакийский и кофе Мокка, почти столь же часто были мною употребляемы, как и мусульманами. Если дружеское посещение не отвлечет куда-нибудь здешнего жителя, то часто с самого послеобеда он уже уклоняется в свой гарем, и когда посетителю скажут, что хозяин в гареме, то никто не бывает так неучтив, чтобы вызывать его. Праздники рамадана и бейрама производят перемену в обыкновенном ходе жизни; тогда, по закате солнца, ночь проводится в пиршествах и визитах, а день посвящен сну. Ужинают тотчас по захождении солнца.

В Каире и вообще в Египте женщины пользуются гораздо большею свободою, чем в других местах Востока. Самые знатные дамы, но только жены, а не не-

вольницы, часто прогуливаются по улицам и даже за городом на ослах и лошаках, предводимых домашним саисом. Правда, что они закутаны с ног до головы в черные тафтяные покрывала; белый вуаль падает из-под глаз и перевязан через переносец и по верх головы, вдоль. Употребление вуалей видно еще во времена Моисея... но прекрасные глаза египтянок с крепко насурмленными бровями всегда видны, и, сверх того, эти вуали часто раскрываются как будто невзначай. Седло, на котором они сидят, так высоко, что походит на табурет со спинкою, накрытой ковром. Сурмление бровей и даже обводы под глазами напоминают древние египетские статуи и резные изображения. Об этом обычае упоминается и в Библии... У некоторых продето в одной ноздре серебряное или иногда золотое кольцо с стеклянными бусами. Об этом украшении говорит Исайя: «Эти перстни и кольца в ноздрях». Египтяне почти всегда имеют одну жену и одну наложницу, хотя они могут иметь до четырех жен, а наложницы зависят от богатства: сии последние часто по случаю беременности берут преимущество над женами, подобно как мы видим в истории Агари. <...> Развод делается столь часто, сколько кто пожелает; по одному только слову мужа жена возвращается к своим родственникам. Часто разведенные опять соединяются. Должно сказать, что многоженец не пользуется тем уважением, которое внушает муж, имеющий одну жену. Сватовство арабов сохранилось по обычаю, в Библии упоминаемому, с примера Авраама, который посылал старшего слугу своего избрать невесту для Исаака из среды близких своему роду. Обычай не выдавать младших дочерей прежде старших также здесь довольно укоренен; так поступил Лаван. Женщины простонародные не подвержены той изыскательности, как жены гаремов; вы встречаете в Каире весьма часто женщин и девиц с непокрытым лицом по причине бедности, не позволяющей им снабжать себя вуалями, или потому, что, нося на головах кувшины или другие ноши, они не могут прикрывать не только лица, но часто и тела; их одежда состоит из драпировки синего цвета без рубахи. <...> Мы будем иметь случай присовокупить еще некоторые подробности к описанию образа жизни египтян; но теперь, сообщив нашим читателям общее об этом понятие, обратимся собственно к описанию Каира.

Каир: мечети

Несмотря на свой упадок, который год от года становится разительнее, Каир еще является столицей Востока. Все, что осталось в Каире великого, романтического и прекрасного, принадлежит калифам. Султаны мамелюкские поддерживали памятники зодчества калифов, а Мегмет-Али обратил все внимание на построение фабрик, казарм и арсеналов и только для некоторого поддержания себя в мнении имамов соорудил одну маловажную мечеть в цитадели и один или два водоема, которые также входят в число богоугодных заведений.

Каир есть академия восточных народов. Для изучения Корана, литературы, математики, философии и праведения арабского нигде нет лучших профессоров, и туда стекаются мусульманские студенты для окончательного образования. Свет всех этих наук сосредоточен в знаменитой мечети, названной эль-Азхер или великолепною, а иными, более поэтически: мечетью цветов. Эта мечеть менее доступна для европейцев, чем прочие. Мегмет-Али никогда не отказывает путешественникам в позволении видеть мечети каирские. В сопровождении его каваса я обозрел все наиболее любопытное. При первом моем посещении мечети эль-Азхер, несмотря на сопровождение каваса паши, я едва не подвергся некоторой опасности; но это случайность. Нас собралось несколько европейцев; на площадке, находящейся перед этою мечетью, происходил в то время базар, и стечение народа было необыкновенное; вероятно, какой-нибудь шейх подстрекнул народ, обратя на нас его внимание; толпа неистовых с буйными криками начала подступать к нам; кавас паши предупредил нас о предстоящем волнении. Зная фанатизм народный, один из опытнейших людей, находившихся с нами, посоветовал нам не раздражать толпы, но, желая также поддержать наши права, мы сыграли роль, будто не мечеть привлекает наше внимание, а находящееся поблизости здание водохранилища, где устроена школа для детей; таким образом, показав вид, что мы не обращаем внимания на клики и не понимаем причины волнения, мы спокойно посетили водохранилище. Заметим при этом случае, что таких водохранилищ в Каире несколько, они все привлекательного зодчества,

построены из мрамора и более или менее украшены резьбою, позолоченными арабесками и надписями из Корана или в честь того, кто их воздвигнул, для пользы общественной. Бассейн находится в нижнем этаже, куда проведена вода Нила, а верхний всегда занят школою, где собираются дети для изучения первых правил арабского языка. Учитель всегда сидит отдельно на ковре, а дети посажены кружком; держа на коленях книги, они беспрестанно низко кивают головами, как бы по команде и по одному движению, громко лепеча свой урок, так, что это жужжание не умолкает.

В другой раз мы выбрали удобнеее время для посещения знаменитой мечети эль-Азхер. Она отличается своею изящною простотою. Через сквозные узорчатые двери мы вышли на обширный квадратный двор, обнесенный со всех сторон перистильями и устланный мрамором. Колонны, поддерживающие перистили, отличаются своею легкостью. В тени этих галерей обратило мое особенное внимание множество старцев, сидевших на коврах перед разогнутыми фолиантами, которые лежали на низких складных налоях; седые бороды многих из этих законоучителей расстилались на позолоченных письменах огромных книг; по большей части это все Кораны, на которые делаются учеными беспрестанные комментарии; я вспомнил ответ султана его полководцу Амру, который при завоевании Александрии спрашивал у него, что он прикажет сделать с библиотекою, там найденною; султан отвечал: «Если в этих книгах то, что и в Коране, они излишни; если же в них не то, что в Коране, то они пагубны и потому должны быть сожжены!». Наше присутствие не могло отвлечь старцев от глубокомысленного чтения. Прилежащие к этим галереям комнаты заняты отчасти библиотеками, где мы видели сквозь решетчатые окна нескольких ученых изыскателей. Тут есть и жилые покои для приходящих студентов; их размещают по странам, к которым они принадлежат. Корпус самой мечети построен параллелограммом. Плоский потолок поддерживается четырьмя рядами колонн чистого арабского вкуса. Мрамор, резная деревянная кафедра и множество ламп, спущенных с потолка, составляют все ее украшение. Самая мечеть служит не только присницею, но даже и жилищем многим отдаленным бедным пришельцам; их ковры или циновки разостланы рядами вдоль

стен, к которым прислонены их страннические посохи, мешки и узкогорлые джары с водой. Преподавание производится для неимущих безденежно, а число учащихся постоянно доходит до тысячи. Мечеть имеет свой капитал и пользуется большими подаяниями. К этому обширному зданию принадлежит госпиталь для слепых, которых число не только в Каире, но и вообще в Египте многочисленно. Сам ученый шейх мечети слепой. Офтальмия есть одна из главных болезней Египта, где от чрезвычайной сухости воздуха не приметные и едкие частицы пыли наполняют атмосферу и падают на глаза. Вы можете быть уверены, что встретите на каждой улице нескольких слепых. Мечеть эль-Азхер основана вместе с Каиром и названа в честь дочери первого султана Фатемитов — Эль-Моэза; желая помрачить все современные мечети, он прозвал ее блестящею. Здесь при Бонапарте укрылись каирские бунтовщики и были усмирены после жестокой битвы.

К числу полезных заведений должно также отнести мечеть султана Калауна, или Муристан (дом сумасшедших). Я посетил это великолепное здание вместе с г. Клотом, основателем медицины в Египте. В одном из перистилей этого здания г. Клот предполагает устроить с согласия паши анатомическую залу. Это нововведение будет одно из самых трудных по предрассудкам магометан противу вскрытия тел, но г. Клот, учреждая это заведение в мечети, ожидает, конечно, большей удачи, когда новая наука возникнет как бы из-под покровительства самого исламизма. Ему также предстоит преобразование Муристана, или дома сумасшедших, прилегающего ко внутреннему двору мечети. Я никогда не забуду жалкого положения этих несчастных; они почти все без изъятия заключены в тесных нишах, заделанных железными решетками, но эти решетки не защищают их от ременных бичей грубых сторожей; тут не надобно искать никакого сходства с подобными заведениями в Европе; здесь сумасшедший попадает в разряд зверей. Больница, находящаяся в этой мечети, не много лучше Муристана; в нее поступают уже не имеющие никакого приюта; обращение с ними не дурное, но лечение самое жалкое, и они в большой неопрятности рассеяны под портиками, на грязных циновках. Самая мечеть, как я сказал, великодедна. Высота и величие сводов замечательны. Она

имеет несколько отделений; в главном корпусе филигранные каменные украшения на окнах живописны, в меньшем отделении, колонны, которые поддерживают довольно смелые своды, принадлежали Мемфису, но, к сожалению, они не оставлены в их настоящем виде, а выкрашены зеленою краскою. Стены этого отделения одеты мозаиком; там видны красные и черные камни, перемешанные с перламутром. Кафедра, тут находящаяся, вся из белого мрамора. Гроб султана, покрытый парчою, стоит посередине, за позолоченною решеткою, под навесом, на котором грубо разрисованы цветы, равно как и на сводах. Прилежащее последнее отделение замечательно тем, что вся главная стена сделана для прохлады решетчатою; сквозь нее виден обширный двор, украшенный перистилиями и бьющим посреди водометом.

Мечеть Гассана, самое огромное здание Каира, находится близ выхода на площадь Румелие, и хотя она застроена с трех сторон, но господствует над всем городом и представляет классический и, может быть, превосходнейший образец арабского зодчества. Она воздвигнута в 1356 году султаном Гассаном Меликом, который погиб под развалинами обрушивавшегося минарета этой мечети. Мне всегда казалось, что минареты, стройные и величавые, как пальмы, созданы в подражание этому прекрасному дереву, столь отрадному для пустынных жителей Востока. Следуя арабским писателям, эта мечеть строилась только три года, но каждый день издерживалось на ее построение по 14 тысяч наших рублей. Вход в нее с маленькой площадки Сук-уль-Эзи; туда ведет высокое крыльцо, которое уже равняется высоте домов и дает понятие о величине здания. Наддверный ниш украшен, как обыкновенно, резными в камне арабесками. Довольно странно, что вход через эту дверь в мечеть не прямой, а боковой, через коридор, не соответствующий красоте здания. Но зато нельзя не быть поражену приятным удивлением, увидя вдруг перед собою огромный квадратный двор под открытым небом; он окружен высокими стенами разноцветного мрамора и устлан белым мраморным помостом, на котором устроено водохранилище, осененное узорчатым балдахинном. Дворы муселимских храмов, где совершаются омовения, обыкновенно бывают на горизонте земли, но арабский зод-

чий вознес его на весьма значительную высоту. Так, Микеланджело увенчал храм св. Петра зданием и куполом, подобным Пантелеону. Стены обнесены красивыми зубцами, живописно рисующимися на ясном небе. В трех стенах, восточной, северной и западной, выделено по одному глубокому нишу, увенчанному прекрасными сводами. С южной стороны ниш гораздо обширнее и образует особую четверостороннюю площадку, где устроены кафедры из резного дерева и беспрестанно расстилаются ковры богомольцев, которым этот прохладный приют служит вместе отрядным убежищем от зноя. Из этого последнего ниша входят в главный корпус здания, и тут разворачивается над вами огромный купол; мы поражены смелостью его постройки и запустением столь великолепного здания. Мраморы стен растрескались, мозаические арабески и надписи Корана осыпаются беспрестанно на помост, на котором стоит уединенная гробница; она покрыта полинялым зеленым наметом и увенчана чалмою султана и книгою Корана.

Мы назвали три главные мечети Каира, заслуживающие особенное внимание; теперь скажем несколько слов о тех древнейших храмах исламизма, которые и в своем разрушении представляют обильную жатву для зодчих и живописцев. Мечеть Тулуна, первого султана египетского, основанная в 879 году, самая древнейшая и великолепнейшая из них, находится на южной оконечности города. Двойные портики, которыми обнесен пространный двор, есть верх прекрасного, в арабском или готическом вкусе. Заметим, что так называемое готическое зодчество есть подражание или копия арабского. Портики поддержаны связками тройных колонн в два ряда, где скульптура фризов удивительно миловидна. В главном фасаде, там, где молельня и кафедры, эти превосходные колонны расположены в пять рядов.

Водохранилище, находящееся на дворе, осенено древним сикомором. Рассказывая о великолепии этого здания, один арабский писатель говорит, что карнизы мечети были сделаны из душистого янтаря, для того чтобы услаждать обоняние поклонников.

Мечеть эль-Гакима, занимающая первое место после мечети Тулуна, находится на противоположной, северной оконечности города, возле превосходных ворот Бабль-Наср; она основана в 1020 году и разрушена не

только временем, но и землетрясением. Колонны ее перистилей, по 15 на каждой стороне, совокуплены из четырех колонн, и хотя уступают красотой тем, которые находятся в мечети Тулуна, но не менее того изящны. С высоты полуразрушенного минарета этой мечети, прозванной светозарною, я долго любовался видами Каира: возле плодоносных садов знойная пустыня, покрытая целым городом гробов, прилегает к стенам столицы и к самым воротам побед (Бабуль-Наср). Победители, султаны-мамелюки, спят возле, в этой мертвой пустыне...

Ворота Бабуль-Наср еще более привлекли мое внимание, чем развалины мечети эль-Гакима. Я часто на них заглядывался и мало видал построений, носящих на себе отпечаток такой величественной простоты и более приличных стенам великого города. Две четверосторонние башни с наружной стороны и две такие же башни с внутренней стороны стен соединены глубокою аркадою; но надобно видеть, какая гармония во всех частях этого массивного здания, как хороши карнизы, опоясывающие эти башни, и потом с каким вкусом сочинены резные каймы аркад; какая мастерская отделка камней! Вообще, стены Каира в некоторых частях достойны внимания прочностью своей постройки и красотой своих бойниц и башен. Мы заметили между прочим вход в цитадель со стороны Мокатама, называемый Бабуль-Джебель. Этот вход укреплен двумя башнями, одна круглая, а другая многоугольная, суженная у основания стен двумя уступами. Каир есть школа готического зодчества.

Сверх зданий самого Каира, для зодчего и вообще для художника открыто изобильное поле изучений на кладбищах, которые суть настоящие некрополисы, или гробовые города, украшенные всею легкою прелестью восточного зодчества. Мы будем в другом месте говорить о них подробнее.

Незадолго до восхождения солнца были мы уже на площади Румелие, где нашли большое стечение народа. Слепой сказочник сидел, окруженный многочисленными слушателями, и сопровождал рассказ свой припевами при звуке теорбы. Возле него дервиш, рожденный без рук, но с приросшими к плечам кистями, кривлялся и провозглашал предсказания вопрошающим его. Далее, два фехтовальные мастера, вооруженные палками

и кожаными подушками вместо щитов, сыпали друг на друга жестокие удары, к удивлению зрителей; там нагой нищий вертелся до обморока. Такие сцены беспрестанно происходят на площади Румелие, сборище праздных.

Базар невольников (Окальт-ель-Джелаб) есть зрелище горестное, но любопытное для европейца. Базар белых невольниц недоступен для чужестранцев. Базар черных издавна устроен в так называемом Хане Гафар, огромном здании с обширным внутренним двором. Невольники, расположенные разными группами, занимают весь этот двор; перед каждую группу видны продавец и покупатели. На террасах, которые расположены этажами кругом этого двора, есть особые отделения или ложи, назначенные для более достаточных купцов; в этих душных ложах сидят под занавесками другие группы несчастных под надзором равнодушного джеллаба, купца, сидящего на ковре и курящего трубку. Все это стадо людей обоего пола, в котором вы часто видите матерей с грудными младенцами или беременных, пригнано из глубины Африки в наготе и рубищах. Здесь, на базаре, тело их умащивают маслом, равно как и волосы; здесь должны они по мановению жезла своего купца и часто под его ударами вставать и разоблачаться для каждого покупателя или просто для любопытного. В глазах их видны попеременно то жадное нетерпение узнать решение своей участи, то отчаяние быть разлучену с детьми или с товарищами своей пустынной жизни. Абиссинские невольники резко отличаются от прочих красотой и правильностью лиц. Большая часть джеллабов — люди бесчеловечные; часто случается, что во время пути некоторые из сих несчастных жертв при первом случае бросаются и утопают в Нил для избежания от их неистовств. Таким образом, продажа бывает для них чаще благодеянием.

Нельзя без сожаления видеть тот класс несчастных жертв разврата, которые известны под именем гавазе, или танцовщиц. Они большею частью абиссинки. Их не должно смешивать, как то всегда делают, с певицами, называемыми альме и которые, получая образование, искусно расточают цветы восточной поэзии в своих меланхолических напевах и услаждают праздные часы муселимов, особенно в гаремах. Танцовщицы-гавазе, о которых так много было говорено под именем альме,

производят себя от знаменитого рода изгнанников из Сирии; они исполнены огненного воображения и обучены с младенчества обольщать чувства; их призывают на все богатые торжества, и в виду возлежащих, при напевах и музыке, они совершают столь соблазнительные пляски, что часто доводят до исступления зрителей и исторгают у них богатейшие дары. Таким образом, Ирод пожертвовал главою Иоанна Крестителя для Иродиады! Этот обычай принадлежит еще глубокой древности. Мы не станем описывать этого соблазнительного неистовства: оно изображено в точности у Ювенала. Я был однажды глубоко тронут, завлекшись любопытством на такое зрелище: несчастная абиссинка, полная прелести, будучи, вероятно, против воли, из корысти ее властителя, принуждаема к самой неистовой пляске и исполняя данные ей приказания с лицом принужденно-веселым, вдруг залилась горькими слезами. Я понес с собою тяжкое чувство какого-то раскаяния. Теперь подобные пляски воспрещены публично; но не менее того, они всегда исполняются втайне.

Окончим наше обозрение Каира, сказав несколько слов о прекрасном местечке Джизе, которое находится по ту сторону Нила, против острова Руда. Позади беспредельная пустыня, а впереди очаровательный вид Каира с его пристанями; местечко Джизе окружено рощами пальмовыми и апельсинными; и в здешнем местопребывании много отрадного. Тут устроена кавалерийская школа под начальством весьма любезного француза г. Варена, бывшего адъютанта маршала Гувиона-Сен-Сира. Я несколько раз любовался прекрасным устройством трех образцовых эскадронов, которые сформировал г. Варен из достойнейших молодых арабов. Находясь в Каире в одно время с маршалом Мармоном, я был свидетелем прекрасных маневров, которые г. Варен исполнил для него в виду пирамид, между Джизе и Ембабе, на самом поле битвы Бонапарта с Мамелюками, где маршал Мармон был сам действующим лицом. Я понимаю, как это должно было воспламенить старого воина. Маршал пояснял нам подробности знаменитой битвы.

Три эскадрона Варена истинно прекрасны и, можно сказать, почти европейские. Из этого малого состава рассылаются отличные кавалеристы в египетскую армию; но, по несчастью, там они теряются в бездне по-

средственности и, увлеченные старыми привычками, часто превращаются в тех же необразованных, какими они были. Лошади египетские мелки, но полны огня; ковка лошадей весьма неудобна; их подковы сплошные, гладкие, от чего нижняя часть копыта, не имея воздуха, прееет, и, сверх того, эта старая ковка египтян может только служить для пустыней Африки, но отнюдь не для гор Ливанских и Тавра, куда Мегмет-Али перенес свое оружие. Должно еще сказать, что фески, вообще употребляемые египетскою армией, совершенно не соответствуют пламенному небу Востока; они не имеют зонтиков, и ослепительное солнце, сильно действуя на зрение, конечно, может иметь немалое влияние на маневры в день сражения. Офтальмия и без того есть одна из главных болезней Египта. Я сообщил это замечание Мегмету-Али, и он со мною согласился, но сказал, что козырьки противны муселимам; это странно слышать среди стольких нововведений, совершенно противных Корану.

К зданию кавалерийской школы в Джизе примыкает бывший гарем паши. Обширные, украшенные арабесками залы с нишами для диванов будут также обращены в казармы. Тут привлекла мое внимание баня гарема, которая дышит роскошью Востока. Свет проходит туда сквозь купол с небольшими круглыми отверстиями, через которые видно безоблачное небо и проходит его ароматическая атмосфера. Этот купол поддерживается легкими арабскими колоннами, которые окружают белого мрамора бассейн с водометом посреди; помост, стены с нишами — все облачено в белый чистейший мрамор. Из окон этого роскошного гарема вид на пустыню и на строгие громады пирамид — поразителен.

Возвращаясь в Каир, незадолго до захождения солнца и выезжая из-за пальмовых рощ, я видел чудесное зрелище: это легкие минареты Каира, на которых затепливались в разных направлениях лампы по случаю начавшегося рамадана. С наступлением ночи они вспыхивали, как звезды, бледным светом и постепенно становились ярче с нисходящею ночью. Это напоминает празднество горящих ламп древних египтян, описанное Геродотом. Новый Египет представляет беспрестанные сходства в обычаях с древним.

Пирамиды

Всякий раз, когда я выходил из Каира дышать бальзамическим воздухом в тени пальмовых рощ или бродить в гробовом городе калифов и по нагим скалам Мокатама,— отовсюду взоры мои были привлечены, как магнитом, пирамидами. Сколько веков легло на их раменах! сколько поколений угасало перед ними! — и, наконец, они сделались надгробным символом всего Египта! Мысль, что это есть древнейшее создание рук человеческих, что самое время, все поглощающее, забыло о них, что их видели Иосиф, Моисей и что теперь вижу их я,— эта мысль приводила меня в какое-то иступление.

Имея пирамиды постоянно в виду на пути к ним от Джизе, достаточно этого времени, чтобы возвести воображение до высшей степени восторга. Приближаясь к ним, я чувствовал то волнение, которое всегда овладевало мною при зрелище необыкновенной природы,— так приближался я к грозной вершине Этны; но если б кто мне возразил, что дело рук человеческих не есть природа, я скажу, что эти громады выходят уже из области людей; века слили их уже с самою природою.

Солнце только что вставало, когда мы выехали из пальмовой рощи Джизе. По странному случаю в первый день нового года я в первый раз предпринял путь к пирамидам. Синие груди их только что позлатились на макушках, розовых светом дня. «Вот почти миллионпятистоттысячный раз, как они видят восходящее солнце»,— подумал я! То же безоблачное небо, те же пустыни, тот же Нил, с того времени как они поставлены на вечную стражу Египта, но сколько царств и народов сменились перед ними!

За обработанным берегом скоро следует земля дикая, которая казалась мне болотистою по недавнему пребыванию на ней вод Нила. Несколько пальм кой-где останавливают взор. На половине пути от Нила дорога пересечена плотиною из чернозема; тут проходил канал по косвенному направлению от севера к югу. Он выходит несколько ниже древнего Мемфиса из канала, называемого именем Иосифа, и впадает в Нил немного выше Терране. Нет никакого сомнения, что этот канал принадлежит древнему Египту.

Молодой месяц венчал мрачную массу пирамиды, и

звезды ярко горели. Здесь Нил очень широк. Во всю ночь мы шли с легким попутным ветром и к 9 часам утра были у большого селения Бенехдара. Против него тянутся, как укрепления, сделанные руками человеческими, хребты скал Аравийских. На одной из них виден пирамидальный шпиц, который посредством зрительной трубы обнаруживает развалины. Эти горы называются Джебел-Абу-Нур. Против них, на восточном берегу Нила, построен Коптский монастырь во имя св. Антония о пяти небольших куполах, обнесенный стенами. Он стоит совсем без приюта на узкой полосе плодородной земли: возле растут несколько тощих пальм, спереди песчаный берег Нила, а сзади обширная пустыня до самых гор. Этот берег весь поглощен песками, которые сходят в самый Нил. Против Абу-Сале виден обработанный островок. Близ этого места мы видели рыбачий плот, основанный на связанных пустых тыквах (по-арабски курджи) и покрытый тростником; на этом плоту устроена была мачта среди горшков и натянут парус. Арабы часто переплывают Нил, подвязав под грудь или под мышки пустые тыквы.

Оба берега выше Абу-Сале совершенно нагие, из них изредка были видны кочующие со стадами верблюдов бедуины. Меж тем цепь Аравийских гор сближается все более и более к берегу. Я наблюдал по обширной поверхности песков, прилежащих к горам, пустынное отражение, которое представляло вид обширного, быстро текущего потока.

Мы достигли в первом часу пополудни Бенисуефа. На одной оконечности этого города мечеть, а на другой — казармы красивой архитектуры; прочее строение состоит из хижин. Мы пристали сюда для закупки свежей провизии, но не нашли ни мяса, ни молока. Около Бенисуефа видна большая плантация сахарного тростника. Через полчаса плавания от Бенисуефа, на восточном берегу, видно селение Баядие, откуда ведет пустынная дорога мимо подошв гор Джебель-Буш к монастырю св. Антония и Павла, на берег Чермного моря. Тут всегда собраны верблюды для проезда через пустыню. Несколько наискось, на противном берегу, видно селение эль-Баранка, которое состоит большей частью из пещер среди пальмовой рощи; некоторые землянки прислонены к скалам; возле него точно такая же деревня Бенемаде. За сим оба берега опять

становятся пустынно и дики; западный оживляется изредка селениями. На восточной стороне от деревеньки Гаяде, прислоненной к скале, тянется белый каменный берег; у подошвы его линии пальм красиво рисуются на стенах диких утесов. На той стороне Нила виден закрытый букетами пальм древний Коптский монастырь, который я надеюсь посетить на возвратном пути.

Тихая лунная ночь застала нас возле пальмовых лесов между селениями Малатие и Фокай. В пустыне слышен был протяжный вой гиен. Красота звездной ночи меня обольщала; мы шли до полуночи мимо нагих берегов; тогда ветер совсем затих, и мы причалили против селения Фешн, где находятся каменоломни.

В 5 часов утра мы двинулись снова в путь. Обогнув мыс Джебель-Шейх-уль-Барик, мы приблизились к пальмовому лесу Шероне, где таятся в песке малые остатки Гиппонона, недавно совсем разметанные; тут было римское укрепление. Шероне прислонено к подошве Аравийских гор; здесь находят доселе монеты и медали. Окрестности Бени-Салети покрыты на дальнейе расстояние пальмовыми лесами, зато противный берег совершенно пуст. В 10 часов мы прошли город Абу-Джирдже и Бени-Мисур, закрытые от нас песчаным островом. Около Шейх-Фадле, не доходя островка, виден курган, похожий на искусственный. Оба берега становятся очень песчаны, лишь изредка мелькают линии пальм.

Не доходя Несле-Абу-Азис, открылась вддали на восточном берегу Нила знаменитая Птичья гора, Джебель-уль-Тейр, увенчанная развалинами. Она не могла быть еще видна, но отражение поднимало ее неизмеримо высоко; она отделялась от других скал, и верх ее казался разнообразно зубчат. Возле Шех-Гассана, на восточном пустынном берегу, тянутся несколько разрушенных водопроводов, это остатки Кинополиса, где поклонялись Анубису и где был жрец для приготовления пищи псам.

У Калау-Сене ветер нас оставил, и мы принуждены были тянуться гужом; в это время прибрежные жители беспрестанно выбегали к нам продавать хлеб и яйца, но вскоре ветер избавил нас от них. Мы направились прямо на селение Серарие, окруженное яркою зеленью; оно находится в небольшом заливе; отсюда Нил круто поворачивает к Аравийским горам, которые пестреют

бесчисленным множеством пещер. Нил тут очень широк, и берега его весьма живописны столько своим очертанием, сколько и роскошью произрастаний. Тут Аравийские горы уже сходят отвесно в Нил и представляют резкую противоположность с необъятною плоскостью противного берега, некогда цветущей Гелтаномиды; так называлась вся часть Среднего Египта от Дельты до Фиваиды, разделенная на семь номов, или провинций.

Вот мы уже проходим у самой подошвы Птичьей горы, которая не могла быть видна, пока мы не обогнули мыса; но мы уже сказали, что эта самая гора еще за часть плавания до нее представилась нам как призрак, через отражение. Нил прорыл глубокие пещеры в подошвах этих живописных скал; сверх того, множество глубоких трещин раздирают стены скал, и стаи птиц с криком беспрестанно влетали туда на ночлег, оправдывая тем название горы. Она раздвоена на два уступа; на самой высоте видно строение; кирпичный купол выглядывает из-за ограды земляных стен. Это Коптский монастырь, посвященный пресвятой богородице (Дер-Мариям). Сюда вначале уединился святой Антоний.

Сердце мятется радостью при виде сих святых уединений, невидимо охраняющих путников. Несколько братьев, сопровождаемых верною собакою, приветствовали нас с грозных вершин и знаками приглашали нас под свой кров. В самое это время солнце погружалось за беспредельную степь Ливии и ветер нас оставлял; я велел повернуть к монастырским скалам, но мы нигде не находили приюта для нашей дагабии по причине их крутизны. Отшельники, заметив наше намерение, с радостью начали спускаться со скал к нам навстречу. Мы хотели пристать к тому месту, где видны идущие от верху до половины скалы, высеченные в камне ступени, но копты нам закричали, что тут нет никакой возможности подняться от подошвы иначе как на канатах, и приглашали нас к другому месту. Пристав туда, мы увидели, что и тут доступ почти столь же труден и даже опасен, особенно ночью. В обуви этот всход невозможен, и сами отшельники советовали нам дожидаться дня. Дорожа временем, я обещал им на возвратном пути посетить это любопытное место. Между тем мы остались у подошвы угрюмых скал поджидать

ветра, любуясь потухающею зарею и восходящим месяцем и вместе беседуя через переводчика с одним из отшельников. Вся братия — природные копты и не знают другого языка, кроме арабского. Я спросил об основателе монастыря, но они отвечали, что они не умеют читать и что про то знают только их священники; один из них, старее годами, прервал этот ответ, сказав мне, что обитель основана святым Авраамом Сирийским. Желая увериться в этих словах, я заставил несколько раз повторять себе то же самое и ясно слышал: Ембабе Ибрагим Суриани.

Мы пробыли около получаса у подошвы этих скал, прикрепясь канатом за один камень; но нельзя было без опасности оставаться далее у такого неприступного берега. Мы воспользовались первым легким ветерком и простились с отшельниками. Они советовали нам на возврате пристать с северной стороны около Серарие, куда обещали выслать ослон, коль скоро завидят наш флаг. Долго мы слышали их приветствия, а потом лай их сторожевой собаки...

Миниэт — Бени-Гассан

К семи часам утра мы дошли не далее Миниэта; хотя мы стояли три часа на месте за безветрием, совсем тем это замедление надобно приписать намерению арабов пристать днем к Миниэту, для того чтобы получить от нас мясную порцию, определенную в силу контракта, когда пристают к городу. В этом они успели, но я заметил раису, что его уловка от меня не укрылась. Миниэт находится на том месте, где было римское укрепление Ибиум или Ибис; он довольно красиво выстроен и хорошо населен; базар не беден; тут значительная бумагопрядильная фабрика.

По ту сторону Нила горы опять очень близко подходят к берегу и далеко тянутся белою полосой, а потом, несколько отступая, оставляют место для земли обработанной, где видно несколько селений. В свою очередь западный берег делается пуст. Чем более мы двигаемся, тем Нил делается шире. Я расспрашивал по Данвилевой карте о монастыре Аббата Гора, который должен быть близ Сауади, но никто не мог мне показать его; меж тем, прохочя очень близко от берега,

я открыл в зрительную трубу развалины этого монастыря на самой вершине скал; стены обширны и в иных местах зубчатые. Нам сказали, что этот монастырь еще не упразднен. У подошвы скал видны обширные пещеры, правильно высеченные в известковом камне и поддерживаемые огромными подпорами. Тут находятся две гипогей, которые Шамполион назначает между селениями Сауари и Заует-ель-Маиетин.

Отсюда начинаются те древние каменоломни и гробницы, которые столь долгое время служили убежищем умершим для мира святым отшельникам. Сии места прославились в христианском мире под названием уединений Фиваидских, хотя собственно Фиваида начинается еще несколько далее.

Пройдя Матагаре, где полагают древний Акорис, горы Аравийские, отклонившиеся от берега, начинают опять приближаться к нему и становятся возвышенные, но совершенно нагие. Против Володинуер обращает ваше внимание множество водяных подъемов, или шедуфов, устроенных на берегу Нила для орошения полей. На одной оси между двух столбов утверждены два коромысла; с одного конца привязана тяжесть, а с другого — плетеная корзина или кожаный мешок для черпания воды. Здесь согласно с высотой берега эти поливальни сделаны в три уступа; первая машина черпает воду из Нила, выливая ее в углубление первого уступа; другие машины поднимают воду с уступа на уступ и таким образом доводят ее до поверхности земли. Если берег очень высок, тогда бывает таких уступов до пяти или шести. Этот тяжелый, хотя и полезный способ не должен бы существовать, если бы каналы и шлюзы были устроены в Египте так, как они были в древности!

До полудня небо, против обыкновенного, было пасмурно, но к полудню пары очистились, погода сделалась ясная и жаркая, и наконец около часа зной сделался так силен, как в середине июля; зетер чачал ослабевать и наконец совсем нас оставил возле знаменитых скал Бени-Гассана... Я очень был обрадован этою остановкою и, взяв с собою драгомана и двух арабов, начал с их помощью взбираться на крутой каменный берег по глыбам песка.

Мы отплыли с сильным попутным ветром. Цепи Аравийских гор здесь далеко отходят от берега и

оставляют место для плодородной земли. Селение эль-Уасти красиво выстроено, дома вообще в два этажа, которые разделены узорчатыми линиями, а верхи украшены круглыми зубцами. Неподалеку отсюда мы видели странную группу: нагой араб нес на плечах нагого ребенка, держа под мышками пучки сахарного тростника; подле него шла его жена, закутанная с ног до головы синим покрывалом, неся также на плечах другого нагого младенца.

Со вчерашнего дня я заметил, что женщины этих берегов ходят не в синих одеждах и покрывалах, а в коричневых. Ветер двух прошедших дней прохладил атмосферу, а ночи и утренники были свежи: сегодня же, 26 января, такой зной, как в июле! Перед отъездом из Белиене нам принесли несколько рыб: из них одна мне показалась необыкновенною, и я ее срисовал.

Здесь Ливийские горы начинают опять близко подходить к берегу, между тем как Аравийские отдаляются. Вечер был, как обыкновенно, очаровательный. По мере склонения солнца к горизонту желтизна гор начинает мало-помалу синеть и превращается в прекрасную лиловую лазурь. Легкий ветерок медленно подвигал нас. Около одной деревни мы слышали пение арабов, и к нам доходили некоторые слова, то были похвалы прекрасному или пречерному полу города Мелави. Наши арабы, из которых некоторые были уроженцы из этого города, начали им вторить своею музыкою, она состояла из двух свирелей и даррабуки, или тамбурина. Одна флейта наигрывает только две ноты, а другая беспрестанно жужжит, как шмель, между тем даррабукою бьют такту.

При наступлении ночи, когда мы причалили к берегу у прекрасного пальмового леса деревеньки эль-Эсби, внезапный шум, как от падающих тел в воду, обратил наше внимание: то были несколько крокодилов, которые с появлением нашим бросились в воду. Я вышел на берег и провел часть ночи в живописном пальмовом лесу; к ужину мне принесли из деревни эль-Эсби молоко буйволиц. Поутру мы плыли около Гамрама и, попав на мель, потеряли более часа времени. Тут являются у берега скалы Аравийские, посыпанные песками. На отмелях лежали несколько крокодилов, из которых многие с разверстыми пастьями; они были вне выстрела, иначе я не преминул бы послать несколько

пуль в этих ненавистных чудовищ. Далее я видел гуляющих на возвышенном берегу женщин и детей, между тем как на самом берегу лежал крокодил, при самом сходе к водопою, где он подстерегал неосторожных.

Чем далее подымаешься по Нилу, тем более теряется то роскошное разнообразие берегов его, которое видно от Александрии до Каира. Скалы Ливии и Аравии, подобно выдвигающимся беспрестанно декорациям, обрисовывают живописно берега его. Деревья дум растут здесь в самых безжизненных местах. Там, где Аравийская гора Усуфсуф входит в Нил, большая роща думов одевает весь берег, который, несмотря на огромную преграду скал, поглощен песком. Я прошел весь этот берег пешком, любуясь то грозною картиною скал, то живописностью этих деревьев, укрывающих от зноя путника и удерживающих вместе с ковылем наносный сквозь ущелья гор песок. Тут, посреди терний и ковыля, я встречал кусты прекрасных голубых цветов, каких я не видывал в Европе. Между тем как этот берег покрыт одними думовыми деревьями, противоположный весь обрисован лесом пальм. Так развлекал я себя при противном ветре, останавливавшем плавание, и всегда находил довольно вознаграждений в величии природы. В этот день, перед закатом солнца, я еще имел случай, несколько далее, насладиться прогулкою на западном берегу; там я нашел большое разнообразие в растениях: пальмы, думы, сикоморы, акации, гуммии и многие мне неизвестные деревья росли в живописном смещении, и все это на берегу диком и необработанном, среди индиго, кассии и ковыля. Тут во все время я не встретил ни одного человека, зато множество самых милостивых желтых и лиловых горлиц, порхающих и нежно воркующих. Я не позволил себе ни одного ружейного выстрела в этом отрадном месте. Мне сказывали, что большая часть жителей этого берега поглощена рекрутством для армии Мегмета, а другая скрылась в знойные пустыни, покинув столь роскошную природу. За безветрием мы пристали у селения Сах эль-Бахире.

В три часа ночи поднялся хороший ветер, который хотя затих к утру, но потом, возобновясь с большею силою близ огромной горы Джебель-Эйсене, Аравийской цепи, быстро нас помчал. Против Дисне горы Аравийские отходят, а Ливийские приближаются и, наконец,

возле знаменитого Тентириса, ныне Дендера, совсем господствуют над берегом. Окрестности селений обоих берегов роскошно оттенены тропическими деревьями и растениями. Я любовался здесь живописною поступью женщин, шедших за водою; их было до десяти, и они все шли мерным шагом одна за другою, неся на головах кувшины древней египетской формы и однообразно поддерживая их обеими руками. Это походило на те процессии, которые остались на древних барельефах и аль-фресках.

Мы принуждены были тянуться гужом вдоль прекрасного берега, около селения Тука; тут обратили мое внимание особенной высоты пальмы и думы, все еще новые для глаз европейца. Многие из этих прекрасных деревьев росли по пяти и по восьми от одного корня. С наступлением ночи началась у нас арабская музыка и песни. Я полюбопытствовал узнать что-нибудь из этих песен, и мой драгоман перевел мне начало одной из них: «Молитвы пророку! Некогда розы были простые колючие кусты; он взглянул на них — и распустились розы!». Такие песни поются людьми самыми необразованными.

Мы остановились у самой деревни Тук. К нам вышел беседовать кашеф; он рассказывал, как три ночи сряду посещает их берег гиппопотам, т. е. речная, или собственно нильская, лошадь, и опустошает их пшеничные поля; что вся деревня стережет его.

Едва мы пролетели мимо веселого островка эль-Аразат, как вдруг встало передо мною из-за пальм восточного берега исполинское здание, которое я не мог себе объяснить, потому что высокие тропические пальмы казались перед ним тростником; и вот за ним два или три обелиска разрезали лазурный горизонт неба, а там — целый ряд колонн... Это восточная часть Фив, Карнак и Луксор. Направо, у подошвы сблизившихся к берегу знойных и высоких гор, нестройные и взрытые груды развалин; за ними, из-за деревьев, виднелись другие развалины, разбросанные и стоящие, туда неслась наша дагабия, и у этого запустелого берега, близ какой-то мазанки, осененной пальмами, мы спустили паруса насупротив волшебного Карнака.

Хотя я намеревался только на возвратном пути обозреть все остатки древнего Египта, но, завидя Фивы, я изменил все свои предложения. Я поспешно оставил

свою дагабию и, добыв двух лошадей для себя и для моего драгомана, в сопровождении двух бедуинов, которые были вооружены копьями, направился, куда меня повели.

Первый предмет, который я увидел, проехав мимо нескольких букетов пальм и акаций, был великолепный портик строгого зодчества, украшенный вросшими в землю десятью колоннами, с капителями из лотосовых листьев; он окружен горами разрушенных арабских хижин, слепленных из земли и называемых Гурна. Не спрашивая провожатых, я преузнал, что это здание не принадлежит еще существенным зданиям Фив, и мы проехали молча мимо прекрасных развалин.

Едва мы их оставили за собою, как вдруг открылось обширное поле, простирающееся до отдаленного хребта Ливийских гор; на этом заглушем поле, взрытом развалинами, сидели, в грозном одиночестве, на мраморных престолах, два гиганта, один подле другого. Выше всех пальм, выше всех развалин, они господствовали, как цари, над необозримою картиною опустошения. Баснословный Мемнон, сын зари — этот Луцифер египтян, диво древнего мира, был один из тех колоссов, к которому направлялся путник из далеких стран Севера, еще пустынных в то время, как этот гигант смотрел уже на восходящее солнце и произносил звуки удивленной толпе путешественников и поклонников, стекавшихся к нему со всех концов земли.

Несколько в сторону от этих волшебных стражей пустыни вставали громады храма; лучи солнца вырывались широкими полосами из проломов разрушенных стен. Далее, на холме, другие развалины, в страшном беспорядке, рисовались на краю горизонта. Мы направились к ближайшим. Страбон называет это здание Мемнониум (прибавляя, что греки называли Мемнона Исмандием), а Диодор — памятником Озимандия, египетского Геркулеса. Шамполион прочел, как он говорит, в иероглифах египетское название этого храма: Рамессеион, т. е. здание Рамзеса Великого, или Сезостриса, который есть Геркулес, или Озимандий, египтян.

Часть входа со стеною циклопического построения, перистиль и три залы с колоннадами, более или менее разрушенными и все это в размере огромном, одетое

покровом иероглифов, среди разбросанных груд и разбитых статуй, стоит перед вами. Кариатиды, поддерживающие перистиль и изображающие жрецов с руками, сложенными накрест, вселяют то глубокое благоговение, которое они сами так живо выражают. Возле повержен, раздвоенный, с разметанными повсюду членами, подобно идолу Дагону, величайший колосс в мире. Трудно сообразить весь объем его, и должно отступить, чтобы распознать это изящное гранитное чудо-вище.

Плавание от Фив до Ассуана: Эсне. Эдфу. Элефантис. Ассуан

В глубокую ночь я отплыл из Фив. Тихое величие Нила, по которому мы медленно скользили, доставляло мне сладкое отдохновение после столь великих поучительных картин, которые взволновали мои мысли. При лунном свете мы прошли мимо Эрмента: это древний Гермонтис, прозванный коптами Белед-Муса, или деревня Моисея, по имени одного монаха из арабов, который жил в конце четвертого века, был епископом и причтен католическою церковью к лику святых.

Ветер всегда утихает к вечеру. Лунный свет великолепно оттеняет окрестности. Я выхожу на берег и под навесом пальм, в благотворной и ароматической теплоте, развлекаюсь забавами моих арабов — их музыкою и плясками. С некоторого времени плывет за нами и останавливается ночью неподалеку от нас один английский путешественник, и наши гребцы перекликаются напевами и музыкою.

На другой день, 1-го февраля, во время очень жаркого дня и при ослепительном солнце мы подвигались медленно, попадая беспрестанно на мели. По нагой цепи гор восточного берега видно много развалин, в особенности около мыса Джеббель-эль-Могузи. Между деревнями Малех и Псалиха являются небольшие остатки пирамиды, последней на юге Египта. Эта пирамида называется Ком-эль-Лахмар. Тут встречается остров с отмелями, растения показываются приметно реже. На правом берегу селение эль-Каб занимает место древней Элетии, где сохранились чрезвычайно любопытные гробницы. Часа за полтора до захождения солнца мы

пристали, по безветрию, к великому граду Аполлона или Горуса...

Храм Горуса, совершенно сохранившийся, гордо возносится над хижинами арабов двумя обрезанными пирамидами. Даже с Нила видны простыми глазами огромные человеческие фигуры, начертанные на стенах. Я направился туда пешком, прямо по полю. Величина этого храма, столь огромного даже издали, удваивается, когда, подойдя к нему, узнаешь, что видимое здание есть только его половина; другая часть вся погребена в земле, и нижние колоссальные изображения выходят из нее только по пояс. Этот храм, возобновленный на древнейшем основании, сооружался во время владычества греков при Птолемах: Филопаторе, Епифане, Евергете II, Сотере II, Александре I и при Веренике. Египетское величие напечатлено на нем. При входе в ворота, соединяющие два огромные пилона, вам открывается обширный параллелограммный двор, обнесенный великолепными перистилями о тридцати двух колоннах. В перспективе виден величественный фронтон храма, поддерживаемый шестью колоссальными колоннами. Хижины арабов заграждают входы и прислонены к стенам; сверх того, несколько таких землянок построены на самой террасе великолепного храма. Далее следует другой, меньший храм, который был освещен сверху посредством нескольких отверстий: теперь через эти отверстия выбрасывают из построенных на храме хижин навоз, которым завалена большая часть так называемого святилища! К святилищу пристроено небольшое отделение; уродливые изображения Тифона на стенах показывают, что оно было посвящено этому злему божеству. Все здание обнесено было стеною; она видна до половины, сзади, но исчезает под землею, у входа. Западная сторона завалена горами развалин древнего города. Я входил на самый верх одного из передовых пилонов; их внутренность разделена на этажи, где видны довольно пространственные комнаты; тут, вероятно, были жилища жрецов. Я насчитал 156 ступеней, о двух вершках каждая, до верхней террасы; но надобно вспомнить, что половина пилонов в земле, поэтому можно определить высоту пилонов с лишком в 14 саженьей.

Эдфу населен нубийскими переселенцами, бедуинами колена Абабдесов, которые при пастбищных и земледельческих занятиях производят довольно значительную

торговлю нубийскими произведениями: гумми, сенне, углем акаций, железною слюдою, квасцами и посудою из глины особого качества. Черный цвет их тела уже резко отличает их от египетских арабов. Мужчины ходят нагие по пояс, а женщины — обернутые по нагому телу каким-то саваном. Здесь живут шейхи Абабдесов. Эти бедуины были очень враждебны до времени владычества Мегмета-Али.

Я провел несколько часов ночи, которой теплота вселяет особенную негу, в пальмовой роще Ассаувиэ. На другой день мы медленно приближались к скалам Сельзеле, мимо низких береговых гор, оживленных только около Силоа (общее имя некоторого пространства) несколькими букетами пальмовых растений. Горы Сельзеле знамениты по своим фараоническим каменоломням. Нам попался навстречу большой караван с несчастными абиссинскими неграми. Абабдесы города Эдфу сами производят ими торговлю. На верблюдах не было другого товара, кроме женщин. Ветер нас оставил в самый знойный полдень; мы пристали к берегу. Гора Сельзеле с несколькими пещерами была уже у нас в виду.

С берега мне принесли большую ветвь одного из тропических деревьев, весьма красивого. Арабы называют его сагар-ель-гушар; по их словам, оно ядовито*.

Огромный крокодил спал неподалеку от нас на берегу; две женщины шли за водою и вместе с тем хотели поить своего осла у самого того места, но, завидя чудовище, отклонились в другую сторону, а мы пробудили его пулею, и он, посмотрев на нас, весьма медленно погрузился в Нил.

Безветрие продолжалось, и я велел пройти гужом мимо горы Сельзеле; ночь быстро сошла и заставила

---

* Стебель имеет сероватую оболочку; дерево жестко и бело и при переломе точит молоко; листья похожи на гераниум, в четверть величины; цветы небольшие, о пяти листиках, с лиловыми оконечностями. Из середины цветка выходит шишечка, имеющая образование двух правильных пятиугольников один на другом с кругом посреди; с каждой стороны пятиугольника выходит по одному желтоватому лепестку с лиловыми оконечностями. Таких цветков по пяти на веточке; когда они свернуты, то походят на выпуклую пятиугольную пуговицу. Фрукт величиною больше четверти и походит на миндальный орех; когда он поспевает, то сам раскалывается; внутренность покрыта белою тонкою оболочкою и заключает беловатый пух с черными семечками.

нас остановиться. Скрип колес водяных машин показывал близость деревни. Луна освещала изрытые ребра гор, которые породили множество памятников. Мы были на берегу уже более часа времени, как вдруг задул попутный ветер; мы тотчас отвалили; только что мы двинулись с места, как открылся передо мною весь ряд Сельзелисских пещер, великолепно освещенных луною; таким образом, все это время, к моей досаде, я пролежал в бездействии, слушая песни арабов, и это было за углом северной пещеры, самой любопытной! Все это остается еще для меня на обратный путь; я не хотел потерять попутного ветра, быстро подвигавшего нас к цели. Здесь самое узкое место Нила; Джебель-Сельзеле значит по-арабски «Гора цепи»; древнее предание египтян, будто здесь оба берега были соединены цепями для преграждения плавания враждебным племенам, сохранилось в рассказах арабов. Вероятнее, что Нил разорвал здесь некогда существовавшие преграды для его течения. К одной досаде присоединилась другая: на рассвете мы прошли мимо великолепных развалин Омбоса (Коум-Омбо), и никто не разбудил меня!

К 8 часам утра мы плыли мимо селения Дарауэ. Здесь и даже несколько прежде того все жители — уже настоящие негры. Переход из Египта в Нубию, или Эфиопию древних, резко обозначается. Зной солнца и вертикальность его сильно дает чувствовать приближение к тропику. Когда я писал эти стихи, в 8 часов утра, луч солнца проник на меня мимо навеса, и я обернулся, думая, что возле меня развели огонь.

За Дарауэ представляется живописный населенный остров. Семьи арабов отдыхали в отрадной тени пальм и сикоморов, которые здесь великолепны. За островом восточный берег оживляется лугами и растениями до самой горы эль-Агаби, образующей мыс; но тут уже полоса земли так мала, что бедные жители засевают дуррою самый обрыв берега, и ярко-зеленый цвет его представляет приятную противоположность с желтизной песков, которые заволокли весь западный берег на далекое пространство. Через час плавания вдруг оба берега пышно оделись растениями; прельщенный их красотой, я спросил о названии места, и, к немалой радости, узнал, что это Гарб-Ассуан, отстоящий за час скорого плавания от Ассуана, древней Сиены, которая с знаменитым островом Элефантисом составляла гра-

ницу Египта и Эфиопии. Горный песчаный мыс западного берега с развалинами арабского замка Губба закрывал еще от меня Ассуан. Был ровно полдень: небо, земля и Нил, казалось, горели от блеска ослепительного солнца!.. и вот Ассуан!

Как великолепен предел Египта! На восточном берегу высится гранитная гора, покрытая развалинами древней Сиены и нынешнего Ассуана; с запада подобная же гора с разрушенным замком Губбы. Обе эти горы напоминают те две горы: Крофи и Мофи, о которых жрецы египетские говорили Геродоту и где, по их словам, скрывались источники Нила. Перед вами, посреди Нила, встает таинственный остров Элефантис, цветущий, как сад, и смотрится с своими высокими пальмами в зеркальные воды Нила, который, сломив преграды скал, заграждавших ему течение из Эфиопии, успокаивается, входя в Египет для того, чтобы созидать землю и благодотворить; он расстилался здесь очень широко. Кругом чернеют разбросанные подводные скалы и свидетельствуют о торжестве той реки, благороднее которой, как сказал Сенека, природа никогда не представляла очам человеческим.

Едва мы пристали к Ассуану, как мой янычар отправился с фирманом к губернатору Ассуана для истребования приказа шейху раисов, живущих при порогах Нила, изготовить все нужное для нашей переправы. Губернатор был в отсутствии, но второе лицо после него вместе с прежним губернатором, очень приветливым стариком, через час времени были уже у меня вместе с их свитой. Я угостил их как мог: мой драгоман разостлал ковер, посадил их на него, подал трубки, поднес кофе, ликер и винные ягоды; эти два последние лакомства, по своей редкости в здешнем краю, заслужили их особенную похвалу. Они тотчас послали за шейхом раисов и расположились у меня по-домашнему. Старик губернатор знал хорошо Шамполиона и припомнил графа О-на, недавно посещавшего Египет. Речь зашла о России. Не бывав нигде севернее Каира, он не хотел верить, что в это время у нас реки окованы льдом, и долго не мог понять, что такое лед: я должен был, наконец, объяснять моим гостям действие холода. Между тем явился шейх раисов, и мы сладили с ним в присутствии властей о цене за переправу нашей дагабии через пороги и за лоцмана для плавания по Нубии, куда

не пускаются без лоцманов ассианских. Только что мои гости разъехались, я поспешил на знаменитый Элефантис.

Я не нашел там ничего, кроме разрушения! Этот остров есть гранитная скала, покрытая наносною землею Нила. Стены, от которых есть еще малые остатки, и набережная ограждали здания Элефантиса от наводнений; во многих местах видны еще ступени. При Страбоне тут был еще город с великолепным храмом Анубиса и нилометр. Из груд кирпичей, мраморов и гранитов встает один пилон — остаток древних ворот, которые вели во храм Анубиса. Эти нестройные груды роскошно оттенены живописными пальмами и кассиями. Последние остатки зданий Элефантиса были скрыты в 1828 году губернатором Ассиуана, а камни с мистическими иероглифами употреблены на постройку складочного магазина в Ассиуане.

Только около 9-ти часов, мы совсем собрались; обоз с верблюдами отправился прямою дорогою, а мне подвели великолепно убранного по мамелюковскому вкусу арабского коня и, сверх того, нужное число отличных лошадей для моей свиты. Только что я сел на лошадь, как заметил, что имею дело с животным, столь же пламенным, как и климат, в котором оно возвращено. Мы отправились по знойным гранитным горам мимо развалин старого арабского Ассиуана, живописно венчающих береговую скалу; несколько разрушенных мечетей и надгробных памятников хорошего восточного зодчества возвышались из-за них. Этот город был взят и разрушен нубийцами в 956 году. Горы Алаки, где, как полагают, были некогда золотые и изумрудные руды, граничат Ассиуан с востока, а горы Джианнадель — с противоположного, западного берега. Мы ехали по тем знаменитым каменоломням, которые дарили древний Египет столькими обелисками, сфинксами, колоссальными статуями и колоннами. Я видел тут один недоконченный обелиск огромного размера, выходящий из недр горы. Какой переворот правления, какая военная буря остановили его на торжественном пути?.. Вскоре посреди этой мертвой природы обозначился древний путь из больших плит, во многих местах перерывающийся и опять идущий по направлению к острову Филе. Тут же, со стороны Аравийской пустыни, заметны во многих местах остатки стены из необожженных кирпичей.

От этого места начинается Нубия. Выбравшись на песчаную долину, наши лошади, которые даже в дефилеях, заваленных горами камней, показывали большое нетерпение, начали рваться, увидев себя на свободе. Я хотел испытать своего коня, и едва тронул его острым мамелюкским стремящем, как он умчал меня вихрем, и я едва умерил его ярость. Стремя мамелюков есть железная доска, сделанная для всей ступни, и расходится четырьмя острыми углами: должно очень осторожно держать ноги, чтоб не коснуться борзой лошади одним из острых концов этой доски. Мой провожатый, отличный наездник, беспрестанно ратовал передо мною, кружа свое копьё и привлекая мое внимание, как вдруг блеснул несравненный Нил и развернулся волшебный остров Филе, названный арабами по разительному великолепию его храмов островом храмов*. Не доезжая берега, видны вправо гранитные скалы, испещренные иероглифическими надписями. Одна из этих скал имеет вид огромного трона. Из прочтенных надписей самая любопытная свидетельствует о поражении ливийцев фараоном Тутмосисом IV.

Приближаясь к берегу, мой драгоман, соревнуя лихому наездничеству асуанского провожатого, мелькнул вдруг с своею лошадыю мимо меня, когда я восхищался очаровательным видом Филе. Мой ретивый конь неожиданно устремился за ним; наездничество моего драгомана кончилось полным падением, а я едва успел удержать моего коня уже на самом скате берега в Нил.

Остров Филе

Самое пламенное, своевольное воображение не создаст места более фантастического, как остров Филе. Чтобы достойно описать его, надобно заимствовать краски у Ариоста и Данте. Рассвирепевший Нил, сломив гранитные преграды, набросал здесь в хаотическом беспорядке скалы, одну огромнее другой. Пространнейшие [скалы] образуют два острова. Первый из них, Филе, оттененный роскошною зеленью, увенчан всею важностью пирамидального зодчества египетского, слитою с привлекательною красотою римского. Другой, Бекге,

---

* Джебзирет-эль-Бирбе.

или Битче, представляет лишь слабый остаток своего величия,— одну арку среди груд разрушения и хижин нубийцев. Из трещин скал, почерневших от времени, и волн, встающих, как великаны или чудовища, возносятся огромные пальмы, а по берегам расстилается яркая зелень лугов. Окрестность оглашается гулом скачущих вод Нила по порогам, которых часть видна с острова. Суда всегда пристают с восточной стороны. Со вступлением на крутой берег представляется вам прелестное здание: четверосторонний перистиль высотой в 6 сажен, украшенный в ширину четырьмя, а в длину пятью колоннами, соединенными снизу, до трети их вышины, простенками. На капителях утверждены очень высокие абаки, или четверосторонние подпоры, на которых лежит архитрав. Это здание, исполненное зодческой гармонии, вероятно, осталось неконченным, потому что на некоторых простенках видна начатая резьба иероглифов. По новейшим открытиям это здание принадлежит уже римской эпохе; самый рисунок колонн и архитрава доказывает истину этого предположения.

В то время как я любовался, полный восторга, с одного пилона острова Филе великолепием природы и зодчества, я услышал громкие восклицания со стороны порогов, и вскоре из-за черных подводных камней явилась моя дагабия, наполненная толпою эфиопов; но при самом прибытии она едва не разбилась об одну из прибрежных скал по причине неprovорной уборки парусов. От последовавшего удара два человека, закреплявшие большой парус, перевернулись вместе с реею; мы вздрогнули за них, но они удержались. Сам ветхий шейх лоцманов, Нептун этого берега, пришел возвестить мне благополучное прибытие; со всем тем дагабия была повреждена на носу. Мой кормчий (сын каирского хозяина моей дагабии), прекрасный молодой негр из Сеннара, сопровождавший меня сухим путем, увидев порчу, осыпал упреками лоцмана, сына шейха; а этот ударил его; тут мой Али расsvирепел, как лев; по счастью, у них не было кинжалов, но они так впились друг в друга, что приспевший туда мой янычар едва мог их разнять. Я поспешил вытребовать к себе моего негра; он явился, но трепетал от ярости, глаза его были налиты кровью, и, сорвав сам с себя чалму, начал ее топтать ногами: знак нестерпимой обиды; один из его товарищей хотел смягчить его гнев, как вдруг мой Али схватил

попавшийся ему камень и разразил бы своего товарища, если бы не бросились на него толпою; тут я принужден был употребить строгость; Али смирился передо мною, но объявил, что он первый получил удар и что не может этого снести. Я обратился к шейху и сказал ему, что нанесенная моему матросу обида требует наказания. Едва успел я это вымолвить, как по мановению его руки сын упал к его ногам, недвижим, а он могучею своею тростью, успел уже нанести ему два сильные удара; я поспешил остановить его. Мой негр тотчас же смирился и бросился целовать мои руки за то, что я омыл его оскорбление. Я рассказал этот случай, чтобы показать нрав здешнего народа и патриархальную власть отца над детьми. Все нубийцы вооружены смертоносными копьями, которые зазубрены в разные направления и часто напитаны ядом.

Я провел весь вечер на террасе внутреннего пилона Изидина храма, где назначил свою главную квартиру. Так как на острове Филе нет теперь жителей, то никто не приходил развлекать меня. Солнце спускалось за громады Ливийских гор; скалы и здания начали терять свой ослепительный блеск, покрываться лиловыми или лазуревыми оттенками и отражаться в тихих водах Нила, который, в свою очередь, перестав беспрестанно отражать и поглощать вертикальные лучи солнца, казалось, отдыхал вместе со всею природою; только на севере продолжал он вечную борьбу свою с раздробленным гранитом, и глухие рокоты волн его более или менее вторились по направлению ветра. С юга великолепный исток его из мрачной Эфиопии блистал широкою полосою между двух чудовищных скал. Пальмовые рощи и вся зелень окрестных берегов обольщали взор необыкновенною прозрачностью и разительно противоречили строгим очеркам нагроможденных зубчатых скал. Едва последние лучи солнца блеснули из-за гор, как ночь быстро начала потоплять во мраке все предметы и через двадцать минут заблестали уже звезды: с юга пламенное созвездие Канопа, с востока созвездие Льва; но я напрасно искал родных созвездий северного полушария!..

Шум порогов, более слышный ночью, начал навевать на меня сон, когда я оставил таинственные храмы Изиды и в темноте едва добрал по развалинам до великолепного пропилея восточного берега, возле которого

стояла моя дагабия. Там, в пристроенных к гордому языческому храму скромных монашеских кельях, нашел я успокоение.

Нубия: плавание от острова Филе до Уади-Себуа

Заря едва занималась, когда мы оставили волшебный остров Филе при самом легком ветерке. Чем далее мы отплывали, тем живописнее рисовались ряды его колонн и выше вставали его пирамидальные пилоны. Мрачные скалы с каждым движением барки принимали различные химерические виды и делались как бы существами сверхъестественными. Но первые лучи солнца едва блеснули — и видения зари исчезли, как метеор... Нубийцы рассказывают много чудесных повестей об острове Филе. Я не мог отвести глаз от этой картины. Наконец, дикие горы закрыли ее от меня.

Итак, мало этих преград? Мало этой дали между тобою и отечеством, о котором ты скрытно вздыхаешь? Скоро еще пламенная линия тропика отделит тебя от него, говорил я сам себе и уже нетерпеливо смотрел вдаль, чтобы открыть скорее тот горизонт, те горы, откуда начнется мой обратный путь на родину. Но я плыл еще во глубь Нубии!..

При самом начале плавания представляются две полуразрушенные мечети (эль-Мишед), из которых одна, по здешним преданиям, есть первая мечеть, которую соорудили Магомету. Берега Нила образованы здесь высокими черными скалами; привыкнув к желтизне и блеску египетских горных берегов, путешественник с первого взгляда поражен мрачностью новой природы, которая сама обозначает здесь переход из одной страны в другую. У подошвы этих скал узкая полоса земли с несколькими пальмами и сиалами уменьшает несколько суровость этой картины. Хотя усилившийся ветер прохладил воздух и под тенью скал я чувствовал свежесть, но лучи недавно восшедшего солнца уже проникали меня жаром. Обогнув скалы мыса Гути, где Нил очень круто поворачивает, мы приближались к Дебуду; там скалы засыпаны ярким песком Ливии. У их подошвы открываются красивые остатки храма, принадлежавшего некогда Римскому укреплению Паремболе.

Его занимал еще в конце четвертого века 2-й легион Траянов. Храм украшен портиком о четырех колоннах, соединенных снизу простенками. К нему ведет от самого Нила каменный путь сквозь трое ворот, еще хорошо сохранившихся. На противоположном берегу пальмы красиво рисуются на черных стенах скал; вдали, по Нилу, зеленеют острова. Я решился продолжать путь безостановочно до самых больших порогов, останавливаясь только за безветрием или ночью, и потому намерен все остатки древности осмотреть на возвратном пути.

За селением Барамбрам спокойствие Нила нарушено подводными камнями, и волны быстро разбиваются об их черные вершины. За двумя островками, возле Куфр-Димри, видны на вершине горы и на берегу развалины зданий позднейшего времени. Далее следуют ужасные груды мрачных скал, которые за селением Димри начинают понижаться. С приближением к Кардасси является вам на холм другой остаток храма, от которого сохранилась только малая часть портика с пятью живописными колоннами египетского стиля. Следуя Птолемею, тут можно назначить эфиопский город Тцитци. Возле него обширное укрепление, которое, как полагают, воздвигли римляне в защиту от варваров. Еще не доходя до этого места, я видел сильное отражение атмосферы, уже много раз мною замеченное: смотря в зрительную трубу на храм Кардасси, я увидел за ним, в конце горизонта, горы, которые казались столь же высоки, как Альпы, живописно обрисованные по лазури неба; то были скалы Бабуль-Келабше, которые хотя и огромны, но не имеют ничего необычайного.

Через час плавания от Кардасси открылись третьи древние развалины, это остатки храма Тафиса возле селения Тафе, сохранившего древнее название. Этот храм похож на тот, который виден возле Дабута (Паремболе). Придерживая к берегу, мы видели нубийских женщин, прядущих хлопчатую бумагу.

Отсюда мы начали входить в мрачное русло, называемое Бабуль-Келабше, т. е. врата Келабше. Тут Нил течет между разодранными отвесными скалами, которые свидетельствуют о бывшем здесь сильном повороте природы. Течение образует во многих местах водовороты вокруг подводных камней. Мало-помалу узкие полосы земли с яркими лужайками начинают мелькать

по черноте скал; кой-где появляются шалаши бедных нубийцев, которые, завидя плывущую в этих грозных местах дагабию, выбегают нагие, с сверкающими глазами, с блестящими яркою белизною зубами, с женами, влачащими за собою черные покрывала,— и представляют картины дантевские. По новейшим наблюдениям, это грозное место лежит под самым тропиком Рака, и вот мы уже вступаем в жаркий пояс.

При выходе из Бабуль-Келабше открывается островок Амлалла с знаменитыми развалинами, которые, вероятно, принадлежали укреплению, оборонявшему этот дефилей Нила. Вот в горах восточного берега чернеют древние пещеры, или спэосы, и потом внезапно открываются величественные массы храма Келабше; их огромность напомнила мне Карнак. Слишком обширный по узости берега, этот храм достиг скал, довольно отклонившихся от Нила, и, мало того, он проник еще в самые их ребра!.. Многочисленное население нубийцев гнездится кругом его могучих стен, не дерзая проникать в святилище, они бродят и бегают по ограде, как по большой дороге. Их хижины, наклепленные у подошвы гигантских стен, походят на муравейные кучи при корне столетнего дуба. Здесь процветал древний город Тальмис. При полном попутном ветре мы пронеслись мимо. Между Салуи и Абу-Кора я заметил сильное течение Нила; волны его как бы кипели; вскоре я узнал, что в этом месте таится очень много подводных скал, которые обозначаются при мелководе. Именем Абу-Кора называются селения на обоих берегах Нила. Несколько живописных пальм и сиап промелькивают тут кое-где. На хребте гор виднеются развалины. Ночь застигла нас около диких скал Дандура, и мы уже в темноте пристали около селения Гарб-Мерое, под навесом пальм. Мы здесь ждем восхода луны, чтобы подвинуться еще несколько вперед, и, вероятно, остановимся между Мерое и Киша, где отмели и несколько подводных камней затрудняют плавание. При свете луны мы едва добрались вдоль голых скал их до селения Мерое, имя, напоминающее таинственный остров сего имени. С восходом солнца мы продолжали плавание. Горы становятся ниже. Около 8 часов утра мы были возле Кише, которое находится у подошвы горы, на котором виден разоренный город времен арабского владычества. Насупротив, на западном берегу, находится местечко

четырёх шейхов, иначе Герф, или Гирше-Гуссейн. Я говорю «местечко» потому, что тут видны четыре купола над гробницами шейхов, обнесенные земляною стеною, и потому, что нагота нубийцев несколько прикрыта. В скалах, господствующих над этим местом, виден вход в обширную пещеру, украшенную портиком. Там скрывается горный храм глубочайшей древности. Смотри в зрительную трубу с Нила, вы увидите в густом мраке, как привидения, колоссальные облики статуй.

За Герф-Гуссейном следуют низкие каменистые берега; сперва западный берег, а потом и восточный засыпаны песками, но далее на этих ярко-желтых песках растут очень густые деревья, особый род сиал, которые называются по-арабски тарфа, а по-нубийски уруф. Зеленъ этого дерева бледная и несколько походит на так называемое у нас божие дерево; корень растения растиляется на несколько сажений.

Отсюда берега представляют ту же самую картину до самого Дакке, где отдельные хребты гор высятся из-за плоской безжизненной степи, за которой взор ни на чем не может остановиться. Восточный мыс, называемый Джебель-Гаяд, образован из гранита; вообще Нубийские горы составлены из аспида, песчаника, кварца и преимущественно из базальта. За Герф-Гуссейном окрестности становятся плоски и песчаны, только вдали видно несколько небольших гор. Селения встречаются редко, некоторые из них опустели: их жители были изгнаны беспрестанным сближением песков к берегу; другие тщетно борются с Тифоном, поливая песок посредством сакиев; плоды трех или четырех финиговых деревьев, возвращенных уже на самом краю Нила, остаются их единственным пропитанием...

<...> Приближаясь к Офедилагу, Нил образует два острова, которые обработаны. Вскоре открывается, за букетами пальм Офедилага, хорошо сбереженный храм с портиком о шести колоннах; он возобновлен римлянами на древнем основании. На этом месте, называвшемся Гиеросикамион, останавливаются римские путевые таблицы. Насупротив, на восточном берегу, находится селение Магараке (Шамполион назвал ошибочно Офедилаг Магаракою и перенес туда храм). Несколько далее видны разбросанные на большом пространстве по восточному берегу хижины под общим названием Сиала. Отсюда берега Нила опять начинают облекать-

ся скалами. Самая высокая называется по имени противлежащего селения Барде. На юго-востоке от нее высится гора Агабет-Абузимбель, через которую пролегает прямая дорога в Дер, главный город Нубии; береговая дорога туда гораздо продолжительнее по причине изгибистого поворота, который делает здесь Нил на восток. Перед тем видел я на западном берегу, в первый раз в знойной Нубии, роскошное место, одетое тучными лугами и оттененное развесистыми сиалами и пальмами,— это селение Нуэбат. При самом повороте Нила видны на голой скале, которой коснулись уже пески пустыни, развалины старого Нуэбата. Далее узкие полосы плодородной земли, засеянной бобами и дуррою, тянутся по самым краям берега и даже подмываются водою; остальная часть берега поглощена песками. Селение Гарб-Медик порядочно населено и окружено пальмами; везде слышен скрип поднимающих воду машин для орошения знойного берега. Ветер упал, и самый тихий, ясный и дышащий негою вечер сошел усладить усталый от блеска солнечного взор и освежить силы человека. Простояв всю ночь у Гарб-Медик, с рассветом мы потянулись вперед гужом. Восточный берег обставлен черными базальтовыми скалами, а западный плоск и занесен песком.

В 8 часов открылся нам из-за хижин Себуа храм, возвышающийся двумя пилонами из песочной долины, называемой Уади-Себуа, или долина Львов. По мере приближения к храму открываются впереди его две стоящие колоссальные статуи и за ними несколько сфинксов. Ветру совсем не было, и жар начинал быть очень силен; идя гужом очень медленно, я велел пристать к берегу и направился к храму.

Плавание от Уади-Себуа до больших порогов Нила

Возле двух землянок нубийская семья, черная, как уголь, сидела под скудной тенью сиаля. Несколько полосок песчаной земли, слегка посыпанной береговым илом и на которых виднелись черенки уже пожатой дурры, дают им насущный хлеб. Вокруг нанесены из пустыни глыбы раскаленного песка яркой желтизны. Жилища нубийцев нельзя назвать деревнями, это род земляных

таборов, прислоненных то к развалинам, то к пальме, то к скале. Мужчины ходят совершенно нагие и имеют только нечто похожее на пояса; носят копья, луки и щиты, обтянутые кожей гиппопотама или носорога. Женщины только что обернуты в черные покрывала, но совсем нагие; не говоря о детях, даже девушки лет двенадцати имеют только пояс из висящих тоненьких ремешков. Разверните Диодора, и вы увидите, что коренная жизнь и обычаи эфиопов не изменились с того времени, но где же воинственные полчища, которые так долго боролись с фараонами? Где мощные богатыри, подобные тем, которые предлагали послам камбизовым, прежде нежели воевать с ними, натянуть огромной величины лук ими употребляемый?

Здесь стоит храм, посвященный Сезострисом богам Фре и Фта, судьям правды. Половина этого храма погребена в песках. Здания примыкали к скалам, и даже вся часть святилища входила во внутрь скалы; но и самые скалы, которые тут не высоки, едва показывают черные хребты свои из песочных волн. Только передовая часть храма открыта еще на несколько десятков лет для взоров человека. Два ряда сфинксов ведут к преддверию. По два колосса, изображающие Сезостриса, стояли в начале и в конце этой аллеи. Передние и теперь стоят на своем месте; изъеденные временем, они показывают один только облик человеческий, а другие два привратника храма, вдвое огромное первых, лежат поверженные, один навзничь, а другой лицом во прах. Два первые сфинксы видны почти до основания, другие, более или менее уцелевшие, грустно выглядывают из песков. За пилонами видна часть притвора, который был украшен вместо колонн кариатидами, подобными фивским, со сложенными накрест руками. Остальное здание и святилище, в которое можно еще было проникнуть несколько лет тому назад, скрыты в песке. На пилонах едва можно разобрать следы изображений и иероглифов, но видны еще очерки воинственных фигур: это Сезострис, поражающий северные и южные народы. Этот храм глубоко вдохновителен для зрителя *. Жесто-

---

* Прочтя в Шамполионе несколько холодных строк об этом храме, где он не нашел иероглифической жатвы, я не желаю быть ученым, потому что ученость лишает многих наслаждений.

ко палимый и ослепляемый солнцем, я, однако, взялся за карандаш и срисовал преддверие храма. Я хотел также изобразить проспект аллеи сфинксов, но солнце вынудило меня искать прибежища в моей дагабии. С некоторого времени в защиту от ослепительной атмосферы и яркой желтизны песков я должен был вооружиться зелеными очками.

За Уади-Себуа картина берегов не меняется. Около Шейх-Абд-Дейн мои гребцы, которые за продолжавшимся безветрием тянули гужом, расположились на отдых и для обеда под тенью густых сиал. За Шейх-Абд-Дейном крутой песчаный берег заслонен кустами гумми и сиал, переплетенных с тонким стелющимся растением в виде многосучного тростника. Арабы называют его ханзир. По самым краям Нила посеяны гряды дурры и турмиса; это растение, украшенное синими цветами и которого листья похожи на бобовые, имеет горькие зерна; из него делают масло, которым они умащивают свое тело или употребляют для ламп, а иногда, перетирая их в муку, готовят хлебные лепешки. Это едва ли не то самое эфиопское растение, о котором пишет Страбон, называя его кики. Мои гужевые арабы были в одном месте остановлены крутизною берега; я им предложил переправиться по ту сторону Нила по находящимся тут отмелям и частью вплавь, но тут они в первый раз устрашились крокодилов и предпочли идти по крутизне. Противоположный берег хотя несколько украшен разбросанными хижинами Сатурма, но встающие по местам черные зубчатые скалы дают ему печальный вид. Приближение вечера здесь, в знойном поясе, имеет необыкновенную негу; люди и животные ожидают его нетерпеливо... Красота вечерней зари после знойного дня невыразима. Я любовался наступлением ночи близ Уади-эль-Гарбиа, у грозной горы Агабет-Телла. Как ни мрачны были скалы, окружавшие нас отовсюду, но вечерняя заря одела их лазоревым и фиолетовым цветом. На западе небо постепенно переходило из радужных цветов зашедшего солнца в чистейшую прозрачную лазурь. Сперва появилась одна полярная звезда, и за нею с быстро налетевшим мраком вдруг вспыхнула вся небесная иллюминация. Я ночевал у подошвы горы Агабет-Телла, долго любясь великолепием звездного неба. Невообразимая красота тропического неба всегда обольщала взор жителей этих стран и издавна увлека-

ла их не только в астрологию, но и в идольское поклонение самим светилам небесным.

Ветер задул на рассвете, но противный, и мы опять медленно потянулись гужом мимо аспидных скал, образованных уступами; но здесь берег становится отраднее. Очень высокие пальмы... над деревнею Зингари; западный берег хотя и покрыт песками, но во многих местах обрисован гуммиями, пальмами и сиалами, особенно около длинной цепи хижин селения Мальки. Тут Нил опять круто поворачивает на запад. Скалы восточного берега довольно живописны; возле небольшого ущелья, или уади, оживленного разными произрастаниями и пальмами и называемого Абрук, видны на обрывистой скале небольшие развалины, в которых обитал лет восемь тому назад разбойник, ужас этих мест, зовомый Иссель-Гарасис; это было в то время, когда египетский паша начал набирать рекрут в Нубии. Несколько отрядов были посланы против него, и только через пять лет он был захвачен изменою на порогах Уади-Гальфа. Скала сохранила его имя.

Около полудня атмосфера сделалась очень тускла. Ровно в полдень прибыли мы к Короско. Этим именем называются несколько разбросанных деревень под тенью пальмовых рощей. Сюда стекаются караваны из глубины Африки, и здесь производится значительная торговля страусовыми перьями. Впоследствии я имел случай купить одного молодого страуса. Иов живописно изображает эту огромную птицу степей Африки: «Вот размахивается крыло страусово! Аистово ли это перо и пух? Но он оставляет на земле яйца свои и на песке греет их. И забывает, что нога может раздавить иные или полевой зверь может растоптать их. Он жесток к детям своим, как бы не своим, и что труд его будет напрасен, нет у него опасения, потому, что бог не дал ему и не уделил ему смысла. А когда кверху махнет крыльями, насмеется коню и всаднику его». Ловля страусов изображена на одном из памятников древнего Египта.

Множество сакиев, или поливальных машин, обозначающих всегда большее или меньшее народонаселение, видны вдоль берегов Короско. По причине жаров сакии приводятся в действие преимущественно по ночам, и тяжелый скрип колес весьма неприятен для слуха путешественника, который остановится ночевать возле них.

На Ниле против Короско обозначается несколько подводных камней; я завидел на них двух огромных крокодилов; мы отправились воевать с ними, но, допустив нас очень близко, они прежде наших выстрелов скрылись. За Короско открывается в перспективе большое скопление высоких скал: от этих-то преград, нагроможденных между Короско и Дером, Нил принужден был отклониться, образовал продолжительный и очень изгибистый обход между Дером и Уади-Себуа; и поэтому Геродоту сказали, что за Элефантисом течение Нила походит на течение Меандра. Здесь, по причине изворотов Нила, нельзя воспользоваться одним попутным ветром, и потому плавание бывает очень медленно. Мы не могли дойти в этот день далее Ареги, где Нил поворачивает к Деру. В окрестностях Короско мы с удовольствием увидели небольшую полянку, засеянную горохом. Терпев очень давно недостаток в овощах, мы вышли на берег и очень долго не могли вразумить нубийцев, что мы не даром просим у них овощей, а за деньги, без чего они никак не хотели нам дать ни одного стручка. Язык нубийцев есть диалект барабрасов, совсем не похожий на арабский. Здесь не имеют обыкновение брить головы, как в Египте,—волосы здешних жителей совершенно похожи на овечью шерсть.

Февраля 9. На рассвете мы опять потянулись гужом и по усердному старанию наших арабов к 9 часам утра были уже против развалин храма Амады. От Ареги до Амады горы отступили от обоих берегов. Восточный берег населен, а западный покрыт песками; храм Амады почти весь засыпан ими. Это здание есть одно из древнейших в Нубии: оно воздвигнуто фараоном Мерисом. Наружность почти совсем разрушена временем и скрыта в песке, но оно очень любопытно по сохранившимся внутри храма изображениям. Арабский купол венчает эту нестройную грудку; здесь была некогда коптская христианская церковь, и в первые века христианства эти пустыни осенены были спасительным знаменем креста.

В 10 часов мы огибали мыс, за которым находится Дер. Лес высоких пальм, три дома в два этажа, из которых один из двуцветных кирпичей земляных и обожженных, уютная мечеть, несколько низких сантонских молелен с куполами и вокруг множество разбросанных по разным направлениям мазанок составляют главный

город Нубии. Он замечателен плодородием своих окрестностей и находящимся позади города храмом времен Сезостриса. За Дером мы обогнули другой мыс, составленный из довольно высоких скал; отсюда течение Нила уже довольно прямое. В селении Томас, на западном берегу, замечательно новое земляное построение нубийцев в подражание египетским пилонам. Над этим селением видны остатки укрепления римлян. Немного подалее, на отмелях, мы потревожили несколько крокодилов и прошли мимо очень хорошо возделанного острова, носящего название селения Томас. Восточный берег у селения Гета также хорошо возделан; везде посева дурры, табака, генне, бобов, индиго, хлопчатых деревьев и других произрастаний, которыми изобилуют эти берега; проходя возле самого берега, мы видели несколько семей нубийцев с заплетенными в виде лошадиной гривы волосами, сидящих отдельными кружками под тенью пальм. Тут я заметил несколько сантонских молелен особенного построения. На противоположном берегу рассеяны развалины, принадлежащие позднему времени и называющиеся Карагнок.

Приближаясь к Ибриму, я ожидал видеть что-либо похожее на город, потому что это было некогда главное место Нубии, но это, так же как и Дер, протяжение нескольких деревень на плодородном берегу, осененном лесом пальм. Летрон полагает существование древнего города Финикона около Дера; разве только чрезвычайное изобилие фиников может привести к такому заключению, но, конечно, не географическая местность, потому что из трех городов, носивших это имя, один был в Египте близ Коптоса, а два — в Аравии. К Ибриму принадлежит живописный остров с роскошными пальмами, думами и сиалами; он довольно хорошо обстроен. После ужасной дикости берегов, виденных мною в эти последние дни, веселые ландшафты Дера и Ибрима обольщали мой взор.

Через час плавания от Ибрима зеленый берег внезапно прерывается несколькими отвесными скалами грозного вида; на одной из них, крутейшей из всех, рисуются очень живописно развалины целого города. Тут я узнал настоящий Ибрим арабских географов, древний Премнис, самое конечное место, куда проникли римляне под предводительством Петрония². Заходящее солнце освещало эти мрачные развалины; я мог видеть в

зрительную трубу все подробности этой грустной картины. Совершенная безжизненность скалы вполне соответствует разрушению; улицы, полуразвалившиеся дома, монастыри, мечети и башни римского построения, которых большие камни ясно обозначаются, рисовались передо мною со всеми подробностями; но ни люди, ни животные не посещают эти крутизны, и ни одно растение не принимается на этих голых камнях. Романтическое имя царицы Кандаки, этой Семирамиды Нубийской, которой слава еще не умерла в народных рассказах, может воспламенить здесь воображение ваше. У самой подошвы скалы, омываемой Нилом, видно несколько спэосов времен отдаленнейших. Я долго любовался этим запустением, но едва последние лучи солнца погасли на зданиях Премниса — и вся картина, как будто по какому-то очарованию, исчезла; развалины слились в один цвет со скалою и составили с нею одно целое. Плавание ночью по предлежащему нам пути было опасно по причине подводных камней и отмелей, и потому мы остановились возле селения Уади-Шабах при тяжком скрипе береговых сакиев, или поливальных машин. Заметим, что подати в Нубии взимаются не с федданов земли, а с каждой сакии, с которой платят по 6 мер дурры и по стольку же баранов. Сакии более необходимы в Нубии, чем в Египте, потому что Нил при разливе не поднимается здесь так высоко. Посев, который бывает здесь 3 раза, начинается тотчас по отбытии воды, а жатва — в декабре и январе.

Рано оставили мы Уади-Шабах с самым попутным ветром. У селения Масмас берег очень хорошо обработан и весел. Со вчерашнего дня окрестности Нила совершенно оживились; горы и скалы далеко отступили. Огромные пальмы, думы, сиалы и гуммии оттеняют жилища, которые изрядно выстроены и часто украшены двухэтажными домами и голубятнями, похожими на пилоны; береговые поляны обработаны; много сакиев, видна деятельность и слышны песни нубийцев. Этот народ доволен весьма малым, хотя посевы плодоносной земли вдоль берегов едва достаточны для их содержания. Далее селения Тошке, расположенные по обоим берегам, хотя хорошо населены, но основаны на песке. Жители утучняют его, нанося речной ил в пригоршнях и через беспрестанное поливание. Здесь много отмелей, затрудняющих плавание, так, что ночью, никто, кроме при-

брежных жителей, не плавают по Нилу. За Армине опять берега становятся пустыни. Западный берег весь занесен песками.

По мере приближения к селению Тамид* открывается наконец на западе цель путешественников в Нубии — это знаменитые скалы Ипсамбула, которые неожиданно являются после низкого берега. Мы очень быстро подходили к ним, как вдруг на самом краю Нила выдвинулись из скалы четыре сидящие исполина, которые ежеминутно возрастали, меж тем как из недр передовой скалы выказывались огромные кариатиды, стерегущие темный вход в скалу, испещренную иероглифическими изображениями; я воскликнул от удивления — так поразительна, так неожиданна эта картина, похожая на волшебство! День уже склонялся к вечеру; большие пороги Нила находились не более как в пятидесяти верстах; ветер был самый сильный, попутный, желание скорее достичь до предела моего путешествия заставило меня решиться пролететь мимо этих чудес, тем более что я не удовлетворил бы своего любопытства ночью. Я не мог отвести глаз от этих гигантских представителей области Катадунов, которые вскоре, показав мне профиль великого Сезостриса, скрылись в свои ущелья... Везде этот исполинский образ Сезостриса — этот обремененный тысячами лет призрак не перестает преследовать вас!

Вот мы проходим вдоль восточного берега, мимо скалы Абагуды, в которой видно несколько погребальных пещер, или спэосов. Прилежащие к ней скалы живописны; они идут уступами в глубь перспективы. На вершине одной из них видны значительные развалины, подобные Галейт-Ибриму, а на ближних высотах — остатки укреплений и несколько гробниц Сантонов; и тут также скалы изрыты пещерами. Остров Балахния лежит напротив этого места. За ним восточный берег опять становится низменным, а западный продолжает представлять от самого Ипсамбула цепь диких гор; они очень живописны, иные образованы в виде пирамид, другие как трапеции; одна из последних, называемая Джебель-Адех, напомнила мне наш крымский Шатырдах.

На восточном берегу, у большого селения Айдан,

---

* Дабют на карте Прокша.

видны на холме развалины; очень большие тесаные камни обличают древнее построение, а пристройки, где входы образованы огивами, принадлежат арабам. Несколько прежде, на западном берегу, против южных отмелей острова Андана, видны также небольшие развалины. Селение Фарас далеко тянется по западному берегу, который очень красиво обрисован пальмами и строениями. За Фарасом следует остров того же имени*. Была ночь, когда мы приблизились к селению Арткаргиух. Проход по Нилу мимо большого местечка Дибер, соединенного с селением Ишед, не всегда безопасен по причине подводных камней; но желание скорее предпринять обратный путь из этой дичи заставило меня пренебречь предосторожностями. Имев хорошего лоцмана, мы продолжали путь, несмотря на темноту ночи; нам обошлось это довольно счастливо; только однажды мы тронулись мели, но скоро с нее сбежали.

Уади-Гальфа. Большие Пороги Нила. Обратный путь. Абагуда

Лучи восходящего солнца осветили на западном берегу песчаные безжизненные степи, а на восточном — ряды высоких пальм и несколько селений. Последнее из них называется Уади-Гальфа; вдали виден хребет скал, которые представляют преграду к плаванию по Нилу; там столь знаменитые большие пороги...

Я мало видел мест столь печальных. Какое-то уныние разлито повсюду. В Уади-Гальфа есть складочный магазин провиантских запасов, назначаемых для гарнизонов Мегмета-Али, рассеянных в Донголе и Сеннааре. Этот магазин состоит из большой квадратной мазанки. Здесь взимаются подати с караванов, следующих за пределы больших порогов и приходящих из Донголы. Египетские суда возвращаются отсюда обратно.

Меня посетил здешний каймакан; он предложил мне два способа видеть пороги: доехать до известного места на одной из здешних барок с лоскутными парусами или следовать пустынею на дромадерах; я выбрал последнюю. Надобно было, однако, переправиться на западный берег, и сам каймакан вызвался проводить меня. Во вре-

---

* У Прокеша — Каркиуг.

мя переправы я должен был сидеть в смрадной тесноте полунагих нубийцев с гнуснейшими лицами, но переправа была не долга.

В ожидании дромадеров мы уселись с каймаканом на горячем песке без защиты от палящего солнца, и нам поднесли трубки. Дромадеры явились не прежде, как через час, и легли перед нами. Каймакан долго не хотел мне верить, что я никогда еще не ездal на этих животных, доехав до конца Нубии; его очень позабавила неловкость моя и людей моих, когда мы усаживались на верблюдов. Езда на дромадерах показалась мне не столько беспокойною, как мне ее описывали. Для начинающего минута, когда дромадер поднимается на ноги, довольно критическая; надобно уметь хорошо придерживаться за обе оконечности седла и последовать быстрому движению животного при подъеме, иначе дромадер, встав вдруг на задние ноги и тотчас же потом на передние, может перекинуть седока или вперед через свою голову или назад, что и случилось, к большой забаве нубийцев, с одним из моих людей. Шаг этого животного покоен; малая рысь, если это не продолжительно, довольно сносна, но большую могут выносить только пустынные жители. За шагом дромадера может человек следовать, идя поспешно; большая рысь дромадера очень скоро по причине его огромных шагов. Мне дали трех проводников пеших и одного на дромадере. Все эти проводники были нагие, черные, как уголь, с зверскими лицами, с длинными волосами, взбитыми, как шерсть, и частью заплетенными, как грива; у каждого из них было по одному кинжалу, привязанному об руку ремнем и скрытому левым локтем.

Вскоре вокруг нас обнаружилась необозримая пустыня ярко-желтого песка, из которого выказывался каменный плитник; кой-где белелись кости животных, растерзанных гиенами или львами; солнце жгло нас отвесными лучами. Шум порогов становился уже слышен. Поднявшись на первые хребты гор, я увидел вдали черные груды камней, из-за которых сверкал Нил; чем далее мы подвигались, тем мрачнее становилась картина. Не доезжая порогов, видны три острова. Первый, ближайший к Уади-Гальфа, называется Сиварти; он закрывает от путешественника своими пальмами места ужаса. За ним следует, уже окруженный скалами, остров Меинарти, где видны развалины какого-то древ-

него здания, окруженного бледными и тощими сиалами; на этом острове живет издавна одно нубийское семейство, которое, довольствуясь обрабатыванием уголка наносной земли, совершенно отчуждено от мира; доступ туда возможен только в продолжение нескольких дней года, при мелководии, и то с большою опасностью. Говорят, что эти бедные люди принимают с восторгом и с трогательным гостеприимством тех, которые решаются при возможности посетить их. Это доказывает, что отчуждение от мира развивает в самом грубом человеке высокие чувства, врожденные в существах бессмертных, когда они удалены от испорченных пороками людей. Эта забытая людьми колония напомнила мне стихи Илиады:

Зевс громовержец вчера к отдаленным водам океана,
С сонмом бессмертных, на пир к эфиопам отшел
непорочным.

На одной ближайшей от этого острова скале сохранились развалины христианской церкви; можно полагать, что эта благословенная семья принадлежала некогда христовой пастве; любопытно было бы узнать, не остались ли в них искры погасшего света. Последний остров, Генизаб, уже походит на подводный камень, и за ним открываются миллионы черных безобразных камней, по которым скачут с шумом дробящиеся волны Нила. Но чтобы вполне видеть это грозное место, надобно взойти на самую вершину огромной скалы Эбшир, которая сходит отвесно в Нил; черные камни и пенящиеся волны в страшном смещении, кажется, кипят вместе, а вокруг вас такое запустение, которое пугает; прибавьте к этому зверский вид наших провожатых, и вы вспомните о свирепых катадунах, обитавших здесь, по мнению древних писателей. Цицерон говорит, что катадуны лишены слуха от ужасного шума, производимого Нилом через его падение с высоких гор. В прошедшем столетии французский путешественник Павел Люка представил не менее баснословный рассказ о порогах Нила у Ассуана. Древние говорили об этом таинственном крае по одним преданиям. И теперь арабы рассказывают чудеса о порогах Нила. Вожатый Бурхарта сказал ему, что тут воды Нила падают как бы с неба!..

Арабы называют эти большие пороги Дженадель. Местах в трех или четырех быстрота Нила ужасна, и

от сопротивления камней поднимается водяная пыль. Течение Нила с юга заслонено отчасти шпицами уродливых скал; промежду их видно принадлежащее уже Донголе какое-то строение, которое называется Гамке, и еще другие развалины, где был некогда греческий монастырь. Бурхарт видел там остатки церкви.

Это место производит глубокое впечатление на зрителя. Таинственность Нила и его торжество над мощными преградами природы воспаляют воображение...

<...> Нынешние нубийцы, составленные из двух колен бедуинов Джовабере и эль-Гарбие, происходят от бедуинов арабских, которые проникли сюда за полчищами Магомета. Потомки прежних коренных нубийцев, которые, как мы сказали, были обращены в христианство, видны еще около Серры и Тафе, на север от Уади-Гальфа. Колено эль-Гарбие, будучи теснимо коленом джоваберов, отправило депутатов в Константинополь к султану Селиму; он прислал на помощь к ним значительный отряд босняков, которые, соединясь с бедуинами эль-Гарбие, восторжествовали над их соперниками. С той поры босняки остались в Нубии; они возобновили укрепления в Ассуане, в Ибриме и в Саие. Потомки этих босняков, забывши уже язык и обычаи своих предков, доселе встречаются в этих местах и в Дера; они отличаются от нубийцев смугловатостью своей кожи, меж тем как цвет кожи нубийцев совершенно черный.

Туземцы разделяют Нубию — в общем смысле — на две части: первую, которая простирается от острова Филе до Уади-Себуа, называют они Уади-Кенус; а вторую, которая занимает все пространство, заключенное между Уади-Себуа и северною границею Донголы, называют Уади-Нуба. Ныне Нубия разделена на четыре округа: Келабше, Дер, Ибрим и Уади-Гальфа. Каждый из этих округов подчинен каймакану; но все они находятся в зависимости от каймакана Дера. Округ Келабше простирается от острова Филе до Гарб-Мерое. Гранитные, базальтовые и аспидные горы, стесняющие Нил, оставляют, как мы видели, самую узкую полосу земли для обрабатывания. Округ Ибрима оканчивается знаменитым храмом Ипсамбула. Гора Ипсамбула и большие пороги составляют границы округа Уади-Гальфа. Мегмет-Али собирает с Нубии от 250 до 300 тысяч рублей дохода и, сверх того, с каждого каймакана или кашефа по 3¹/₂ тысячи рублей. Каймаканы с своей стороны име-

ют довольно значительный доход. Преступления входят также в отрасль их доходов; таким образом, убийца, чтобы откупиться, должен поставить 6 верблюдов и 7 баранов. Кражи также обложены штрафами по мере своей значительности.

Возвратясь в Уади-Гальфа, к моей дагабни, я нашел ее уже совершенно готовую для возвратного плавания, то есть без мачт и без парусов, но с прилаженными веслами. При обратном плавании по Нилу барка пускается по течению реки, вспомоществуемая, смотря по надобности, веслами; когда же мало гребцов, то барка плывет просто по течению реки, вертясь вперед то кормой, то носом, то боком, так что путешественник, видя солнце попеременно с разных сторон, с трудом может сообразить место, на котором он находится. Однако мои арабы гребли довольно прилежно и даже с громкими песнями, примешивая в них похвалы собственно мне, например, по смешному переводу моего драгомана: «Да сопутствует тебе пророк и его двоюродный брат (Али)! Куда ты нас завез? В Уади-Гальфу, где мы никогда не думали быть!», припевая беспрестанно «рауах-ямелих! рауах-джиннар (т. е. генерал) рауах! — бис-саламе!» и пр.

Простояв ночью только два часа, к восхождению солнца мы были уже перед живописными скалами Абагуды. Пройдя скалы, увенчанные разрушенным городом, мы пристали к той, которая почти отвесно сходит в Нил и в которой чернеет гробовая пещера; это спэос времен фараонов. Но как я был поражен при первом вступлении туда, увидев перед собою храм Христа спасителя! Не могу выразить моего восторженного ощущения, когда мой первый взгляд остановился на изображении благословляющего Искупителя. Это изображение находится на потолке. Христос представлен стоящим, в ризе червленой. Лицо написано по облику перукотворного образа; тройное сияние главы разделено на семь лучей; десница благословляет; шуйца, приложенная к груди, держит Евангелие. Обратясь к входу, вы видите на том же потолке изображение одного святого угодника, также во весь рост, но весьма поврежденное в лице и в стопах. Глава украшена тройным сиянием; висок белый, а риза червленая; в правой руке венец, а в левой — крестный посох; правая нога наступает на пламень. Я полагаю, что это Иоанн Креститель. На потолке, ко-

торый над дверью, находится в кругу поясный образ Спасителя. По обеим сторонам двери стоят, уже почти изглаженные, облики ангелов, в белых ризах, с крыльями; они держат в правой руке вместе с сосудом крестный посох, а в левой — венок или шар, но трудно уже распознать.

Недалеко от Ибрима мы останавливались в селении Аниба, по причине сильного противного ветра; я вышел к хижинам нубийцев; у порога сидели женщины; их черные волосы были тщательно заплетены, перебраны с железными кольцами и смазаны густым маслом, подходящим на деготь; солнце топило этот состав; я не мог постигнуть, как они могут это выносить; но после узнал, что это масло есть предохранительное средство от жара. Увидев, что я замечаю их прическу, некоторые закрылись покрывалами, а другие убежали. Хижины нубийцев обыкновенно состоят из двух комнат: одна для мужа, другая для жены. К вечеру я прибыл в Дерр.

Дерр. Амада. Уади-Себуа. Дакке

Мы уже сказали, что Дерр, нынешний главный город Нубии, состоит из нескольких селений, среди которых возвышается дом губернатора при двух других домах и одной мечети. По причине больших отмелей мы должны были остановиться довольно далеко от города. Мы направились через густой лес пальм и потом мимо хижин, смазанных опрятнее, чем обыкновенно, и образующих в иных местах улицы. Через полчаса мы вышли на площадку, на которой находится дом губернатора. Этот дом походит на четверостороннее укрепление; он поддерживается каменными контрфорсами; стена, обращенная на площадь, несколько выпукла посередине и потому закругляется книзу; она сложена из сжженных и несжженных кирпичей и представляет шахматную пестроту. Главным украшением площади служит гигантский сикомор, который объемлет своими развесистыми ветвями, конечно, шагов сто кругов; он состоит из нескольких деревьев, переплетенных вместе, и напоминает знаменитое каштановое дерево на горе Этне. Этот сикомор, одно из живописнейших деревьев, какие я видел, более занял меня, чем дворец губернатора. Среди жителей Дерра, где считают 200 домов или хижин, заметны два

народонаселения, одно состоит из турецких выходцев из Боснии, другое из коренных нубийцев; первые смуглы, а последние черны. Босняки не забыли еще турецкого языка. Нубийцы Дерра хотя имеют здесь оседлость, но ведут беспрестанно жизнь кочевую по окрестным пустыням. Главная торговля производится здесь финиками, которые отправляются большими грузами в Египет, даже вывозят отсюда самые деревья финиковые, которые гораздо более уважаются, чем египетские. Нубийцы прививают цвет мужских фиников к цвету женских; одного мужского дерева достаточно для оплодотворения нескольких десятков фиников женского рода. Циновки и корзины, которые плетут в Дерре, также весьма уважаемы во всем Востоке. Окрестные поля покрыты дуррою, табаком, хлопчатником, рициною, геле и бобами. Стада овец и верблюды составляют немалое богатство здешних жителей. <...>

Коренные жители берегов Уади-Себуа суть выходцы бедуинов из Геджаса и принадлежат племени алейкат, которое обитает теперь в горах Синая. Синайские бедуины называют этих нубийцев, по преданиям, своими братьями... Бедуины Уади-Себуа говорят большей частью по-арабски, их шейхи посылают ежегодно в Верхний Египет и даже до Каира значительные караваны с невольниками, с гумием, с слоновою костью и со страусовыми перьями, которые они приобретают за малую цену от берберов...

К ночи я плыл около селений Сианы при песнях моих арабов в похвалу бань Александрийских, где описывалась их нега...

Глава XVII. Гирш-Гуссейн. Гарб-Мерое. Калабше. Бейт-уль-Уали. Картас. Даббут

За три часа до захождения солнца мы пристали с трудом к высокому берегу Гирш-Гуссейна. В скалах, господствующих над ним, иссечен огромный храм...

Когда я предпринял обратный путь, какой очаровательный вид открылся мне на Нил из этого мрака, сквозь ряды стоящих гигантов! С этой высоты Нил блистал яркою изгибистою полосой, обрисованный с обоих берегов лентою зеленеющих засевов и букетами

великолепных пальм. Сидя у разрушенного портика, перед живописными колоннами и кариатидами, я взялся за карандаш. Меня окружили жители Гирш-Гуссейна и предлагали купить у них кинжалы и копья; я удовлетворил их желанию; эти оружия подобны тем, которые я приобрел у жителей Дакке. Один старик из Сеннаара не переставал мне надоедать пляскою и кривлянием для получения бакшиша...

На рассвете мы прибыли к храму Калабше, которого огромные массы высятся из-за роскошных пальм и думов. При самом вступлении на берег вы уже поражены необыкновенным величием этого здания... Великолепная платформа создана для торжественных процессий; теперь перебегают по ней нагие нубийцы и жены их с продетыми в ноздрях кольцами. Хижины прислонены к платформе и к стенам храма.

Возле Бейт-уль-Уали видны обширные каменоломни, из которых возник огромный храм Калабше.

Через два часа плавания был я уже у черных скал, образующих так называемый пролив Бабуль-Калабше, и вскоре потом, возле храма Тафиса, живописного преддверия этого грозного места. Здесь сохранились два храма. Ближайший представляет, по причине обрушенной стены, свое святилище обнаруженным; оно украшено двумя прекрасными колоннами, которые обличают римское зодчество. Другой храм, совершенно сохранившийся, окружен и застроен примыкающими к нему хижинами. Он построен в виде квадратного пилона и поддерживается внутри четырьмя колоннами. В нем обитает нубийское семейство и коптит его своим очагом... Здешние жители сохранили предание, что их предки были некогда христианами; они поэтому называют себя улад-эль-нусара, т. е. поколение назаритян. С покорением Египта и Нубии мусульманами они приняли их веру. Тут был некогда довольно значительный греческий монастырь, называемый Ансун.

Примечания

¹ В древнем Египте шадуфы никогда не были полностью вытеснены системой каналов и шлюзов, особенно в южной части страны, так называемом Верхнем Египте, или Фиваиде.

² На самом деле римляне в 23/22 г. до н. э. под предводительством Г. Петрония проникли значительно южнее Премниса, до города Напаты (Абу-Симбел), тогдашней столицы Нубии, и взяли приступом этот город.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абд аль-Джаббар, арабский наместник Хорасана (VIII в.) 5
Аббас, дядя пророка Мухаммеда (VII в.) 36
Аббас (Аббас-паша), внук Мухаммеда-Али, правитель Египта (1849—1854) 178, 227
Аббасиды, династия багдадских халифов (749—1258) 5, 36, 183
Адриан, римский император (117—138) 191
Абдуль-Алраквик, «арапский писатель», м. б., Абд ар-Раззак ас-Самарканди (1413—1482), среднеазиатский хронист 111, 135
Абдуррахман, турецкий паша Каира (середина XVIII в.) 88
Абу Абдаллах Мухаммед ибн Филидж, асуанский купец (XI в.) 31, 34
Абу Абдаллах ибн Райн ибн Мухаммед ибн Ахмед ан-Найсабури аль-Хурасани, хорасанский купец в Могодишо (ум. в 1217 г.) 6
Абу-ль-Ала (Абу-ль-Ала ал-Маарри) (979—1057), арабский поэт 181
Абу-аль-Гази-хан (Абулгази-хан), хивинский историк (XVII в.) 181
Абу Али аль-Хафиз аль-Марвази, хорасанский купец (X в.) 5, 6
Абу Махмуд Абдаллах ибн Саид ас-Самарканди, мусульманский ученый (XVII в.) 7
Абюльфеда (Абу-ль-Фида) (1273—1331), арабский историк и географ 124, 137
Абу Темим Маадд — см. аль-Мустансыр
Август Октавиан, римский император (27 до н. э. — 14 н. э.) 127
Авраам Сирийский, раннехристианский святой 273
Аглабиды, арабская династия в Алжире, Тунисе и Сицилии (800—909) 183
Агрефений, смоленский архимандрит, паломник (ок. 1370 г.) 37
Адриан, римский император (117—138) 191
Азнаурашвили С., грузинский резидент в Стамбуле (конец XVIII в.) 90
Айюбиды, династия курдского происхождения в Египте, Сирии и Верхней Месопотамии (1169—конец XV в.) 85
Аксаков И. С. (1823—1886), русский публицист, славянофил 211
Александр Македонский (356—323 до н. э.) 48
Александр I, русский император (1801—1825) 140, 144
Алексей Михайлович, русский царь (1645—1676) 49, 214
Али, кормчий судна А. С. Норова 286, 287
Али бен Гасан, бей Туниса в 1776 г. 106
Али ибн Абу Талиб, двоюродный брат и зять пророка Мухаммеда, четвертый халиф (656—661) 35, 36, 137
Али-бей, мамлюкский правитель Египта (1757—1772) 88, 89
Али Рейс, тунисский адмирал (70-е годы XVIII в.) 107, 138

- Аммон, раннехристианский святой 245 -
 Амр — см. Амр ибн аль-Ас
 Амр ибн аль-Ас, арабский полководец, завоеватель Египта (VII в.) 23, 261
 Амфилогий, архимандрит в Царьграде (Стамбуле) (XVII в.) 49, 51
 Амфилохий — см. Амфилогий
 Анакреонт (ок. 570—478 до н. э.), древнегреческий поэт-лирик 231
 Анорий — см. Гонорий
 Анна Иоанновна, русская императрица (1730—1740) 214
 Антоний, христианский святой, 270, 272
 Антонин, автор итинерария (III в.) 193, 198
 Аполлон, раннехристианский святой 245
 Ариосто Л. (1474—1533), итальянский поэт Возрождения 285
 Антун Арыда, ливанский ученый (XIX в.) 185
 Аркадий, император Восточной Римской империи (с 395 г.) 43
 Асан Ага (Хасан Ага), правитель Египта (1536—1543) 120
 Ахемениды, династия древнеперсидских царей (558—330 до н. э.) 5
 Ахмед Ибн Тулун, правитель Египта (868—884) 6, 22, 213, 264, 265
 Аэдо Д. де, испанский монах, автор книги об Алжире (1612) 111, 136
- Бабур — см. Бабур Захир ад-Дин
 Бабур Захир ад-Дин, основатель тимуридской династии Моголов в Индии (1504—1526) 180
 Баратынский (Боратынский) Е. А. (1800—1844) 212, 231
 Барбаросса — см. Барбаросса Хайр ад-Дин
 Барбаросса Хайр ад-дин (ум. в 1546 г.), корсар, правитель Алжира 115, 118, 134
 Барроу Дж. (1764—1848), английский географ 146, 167—169, 174
 Барский В. Г., украинский путешественник (XVIII в.) 41, 59—62, 65
 Барти, британский вице-адмирал (начало XIX в.) 140
 Бафи, итальянский химик и предприниматель (XIX в.) 246
 Баязид II, османский султан (1481—1512) 224
 Беале-Марйам, император Эфиопии (последняя четверть XVIII в.) 92, 98
 Беале-Сыгаб — см. Иясу III
 Бекир-бей, сановник Мухаммеда-Али 240
 аль-Бекри Абу Убейд, арабский географ (XI в.) 136
 Бенкендорф А. Х. (1783—1844), шеф жандармов и начальник III отделения императорской канцелярии
 Берггрен Я., шведский востоковед (XIX в.) 180, 181
 Бертельс Е. Э., советский востоковед (1890—1957) 8, 35
 Бессон М. Ж., приближенный Мухаммеда-Али, 240
 Бестужев-Марлинский А. А. (1797—1837) 179, 185, 211
 Блаватская Е. П. (1831—1891), русская религиозная деятельница 178
 Богос-бей, первый министр Мухаммеда-Али (XIX в.) 233, 234, 251—253
 Болдырев А. В. (1780—1842), русский арабист и иранист 182
 Бонапарт — см. Наполеон Бонапарт
 Брюс Дж., шотландский путешественник (XVIII в.) 98
 Брюсов В. Я. (1873—1924), русский поэт 179
 Булгаков Я. И. (1743—1809), русский дипломат 89, 91
 Бурхарт И. Л. (1784—1817), швейцарский путешественник (XVIII в.) 302, 303

- Вакх, христианский святой 43, 64
 Варвара, христианская святая 43, 64
 Варен (Варенн), французский офицер, начальник кавалерийской школы в Каире 267
 Варлаам, иеромонах Киевского Печерского монастыря, паломник (1712) 40
 Василий, русский купец и паломник (1465—1466) 37, 42
 Венюков М. П. (1832—1901), русский путешественник и географ 236
 Веселовский Н. И. (1848—1918), русский востоковед и археолог 181
 Веспасиан, римский император (69—79) 117
 Вишенский Ипполит, епископ Черниговский, паломник (1707—1709) 59, 60
 Волконская З. А. (1792—1862), хозяйка литературного салона 212
 Всеволожский Н. С. (1772—1857), русский литератор и путешественник 178
 Вяземский П. А. (1792—1878) 212, 216, 232
 Гавриил Назаретский, греческий православный иерарх (XVII в.) 39, 40
 Гагара Василий Яковлев, русский купец и паломник (1634—1637) 38, 39, 42, 44
 Гаедо — см. Аэдо
 Галавдевос, император Эфиопии (1533—1552) 88
 Галлан А. (1646—1715), французский востоковед 135
 Ганка В. (1791—1861), чешский ученый и общественный деятель 237
 Гаригол — см. Текле-Гийоргис
 Гассан Мелик (ал-Хасан ал-Малик ан-Насир, Насир ад-дин), мамлюкский султан Египта (1347—1351 и 1354—1361) 226, 227, 249, 255, 263
 Герасим, патриарх Александрийский (первая половина XVII в.) 39
 Геродот, греческий историк (V в. до н. э.) 135, 246, 268, 282
 Георгий, абхазский царь (XI в.) 85
 Гоголь Н. В. (1809—1852) 182
 Головнин В. М. (1776—1831), русский мореплаватель, вице-адмирал 4, 139—145, 175, 176
 Гом, английский купец в Каштадте, кредитор Головнина 166
 Гонорий, первый император Западной Римской империи (395—423) 43
 Гончаров И. А. (1812—1891) 179
 Гоф-Меер, голландец, житель Каштадта (XIX в.) 154
 Гор («Аббат Гор»), христианский святой 273
 Грибоедов А. С. (1795—1829) 211
 Григорий, патриарх Александрийский (XVIII в.) 71
 Гримм Ф.-М. (1723—1807), немецкий журналист и критик 96
 Гроддек Г., эллинист, профессор Виленского университета (XIX в.) 183
 Гуангул, вождь галла (XVIII в.) 98
 Гувион-Сен-Сир Л. (1764—1830), маршал Франции 267
 Гумилев Л. Н., советский востоковед 87
 Гумилев Н. С. (1886—1921), русский поэт 179
 Данвиль (д'Аньвиль), французский географ (XVIII в.) 273
 Даниил, игумен 237
 Даниил, раннехристианский святой 245

- Данте Алигьери (1256—1321) 231, 285
 Данинг Б. М. (1896—1973), советский востоковед 100
 Даппер О., голландский географ и врач, автор «Общего описания Африки» (1668) 104, 111, 136
 Дауд, шейх, попутчик А. Н. Муравьева 214
 Дашкова Е. Р. (1743—1810) русская политическая и общественная деятельница 230
 Деваль, вице-президент Сиротской каморы в Капштадте (XIX в.) 165, 166
 Дельвиг А. А. (1798—1831) 212, 231
 Деншин Игнатий (в миру — Иван), русский монах-паломник (1770—1772) 41, 42, 57
 Джонс Дж. П. (1747—1792), американский моряк, коммодор флота США, затем русский контр-адмирал 91, 96
 Диегодди — см. Аэдо
 Диодор Сицилийский, греческий историк (I в. до н. э.) 278, 293
 Диттель В. Ф. (1816—1848), русский иранист 178
 Дмитриев И. И. (1760—1837), русский писатель 211
 Досифей, греческий православный иерарх (последняя четверть XVII — начало XVIII в.) 41
 Доссон (д'Оссон М.), шведский востоковед (XVIII в.) 184
 Дюгамель А. О., русский дипломат, генеральный консул в Каире (XIX в.) 250, 251, 254, 258
 Евдокс Кизикский, греческий мореплаватель (II в. до н. э.) 248
 Евергет II — см. Птолемей Евергет II
 Евтихий, патриарх Александрийский — см. Саид ибн аль-Батрик
 Евфимий, русский монах, эллинист (XVII в.) 41
 Екатерина II, русская императрица (1762—1796) 96, 134
 Екатерина Египетская, христианская святая 62, 63
 Ефрем (Ефрем Сирий), один из отцов церкви (IV в.) 245
 Жиовани Леони — см. Лев Африканский
 Жуан Австрийский (1547—1578), испанский флотоводец 105, 134
 Жуковский В. А. (1783—1852) 215, 232
 Завалишин Д. И. (1804—1892), декабрист 143
 аз-Захир Сейф ад-дин Баркук, мамлюкский султан Египта (1382—1389 и 1390—1399) 86
 Ибрагим, алжирский турок (70-е годы XVIII в.) 120
 Ибрагим, сын Мегемета-Али — см. Ибрагим-паша
 Ибрагим-бей (Ибреим-бек), мамлюкский правитель Египта (XVIII в.) 59, 89, 90, 92, 95, 96
 Ибрагим-паша, сын и преемник Мухаммеда-Али (1848—1849) 213, 219, 234, 249
 Иван Грозный, русский царь (1547—1584) 38, 51
 Игнатъев Андрей, русский священник, паломник (1707) 40, 42, 56
 Иеремия, Еремий, русский полоняник в Египте (XVII в.) 39
 Ийоас I (Адйам Сагад III), император Эфиопии (вторая половина XVIII в.) 97
 Иксуль И., русский путешественник (XIX в.) 178
 Иоаким, патриарх Александрийский (вторая половина XVI в.) 38
 Иоаким, патриарх Антиохийский (вторая половина XVI в.) 38
 Иоанн, раннехристианский святой, 245

- Иоанн Алексеевич (Иван V) (1666—1696), брат и номинальный
соправитель Петра I 214
- Иоанникий, патриарх Александрийский (XVII в.) 51
- Иоанникий, архиепископ Синайский (XVIII в.) 67
- Иоасаф, архиепископ Синайский (XVII в.) 51, 52
- Иона Маленький, иеродиакон, русский паломник (1649—1654) 39
- Иосиф, патриарх Московский и всея Руси (1642—1652) 49
- Иосиф Прекрасный 52, 74, 75, 269
- Ираклий II, царь Картли (1744—1798) и Кахети (1762—1798)
89—91, 98
- Ирод, иудейский царь (I в. до н. э.) 44, 58, 76
- Исмаил-бей, мамлюкский правитель Египта (XVIII в.) 94
- Исмаил-бек — см. Исмаил-бей
- Иссель-Гарасис, нубийский разбойник (XIX в.) 295
- Иясу II, (ум. в 1755 г.) император Эфиопии 97
- Иясу III, император Эфиопии (последняя четверть XVIII в.) 92, 98
- Иоханнес II, император Эфиопии (вторая половина XVIII в.) 98
- Кавелин Л. [о. Леонид], русский религиозный деятель и археограф
58
- Каверин В. А., советский писатель 182
- Казембек А. К. (1802—1870), русский востоковед 181
- Казембеков — см. Казембек
- Каитбей — см. Каит-бей аль-Ашраф Сейф ад-дин
- Каит-бей аль-Ашраф Сейф ад-дин, мамлюкский султан Египта
(1468—1496) 224
- Калаун, ал-Малик ал-Мансур Сейф ад-дин, мамлюкский султан
Египта (1280—1290) 262
- Каледон, граф, первый британский гражданский губернатор Кап-
ской колонии (начало XIX в.) 159
- Каллуда Арсений, греческий православный иерарх (XVII в.) 41
- Кандака, нубийская легендарная царица 298
- Кансава (Кансух) аль-Гури аль-Ашраф, мамлюкский султан Егип-
та (1501—1517) 87
- Карамзин Н. М. (1766—1826) 178
- Карл V, германский император (1519—1555), король испанский под
именем Карла I (1516—1556) 131, 134
- Касум-бей — см. Касум-бек
- Касум-бек, мамлюк родом из Бахмута (конец XVIII в.) 59, 90, 92
- Качкачов М. П. — см. Качкачишвили
- Качкачишвили Манучар, грузинский путешественник в Египте
(XVIII в.) 89—92, 94, 95, 96, 98
- Кент Р., американский художник (XX в.) 232
- Керейс Иорги (Георгий), греческий купец (XVII в.) 49
- Кир, патриарх Александрийский (VII в.) 85
- Кириак, патриарх Александрийский (V в.) 84
- Кирилл Скифопольский, епископ Синайский, египетский писатель
(V в.) 84
- Клебер Ж.-Б., французский генерал (1753—1800) 250
- Клеопатра (Клеопатра VII), царица египетская (51—30 до н. э.)
81, 218, 238, 239
- Климент V, папа римский (XIV в.) 86
- Климент VII, папа римский (1523—1534) 234
- Клот А.-Б., французский врач, лейб-медик Мухаммеда-Али 233,
251, 262

- Клот-бей — см. Клот
Клапрот Г.-Ю. (1783—1835), немецкий востоковед 180
Ковалевский Е. П. (1811—1868), русский геолог, путешественник
и писатель 178
Коковцов М. Г. (1745—1793), русский моряк и путешественник
100—105, 134—137, 139, 144
Константин, архиепископ Синайский, патриарх Константинополь-
ский (XIX в.) 213
Коробейников Трифон, русский путешественник (89—90-е гг.
XVI в.) 38, 39
Косвен М. О. (1885—1967), советский востоковед и этнограф 100
Козма — см. Козьма
Козьма (Космас), патриарх Александрийский (первая половина
XVIII в.) 68, 69, 77
Кошелев А. И. (1807—1883), публицист, славянофил 211
Кошелевы, русская дворянская семья 230
Крачковский И. Ю. (1883—1951), советский арабист, академик 101,
181
Крейг, британский генерал, строитель укреплений Капштадта
(XIX в.) 152
Кюхельбекер В. К. (1797—1846) 231

Лашкарев С. Л., переводчик Коллегии иностранных дел (XVIII в.)
91
Лабид (ум. между 660 и 681 гг.), арабский поэт 181
Лев Африканский, автор «Описания Африки, третьей части света»
(1550) 104, 111, 136
Лелевель И. (1786—1861), польский ученый и общественный дея-
тель 183
Леницкий Ю., студент Киевской академии (XVIII в.) 61
Леопарди Дж. (1798—1837), итальянский поэт 231
Лермонтов М. Ю. (1814—1841) 182, 211, 215
Летрон М., французский востоковед (XIX в.) 180, 297
Линан, французский инженер 249
Лузиньяны, французский дворянский род, правители Кипра
(1195—1473) 86
Лукиянов Иоанн, русский священник, паломник (1701—1703) 40, 42,
54
Лутковский Ф., мичман, шурип В. М. Головнина 143
Людовик XII, король французский (1498—1515) 87
Люка П., французский путешественник (XVIII в.) 302
Лярей (Ларрей) Д. (1766—1842), французский врач 231

Магидович И. П., советский историк географии 176
Магомет — см. Мухаммед б. Абдаллах
Макарий, архиепископ Синайский (вторая половина XVI в.) 38
Макарий, иеромонах Северский, паломник (1704—1707) 60, 61, 62
[св.] Макарий см. Макарий Александрийский
Макарий Александрийский (301—391), христианский подвижник
222, 245
Макартней, лорд, британский губернатор Капской колонии с 1795
по 1802 г. 146
аль-Мансур, аббасидский халиф (754—775) 5
Марк Антоний, правитель восточных римских провинций (41—30 гг.
до н. э.) 218

- Мармаль — см. Мармоль Карвахаль
 Мармоль Карвахаль Л., дель, испанский писатель, автор «Описание Африки» (1573—1599) 111, 136
 Мармон О.-Ф., де (1774—1852), маршал Франции 267
 Масуд I, газневидский султан (1031—1041) 27
 аль-Масуди (Абу-ль-Хасан Али ибн аль-Хусейн) (ум. в 956 г.), арабский историк и географ 5
 Махмад (Мухаммад), эмир, приближенный Ибрагим-бея 92
 Махмуд-бей, военный министр Египта (XIX в.) 233
 Махмуд Газневи, правитель Афганистана и Северной Индии (997/998—1030) 27
 Мачарадзе В. Г., советский историк 89, 91, 92
 Мегмет-Али, Мегмет-Али — см. Мухаммед-Али
 Медем, русский дипломат (XIX в.) 251
 Мелания, раннехристианская святая 245
 Мелетий, иеромонах Саровский, паломник (1793—1794) 41, 42
 Мерабшвили П. П. (1876—1930), грузинский врач и путешественник 88
 Мерис, легендарный фараон древнего Египта 239, 248, 296
 Меркатор Г. (1512—1594), фламандский математик и картограф 41
 Микаэл (Микаэль Сахуль) (ум. в 1781 г.), эфиопский рас 94, 95, 97—99
 Микаэль — см. Микаэл
 Микел — см. Микаэл
 Микеланджело Буонаротти (1475—1564) 264
 Мимо Г., французский консул в Александрии (XIX в.) 240
 Мицкевич А. (1798—1855) 212
 Множинский-Каяков Серапион, украинский монах, паломник (1749) 60
 Мойсей Араб, раннехристианский святой (конец IV в.) 245
 Мордвинова Н. М., мать А. Н. Муравьева 210
 аль-Моэза (аль-Муызза), дочь фатимидского халифа Египта (X в.) 262
 Муавия ибн Абу-Суфьян, первый омейядский халиф (661—680) 23
 аль-Мукаддаси Шамс ад-дин Мухаммед, арабский географ (вторая половина X в.) 6
 Мунстер М., венецианский моряк (70-е годы XVIII в.) 105
 Мунгли Юсуф, среднеазиатский историк (XVIII в.) 181
 Муравьев А. Н. (1806—1874), русский писатель и путешественник 178, 210—216, 235
 Муравьев А. Н. (1792—1863), декабрист 210
 Муравьев М. Н. (1796—1866), русский генерал 210
 Муравьев Н. Н. (1768—1840), русский генерал 210
 Муравьевы-Апостолы С. И., М. И. и И. И., декабристы 210
 Мурад-бей (ум. в 1801 г.), мамлюкский правитель Египта 59, 89, 92, 96
 Мурад-бек — см. Мурад-бей
 аль-Мустансыр би-Лла Абу Темим аль-Маадд, фатимидский халиф (1036—1094), 35, 36
 Мухаммед ибн Абдаллах (570—632), создатель ислама 137, 288, 303
 Мухаммед-Али, правитель Египта (1805—1848) 177, 178, 213, 215, 217, 219, 220, 222, 225, 227, 228, 233, 234, 239, 240, 248—254, 260, 268, 281, 300, 303
 Мухаммед ас-Самарканди, мусульманский ученый (XVII в.) 7
 Мухаммед ибн Муса аль-Бухари, приближенный императора Эфиопии Фасилядаса 7

- Мухаммед ибн Муса аль-Хорезми, среднеазиатский математик и астроном (IX в.) 6
- Мухаррам-бей, приближенный Мухаммеда-Али 213
- аль-Муъизз ли-Дин-Алла, фатимидский халиф (953—975) 13, 14, 18, 36
- Наполеон Бонапарт (1769—1821) 96, 230, 231, 238, 267
- Нарежный В. Т. (1780—1825), русский и украинский писатель 182
- Насир — см. Носир Хисроу
- Насир-и Хусрау — см. Носир Хисроу
- Нерон, римский император (54—68) 191
- Никитенко А. В. (1804—1871), русский литератор 236
- Никитин Афанасий (ум. в 1472 г.), русский путешественник 37
- Николай I, русский император (1825—1855) 177, 181
- Никон, патриарх всея Руси (1651—1658) 40
- Новиков Н. И. (1744—1818), русский журналист и просветитель 103
- Норов А. С. (1795—1869), русский государственный деятель и путешественник 178, 215, 216, 230—237
- Носир Хисроу (Насир-и Хусрау) (1003—1061), среднеазиатский исмаилитский литератор и путешественник 5, 7—8, 34, 85
- Одоевский В. Ф. (1804—1869), русский литератор и музыкальный критик 211, 232
- Ознобишин Д. П. (1804—1877), русский литератор 211
- Омар ибн аль-Хаттаб, второй халиф (634—644) 84
- Омейяды, династия дамасских халифов (661—750) 5
- Павел, раннехристианский святой 245, 270
- Паисий, патриарх Иерусалимский (середина XVII в.) 39, 49
- Памбон, раннехристианский святой 245
- Перро д'Абланкур Н., французский литератор, переводчик «Общего описания Африки» О. Даппера (1676) 136
- Петр I (1672—1725) 214
- Петраки, испанский вице-консул в Каире (XIX в.) 251
- Петрарка Дж. (1304—1374) 231
- Петроний Гай, римский полководец (I в. до н. э.) 297, 307
- Пилоти Эммануэле, итальянский географ (первая половина XV в.) 86
- Пимен, раннехристианский святой 245
- Плиний Старший (23—79), римский ученый 239
- Погодин М. П. (1800—1875), русский историк и литератор 211
- Позняков Василий, русский путешественник (1558—1561) 38, 39, 42, 43
- Полевой Н. А. (1796—1846), русский литератор 211
- Помпей Великий, Гней (106—48 до н. э.), римский полководец и политический деятель 219
- Портелли Наср-Игнацио, слуга О. И. Сенковского 185
- Потемкин Г. А. (1739—1791), русский государственный деятель и дипломат 89, 91, 92, 96
- Псар (Псаро) А. К., капитан-лейтенант, впоследствии капитан генерал-майорского ранга, русский моряк и дипломат греческого происхождения (XVIII в.) 107
- Птолеми, эллинистическая династия в Египте (305—30 до н. э.) 191, 220, 280

- Птолемей X Александр (108—88 до н. э.)
 — VIII Евергет II (170—116 до н. э.)
 — V Епифан (204—180 до н. э.)
 — IX Сотер II (116—108, 88—80 до н. э.)
 — IV Филопатор (221—204 до н. э.)
 Птолемей Клавдий, греческий астроном и географ (II в. н. э.) 289
 Пушкин А. С. (1799—1837) 179, 182, 212, 215, 231, 232

 Радищев А. Н. (1749—1802) 178, 210
 Радзивилл-Сиротка, польский путешественник (1582—1584) 41
 Раич С. Е. (1792—1855), поэт, переводчик, журналист, преподаватель Московского университетского пансиона 211
 Рамзес Великий — см. Сезострис
 Рафалович А. А. (1816—1851), русский врач и путешественник 178
 Рибек Я., ван, основатель Капской колонии (1652) 158, 175
 Рикорд П. И. (1776—1855), лейтенант, впоследствии адмирал 141
 Риттер К. (1779—1859), немецкий географ 180
 Росетти, левантинский купец, вице-консул ряда держав в Египте (XIX в.) 213, 219, 223, 224
 Румянцев Н. П. (1754—1826), русский государственный деятель 184, 185
 Рылеев К. Ф. (1795—1826) 231

 Сааиды, династия правителей Марокко (1511—1659) 137
 Савва, христианский святой 47, 58, 62
 Савельев П. С. (1814—1859), русский востоковед 180
 Саид ибн аль-Батрик, патриарх Александрийский Евтихий (876—933 или 939) 84
 Саладин Юсуф, аль-Малик ан-Насир Салах ад-дин, айюбидский султан Египта (1169—1193) 254
 Севостьян, христианский святой 43
 Сафер — см. Сафер-паша
 Сафер-паша, турецкий наместник Египта (XVII в.) 44
 Сезострис, Рамсес II, фараон древнего Египта (1298—1232 до н. э.) 239, 278, 293, 297, 299
 Селиверст, иеромонах Северский, паломник (1704—1707) 60—62
 Селим, Селим II, османский султан (1566—1574) 303
 Семирамида, легендарная царица Ассирии 298
 Сенковская А. А., жена О. И. Сенковского 180
 Сенковский О. И. (1800—1858), русский литератор и арабист 4, 178—186, 210, 215, 232
 Сен-Симон К.-А. (1760—1825), французский социалист-утопист 233
 Сенявин Д. Н. (1763—1831), русский адмирал 139, 232
 Серапион, раннехристианский святой 245
 Сергей, христианский святой 43, 64
 Сильвестр, патриарх Антиохийский (XVIII в.) 61
 Сильвестр де Саси А.-И. (1758—1838), французский арабист 180, 181
 Силко, нубийский государь (VI в.) 185, 191
 Силько — см. Силко
 Славинецкий Епифаний, украинский эллинист (XVII в.) 41
 Снядецкий А. (1768—1838), польский натуралист 183
 Солиман-бей, военный министр Египта (XIX в.) 233
 Сорен, майор, житель Капштадта (XIX в.) 154, 155

- Сострат Книдский, строитель Александрийского маяка (III в. до н. э.) 239
- Софроний, патриарх Иерусалимский (VII в.) 84, 85
- Страбон, античный географ (I в. до н. э.) 198, 242, 247, 278, 284, 294
- Строганов Г. А. (1770—1857), российский посланник при Османской Порте в Константинополе 184
- Сулейман-ага Анафи (С. Кануташвили), мамлюк-грузин (XVIII в.) 92, 93, 96
- Сулейман-паша, правитель Ирака (XVIII в.) 90
- Суснийос, император Эфиопии (1607—1632) 98
- Суханов Арсений, русский дипломат, паломник (1649—1653) 38—42, 47, 49, 51
- Текле-Гийоргис, император Эфиопии (последняя четверть XVIII в.) 92, 95, 98
- Текле-Хайманот II, император Эфиопии (вторая половина XVIII в.) 98
- Тит, римский император (79—81) 117
- Тодорский Симон, украинский арабист и эфиопист (XVIII в.) 61
- Толстой Л. Н. (1828—1910) 230
- Томазо да Монте-Азола, католический архиепископ Иерусалимский (XIX в.) 213
- Томсон, британский консул в Алжире (XVIII в.) 123
- Тонус А., фон, русский консул в Александрии (XIX в.) 90, 91, 96
- Траян, римский император (98—117) 289
- Тулун — см. Ахмед ибн Тулун
- Тулуниды, среднеазиатская династия в Египте (868—905) 6
- Туманский Ф. О., русский издатель и переводчик (XVIII в.) 100, 102, 104
- Тургенев И. С. (1818—1883) 215
- Тутмос IV, фараон XVIII династии (1420—1412 гг. до н. э.) 285
- Тутмосис IV — см. Тутмос IV
- Тютчев Ф. И. (1803—1873) 211
- Узбек, мамлюкский эмир (начало XIV в.) 224
- Умдет-ад-доуле, внук фатимидского халифа (XI в.) 29
- Фасиядас, император Эфиопии (1632—1667) 7, 98
- Фатимиды, династия североафриканских халифов (909—1171) 7, 85, 262
- Фатима, дочь пророка Мухаммеда (VII в.) 137
- Федор Иоаннович, русский царь (1584—1598) 38
- Филарет, митрополит Московский (1826—1867) 212
- Филофей, архиепископ Кипрский (XVIII в.) 61
- Фонвизин Д. И. (1745—1792) 103
- Френ Х. Д. (1782—1851), русский арабист, академик 179, 180, 181
- аль-Хаким (Абу Али Мансур аль-Хаким биллах), фатимидский халиф (996—1021) 15, 22, 23, 36, 85, 264, 265
- Ханьжов П. И. (1743—1813), русский адмирал 139
- Хасан-бек Джадави, мамлюкский правитель Египта (XVIII в.) 94
- Хасан ибн Ахмед аль-Хаими аль-Кавкабани, йеменский дипломат и писатель (XVII в.) 7
- Хасан Малик, султан Египта (XIV в.) 255, 256, 263

- Хафис (Хафиз), Шамседдин Мохаммед (ок. 1320—1389), великий персидский поэт 6
- Хеопс (Хуфу), фараон (нач. III тысячелетия до н. э.) 189
- Хефрен (Хафра), фараон (нач. III тысячелетия до н. э.) 189
- Хусейн ибн Али ибн Абу Талиб (ум. в 681 г.), младший сын халифа Али, второй шиитский имам 13, 20, 29
- Цезарь Гай Юлий (101—44 гг. до н. э.) 127
- Цезарь Октавиан Август — см. Август Октавиан
- Цицерон Марк Туллий (106—43 гг. до н. э.), римский оратор и политический деятель 302
- Чаадаев П. Я. (1794—1856) 210, 232
- Чернышев И. Г., президент Адмиралтейств-коллегии при Екатерине II 102, 109
- Черулли Э., современный итальянский эфиопист 84
- Честерфилд Ф. Д. (1694—1773), английский писатель и политический деятель 173
- Шав (Шоу) Т., британский путешественник (XVIII в.) 111, 136
- Шамполион (Шампольон) Ж.-Ф. (1790—1832), французский египтолог 274, 278, 283, 291, 293
- Шевырев С. П. (1806—1864), русский литературный критик, славянофил 211
- Шереметев А. В., русский литератор (XIX в.) 211
- Шереметев Б. П. (1652—1719), русский генерал-фельдмаршал и дипломат 40
- Шинджикашвили А. — см. Ибрагим-бей
- Шраварденье, «арапский писатель», м. б. Абу-ль-Махасин ибн Тагриберди (ум. в 1470 г.), египетский хронист 111, 136
- Эзербруард — видимо, Ибн аль-Изари, североафриканский историк (XIV в.) 111, 136
- Эрбло Б., д (ум. в 1737 г.), французский ориенталист 135
- Эстер, жена раса Микаэла 97
- Юба II, царь нумидийский (25 до н. э. — 23 н. э.) 127, 137
- аль-Якуби (Ахмед ибн Абу Якуб ибн Джафар ибн Вадих) (ум. в 897 г.), арабский историк и географ 5

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
Часть I	
ПАЛОМНИКИ, КУПЦЫ, ДИПЛОМАТЫ	5
Носир Хисроу в Египте (XI в.)	5
Первые встречи русских с африканцами. Египет глазами русских путешественников XV— XVIII вв.	37
Украинские путешественники XVIII в. в Египте	59
Грузины в Египте и Эфиопии (V—XVIII вв.)	84
Часть II	
ПЛАВАНИЯ КОКОВЦОВА И ГОЛОВНИНА	100
М. Г. Коковцов об Алжире и Тунисе (1776— 1777 гг.)	100
Капская колония в книге В. М. Головнина (1808—1809 гг.)	139
Часть III	
РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ В ГОСУДАРСТВЕ МУХАММЕДА-АЛИ	177
Путешествие О. И. Сенковского в Египет и Нубию	179
А. Н. Муравьев в Египте	210
А. С. Норов в Египте и Нубии	230
Указатель имен	308

